

Вторая Отечественная Война

по разсказамъ ея героевъ

ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

ПО РАЗСКАЗАМЪ ЕЯ ГЕРОЕВЪ.

Изданіе
состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
покровительствомъ СКОБЕЛЕВСКАГО КОМИТЕТА.

ПЕТРОГРАДЪ, Мытнинская ул., № 27.

ПЕТРОГРАДЪ.
Б. Болотная, 10.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не ждала, не хотѣла Россія этой войны, но вынужденная воевать, встала, какъ одинъ человѣкъ.

Нашъ исконный врагъ, врагъ всего славянства, бронированный кулакъ, уже давно занесенный надъ всѣмъ культурнымъ міромъ, готовый уничтожить всѣ мирныя завоеванія цивилизованныхъ народовъ, всѣ цѣнности, святыни и реликвіи исторіи европейской культуры—Германія, давно уже отточившая свой мечъ и заносчиво бряцавшая оружіемъ, толкнула въ кровавую авантюру свою несчастную союзницу Австро-Венгрію и дикимъ хищнымъ звѣремъ бросилась вслѣдъ за нею на мирные народы.

Ни Божескіе ни человѣческіе законы не существуютъ болѣе для этого разъяреннаго народа. Ни чувство рыцарства по отношенію къ женщинѣ, ни чувство жалости къ дѣтямъ и старикамъ, ни чувство состраданія къ раненымъ, словомъ ничто, чѣмъ культурная Европа могла еще столѣтіе назадъ гордиться передъ дикими народами, не существуетъ теперь для нѣмецкихъ полчищъ, съ первыхъ-же шаговъ зарекомендовавшихъ себя страшнымъ, неслыханнымъ злодѣйствомъ: полнымъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ маленькой цвѣтущей страны, неприкосновенность которой была гарантирована международными договорами. Съ дикой ненавистью и полнымъ презрѣніемъ къ праву и справедливости они не только раззорили, снесли съ лица земли мирные города Бельгіи, но не остановились и передъ уничтоженіемъ міровыхъ цѣнностей, а звѣрства ихъ надъ беззащитнымъ населеніемъ этой страны привели въ ужасъ все человѣчество.

Съ тѣми-же чувствами, съ тѣми-же принципами и нравственными устоями ворвались они и въ предѣлы Франціи и Россіи. Но Россія и Франція—не Бельгія, и долго загоститься здѣсь имъ не дали. Первый періодъ Русско-Нѣмецкой войны уже почти законченъ! Задача изгнанія непріятеля изъ русской территоріи, помощью Господа, доблестью нашихъ славныхъ войскъ и искусной стратегіей нашего Верховнаго Главнокомандующаго, приходитъ къ концу.

И вотъ, теперь, пока еще свѣжи въ памяти очевидцевъ и участниковъ этого перваго періода войны всѣ событія, сопровождавшія это второе нашествіе гунновъ, мы считаемъ нужнымъ собрать ихъ воедино, привести въ стройную систему и, такимъ образомъ, дать будущему историку готовый, достаточно обработанный, фактическій матеріалъ, а современному обществу, исчерпывающую картину всей войны, которая, по праву, должна именоваться *„Второй Отечественной“*. Для своей работы мы пользовались лишь вполнѣ достовѣрными сообщеніями, провѣренными свѣдѣніями и разсказами очевидцевъ и героевъ, и, издавая свой трудъ отдѣльными выпусками, преслѣдуемъ этимъ, главнымъ образомъ, ту цѣль, чтобы возможно болѣе широкій кругъ публики могъ пріобрѣсти это правдивое, безпристрастно-спокойное описаніе, ознакомиться съ нимъ и сохранить его въ назиданіе своему потомству.

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ“, что правъ былъ нашъ великій Бѣлый Генералъ, когда сказалъ въ 1882 году славянской депутаціи: ...„Я дѣйствительно счастливъ, видя вокругъ себя юныхъ представителей сербскаго народа, который первый поднялъ на славянскомъ востокѣ знамя освобожденія славянъ. И если вы пожелаете узнать отъ меня, кто этотъ чужеземецъ, этотъ пролазъ, этотъ интриганъ, этотъ столь опасный врагъ Русскихъ и Славянъ, то я вамъ его назову. Это— *нѣмецъ*! Повторяю вамъ и прошу не забыть—нашъ врагъ нѣмѣцъ! Борьба между Славянами и Тевтонами неизбѣжна. Она даже близка. Это будетъ продолжительная, кровопролитная, страшная борьба, но что касается меня, то я убѣжденъ, что въ концѣ концовъ побѣдятъ славяне“.

Скобелевъ оказался пророкомъ!... Будемъ же свято хранить въ сердцахъ своихъ заповѣдь Бѣлаго Генерала и помнить, что „если намъ удастся когда-нибудь избавиться отъ нашего исконнаго врага, то не иначе, какъ съ мечомъ въ рукахъ“...

Часъ этой великой, освободительной войны насталъ.

Пророчество Скобелева сбылось!

Весь доходъ отъ этого изданія идетъ на устройство госпиталей, санаторій и вспомоществованіе раненымъ и потерявшимъ на войнѣ трудоспособность воинамъ и ихъ семьямъ.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія, оно будетъ продаваться по значительно повышенной цѣнѣ.

Скобелевскій Комитетъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ, И ПРОЧ., И ПРОЧ., И ПРОЧ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо непріемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыслъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«*НИКОЛАЙ*».

ВОЙНА 1914.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ, И ПРОЧ., И ПРОЧ., И ПРОЧ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Немного дней тому назадъ Манифестомъ Нашимъ оповѣстили Мы русскій народъ о войнѣ, объявленной Намъ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятеля умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы. Но съ удвоенною силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ, и съ несокрушимой твердостью встаетъ передъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни: вмѣстѣ съ Нами встали союзники Наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное Намъ оружіе, и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26 день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

«НИКОЛАЙ»

НАЧАЛО
ВОЙНЫ

КАКЪ ВОЗНИКЛА ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

Полубольной сербъ-фанатикъ, изъ самой-же австрійской Босніи, изстрадавшійся, по его словамъ, за невыносимое австрійское иго надъ боснійскими славянами, двумя выстрѣлами покончилъ съ наслѣднымъ австрійскимъ эрцгерцогомъ Францемъ-Фердинандомъ и его морганатической супругой Маріей Хотекъ.

По германской подсказкѣ, Австрія обвинила въ этомъ убійствѣ всю Сербію. Въ Босніи начались антисербскіе погромы. Видные сербы были арестованы и линчевались въ темницахъ.

Сербское королевство, тотчасъ-же послѣ злодѣянія, выразило глубокое сочувствіе Австріи по поводу тяжелой утраты и оффиціально заявило, что Сербія, какъ государство, совершенно неповинно въ крови престолонаслѣдника.

Желая обострить отношенія, Австрія не обратила вниманія на такое заявленіе Сербіи и, 10 іюля 1914 г. передала сербскому правительству ноту-ультиматумъ, въ которой ему предлагалось дать согласіе въ теченіе сорока восьми часовъ на то, чтобы Австрія лично вела судебное слѣдствіе въ Сербіи по дѣлу убійства престолонаслѣдника, съ правомъ захвата и ареста тѣхъ сербовъ, коихъ арестовать она сочтетъ необходимымъ, а также полнаго подчиненія въ этомъ дѣлѣ Австріи всѣхъ сербскихъ властей.

Можетъ ли допустить любое независимое государство, чтобы на его территоріи хозяйничали власти другого государства?

Конечно, нѣтъ! Согласіе на это равносильно полной потерѣ независимости государства. И Сербія, въ отвѣтной нотѣ отъ того же 10 іюля, соглашалась пойти на всѣ унизительныя условія, въ родѣ чуть-ли не всенароднаго покаянія сербовъ за убійство Франца-Фердинанда ихъ соотечественникомъ или обѣщанія не касаться сербскаго вопроса въ Босніи и Герцоговинѣ и проч. Одного лишь просили сербы—не отнимать у нихъ независимости и не присылать для слѣдствія въ ихъ страну австрійскихъ властей.

Въ отвѣтъ на такую просьбу Австрія отвергла сербскія предложенія, и въ 6½ час. вечера 12 іюля австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ покинулъ Сербію, а на слѣдующій день, въ Австріи былъ подписанъ указъ о мобилизаціи.

Россія, конечно, не могла оставаться равнодушной къ подобнаго рода вызывающимъ поступкамъ Австріи и, предвидя возможность европейской войны, напрягла всѣ усилія, чтобы мирно покончить съ австро-сербскимъ конфликтомъ. Въ этомъ смыслѣ были сдѣланы представленія всѣмъ европейскимъ дворамъ, причемъ, сообща съ Англіей, Россія соглашалась и убѣждала другія государства къ немедленному созыву мирной конференціи. Такое миролюбивое предложеніе нашего Государя было отвергнуто Германіей, о чемъ повѣренный въ дѣлахъ во Франціи и увѣдомилъ наше правительство телеграммой отъ 14 іюля. И въ то время, какъ Россія усиленно старалась предотвратить войну и мирнымъ путемъ отвлечь надвигающуюся грозу, Германія и Австрія умышленно стремились къ ней и, какъ теперь точно установлено, эти государства задолго еще до самого конфликта съ Сербіей начали вооружаться, а Австрія, по заявленію нашего посла въ Парижѣ г. Извольскаго отъ 14 іюля, даже умышленно задерживала самыя серьезныя телеграммы тѣхъ государствъ, которые вели переговоры о мирѣ. Въ то же время австрійцы подошли къ сербской границѣ и, не объявляя войны, начали перестрѣлку и нападенія на пограничные посты.

Въ такую страшную минуту для маленькой Сербіи, когда, казалось, она была обречена на растерзаніе, раздался любвеобильный голосъ Верховнаго Покровителя Славянъ—Россійскаго Императора. Въ телеграммѣ на имя Сербскаго наслѣднаго Королевича, который, по болѣзни отца своего, Короля Сербіи, управлялъ всей страной, Его Величество изволилъ сообщить Королевичу: „Пока есть малѣйшая надежда избѣжать кровопролитія—всѣ Наши усилія должны быть направлены къ

этой цѣли. Если-же, вопреки Нашимъ самымъ искреннимъ желаніямъ, Мы въ этомъ не успѣемъ, Ваше Высочество можете быть увѣрены, что ни въ какомъ случаѣ Россія не останется равнодушной къ участи Сербіи".

Германія и Австрія не пожелали считаться съ такими опредѣленными словами русской наболѣвшей души и, съ полнаго одобренія Германіи, какъ это теперь извѣстно, австрійцы 16 іюля, безъ особаго объявленія, начали войну съ Сербіей и подвергли обстрѣлу Сербскую столицу Бѣлградъ, несмотря на то, что осада мѣстностей съ мирнымъ населеніемъ, по международнымъ обычаямъ, должна заранѣе предупреждаться противникомъ. Мало того, несмотря на то, что надъ Бѣлградомъ развѣвались бѣлые (мирные) флаги и сербы не отвѣчали на австрійскія орудія, непріятель предалъ столицу безпощадному огню, убивая мирныхъ жителей, ихъ женъ и дѣтей.

Всеобщая открытая мобилизація Австріи и секретная въ Германіи, ясно показывали, что поднятое оружіе не ограничится маленькой Сербіей. Россія это прекрасно поняла, и именнымъ Высочайшимъ указомъ отъ 16 іюля 1914 г. въ Петроградѣ была объявлена частичная мобилизація. Жаждавшіе войны съ Россіей нѣмцы только этого и ждали. Желая воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ, германскій посолъ въ Петроградѣ гр. Пурталесъ 18 іюля обратился къ Россійскому правительству съ требованіемъ пріостановить военныя мѣры къ 12 часамъ 19 іюля, угрожая, что, въ противномъ случаѣ, Германія приступитъ ко всеобщей мобилизаціи. Россія съ достоинствомъ отвергла такое унизительное и притомъ фальшивое требованіе, ибо Бѣлградъ все еще подвергался обстрѣлу, а Германія начала свою мобилизацію много раньше Россіи.

На слѣдующій день, 19 іюля, германскій посолъ передалъ русскому министру иностранныхъ дѣлъ отъ имени своего правительства ноту съ объявленіемъ войны.

Первыя военныя дѣйствія.

Первые выстрѣлы раздались въ ночь съ 19-го на 20-е іюля на границахъ Сувалкской, Калишской и Ломжинской губерній, гдѣ наши войска впервые пришли въ соприкосновеніе съ непріятелемъ.

Въ этомъ-же районѣ произошли первыя стычки нашихъ развѣдочныхъ отрядовъ съ непріятельскими. Подъ Блашками, Калишской губ., отрядъ нашей кавалеріи встрѣтился съ нѣмецкимъ отрядомъ изъ тридцати конныхъ стрѣлковъ. Пруссаки появилися по шоссе со стороны Калиша. Наши открыли стрѣльбу и уложили на мѣстѣ 27 пруссаковъ; остальные трое успѣли спастись бѣгствомъ.

Сильно стали безпокоить нѣмцевъ наши пограничники подъ мѣстечкомъ Горжды и Новое-Мѣсто. Обозленные нѣмцы, организовавъ изъ ландштурма отрядъ довольно значительный по числу, при двухъ пушкахъ, сдѣлали два набѣга на эти селенія. Подойдя къ Горждамъ, они выпустили двѣнадцать снарядовъ по направленію къ башнямъ костела, повредили эти башни, хотя сбить ихъ имъ не удалось. Въ Новомъ-Мѣстѣ нѣмцы тоже обстрѣляли колокольни костела и стали бомбардировать центръ мѣстечка, гдѣ въ страшно скученныхъ домахъ живетъ еврейская бѣднота. Несмотря на наличность артиллеріи у нѣмцевъ, пограничная стража вступила съ нѣмцами въ бой и, потерявъ только двухъ убитыми, заставила нѣмецкій отрядъ отступить.

Неудачи нѣмецкихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ, обыкновенно заканчивавшихся ихъ истребленіемъ, побудили нѣмцевъ посылать на развѣдки пѣхотные отряды по 5—6 человѣкъ съ пулеметомъ. Насколько это измѣненіе помогло, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Около Нешавы нашъ казачій разъѣздъ заѣхалъ въ усадьбу отдохнуть и попоить лошадей. Находящійся съ разъѣздомъ офицеръ, желая использовать удобное для наблюденія мѣстоположеніе, забрался на вѣтряную мельницу и сталъ высматривать непріятельскіе разъѣзды. Вдругъ онъ увидѣлъ издали приближавшихся пять пѣхотинцевъ, имѣвшихъ съ собой пулеметъ и ящикъ съ патронами.

Подойдя къ усадьбѣ, нѣмцы поставили пулеметъ около одиноко стоящаго въ полѣ дуба и, видимо, извѣщенные о присутствіи нашего разъѣзда въ усадьбѣ, принялись ее обстрѣливать.

Не желая жертвовать людьми въ атакѣ, офицеръ рѣшилъ пойти на хитрость. Раздѣливъ отрядъ на двѣ части, онъ приказалъ одной выѣхать изъ усадьбы и увести всѣхъ лошадей, а другой размѣститься на чердакѣ и быть готовой къ бою. Уѣзжая изъ усадьбы, казаки погнали лошадей, дѣлая видъ, что удираютъ.

Нѣмцы, видя это, стали подходить ближе, таща за собой пулеметъ. Когда они находились шагахъ въ ста отъ усадьбы, бывшіе въ засадѣ казаки дали залпъ и уложили на мѣстѣ всѣхъ нѣмцевъ. Возвращаясь къ своему отряду, разъѣздъ привезъ съ собой непріятельскій пулеметъ и ящикъ съ патронами.

Въ развѣдочной службѣ съ самаго начала войны особенно отличались наши казаки. Первый георгіевскій крестъ въ этой войнѣ достался донскому казаку хутора Нижній Калмыкосъ Козьмѣ Крючкову, который одинъ убилъ 11 нѣмцевъ, получивъ шестнадцать ранъ пикой въ себя и 11—въ лошадь. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ о своемъ замѣчательномъ подвигѣ.

„Дѣло было такъ.

Часовъ въ десять утра направились мы отъ города Кальваріи къ им. Александрово, верстахъ въ десяти. Насъ было четверо—я и мои товарищи: Иванъ Щегольковъ, Василій Астаховъ и Михаилъ Иванковъ. Начали мы подыматься на горку и наткнулись на нѣмецкій отрядъ 9-го Егерскаго Уланскаго полка въ 27 человѣкъ, въ числѣ ихъ офицеръ и унтеръ-офицеръ.

Сперва нѣмцы испугались, но потомъ полѣзли на насъ. Имъ было удобнѣй, потому они на горкѣ, а намъ пришлось быть внизу. Однако, мы ихъ встрѣтили стойко и уложили нѣсколько человѣкъ. Увертываясь отъ нападенія, намъ пришлось разъединиться. Налѣво дрался Щегольковъ, направо, около болота, работали Астаховъ съ Иванковымъ. Меня окружили одиннадцать человѣкъ нѣмцевъ.

Не чая быть живымъ, я рѣшилъ дорого продать свою жизнь. Лошадь у меня подвижная, послушная. Хотѣлъ было пустить въ ходъ винтовку, но второпяхъ патронъ заскочилъ, а въ это время нѣмецъ рубанулъ меня по пальцамъ руки, и я бросилъ винтовку. Схватился за шашку и началъ работать. Получилъ нѣсколько мелкихъ ранъ. Чувствую, кровь течетъ, но сознаю, что раны неважныя. За каждую рану отвѣчаю смертельнымъ ударомъ, отъ котораго нѣмецъ ложится пластомъ

навѣки. Ихъ офицеръ наскочилъ—я отбилъ его нападеніе и погнался за нимъ. Онъ—убѣгать.

Я настигъ его, взмахнулъ шашкой и тяпнулъ по головѣ,—только каска погнулась. Я снова взмахнулъ шашкой, но нѣмецъ продолжая убѣгать, „сбочился", то-есть пригнулъ на бокъ голову. Мой ударъ пришелся какъ разъ по шеѣ, и голова была почти отрублена.

Уложивъ нѣсколько человѣкъ, я почувствовалъ, что съ шашкой трудно работать, а потому схватилъ ихъ-же пику и ею поодиночкѣ уложилъ остальныхъ.

Въ это время мои товарищи лихо справились съ другими. На землѣ лежали двадцать четыре трупа, да нѣсколько нераненныхъ лошадей носились въ испугѣ.

Товарищи мои получили легкія раны, я тоже получилъ шестнадцать ранъ, но все „пустыхъ", такъ— уколы въ спину, въ шею, въ руки. Лошадка моя тоже получила одиннадцать ранъ, однако, я на ней проѣхалъ потомъ назадъ верстъ шесть, безъ перевязки, но затѣмъ ослабѣлъ, и четыре версты до г. Кальваріи насъ подвезъ крестьянинъ.

Послѣ перевязки насъ отправили въ лазаретные пункты, но затѣмъ уже десятаго августа мы были направлены въ Москву, однако, просили оставить въ Витебскѣ потому—ѣхать въ Москву нечего, только лишнія хлопоты да затрудненія начальству, а мы совсѣмъ здоровы.

Перваго августа въ Бѣлую Олиту, гдѣ мы временно находились, прибылъ командующій арміей генералъ Ренненкампфъ, который снялъ съ себя георгіевскую ленточку, прикололъ мнѣ на грудь и поздравилъ меня съ именнымъ первымъ георгіевскимъ крестомъ.

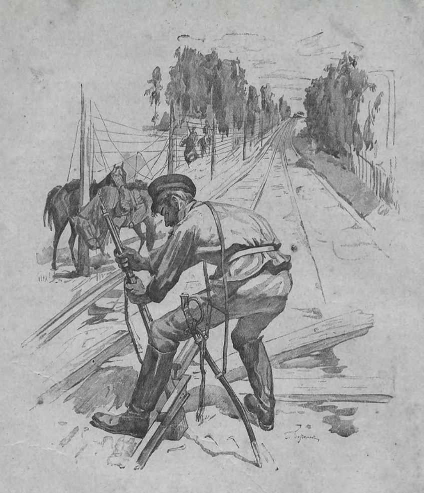
Лошадь моя жива и здорова, находится въ сотнѣ,—надо вотъ найти ее. Скоро опять поѣдемъ въ бой"!..

Вообще наше казачество въ эту войну творитъ прямо чудеса. Въ Купно, гдѣ стояли казаки, прошелъ слухъ, будто нѣмцы заняли Влоцлавскъ и хотятъ на бронированномъ поѣздѣ перебросить отрядъ дальше. Тогда одному изъ казачьихъ офицеровъ пришелъ въ голову совершенно исключительный планъ: взять паровозъ, пустить его полнымъ ходомъ впередъ и, приближаясь къ нѣмецкому поѣзду, самимъ, если удастся, соскочить, подготовивъ такимъ образомъ страшную катастрофу.

Сопровождать этого офицера въ его безумной по смѣлости попыткѣ вызвался еще одинъ офицеръ, а среди казаковъ, взятыхъ съ льготы, нашелся бывшій машинистъ, тоже вызвавшійся принять въ ней участіе.

Начальникъ станціи всячески уговаривалъ ихъ отказаться отъ этой затѣи, доказывая, что они идутъ на вѣрную смерть, но всѣ его уговоры были тщетны, и тогда онъ указалъ имъ, что подъ Влоцлавскомъ есть мѣсто, гдѣ можно, замедливъ нѣсколько ходъ, соскочить съ нѣкоторой надеждой на сохраненіе жизни. Но и тамъ за гибель—75 шансовъ, а остальные 25—за безусловное искалѣченіе.

— А какъ бы, вашбродь,—вдругъ перебилъ начальника станціи казакъ-машинистъ:—такъ соскочить, чтобы ноги только сломать? Потому, рукъ жалко, а нога—на что она; коли награду потомъ получу!..

Поѣхали. На указанномъ начальникомъ мѣстѣ задержать ходъ бѣшено мчавшагося паровоза не успѣли и пронеслись прямо въ Влоцлавскъ.

Спаслись смѣльчаки только потому, что нѣмцевъ въ Влоцлавскѣ еще не было...

У того же города Влоцлавска произошелъ слѣдующій случай.

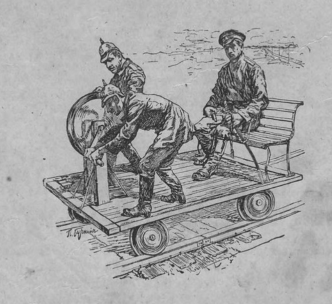
Тамъ стоялъ небольшой разъѣздъ нашихъ казаковъ, когда нѣмцы, огромнымъ отрядомъ, явились туда на бронированномъ поѣздѣ изъ Торна. Нѣмцы еще выгружались, какъ наши казаки

зашли имъ въ тылъ и стали тутъ же на глазахъ приготовляться къ порчѣ желѣзнодорожнаго полотна, дабы отрѣзать имъ обратный путь.

Нѣмцы выкатили пулеметы и только приготовились смести казаковъ ураганомъ свинца, какъ тѣ скрылись уже за ближайшимъ прикрытіемъ. Итти на нихъ въ лобъ нѣмцы не рѣшились и, немного подождавъ, вновь принялись за разгрузку. Казаки опять тутъ какъ тутъ, — и снова повторяется та же исторія, и такъ нѣсколько разъ, пока очумѣвшіе нѣмцы не побросали все выгруженное обратно въ вагоны и, давъ задній ходъ, забывъ зачѣмъ пріѣхали, не умчались, сломя голову обратно...

У Александрова-Пограничнаго одно время шла своего рода игра: сегодня казаки испортятъ путь, завтра нѣмцы поправятъ—и такъ нѣсколько дней подрядъ. Но вотъ, въ одно прекрасное утро вышли десять человѣкъ казаковъ на очередное вывинчиваніе гаекъ и слышатъ—а по рельсамъ голосъ какъ по водѣ разносится—за поворотомъ, шагахъ въ четырехстахъ, работаютъ нѣмцы. Поглядѣли—отрядъ человѣкъ въ пятьдесятъ.

Въ спѣшенномъ строю нападать вдесятеромъ наши не рѣшились и мирно продолжали дѣлать свое дѣло.

Страхъ у нѣмцевъ передъ казаками настолько великъ, что и они не рѣшились ни напасть, ни бѣжать, и тоже продолжали работать.

Въ увлеченіи ни тѣ, ни другіе и не замѣтили, какъ сблизились, и только когда наши казаки схватили двухъ ближайшихъ нѣмецкихъ солдатъ, остальные, не пытаясь даже освободить ихъ, бросились вразсыпную прочь.

Нашъ офицеръ подвелъ плѣнныхъ къ дрезинѣ и велѣлъ имъ сѣсть; затѣмъ самъ сѣлъ и приказалъ везти себя въ Влоцлавскъ.

Такъ они и „привезлись" въ плѣнъ. А встрѣчные никакъ не могли понять, кто кого везетъ: одинъ двоихъ или двое одного!..

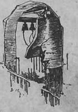
Нѣмцы въ нашихъ пограничныхъ городахъ.

Первые же набѣги нѣмецкихъ разъѣздовъ дали себя сильно почувствовать польскому населенію нашего западнаго края. Помѣщики называютъ ихъ прямо разбойничьими. Они грабили населеніе, отбирая всевозможные припасы, не только не платя за нихъ денегъ, но даже не выдавая на забранное квитанцій. Являясь въ деревни, пруссаки заставляли крестьянъ снимать имъ овесъ, копать картофель, разстрѣливая ихъ въ случаѣ неповиновенія. Особенно жестоко нѣмцы расправлялись съ польскими крестьянами, остававшимися вѣрными присягѣ и долгу, не дававшими, несмотря на угрозы разстрѣломъ и пытки, свѣдѣній о русскихъ войскахъ.

Но то, что они продѣлывали въ занятыхъ ими нашихъ пограничныхъ городахъ—превзошло всякія, самыя пессимистическія ожиданія.

20-го іюля нѣмцы заняли, безъ какого-либо сопротивленія, наши города Бендинъ, Калишъ, Ченстоховъ.

Изъ разспросовъ покинувшихъ г. Калишъ жителей, установлена слѣдующая картина занятія нѣмцами этого города и пребыванія ихъ въ немъ.

Калишъ

Извѣстіе объ объявленіи Германіей войны Россіи получилось въ Калишѣ въ субботу, 19 іюля, вечеромъ. Населеніе города отнеслось къ этому извѣстію вполнѣ спокойно, хотя оно прекрасно понимало, что находящійся всего въ семи верстахъ отъ прусской границы Калишъ не можетъ избѣжать печальной участи видѣть въ своихъ

стѣнахъ пруссаковъ. Но никто изъ его жителей, даже часто ѣздившихъ за границу, не подозрѣвалъ о тѣхъ инстинктахъ первобытной дикости и жестокости, какіе скрывали въ себѣ ихъ зарубежные сосѣди.

Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, въ городѣ началась необычайная суматоха. Обыватели высыпали на улицы и стояли, насторожившись, передъ домами.

Внезапно по улицамъ города загромыхала пролетка президента Калиша, Буковинскаго. Президентъ везъ съ собой ключи отъ магистрата и бѣлый флагъ. Пролетка президента направилась къ прусской границѣ, которую, по имѣвшимся уже достовѣрнымъ извѣстіямъ, перешелъ передовой отрядъ германской арміи.

Спустя нѣсколько часовъ пруссаки вошли въ городъ въ количествѣ двухъ полковъ пѣхоты, одного полка кавалеріи и двухъ батарей. Прусскіе солдаты окликали всѣхъ прохожихъ и затѣмъ устанавливали ихъ личность. Особенно ихъ вниманіе привлекли бляхи дворниковъ; но узнавъ, что дворники стоятъ на дежурствѣ у домовъ, они оставили ихъ на мѣстахъ.

Мѣстнымъ жителямъ, нѣмцами было предложено освободить всѣ комнаты для постоя, за исключеніемъ одной для хозяевъ, причемъ хозяевамъ было приказано кормить постояльцевъ, а затѣмъ всѣмъ поставлять ежедневно къ магистрату 1.800 фунтовъ ветчины. Когда одинъ изъ мясниковъ, доставивъ все имѣвшееся у него количество ветчины, заявилъ, что больше ея не имѣетъ, въ виду отсутствія подвоза — то тутъ-же былъ разстрѣлянъ.

Въ понедѣльникъ утромъ нѣмцы дѣлали визиты мѣстнымъ обывателямъ, которымъ чистосердечно признавались, что они не ѣли ничего въ продолженіе сорока восьми часовъ. Многіе солдаты выражали сожалѣніе въ томъ, что ихъ оторвали отъ мирнаго труда и погнали на войну, ради какихъ-то непонятныхъ имъ цѣлей.

Начальникъ передового отряда германской арміи, вступившаго въ Калишъ, майоръ 155 пѣхотнаго полка (подполковникъ) Прейскеръ, игравшій въ калишской вакханаліи первую роль, представлялъ собой типичную фигуру прусскаго офицера съ неизмѣннымъ моноклемъ въ глазу. Это—сухая, холодная, жестокая натура, которой недоступны никакія человѣческія чувства, для которой не существуетъ ни Божескихъ, ни человѣческихъ законовъ.

Въ первый день своего пребыванія въ Калишѣ майоръ Прейскеръ лѣзъ изъ кожи, чтобы произвести на жителей города выгодное впечатлѣніе, но недобрые огоньки то-и-дѣло загорались въ его холодныхъ, сѣрыхъ, точно стальныхъ глазахъ.

До 9 часовъ вечера понедѣльника въ городѣ царило относительное спокойствіе. Но внезапно раздалась зловѣщая

ружейная трескотня: нѣмцы озвѣрѣли по самому пустячному поводу.

Въ нижнемъ этажѣ одного изъ домовъ у Влоцлавской заставы помѣщалась хлѣбопекарня, гдѣ въ роковой день происходили обычныя работы.

У заставы бродилъ сумасшедшій мальчишка, занимавшійся нищенствомъ, которому вдругъ почему-то пришла фантазія бросить камень въ окно пекарни.

Рабочіе выскочили на улицу и погнались за сумасшедшимъ, желая проучить его. Тутъ раздался звукъ, похожій на выстрѣлъ; что это было—не знаетъ никто: можетъ быть, сумасшедшій бросилъ петарду подъ ноги своимъ преслѣдователямъ, можетъ быть, кто-нибудь произвелъ выстрѣлъ изъ игрушечнаго пистолета. Какъ-бы то ни было, нѣмецкій патруль, находившійся у заставы, открылъ пальбу по случайнымъ прохожимъ.

Въ первую голову пострадали несчастные булочники. Ихъ солдаты вытащили изъ пекарни, поставили у ограды костела и тутъ-же разстрѣляли. „За одно" разстрѣляли всѣхъ мужчинъ, оказавшихся въ домѣ, гдѣ помѣщалась булочная.

Выстрѣлы у Влоцлавской заставы послужили сигналомъ къ общей стрѣльбѣ по всему городу. Солдаты разстрѣливали безпощадно всѣхъ, кто оказался на улицахъ, а иногда врывались и въ дома. Между прочимъ, они ворвались въ квартиру католическаго ксендза и перекололи штыками укрывшихся тамъ, не щадя женщинъ и дѣтей.

Въ тотъ-же вечеръ, получивъ извѣстіе, что прусскіе разъѣзды встрѣтились на Туресскомъ шоссе съ нашими и имѣли съ ними перестрѣлку, нѣмцы тотчасъ-же вывезли изъ города свои батареи и, установивъ ихъ на возвышеніи около станціи Калиша, стали бомбардировать городъ.

Они сдѣлали около 150 пушечныхъ выстрѣловъ. На небѣ показалось кровавое зарево пожаровъ. Населеніе Калиша было охвачено паническимъ страхомъ. Но это было лишь прелюдіей къ звѣрствамъ доблестной арміи Гогенцоллерна.

На слѣдующій день на стѣнахъ домовъ появилось слѣдующее обращеніе къ населенію, составленное на двухъ языкахъ—польскомъ и нѣмецкомъ:

„Въ предыдущую ночь гарнизонъ города Калиша подвергся обстрѣлу. Вслѣдствіе этого я считаю нужнымъ въ корнѣ измѣнить свое отношеніе къ населенію Калиша.

Объявляю всѣ пропуски недѣйствительными и запрещаю жителямъ удаляться за городскую черту.

Всѣ рестораны должны быть немедленно закрыты, за исключеніемъ Европейской гостиницы, въ которой помѣщается моя квартира.

Запрещается стоять на улицахъ и площадяхъ.

Лица, неисполнившія моихъ приказаній, будутъ немедленно подвергаться разстрѣлу.

Сегодня ночью я приказалъ арестовать шестерыхъ обывателей Калиша, которые, при малѣйшемъ сопротивленіи населенія, будутъ разстрѣляны.

Въ видѣ наказанія за событія предыдущей ночи, городъ долженъ до пяти часовъ пополудни заплатить 50.000 рублей.

Въ случаѣ, если населеніе еще разъ проявитъ враждебное отношеніе къ солдатамъ ввѣренной мнѣ части, каждый десятый житель будетъ разстрѣлянъ.

Начиная съ 8 часовъ вечера, ворота всѣхъ домовъ должны быть заперты, и во всѣхъ окнахъ не долженъ горѣть свѣтъ. Кромѣ того закрываются типографіи всѣхъ газетъ".

Подписано: подполковникъ Прейскеръ.

Фамиліи несчастныхъ заложниковъ, попавшихъ въ руки Прейскера: Миллеръ, Шольцъ, Френкель, Млынарскій и Бантке; фамилія шестого неизвѣстна.

Названныя лица проявили истинныя чудеса изобрѣтательности, раздобывъ 50.000 рублей, потребованныхъ Прейскеромъ. Какая участь постигла несчастныхъ заложниковъ—неизвѣстно. Одно лишь достовѣрно извѣстно, именно то, что Френкель былъ разстрѣлянъ по дорогѣ въ прусскія Скальмержицы. Надо отмѣтить, что покойный калишскій милліонеръ отличался непомѣрной толщиной; по дорогѣ онъ отсталъ отъ другихъ, и прусскіе солдаты тутъ-же на мѣстѣ разстрѣляли его. На слѣдующій день мертвое тѣло Френкеля было поднято управляющимъ его домами и погребено на еврейскомъ кладбищѣ.

Кромѣ того, жертвой пруссаковъ сдѣлался мѣстный полицейскій приставъ Костенко, начальникъ пожарной команды Мровинскій и нѣсколько магистратскихъ курьеровъ, провинившихся въ томъ, что они принесли подушку избитому ружейными прикладами президенту города Буковинскому.

Въ общемъ, пруссаки на второй день своего пребыванія въ Калишѣ убили около 30 человѣкъ.

Прейскеръ приказалъ явиться представителямъ мѣстнаго духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій. Къ нему явились трое ксендзовъ, православный священникъ Семеновскій и еврейскій раввинъ. Всѣ они были уведены въ Скальмержицы.

Во вторникъ пруссаки выступили изъ города, оставивъ лишь слабые уланскіе патрули. Въ городѣ водворилось относительное спокойствіе. Всѣ полагали, что горькая чаша минoвала уже ихъ.

Въ среду утромъ тишина не нарушалась, и населеніе, попрятавшееся по угламъ и подваламъ, вышло на улицу за покупкою провизіи. Глазамъ ихъ представилась слѣдующая картина. Подъ стѣнами реформатскаго костела лежало нѣсколько десятковъ труповъ, разстрѣлянныхъ изъ винтовокъ, страшно изуродованныхъ. У зданія ратуши—вторая груда труповъ.

Эту груду составляли русскіе запасные—поляки, отправившіеся въ Ласкъ, гдѣ имъ было объявлено, что они свободны. Они возвращались домой, не зная, что въ городѣ уже находятся нѣмцы, которые часть ихъ разстрѣляли, часть объявили военноплѣнными.

Въ пятницу, 25 іюля, въ полдень, нѣмцы вторично ворвались въ городъ и разстрѣливали всякаго, кто попадался имъ на улицѣ. Они врывались въ дома и вытаскивали оттуда обмершихъ отъ страха людей, разстрѣливали всѣхъ, кто показывался у окна.

Между прочимъ, были разстрѣляны всѣ мужчины, жившіе въ ратушѣ. Въ заключеніе они подожгли ратушу, а подъ вечеръ оставили городъ и расположились у желѣзнодорожнаго вокзала, гдѣ устроили насыпи, и, поставивъ на нихъ орудія, стали бомбардировать Калишъ.

Канонада продолжалась всю ночь. Дома дрожали отъ тяжелыхъ раскатовъ орудійной пальбы. Къ небу взвивались огромные столбы пламени. Получалось ужасное впечатлѣніе—что городъ горитъ со всѣхъ концовъ. Большинство снарядовъ попадали въ магистратъ, который скоро обратился въ однѣ дымящіяся развалины. Жители города, оставивъ свѣтъ въ окнахъ, попрятались въ подвалы.

Въ эту ужасную ночь было произведено около 600 пушечныхъ выстрѣловъ. Внезапно гдѣ-то вдали послышался колокольный звонъ. То пушечное ядро попало въ колоколъ костела—и жалобный звукъ прорѣзалъ грохотъ орудійной пальбы.

Во время канонады былъ убитъ въ собственной квартирѣ домовладѣлецъ Будковскій. Жена его получила смертельную рану.

Отъ канонады особенно сильно пострадала Влоцлавская улица, на которой дома всѣ оказались разрушенными или сгорѣли. Подъ утро ее атаковала пѣхота и кавалерія, отыскивая жителей, попрятавшихся по подваламъ. При этомъ около 800 мужчинъ было взято въ плѣнъ. Плѣнниковъ помѣстили въ казармы, гдѣ они оставались цѣлыя сутки, ожидая смертнаго приговора. На слѣдующій день всѣ они были освобождены.

Канонада прекратилась около пяти часовъ утра. Вся площадь передъ магистратомъ была усѣяна трупами. Смерть застигла многихъ жителей Калиша посреди домашней обстановки: за ужиномъ, во время чтенія газеты и т. д.

Къ Прейскеру отправилась депутація отъ нѣмецкой части населенія, въ составѣ фабрикантовъ Штенцеля, Шмидта и Фульде. Прейскеръ принялъ ихъ, но заявилъ, что не дастъ никому пощады. Фабриканты ушли отъ Прейскера въ неописуемомъ отчаяньи. Для нихъ стало яснѣе яснаго, что городъ обреченъ на разрушеніе и что Прейскеръ доведетъ начатое имъ ужасное дѣло до конца.

Началось бѣгство изъ города. Пруссаки никого не задерживали, за исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей, назначенныхъ ими на земляныя работы. Шоссейная дорога, ведущая въ Сѣрадзь и Здунскую Волю, была запружена огромными толпами народа, спасавшимися изъ охваченнаго огнемъ Калиша. Многіе калишскіе богачи за ночь успѣли сдѣлаться нищими...

26 іюля нѣмецкіе солдаты обходили дворы, вызывали и арестовывали всѣхъ мужчинъ, другіе, съ пучками соломы за поясомъ, поджигали въ разныхъ мѣстахъ дома.

Жителей, спрятавшихся въ погребахъ и подвалахъ, вытаскивали во дворъ, разставляли около стѣны, прицѣливались въ нихъ изъ винтовокъ, били по лицу. Одному, у котораго въ карманѣ оказалась коробка спичекъ, стали забивать ее въ ротъ, утверждая, что онъ поджигалъ городъ.

Обыскавъ подвалы и приколовъ штыками тѣхъ, которые оттуда не вышли, не пощадивъ ни женщинъ ни дѣтей, повели всѣхъ, многихъ въ одномъ бѣльѣ, съ поднятыми надъ головой руками, на площадь. Кто отставалъ или просто почему-либо не нравился солдату—того подгоняли ударами кулакомъ и прикладомъ, а нѣкоторыхъ прикалывали штыкомъ.

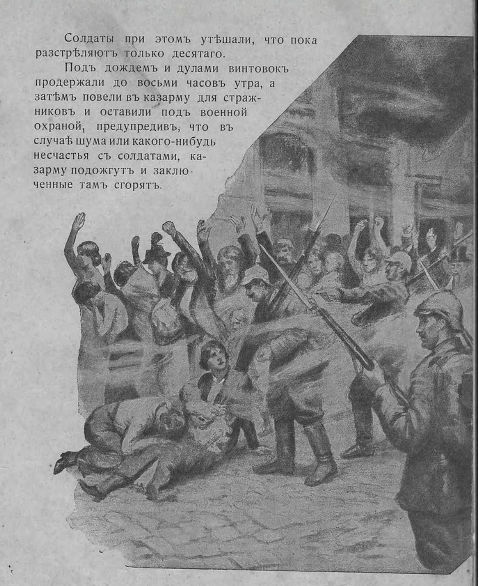
На площади, куда согнали часовъ въ шесть утра всѣхъ мужчинъ, генералъ держалъ рѣчь:

— Если все пройдетъ тихо и спокойно и солдатамъ не будетъ причинено никакого вреда,—то вы не всѣ погибнете; если-же что-либо случится,—я уничтожу всѣхъ безъ исключенія и пощады!...

Послѣ этого погнали всѣхъ въ поле, раздѣлили группами по десять человѣкъ и начали распоряжаться, чтобы задержанные поворачивались то въ одну, то въ другую сторону.

Солдаты при этомъ утѣшали, что пока разстрѣляютъ только десятаго.

Подъ дождемъ и дулами винтовокъ продержали до восьми часовъ утра, а затѣмъ повели въ казарму для стражниковъ и оставили подъ военной охраной, предупредивъ, что въ случаѣ шума или какого-нибудь несчастья съ солдатами, казарму подожгутъ и заключенные тамъ сгорятъ.

Только въ пять часовъ вечера имъ дали грязной воды для утоленія жажды, а немного спустя принесли и буквально швырнули въ толпу, на 800 человѣкъ, 5—6 кусковъ хлѣба. Пришлось отдать его подросткамъ, которые также оказались въ числѣ заключенныхъ.

Во все время пребыванія въ казармѣ нѣмецкій унтеръ-офицеръ утѣшалъ задержанныхъ, что мучиться имъ осталось недолго, такъ какъ скоро перестрѣляютъ, если не всѣхъ, то многихъ.

Въ 6 часовъ вечера по приказанію унтеръ-офицера опять раздѣлились на десятки, опять пошли въ поле; тамъ снова дѣлали разные повороты, пока наконецъ не явился лейтенантъ, который сказалъ:

— Идите домой и скажите семьямъ, что мы всѣхъ до одного перерѣжемъ, если что-нибудь случится съ солдатами. Вы теперь германскіе подданные, — Германія относится одинаково хорошо ко всѣмъ — и къ полякамъ, и къ евреямъ...

Послѣ этой рѣчи, всѣхъ задержанныхъ, около восьми часовъ вечера направили въ городъ, приказавъ итти тихо, угрожая иначе разстрѣломъ. Такъ и дошли до города — жители впереди, солдаты позади...

Одной изъ первыхъ жертвъ нѣмецкаго звѣрства палъ Калишскій казначей Соколовъ. Нѣмцы произвели обыскъ въ казначействѣ и, не найдя тамъ денегъ, заставили прохожихъ, подъ угрозой немедленнаго разстрѣла, показать домъ, въ которомъ жилъ казначей. Несчастные жители противились угрозамъ, но винтовки все-же сдѣлали свое дѣло.

— „Это было во вторникъ, — разсказываетъ сынъ Соколова,

гимназистъ 5-го класса, бѣжавшій изъ Калиша послѣ смерти отца, съ матерью и годовалымъ братишкой,—22 іюля, въ 2 часа дня. Папа легъ отдохнуть. Вдругъ на улицѣ раздались крики— кто то бѣжалъ, прятался. Въ нашу дверь раздался рѣзкій стукъ, какъ-будто ее начали ломать. Мама крикнула имъ:

— Не надо ломать дверь, я отопру!..

Въ домъ вошелъ нѣмецкій офицеръ, окруженный четырьмя солдатами. Онъ направилъ на маму револьверъ и началъ сердито кричать что-то непонятное. Можно было понять только слово „Сохоловъ". Въ отвѣтъ на заявленіе мамы, что она ничего не понимаетъ—офицеръ еще болѣе сердито крикнулъ по-русски:

— Мужъ!..

Мама указала рукой на спальню. Нѣмцы тотчасъ-же бросились туда и вытащили папу полуодѣтаго.

Офицеръ и два солдата повели его куда-то, а оставшіеся приступили къ обыску кабинета и передней: взломали сундуки, разгромили всю обстановку, посуду. Наконецъ, одинъ изъ солдатъ сказалъ по-нѣмецки:

— Нечего здѣсь терять время!..

Ушли...

Мы бросились вдогонку за папой, но насъ солдаты не пустили, сказавъ, что черезъ полчаса папу отпустятъ. Окольными путями мы пробрались къ коменданту; спрашиваемъ—гдѣ папа? Комендантъ говоритъ:

— Поищите между трупами, которые валяются около магистрата. Если его тамъ нѣтъ—то живъ!..

Бросились мы къ магистрату, а тамъ часовые не пускаютъ. Мы имъ сказали, что получили разрѣшеніе коменданта. Тогда насъ пропустили.

Смотримъ—лежитъ папа на землѣ, какъ-будто въ обморокѣ, но когда наклонились къ нему, то увидѣли кровавую рану около уха...

Хоронить намъ его не позволили... Потомъ намъ говорили, что нѣмцы сильно мучили папу,—пытали, вывертывали руки и не позволили хоронить потому, что не хотѣли, чтобы мы видѣли слѣды пытокъ.

Это весьма возможно, потому что остальные пять труповъ, валявшіеся возлѣ папы, были страшно изуродованы. На одномъ трупѣ видна была только челюсть—остальная часть головы представляла собою какую-то кашу. На другомъ трупѣ была штыковая рана въ спинѣ и около него валялись клочья мяса...

рупы лежали тамъ три дня!..

Послѣ смерти отца мы прожили въ Калишѣ еще три дня. енно страшна была ночь съ пятницы на субботу. Нѣмцы ляли по городу шрапнелями, поджигали дома и кероси- ые склады. Бѣглецами было усыпано все шоссе, а нѣмцы ели пулеметы вдоль шоссе и стрѣляли въ бѣгущихъ. Мы няли лошадей, но едва выѣхали изъ города, какъ подъ пу- ями упала одна лошадь, а потомъ и ямщикъ съ прострѣленной грудью. Мы бросились къ садамъ. Пули пролетали со свистомъ на такомъ близкомъ разстояніи, что на мнѣ блуза колыхалась. Въ саду надъ головой разорвалась шрапнель, и съ деревьевъ кругомъ посыпались яблоки"...

За что нѣмцы разстрѣляли казначея Соколова? За то, что на ихъ вопросъ, гдѣ деньги, онъ отвѣтилъ, что уничтожилъ ихъ по приказанію министра финансовъ, въ удостовѣреніе чего показалъ телеграмму. Впрочемъ, и деньги не спасали калишанъ отъ звѣрствъ нѣмцевъ. Президентъ города Буковинскій, собравшій съ населенія, по приказанію майора Прейскера, 50.000 рублей, только-что вручилъ ихъ ему—тотчасъ-же былъ сбитъ съ ногъ, подвергнутъ побоямъ ногами и истязаніямъ, отъ которыхъ лишился чувствъ. Когда одинъ изъ сторожей магистрата подложилъ ему подъ голову свое пальто—то былъ тутъ-же у стѣны разстрѣлянъ...

Немало было въ Калишѣ со стороны нѣмцевъ и надругательствъ надъ женской и дѣвичьей честью. Между прочимъ, на глазахъ отца были изнасилованы двѣ дѣвушки. Отецъ въ гнѣвѣ сказалъ, что такъ поступали лишь воины Навуходоноссора и что какъ тогда, такъ и теперь, Господь накажетъ насильниковъ. За это старикъ былъ разстрѣлянъ...

Одинъ прусскій лейтенантъ требовалъ отъ нѣкоей Зеймъ, дѣвицы, въ домѣ родителей которой ему было отведено помѣщеніе, чтобы она ему отдалась, увѣряя, что этимъ онъ дѣлаетъ ей честь, такъ какъ у нея первой родится въ Калишѣ будущій подданный германской имперіи. За это дерзкое предложеніе, дѣвица Зеймъ дала лейтенанту пощечину и была разстрѣляна. Разстрѣляли „заодно" и двухъ ея братьевъ.

Одинъ изъ потерпѣвшихъ въ Калишѣ разсказываетъ о пережитомъ имъ ужасѣ:

„Въ 6 часовъ утра мы были разбужены барабаннымъ боемъ и трубными звуками. Я вскочилъ съ постели и выглянулъ въ окно. Городомъ шла нѣмецкая пѣхота.

Я разбудилъ всю семью и сказалъ женѣ и дѣтямъ, что

безпокоиться нечего, что нѣмцы не имѣютъ никакого обижать мирныхъ жителей и, приказавъ своимъ оста дома, самъ вышелъ на улицу.

Солдаты успѣли уже разсѣяться по городу неболь кучками и начали ломиться въ обывательскіе дома. Они сту прикладами въ окна и ломали двери магазиновъ.

Изъ всѣхъ домовъ выбѣгали полуодѣтые мужчины и ж щины. Раздались плачъ дѣтей и истерическіе крики женщин Изъ воротъ сосѣдняго дома съ плачемъ выбѣжала почти со всѣмъ нагая женщина и бросилась бѣжать по направленію къ нашему дому. Вслѣдъ за нею изъ калитки выскочили три солдата съ ружьями на перевѣсъ и, нагнавъ обезумѣвшую отъ ужаса женщину, повлекли ее съ проклятіями къ дверямъ моего погребка...

Я быстро вскочилъ на парадное крыльцо, заперъ на засовъ дверь и бросился спасать семью.

Что творилось въ это время на улицѣ,—я описать не берусь. Раздавался звонъ разбиваемыхъ стеколъ, трещали и съ грохотомъ падали двери домовъ и магазиновъ. Вся улица была засыпана всевозможными товарами, какъ во время пожара.

Это было не нашествіе непріятеля, а открытое нападеніе разбойниковъ, форменный грабежъ.

Около десяти часовъ утра произошелъ такой случай. Солдаты ворвались въ домъ какого-то чиновника, схватили его жену и потащили ее къ своему офицеру, который расположился въ спальнѣ и приказалъ своимъ солдатамъ привести къ нему женщину.

Чиновникъ, желая спасти свою жену отъ безчестія, выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ въ воздухъ.

Тогда разсвирѣпѣвшіе солдаты ударами прикладовъ свалили его на полъ, связали ему своими поясами руки и ноги и привязали къ постели. Несчастный вынужденъ былъ слышать крики своей, насилуемой въ сосѣдней комнатѣ, жены...

Но этимъ дѣло не ограничилось. Насильникъ офицеръ доложилъ Прейскеру, что на его жизнь было сдѣлано покушеніе. Прейскеръ распорядился, чтобы всѣхъ жителей этой улицы выгнали изъ домовъ и выстроили вдоль тротуаровъ.

Солдаты бросились по домамъ и стали выволакивать всѣхъ на улицу. Сидѣть не позволяли, а кто садился—того поднимали ударами прикладовъ.

Черезъ часъ всѣ обыватели нашей улицы стояли въ двѣ шеренги вдоль тротуаровъ. Намъ было заявлено, что комен-

дантъ навѣрное прикажетъ всѣхъ разстрѣлять. Кто можетъ передать, что творилось на нашей злосчастной улицѣ!.. Кто плакалъ, кто въ истерикѣ хохоталъ. Со многими случилось внезапное умопомѣшательство.

Сумасшедшіе стали кидаться на солдатъ, которые ихъ тутъ же прикалывали штыками...

Опять забили барабаны, и офицеръ, проходя по улицѣ, сталъ читать отдѣльнымъ группамъ приказъ коменданта, въ которомъ объявлялось, что если кто-либо изъ обывателей осмѣлится поднять на солдата руку, то всѣ обыватели этой улицы будутъ разстрѣляны; на этотъ же разъ онъ насъ прощаетъ...

Снова заработали приклады и насъ разогнали"...

Другой очевидецъ калишскихъ безобразій сообщаетъ исторію своихъ злоключеній:

„Подобно многимъ калишанамъ, я прятался въ погребѣ отъ сподвижниковъ Прейскера. Германцы стали насъ искать, открыли и меня. Вмѣстѣ съ партіей въ нѣсколько сотъ человѣкъ меня угнали за городъ.

Передъ казармами насъ выстроили въ ряды, потомъ намъ скомандовали повернуться къ солдатамъ спиной; солдатамъ же велѣли зарядить ружья и взять насъ на прицѣлъ.

Неожиданно раздался громкій плачъ и громкая молитва на польскомъ и еврейскомъ языкахъ. Особенно горячо молился одинъ еврей, носильщикъ.

Когда прусскій солдатъ сказалъ этому еврею, что теперь Богъ ему не поможетъ,—онъ возбужденно, съ необычайной смѣлостью, какъ человѣкъ, которому нечего терять, громко отвѣтилъ:

— „Мы имѣемъ великаго Бога и васъ не боимся"!

Эта сцена произвела на нѣмцевъ сильное впечатлѣніе. Всѣ замолкли.

Прошло нѣсколько минутъ. Прибылъ конный германецъ и привезъ какой-то приказъ. Послѣ этого насъ стали сортировать, разставлять по десять человѣкъ въ рядъ.

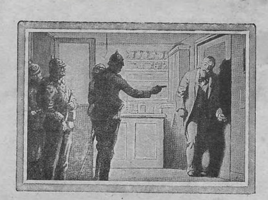
Такъ какъ въ воззваніи къ населенію Прейскеръ заявилъ, что за стрѣльбу въ германцевъ онъ будетъ разстрѣливать каждаго десятаго, то вся несчастная толпа плѣнниковъ поняла эту сортировку, какъ начало экзекуціи надъ каждымъ десятымъ. Всѣ боялись стать съ краю; родители съ дѣтьми становились вмѣстѣ, чтобы не погибло больше одного члена семьи.

Легко себѣ представить душевное переживаніе несчастныхъ.

Такъ мучили насъ германцы цѣлый день. Только къ вечеру Прейскеръ объявилъ намъ, что „кайзеръ" соизволилъ насъ помиловать и свою рѣчь кончилъ крикомъ „hoch" въ честь Вильгельма и Германіи.

Подъ угрозой смерти плѣнные обыватели выкрикивали вслѣдъ за нимъ... свое искреннее: „охъ"!

Послѣ этого насъ распустили по домамъ. Многіе изъ насъ за этотъ день совершенно посѣдѣли"...

Въ общемъ разстрѣляно и убито въ Калишѣ около 4.000 человѣкъ. Разстрѣлы производились нѣсколько разъ. Провокаторскій ихъ характеръ несомнѣненъ: изъ жителей никто не стрѣлялъ.

Городъ весь разрушенъ и производитъ тяжелое впечатлѣніе. Главныя улицы—Старый рынокъ, Бреславльская, Варшавская, Суконницкая, Золотая, Конинская, Отельная, Аллея Юзефины, улица Маріи—сгорѣли до тла. Отъ всѣхъ этихъ улицъ, служившихъ украшеніемъ города, остались только черныя груды развалинъ.

На остальныхъ улицахъ тоже множество разрушенныхъ зданій. Сильно пострадали также Станиславская, Пекарская и Лазенская улицы. Совершенно выгорѣла Еврейская улица, отъ которой сохранилась только синагога.

На Пекарской улицѣ сгорѣла редакція и типографія калишской газеты. Огнемъ уничтожено много крупныхъ фабрикъ, мельницъ, магазиновъ.

Городъ представляетъ собою ужасную картину разрушенія, какъ послѣ сильнѣйшаго землетрясенія!...

* * *

Одновременно съ Калишемъ были заняты нѣмцами, также безъ боя, оставленные нашими войсками Ченстоховъ и Бендинъ.

20 іюля въ семь часовъ утра передовыя части нѣмецкой арміи вступили въ Ченстоховъ со стороны Каворджи.

Ченстоховъ.

Передовымъ разъѣздомъ въ составѣ 50 конныхъ стрѣлковъ 11 полка имени императора Вильгельма командовалъ поручикъ, который, принявъ на Ясногорскомъ рынкѣ рапортъ, врученный ему командиромъ обывательской охраны Эдуардомъ Брюлемъ, оставилъ временно въ рукахъ

охраны попеченія о жизни и имуществѣ населенія, возлагая на нее, въ лицѣ командира Брюля, отвѣтственность за порядокъ въ городѣ.

Обратившись въ редакцію ченстоховскаго „Гонца", командующій германскими войсками поручилъ объявить, что въ городѣ все остается попрежнему, съ полнымъ сохраненіемъ правъ населенія, но предупредилъ, что въ случаѣ какого-либо недружелюбнаго поступка, отвѣтственность и строгое наказаніе падаетъ на весь городъ. Въ случаѣ, если бы въ городѣ оказался какой-нибудь казакъ или другой русскій солдатъ, немедленно слѣдуетъ сообщить объ этомъ первому попавшемуся германскому солдату, а тотъ донесетъ дальше кому слѣдуетъ.

Въ день занятія нѣмцами Ченстохова можно было наблюдать такую картину: въ тотъ моментъ, когда послѣдніе казаки въ окрестностяхъ костела св. Сигизмунда покидали городъ, на другомъ концѣ аллеи, около памятника Императора Александра II, группировались нѣмецкіе драгуны. Спустя часъ, патруль, изъ двухъ рядовыхъ и подпоручика 11 конно-стрѣлковаго полка, взялъ въ плѣнъ коннаго рядового пограничной стражи.

Въ 10 часовъ въ магистратъ прибылъ капитанъ 63 пѣхотнаго линейнаго полка, который повторилъ президенту города, ратманамъ, представителямъ печати и членамъ обывательской охраны то же самое распоряженіе, которое приведено выше и, забравъ съ собой русскаго плѣннаго, уѣхалъ въ главную квартиру.

Этотъ же самый капитанъ объявилъ затѣмъ, что всѣ безъ исключенія торговцы и владѣльцы магазиновъ въ городѣ обязаны, подъ угрозой строгой отвѣтственности, принимать русскія бумажныя деньги по номинальной ихъ цѣнѣ. Каждый, кто не будетъ исполнять это распоряженіе, понесетъ строгое наказаніе.

Спустя нѣсколько дней, въ Ченстоховѣ было опубликовано слѣдующее воззваніе:

„Каждый, кто безъ разрѣшенія нѣмецкаго коменданта будетъ носить оружіе, патроны или взрывчатыя вещества, подлежитъ немедленному разстрѣлу.

Дома и кварталы, въ которыхъ будутъ случаи стрѣльбы въ нѣмецкихъ солдатъ, будутъ немедленно или минированы и взорваны или артиллерійскимъ огнемъ сравнены съ землей. При этомъ даже женщинамъ не будетъ разрѣшено покидать дома передъ ихъ разгромомъ".

Подпись: полкозникъ Цоллернъ.

Затѣмъ было вывѣшено новое объявленіе:

„За убійство, случившееся ночью, комендантъ налагаетъ на городъ 20.000 рублей контрибуціи и приказываетъ городу доставить 10 лошадей".

При своемъ вторженіи въ Ченстоховъ, новые хозяева, явившись къ настоятелю Ясногорскаго монастыря, потребовали отъ него денегъ. Получивъ отказъ, нѣмцы сняли съ иконы

Божіей Матери золотой, усыпанный брилліантами, вѣнецъ, подаренный монастырю Папою римскимъ, и драгоцѣнный крестъ, предподнесенный въ даръ королемъ Сигизмундомъ. Тамъ-же, въ стѣнахъ Ясногорскаго монастыря,—святыни всей Польши, нѣмецкіе солдаты устроили ночью безобразную оргію.

Религіозное чувство поляковъ было поругано такъ, какъ оно не подвергалось поруганію въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Польскія женщины надѣли траурныя платья. А нѣмцы смѣялись и вслухъ глумились надъ вѣрующими, съ циничной откровенностью разсказывая имъ о томъ, какъ они хорошо провели ночь въ Ченстоховскомъ монастырѣ.

Въ ту-же ночь нѣмецкій кавалерійскій патруль изъ пяти человѣкъ, разъѣзжавшій около монастыря, подвергся обстрѣлу со стороны польскихъ добровольцевъ, мѣстныхъ жителей. Трое изъ патруля были убиты на мѣстѣ. Когда на выстрѣлы прискакалъ отрядъ нѣмцевъ, то польскіе дружинники уже скрылись на коняхъ.

Затѣмъ началась месть нѣмцевъ. Не поймавъ виновниковъ, они открыли безпорядочную пальбу по городу, въ результатѣ которой—много разрушенныхъ зданій, масса убитыхъ и раненыхъ...

* * *

Бендинъ. О пребываніи нѣмцевъ въ Бендинѣ разсказываетъ одинъ изъ представителей русской власти въ этой мѣстности—обывательскій комендантъ:

„Какъ вы уже знаете, во всѣхъ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ, немедленно послѣ объявленія мобилизаціи и отъѣзда властей, были образованы комитеты, составъ которыхъ избирался жителями изъ своей среды. Характерный фактъ: въ эти комитеты попали почти всѣ изъ оставшихся на мѣстахъ русскихъ чиновниковъ. Я, напримѣръ, былъ избранъ единогласно, и только какому-то простаку пришло въ голову наивное пожеланіе, чтобы я перемѣнилъ вѣроисповѣданіе.

Поблагодаривъ за довѣріе, я принялъ эту отвѣтственную должность, отъ умѣлаго исполненія которой зависѣла не только моя личная безопасность, но и благосостояніе жителей. Не скажу, чтобы она была синекурой: работать приходилось цѣлыми днями, такъ какъ въ рукахъ коменданта милиціи сосредоточивалась вся власть—административная, полицейская, судебная.

Особенно много возни было съ послѣдней. Мужики, а еще больше бабы, являлись съ такими жалобами, которыя посовѣстились-бы подавать при обычныхъ условіяхъ: то грошовый

искъ за потраву луга гусями, то мелкая ссора... И всѣхъ нужно было выслушивать, всѣхъ мирить!...

20 іюля явился первый изъ восьми непріятельскихъ отрядовъ, которые занимали по очереди наше мѣстечко въ теченіе семи недѣль. За все это время отношенія ихъ къ жителямъ не выходили изъ рамокъ законности: и у насъ, и во всемъ округѣ, насколько я знаю, не произошло ни одного случая насилія, такъ какъ былъ отданъ приказъ, что виновный, кто бы онъ ни былъ, подвергается строгому наказанію.

Такъ, однажды солдатъ заявилъ, что въ него былъ сдѣланъ выстрѣлъ. Командиръ поручилъ комитету произвести разслѣдованіе, которое по нашей просьбѣ и произвелъ русскій слѣдователь. Оказалось, что доносъ былъ ложный—и на солдата наложили наказаніе.

Единственное, что можно поставить нѣмцамъ въ упрекъ—хотя это, въ сравненіи съ тѣмъ, что продѣлывали они въ другихъ мѣстахъ, сущіе пустяки,—это грабежъ и разгромъ офицерскихъ квартиръ въ Бендинѣ, объясняющійся страшной ненавистью нѣмцевъ къ казакамъ.

Со всѣми жителями, а особенно съ русскими чиновниками, офицеры держали себя крайне корректно.

Мнѣ, какъ свободно владѣющему нѣмецкимъ языкомъ, приходилось частенько проводить время съ ними за разговорами, причемъ они не стѣснялись высказываться откровенно:

— Солдатъ и народъ мы держимъ въ заблужденіи. Конечно, Германія сама вызвала войну, но, вѣдь, это было неизбѣжно: черезъ два—три года Россія стала-бы слишкомъ сильна. Измѣна Италіи и вмѣшательство Англіи было полной неожиданностью. Хотя обстоятельства и складываются для насъ неблагопріятно, хотя мы и терпимъ рядъ неудачъ, но это значитъ только, что война затянется: мы будемъ бороться до конца и побѣдимъ!...

Мои возраженія, что факты заставляютъ предполагать совсѣмъ другой результатъ, выслушивались, хотя съ довольно кислой, но все-же—улыбкой.

— Конечно, вы, какъ русскій, не можете думать иначе, но вотъ увидите, съ Франціей и Англіей мы справимся, а съ Россіей выйдетъ—въ ничью...

Правда, что такую скромность нѣмцы стали проявлять позже, первые-же офицеры, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться, заявляли, что, къ сожалѣнію, до весны нельзя идти. . . дальше Петербурга, по причинѣ морозовъ"...

* * *

Цѣхоцинскъ. Съ трудомъ вѣрится благородству нѣмцевъ, какое они проявили въ Бендинѣ. Очевидно, всетаки, что и среди нихъ есть порядочные люди, которымъ доступны человѣческія чувства. Это подтверждается и сообщеніями изъ Цѣхоцинска, курорта, лежащаго въ 6 верстахъ отъ Александрова, на самой германской границѣ, занятаго нѣмцами немного позднѣе Калиша и Ченстохова.

Уже со дня объявленія войны въ сердца мирныхъ жителей курорта вкралась тревога. Носились слухи, что нѣмцы уже двинулись изъ Торна и въ первую очередь займутъ сосѣдній Цѣхоцинскъ.

Вскорѣ курортные обитатели стали замѣчать по ночамъ работу нѣмецкихъ прожекторовъ. Горизонтъ надъ Цѣхоцинскомъ бороздили снопы свѣта: очевидно, германцы искали нашихъ летчиковъ.

Но непріятельская армія ограничивалась только этимъ наблюденіемъ на разстояніи; на курортѣ не видно было ни одного нѣмца.

Но часъ наступилъ. Мимо Цѣхоцинска однажды проѣхала телѣга съ нѣсколькими нѣмцами по дорогѣ къ Вислѣ, протекающей на разстояніи версты отъ курорта. Подъ вечеръ, часовъ въ шесть, когда въ паркѣ собралось довольно много народу, пришли со стороны Вислы нѣмцы: офицеръ и четыре солдата съ почтовыми голубями въ корзинахъ за плечами.

Они прошли черезъ паркъ и направились къ вокзалу. Увидя въ паркѣ больного русскаго офицера въ формѣ, они хотѣли его арестовать, но публика заступилась и отстояла больного.

Нѣмцы отправились на вокзалъ. Офицеръ осмотрѣлъ станцію, выпустилъ трехъ голубей съ депешами и сфотографировалъ станцію. При этомъ онъ примѣнилъ упрощенный пріемъ, чтобы разогнать публику, мѣшавшую съемкѣ: онъ направилъ на толпу браунингъ,—и перронъ моментально очистился.

Нѣмецкіе солдаты, насколько могли, отвѣчали на вопросы любопытныхъ, проявляя вообще человѣческое отношеніе къ жителямъ.

Въ слѣдующіе дни нѣмцы изрѣдка проѣзжали мимо, но надолго въ Цѣхоцинскѣ не останавливались. Нѣсколько дней спустя пришелъ изъ Александрова нѣмецкій отрядъ въ 15 человѣкъ. Офицеръ явился въ общественный комитетъ, охранявшій городъ, и объявилъ, что Цѣхоцинскъ—въ рукахъ нѣмцевъ, что съ этого момента введено военное положеніе и, подъ страхомъ смертной казни, жителямъ воспрещается имѣть при себѣ и дома огнестрѣльное оружіе.

Цѣхоцинску, какъ курорту, были предоставлены нѣкоторыя льготы: на улицахъ жителямъ можно было появляться до 10 часовъ, нѣмецкая полиція не была введена, въ качествѣ коменданта былъ оставленъ начальникъ пожарной команды.

Жители и „стражаки" снесли свое оружіе въ гмину Раціонжекъ. Нѣсколько дней продолжалась эта идиллія, которой съ трудомъ вѣрится. Но вскорѣ нѣмцы начали уже выказывать свою истинную подоплеку. Началось съ того, что однажды они забрали автобусы, ѣздившіе въ Кутно, придравшись къ тому, что шоферъ одного изъ нихъ, будто-бы, не остановилъ машины по окрику нѣмецкаго патруля. Нѣмцы дали залпъ въ „убѣгавшій" автобусъ, но, къ счастью, только разбили въ немъ окна. На слѣдующій день автобусы были задержаны по дорогѣ съ пассажирами и возвращены въ Цѣхоцинскъ, откуда спеціально пришедшій поѣздъ увезъ ихъ въ Торнъ.

Жизнь въ курортѣ стала постепенно замирать. Закрылись купальни для больныхъ. Курортные жители уѣзжали на лошадяхъ до станціи Кутно, а оттуда поѣздомъ въ Варшаву. Оставшихся томила неизвѣстность о событіяхъ въ Россіи, неувѣренность въ безопасности дальнѣйшаго пребыванія въ Цѣхоцинскѣ. Однако, многіе рѣшили остаться здѣсь на зиму.

Скоро появились нѣмецкія воззванія къ полякамъ на польскомъ языкѣ. Поляки относились къ этимъ воззваніямъ съ недовѣріемъ. Прочтутъ, посмѣются, сунутъ его въ карманъ, чтобы въ сторонѣ отъ нѣмецкихъ солдатъ еще разъ посмѣяться надъ прусской наивностью.

Нѣмецкій офицеръ разъѣзжалъ на лошади по Цѣхоцинску и агитировалъ, предлагая организовать польскіе отряды, которые примкнули-бы къ нѣмцамъ, и обѣщалъ въ будущемъ идеальный порядокъ въ Польшѣ. Поляки слушали, отходили въ сторону и посмѣивались.

Но съ каждымъ днемъ пребываніе въ Цѣхоцинскѣ становилось все болѣе опаснымъ. Нѣмцы привезли пушку на станцію, стали ходить слухи, что стрѣляютъ безъ всякаго „Halt" въ подозрительныхъ людей. Затѣмъ произошелъ инцидентъ между „стражакомъ" и нѣмцами.

Какой-то нѣмецкій подданный сталъ слишкомъ шумно вести себя. Пожарный замѣтилъ нѣмцу, что если онъ не перестанетъ безчинствовать, то его заберутъ въ кутузку. За нѣмца заступились его соотечественники, донесли нѣмецкому патрулю и „стражака" арестовали.

Какая участь постигла его—осталось неизвѣстнымъ.

Черезъ нѣсколько дней всѣ оставшіеся въ Цѣхоцинскѣ были объявлены военноплѣнными. Ну, а съ военноплѣнными церемониться нечего!...

* * *

Александровъ. Жители сосѣдняго съ Цѣхоцинскомъ Александрова послѣ объявленія войны оказались какъ-бы на необитаемомъ островѣ. Нѣмцы появились на другой день, спросили: нѣтъ-ли казаковъ?—и на ночь ушли въ Торнъ.

Порядокъ въ городѣ поддерживался пожарной дружиной и обывательскимъ комитетомъ. Утромъ появились нѣмецкая кавалерія и пѣхота, привезли пулеметы, заняли станцію,—и городъ былъ „взятъ".

Ночью нѣсколько хулигановъ, набравъ ракетъ изъ разбитаго багажнаго отдѣленія вокзала, пустили ихъ. Среди нѣмцевъ произошелъ страшный переполохъ. Раздались выстрѣлы тревоги. Рѣшено было, что это сигнализируютъ казакамъ. Немедленно ночью-же арестовали обывательскій комитетъ и объявили ему, что городъ окружатъ со всѣхъ сторонъ и сожгутъ, въ убѣгающихъ будутъ стрѣлять, пощады не будетъ ни женщинамъ ни дѣтямъ.

Большихъ усилій стоило комитету убѣдить коменданта, что это была не сигнализація, а дикая, глупая выходка хулигановъ. Комендантъ нѣсколько часовъ оставался непреклоненъ, наконецъ, согласился съ мнѣніемъ комитета. Городъ былъ спасенъ.

На другой день всѣ жители города были собраны барабаннымъ боемъ на базарную площадь. Явился комитетъ, пришелъ взводъ нѣмецкой пѣхоты, пріѣхалъ комендантъ. Послѣдній, прочитавъ правила военнаго положенія, произнесъ рѣчь, въ которой увѣрялъ жителей въ неприкосновенности ихъ личности и имущества, и ручался честнымъ словомъ, что „мы воюемъ только съ солдатами". Впослѣдствіи, впрочемъ, несмотря на это честное слово, у жителей были отобраны всѣ запасы хлѣба, соли, забраны лошади, велосипеды.

24 іюля въ Александровъ пріѣхалъ бронированный поѣздъ. Онъ состоялъ изъ восьми открытыхъ вагоновъ-платформъ, обнесенныхъ броней въ ростъ человѣка: сверху брони лежали мѣшки, вѣроятно, съ пескомъ; входили и выходили изъ вагоновъ при помощи ручныхъ лѣстницъ, перелѣзая черезъ мѣшки.

Кромѣ этихъ восьми, были еще двѣ совершенно открытыхъ платформы, по серединѣ которыхъ стояло по бронированной башенкѣ, изъ куполообразной крыши которыхъ высовывалось по орудію. Башенки вращались на своемъ основаніи, внутри ихъ была дверь, и тамъ могъ помѣститься одинъ человѣкъ.

Въ самой серединѣ поѣзда шелъ паровозъ, защищенный броней болѣе сильной, чѣмъ вагоны; колеса всего поѣзда закрыты бронированными щитами, посаженными на оси. Поѣздъ, состоявшій изъ тринадцати вагоновъ, могъ вмѣстить человѣкъ 200—250. Дѣятельность этого поѣзда выражалась въ томъ, что на немъ нѣмцы возили колючую проволоку, людей, шпалы, балки, рельсы.

„Блиндирка", какъ назвали его въ Александровѣ, выѣзжала изъ Торна въ 9—11 часовъ и приходила вечеромъ въ 8—10 часовъ...

Влоцлавскъ. Занявъ Влоцлавскъ, нѣмцы начали въ немъ укрѣпляться, производя окопы и устанавливая проволочныя загражденія. Какъ и въ другихъ нашихъ городахъ, нѣмцы издали здѣсь цѣлый рядъ обязательныхъ постановленій, отличающихся особенной суровостью. Среди населенія сначала царила паника, которая постепенно улеглась, но нормальное теченіе жизни было нарушено. Нѣмцы, конечно, прервали телеграфное и телефонное сообщеніе съ Влоцлавскомъ.

Такъ прошло три недѣли. Нѣмцы, очевидно, рѣшили удержать за собой окончательно Влоцлавскъ. И еще 6 августа они расклеили по городу объявленія о выдачѣ гражданской милиціей оружія.

7 августа нѣмцы безъ всякаго повода арестовали четырехъ видныхъ городскихъ обывателей и увезли въ Торнъ, а среди населенія Влоцлавска распространили слухъ, что арестованные совершили измѣну по отношенію къ нѣмцамъ.

Съ тѣхъ поръ въ городѣ опять воцарилось подавленное настроеніе. Жители боялись показываться на улицахъ. Какая-то зловѣщая гроза нависла въ воздухѣ. При этомъ поведеніе нѣмцевъ тоже вызывало подозрѣнія. Они стали забирать изъ желѣзнодорожныхъ товарныхъ складовъ разные товары, стягивали во Влоцлавскъ изъ окрестностей всѣ свои отряды и передовые посты. Къ 8 августа во Влоцлавскѣ было сосредоточено около 10.000 нѣмцевъ.

Въ этотъ день, въ два часа пополудни, нѣмцы, узнавъ о переходѣ русскихъ войскъ въ наступленіе и о приближеніи русскаго отряда, привезли къ деревянному мосту черезъ Вислу нѣсколько бочекъ керосину, разлили по мосту и подожгли его.

Вспыхнулъ страшный пожаръ. Огонь быстро охватилъ мостъ со всѣхъ сторонъ, вызвавъ среди населенія, незнавшаго намѣренія непріятеля, большую панику. Вскорѣ раздался ужасный трескъ, и мостъ, постройка котораго обошлась въ полмилліона рублей, рухнулъ въ воду, запрудивъ рѣку и вызвавъ разливъ.

Не успѣлъ еще сгорѣть мостъ, какъ вспыхнули пожары и въ другихъ частяхъ города. Это нѣмцы подожгли желѣзнодорожные товарные склады, а также резервуаръ нефти братьевъ Нобель, въ которомъ находилось 600.000 пудовъ нефти, стоимостью въ милліонъ рублей.

Пожаръ продолжался всю ночь. Въ желѣзнодорожныхъ товарныхъ складахъ сгорѣло много товаровъ. Жители въ паническомъ ужасѣ заперлись въ домахъ, спрятались въ погребахъ,

ожидая бомбардировки города, — повторенія калишскихъ ужасовъ.

И дѣйствительно, вскорѣ раздался оглушительный громъ, потомъ еще и еще. Всѣ замерли въ тревожномъ ожиданіи. Оказалось, однако, что это нѣмцы взорвали въ окрестностяхъ мосты и испортили желѣзнодорожную линію.

9-го августа утромъ непріятельскія войска вдругъ вышли изъ города. Населеніе успокоилось и покинуло свои жилища.

Въ тотъ же день, въ 3 часа пополудни въ Влоцлавскъ вошелъ русскій отрядъ.

* * *

Сосновицы.

Въ Сосновицы (въ Домбровскомъ районѣ) сначала прибылъ нѣмецкій конный патруль. Убѣдившись, что русское войско отступило, пруссаки немедленно поскакали обратно, и вскорѣ появился значительный конный отрядъ съ офицеромъ во главѣ, который тотчасъ-же издалъ первыя обязательныя постановленія.

Затѣмъ въ городъ вступилъ большой отрядъ пѣхоты, предводительствуемый комендантомъ города, по распоряженію котораго были немедленно расклеены воззванія къ на-

селенію, которому гарантировалась личная и имущественная безопасность.

Въ послѣдовавшіе, однако, дни начались конфискаціи и реквизиціи. Прежде всего, нѣмцы конфисковали всѣ товарные грузы на желѣзнодорожной станціи, въ томъ числѣ нѣсколько сотъ вагоновъ каменнаго угля, много вагоновъ овса и всѣ оказавшіеся на товарной станціи пищевые продукты, независимо отъ того, являются ли реквизированные товары частной собственностью населенія или принадлежатъ казнѣ. Затѣмъ нѣмцы начали скупать въ окрестностяхъ всѣ съѣстные припасы, платя за все квитанціями, отъ уплаты по которымъ пруссаки потомъ отказались. Награбленные, такимъ образомъ, сотни вагоновъ съѣстныхъ припасовъ и угля нѣмцы транспортировали въ Пруссію.

Въ Сосновицахъ нѣмцы устроились совсѣмъ по домашнему. Весь Домбровскій районъ объявленъ былъ провинціей Reichsland'a. Нѣмцы рѣшили колонизировать весь районъ, жители котораго разбѣжались въ разныя стороны, вслѣдствіе безработицы, голода и нужды. Ввели нѣмецкіе порядки, прислали изъ Пруссіи нѣмецкихъ чиновниковъ и полицію. Посыпались, какъ изъ рога изобилія, объявленія.

Одна изъ широковѣщательныхъ прокламацій гласила о томъ, что Домбровскій районъ аннексируется германскимъ правительствомъ. Въ другомъ извѣщеніи объявлялось объ открытіи отдѣленія Deutsche Reichsbank; курсъ рубля былъ установленъ въ 1 марку 40 пфенниговъ.

Гражданскій губернаторъ и нѣмецкія власти принялись энергично за германизацію края. Предписано было всѣмъ безъ исключенія промѣнять русскія деньги на нѣмецкія.

Въ школахъ, на ряду съ польскимъ, ввели преподаваніе нѣмецкаго языка. Даже въ еврейскихъ хедерахъ введено было обязательное обученіе нѣмецкому языку. Русскій духъ нѣмцы рѣшили совершенно искоренить. Если кто-либо заговаривалъ на русскомъ языкѣ—его задерживали по подозрѣнію въ шпіонствѣ.

Цензуру и жандармскія функціи милостиво взяли на себя стрѣльцы, рыскавшіе въ поискахъ крамольныхъ варшавскихъ газетъ.

Голодному и разоренному населенію Сосновицъ и Бендина нѣмецкія власти рѣшили доставить пріятное наслажденіе, вызвавъ театръ изъ Познани. Въ городѣ нельзя было достать керосина, соли, съ трудомъ получали хлѣбъ,—а по

вечерамъ, на театральныхъ подмосткахъ подвизалась познанская труппа. Въ первыхъ рядахъ, для поощренія и примѣра, сидѣли прусскіе лейтенанты, развалясь въ креслахъ, съ сигарами въ зубахъ, а за ними ржали отъ удовольствія солдаты-познанцы, биткомъ набивавшіе театръ. Мѣстнымъ же жителямъ было, конечно, не до театра и не до смѣха!..

Въ шахтахъ и копяхъ работа кипѣла во всю!.. Былъ объявленъ „реквизитъ" французскихъ и бельгійскихъ шахтъ. Особое исключеніе сдѣлано было для владѣльцевъ шахтъ, уроженцевъ Царства Польскаго, у которыхъ копей не конфисковали. Изъ Пруссіи пріѣхали нѣмцы-директора, ставшіе во главѣ реквизированныхъ предпріятій. Работа кипѣла во всю, но непроницаемой завѣсой тайны покрыта была дѣятельность нѣмцевъ, въ особенности въ шахтахъ „Гута Банкова". Туда пріѣхали мастера отъ Круппа. Днемъ и ночью шла работа. Ежедневно уходили оттуда нагруженныя автомобильныя платформы, тщательно прикрытыя брезентами. Но шила въ мѣшкѣ не утаишь: вскорѣ тайна раскрылась. На „Гутѣ Банковой" изготовлялись предметы военной надобности для... Австріи. Чтобы не обидѣть союзницы, вызваны были мастера отъ Круппа! На насъ, молъ, работаетъ Круппъ—вотъ и вамъ та же марка! Чтобы не было завидно!..

Изъ другихъ шахтъ все время вывозили уголь въ Пруссію и Силезію.

Нѣмцы жили припѣваючи и отъ избытка чувствъ рѣшили облагодѣтельствовать населеніе. Гражданскій губернаторъ торжественно объявилъ, что въ Домбровскомъ районѣ вводится самоуправленіе.

Стали уже изготовлять списки избирателей, но выборы, назначенные въ непродолжительномъ времени, не состоялись.

Не до того было.

Нужно было изъ Сосновицъ убираться, въ виду приближенія русской арміи.

Нѣмецкая идиллія въ Сосновицахъ окончилась. Все пошло вверхъ дномъ. Началось повальное бѣгство.

Первой бросилась наутекъ нѣмецкая полиція. Вслѣдъ за нею убѣжали чиновники, исчезли директора копей и крупповскіе мастера.

Навострили лыжи и оставшіеся безъ публики познанскіе актеры.

Повальное бѣгство продолжалось три дня...

* * *

Такъ началась „ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА“.

Это начало въ достаточной степени показало всему міру хваленную „культурность“ германцевъ, въ существованіе которой никто больше не вѣритъ.

Впрочемъ, настоящія военныя дѣйствія начались только со вступленія нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію.

Наступленіе русскихъ войскъ въ Восточную Пруссію

Переходъ черезъ границу и первыя стычки.

Еще до объявленія войны Россіи, нѣмцы приняли чрезвычайныя мѣры для охраны, клиномъ вошедшей въ нашу территорію, Восточной Пруссіи. Они перекопали дороги вдоль всей нашей границы, устроили засѣки и другія препятствія, а во многихъ мѣстахъ возвели укрѣпленія. Со дня-же объявленія войны у этихъ границъ уже появились боевые поѣзда и блиндированные автомобили съ пулеметами; а затѣмъ нѣмцы стали стягивать туда войска—ландверные батальоны и эскадроны. Такимъ образомъ, на всей пограничной линіи Восточной Пруссіи образовалась цѣлая система охраны, какая принимается лишь въ моментъ появленія непосредственной опасности: нѣчто вродѣ постовъ-заставъ изъ ландверныхъ войскъ у самой границы, резервовъ изъ двухъ-трехъ полковъ на отдѣльныхъ участкахъ границы, подвижные резервы въ поѣздахъ и автомобиляхъ и, наконецъ, гдѣ-то близко сзади—главный резервъ—1-й армейскій корпусъ. А съ 19 іюля надъ русской территоріей, по напра-

вленію къ Ковно, уже зарѣяли въ воздухѣ развѣдочные германскіе аэропланы...

Одновременно съ тѣмъ, какъ германскія войска вошли на нашу территорію въ районѣ Калиша и Ченстохова, мы, въ свою очередь, повели наступленіе въ Восточную Пруссію. 21 іюля взорвавъ пограничный мостъ у Вержболова, нашъ передовой отрядъ отбросилъ стоявшее тамъ нѣмецкое войско и перешелъ границу на фронтѣ Лыкъ—Бяла. Нѣмцы перешли въ контръ-наступленіе,—и здѣсь завязался было довольно горячій бой, но нашъ отрядъ и на этотъ разъ опрокинулъ нѣмцевъ и, преслѣдуя ихъ, захватилъ и сжегъ нѣмецкія желѣзнодорожныя станціи Боржименъ и Бяла, прервавъ желѣзнодорожное сообщеніе по линіи Лыкъ—Іоганнисбургъ. Далѣе противникъ сталъ отступать на всемъ вышеуказанномъ фронтѣ, самъ сжигая по пути отступленія свои селенія...

Послѣ этого непріятеля довольно долго нигдѣ не было видно. По дорогамъ мѣстами горѣли дома и постройки на фермахъ; ревѣли стада овецъ и коровъ, за которыми никто не присматривалъ; бродили безъ призора свиньи. Германскихъ жителей какъ-бы и не было вовсе,—кругомъ царило полное безлюдіе!

Наши войска шли шоссейными дорогами, вокругъ которыхъ разстилались поля. Яровые хлѣба уже были скошены, но не убраны; чаще всего встрѣчались поля, засаженныя бураками.

— „Заходили мы въ нѣмецкія имѣнія",—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ этого перваго похода во вражескую землю:—„въ домахъ—никого! Зайдешь въ домъ и видишь, какъ будто хозяева дома только что встали и вышли. Но мы ничего не трогали и не брали изъ имущества хозяевъ. Интересовались только тѣмъ, что можно было поѣсть. Брали фрукты, яблоки въ садахъ, сыръ, куръ,—а платить было некому. Лишняго и изъ пищи не брали. Удивляло насъ, что въ домахъ мы не находили совсѣмъ почти чернаго хлѣба: были сыръ, колбаса, а черный хлѣбъ попадался совсѣмъ рѣдко".

Ночью дѣлали привалъ, при чемъ весь полкъ ложился прямо на землю, опасаясь нападенія германскихъ войскъ. Рано утромъ вставали и послѣ завтрака двигались дальше.

— „Пришли мы въ небольшой городокъ,—названія не помню. Стали осматривать постройки и дома. Мирныхъ жителей ни одного человѣка; всѣ куда-то ушли. Подошли къ сараямъ. Стоятъ два большихъ сарая запертыми, въ нихъ очень

много свиней. Доложили ротному командиру, что свиньи въ такой тѣснотѣ могутъ задохнуться. Ротный разрѣшилъ взломать двери...

Въ этомъ городкѣ есть сырные и спиртные заводы, много быковъ и большой конскій заводъ, нѣсколько лошадей изъ котораго нами было взято для полка.

Выступили дальше и снова шли по такимъ-же мѣстамъ. Остановились по дорогѣ въ имѣніи; опять много сыра и свиней. Наконецъ, расположились бивуакомъ около одного селенія. Палатокъ не разбивали. Хотѣли разложить костры и изготовить себѣ ужинъ, но начальство не разрѣшило и этого, опасаясь чтобы непріятель не замѣтилъ нашихъ огней. Легли спать прямо на землю, безъ ужина. А вдали уже слышны были орудійные выстрѣлы.

Утромъ встали рано, сварили себѣ завтракъ и снова двинулись въ путь. Вскорѣ къ намъ стали уже долетать орудійные снаряды. Нѣмцы обстрѣливали нашъ лѣвый флангъ. Они сидѣли въ окопахъ и мѣтко выпускали снаряды, такъ какъ мѣстность имъ была хорошо извѣстна. Какъ бухнетъ снарядъ, такъ и падаетъ у насъ одинъ-два человѣка изъ роты. Но мы шли, не смущаясь дальше.

Однимъ изъ снарядовъ я былъ раненъ въ ногу, но, не обращая вниманія на рану, шелъ впередъ, пока, уже у самыхъ проволочныхъ загражденій, не упалъ и не могъ дальше итти!..

Германецъ при нашемъ приближеніи къ окопамъ, началъ брать два огня: бухали артиллерійскія орудія и трещали пулеметы и ружья.

Упавъ около проволочныхъ загражденій, я не потерялъ сознанія и все видѣлъ. Надо мной жужжали пули. Два раза я пытался окопаться, но какъ только слегка приподымался,—нѣмцы изъ-за окоповъ, расположенныхъ противъ меня, начинали въ меня стрѣлять.

Такъ пролежалъ я около получаса, когда услышалъ, что наша артиллерія начала отвѣчать германцамъ. А еще черезъ нѣсколько минутъ явился нашъ санитаръ и сдѣлалъ мнѣ перевязку. Я говорилъ ему, зачѣмъ онъ пришелъ—сраженіе продолжается, пули жужжатъ, его могутъ убить.

-- Богъ о насъ позаботится,—отвѣтилъ онъ мнѣ.—А мы должны спасать раненыхъ...

Прошло еще немного времени. Санитаръ привелъ съ собой другого, и меня понесли на носилкахъ въ подвижной полевой госпиталь...

Артиллерійская стрѣльба продолжалась. Госпиталь находился, видимо, въ пяти-шести верстахъ отъ германскихъ орудій, и вскорѣ снаряды стали до него долетать. Пришлось перенести госпиталь на другое мѣсто"...

Этотъ отвѣтъ простого солдатика-санитара: „Богъ *о насъ* позаботится, а *мы* должны спасать раненыхъ"—удивительно характеренъ для всѣхъ нашихъ „чудо-богатырей". По единодушнымъ заявленіямъ всѣхъ близко соприкасавшихся съ ними, на войнѣ каждый солдатъ чувствуетъ себя лишь частицей великаго цѣлаго, и отъ него вы почти никогда не услышите разсказа о личныхъ переживаніяхъ, личныхъ подвигахъ. Человѣкъ, очень хорошо и ярко разсказывавшій вамъ о томъ, какъ *мы* шли, какъ мы занимали одну позицію за другой, и какъ отступалъ и подавался *онъ*, т.-е. непріятель, начинаетъ сбиваться и путаться, когда вы захотите узнать о томъ, что дѣлалъ во время боя самъ разсказчикъ и какое было его личное участіе въ общемъ дѣлѣ.

Двигаясь вглубь вражеской страны, наши войска терпѣливо преодолѣвали всѣ трудности этого похода. Чѣмъ дальше, тѣмъ путь становился тяжелѣй. Непріятель во многихъ мѣстахъ прорѣзалъ шоссе глубокими канавами и укрѣпилъ ихъ проволочными загражденіями, которыми нѣмцы въ эту войну вообще очень широко пользуются. Такъ, напримѣръ, всѣ улицы въ деревушкахъ, лежавшихъ по пути, были разными способами преграждены этой проволокой. Приходилось терять время на уничтоженіе ея, а прятавшіеся при приближеніи нашихъ войскъ жители пользовались этимъ и встрѣчали наши войска изъ своихъ засадъ выстрѣлами. Въ виду этого, первое время наши отряды, предполагая, что тамъ прячутся значительныя военныя силы, осторожно подходили къ деревнямъ, но потомъ привыкли и не обращали на эти выстрѣлы никакого вниманія. Въ то же время передовые отряды нашей кавалеріи то здѣсь, то тамъ приходили въ соприкосновеніе съ непріятелемъ. Участникъ одной изъ этихъ стычекъ такъ разсказываетъ о ней:

„По наблюденіямъ нашихъ дозорныхъ, впереди насъ былъ отрядъ нѣмецкой пѣхоты. Мы разсыпались въ цѣпь и, спѣшившись, стали наступать. Нѣмцы открыли пальбу изъ пулеметовъ. Наши пулеметы стали отвѣчать и вскорѣ стрѣльба со стороны непріятеля прекратилась. Мы двинулись дальше. Пройдя еще верстъ съ пять, мы снова замѣтили непріятеля со стороны нашего праваго фланга. Нѣмцы тотчасъ-же снова открыли огонь.

Вскорѣ сильный нѣмецкій пѣхотный отрядъ съ артиллеріей показался и со стороны нашего фронта. Мы отошли за пригорокъ, снова спѣшились и залегли въ цѣпь. Тѣмъ временемъ въ дѣло вступила и наша артиллерія. Нѣмецкая артиллерія отвѣчала, но все никакъ не могла пристрѣляться,—снаряды то перелетали, то не долетали, падая неизмѣнно далеко отъ насъ.

Несмотря на очевидное превосходство силъ, нѣмцы ни разу не рискнули перейти въ атаку. Бой длился нѣсколько часовъ, и когда задача нашей развѣдки быда выполнена,—мы отошли къ главнымъ силамъ...

Перебѣжки они дѣлаютъ сомкнутымъ строемъ, а не цѣпью, и развернутому фронту предпочитаютъ колонныя построенія. Тѣхъ-же пріемовъ держится и ихъ кавалерія. Я ни разу не видѣлъ, чтобы ихъ уланы отступали вразсыпную. Всегда скачутъ кучей, отчего стрѣлять по нимъ легко, и они несутъ большой уронъ.

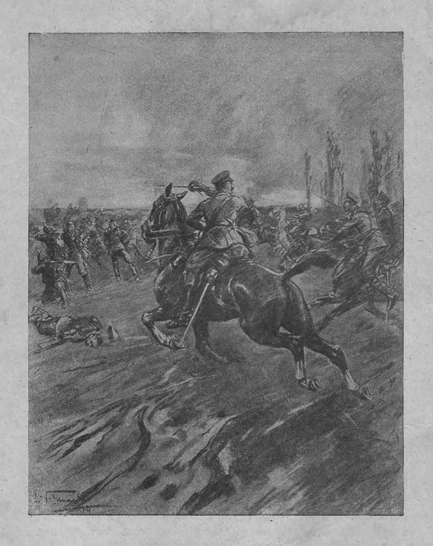
Любимый способъ ихъ развѣдки—забраться на дерево. Наши казаки снимаютъ ихъ оттуда очень легко: сажая на пику. Казаковъ нѣмцы боятся, какъ огня"...

Германская конница сосредоточивалась въ это время въ районѣ Пилькалена и Хоментово, а пѣхота—у Эйдткунена и Сталлупенена, намѣреваясь задержать наступленіе нашихъ главныхъ силъ.

Незадолго до открытія военныхъ дѣйствій, въ Вержболово пришелъ батальонъ въ составѣ по мирному времени. Этому батальону и пришлось первому принять на себя ударъ передовыхъ частей германской арміи. Бой у Вержболова начался обстрѣломъ города изъ орудій конной артиллеріи, имѣвшимъ въ результатѣ нѣсколько разрушенныхъ домовъ, но всѣ попытки нѣмцевъ выбить оттуда нашъ батальонъ потерпѣли неудачу.

А въ скоромъ времени нами были сосредоточены здѣсь значительныя кавалерійскія силы, явившіяся на помощь стойко державшемуся батальону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, части кавалеріи были направлены на Эйдткуненъ. И въ результатѣ пятидневныхъ стычекъ непріятель вынужденъ былъ отойти за границу, успѣвъ лишь зажечь артиллерійскимъ огнемъ посадъ Кибарты. Потери непріятеля были значительны, ибо онъ оставилъ послѣ себя на полѣ Вержболово—Эйдткуненъ до полутораста неубранныхъ труповъ и втрое большее количество раненыхъ.

Кавалерійская бригада противника не приняла атаки нашей кавалеріи и показала тылъ; отстрѣливаясь отступила и пѣ-

хота — 33-й полкъ, понесшій при отступленіи значительныя потери.

Всѣ эти дѣйствія съ 20 по 26 іюля съ обѣихъ сторонъ носили характеръ рекогносцировочный, для обнаруженія силъ противника и ихъ концентраціи. Непріятель усилилъ развѣдку посредствомъ аэроплановъ, одинъ изъ которыхъ, замѣченный

надъ Сувалками, былъ обстрѣлянъ нашей пѣхотой и сѣлъ въ болото у Августова, гдѣ и былъ захваченъ казаками. Авіаторъ оказался раненымъ, а аппаратъ былъ невредимъ.

Послѣ того какъ нѣмцы были оттѣснены за границу, кавалерійскія стычки на линіи Вержболово—Эйдткуненъ продолжались ежедневно, причемъ непріятельская кавалерія, не принимая кавалерійскихъ атакъ, отходила, отстрѣливаясь, подъ защиту пѣхоты. Наступленія-же послѣдней нами энергично отражались, и въ результатѣ нѣмцы несли значительныя потери.

25 іюля два эскадрона нашей кавалеріи, обойдя флангъ 33-го пѣхотнаго прусскаго полка, стремительно бросились въ атаку и у фланговой роты отбили два пулемета. Это были наши первые трофеи войны. И въ этой стычкѣ потери нѣмцевъ во много разъ превышали наши...

Попытка нѣмцевъ занять Вержболово закончилась для нихъ полной неудачей. Въ то же время мы воочію убѣдились, что боевыя качества германской арміи совершенно не соотвѣтствуютъ издавна сложившемуся убѣжденію о ея превосходствѣ, убѣжденію, основанному, очевидно, на ея внѣшней выправкѣ и шагистикѣ. Ихъ цѣпи сбивались въ кучи, какъ бараны, и несли большія потери отъ мѣткаго огня нашихъ частей. А самый способъ веденія ими войны вызывалъ негодованіе нашихъ солдатъ.

Скрываясь отъ преслѣдованія, они прятались въ дома и подвалы и предательски стрѣляли оттуда. Отвѣтомъ на это съ нашей стороны, въ силу необходимости, было уничтоженіе деревень.

Таковы были первыя дѣйствія германскихъ войскъ, разсѣявшія миражъ о какомъ-то „превосходствѣ" германцевъ. Яркой-же иллюстраціей ихъ хваленной неустрашимости и стойкости, между прочимъ, является слѣдующій небольшой, но характерный случай.

Дѣло было ночью, послѣ боя у Эйдткунена. Ночь выдалась темная, временами перепадалъ мелкій дождикъ. Русскій пѣхотный дозоръ, состоявшій изъ одного офицера и семи нижнихъ чиновъ, пробирался мелкимъ кустарникомъ. Курить нельзя было, говорили шопотомъ. Вдругъ въ сторонѣ послышался тихій разговоръ. Не удержавшись, одинъ изъ солдатиковъ, шутя, замѣтилъ вслухъ:

— Не нѣмцы-ли?..

И вслѣдъ за этимъ, точно изъ подъ земли, выросъ германскій офицеръ съ револьверомъ въ рукѣ. Русскій офи-

церъ, не растерявшись, подбѣжалъ къ германцу и по-нѣмецки крикнулъ:

— Сдавайтесь—или смерть!..

Въ это время въ сторонѣ засвѣтился огонекъ. Дозоръ бросился на огонь и увидѣлъ въ ямѣ группу нѣмцевъ. Направивъ сверху на нихъ винтовки, русскіе приказали имъ бросить оружіе и выйти. Нѣмцы, застигнутые врасплохъ, растерялись, немедленно бросили оружіе и вышли изъ ямы, оказавшейся окопомъ. Сдали оружіе и нѣмецкіе офицеры.

Недалеко въ кустахъ оказались привязанными двѣнадцать хорошихъ верховыхъ лошадей, а въ окопѣ, кромѣ оружія, оказался планъ мѣстности и нѣсколько электрическихъ фонариковъ. Изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что нѣмцы подобрались было совсѣмъ близко къ русскимъ войскамъ, а на обратномъ пути сбились и по плану стали опредѣлять мѣстность. Въ это время они и были замѣчены нашимъ дозоромъ. Взобравшись на германскихъ лошадей, наши пѣхотинцы погнали германскихъ кавалеристовъ впереди себя...

Аналогичныхъ и вродѣ этого случаевъ можно было бы привести много!

Въ то же время, въ противоположность этой трусливой растерянности нѣмцевъ, покорно сдающихся, несмотря на свое численное превосходство, наши солдаты побивали одинъ за другимъ рекорды беззавѣтной отваги и поразительнаго презрѣнія къ опасности. Такъ, напримѣръ, недалеко около Эйдткунена, впереди нашей линіи, непріятель взорвалъ шоссе. Въ образовавшуюся канаву германцы набросали жидкой грязи, а сверху насыпали битое стекло. Солдатикъ-велосипедистъ, отправленный на развѣдки, успѣшно выполнилъ возложенное на него порученіе и заторопился назадъ. Но едва только онъ повернулъ въ сторону русскихъ, какъ сзади по немъ непріятелемъ была открыта ружейная стрѣльба залпами. Солдатъ бѣшено помчался по шоссе и... вмѣстѣ съ велосипедомъ попалъ въ устроенную ловушку. Велосипедъ переднимъ колесомъ врѣзался глубоко въ грязь. Не имѣя возможности вытащить велосипедъ, солдатикъ оставилъ его и благополучно, подъ градомъ пуль, добрался до своихъ. Германцы хотѣли было взять велосипедъ, но наши своимъ огнемъ не давали имъ къ нему приблизиться.

— „Жаль,—разсказывалъ потомъ солдатъ,—было отдавать хорошую машину врагу!.. Перекрестился я и пошелъ прямо къ велосипеду"...

Нѣмцы стали пускать по смѣльчаку пули цѣлыми пачками.

— „Ничего не вижу я передъ собой,—разсказывалъ дальше солдатъ,—кромѣ велосипеда. Иду и иду. Подошелъ, вынулъ переднее колесо, посмотрѣлъ,—цѣла машина... Сѣлъ и поѣхалъ къ своимъ"!..

Уже недалеко отъ нашихъ передовыхъ частей въ него попала непріятельская пуля, и онъ былъ раненъ въ руку на вылетъ.

— „Ничего!—закончилъ солдатикъ, улыбаясь:—рука заживетъ, опять въ строй вернусь,—а на моей машинѣ нѣмцы не поѣдутъ"!..

Германскія войска съ самаго начала войны производили неудачныя попытки взять пограничную станцію Эйдткуненъ. Нѣмцы здѣсь дѣйствовали въ началѣ войны своимъ обычнымъ способомъ, главный недостатокъ котораго заключался въ томъ, что они не вводили сразу достаточное количество силъ, которое обезпечивало-бы имъ успѣхъ. Объяснить такой способъ дѣйствія можно лишь слишкомъ большой увѣренностью германскихъ начальниковъ въ своихъ войскахъ и высокомѣрнымъ отноше-

Эйдткуненъ.

ніемъ къ противнику, съ которымъ они такъ претенціозно надѣялись справиться съ малыми силами.

Послѣ этихъ попытокъ, закончившихся для нѣмцевъ полнымъ пораженіемъ, они сосредоточили войска по пути къ Пилькалену и повели наступленіе на Эйдткуненъ уже съ болѣе значительными силами, угрожая нашимъ войскамъ и съ сосѣдняго, находящагося отъ Эйдткунена въ 10 верстахъ, Сталлупенена, гдѣ были возведены укрѣпленія и также имѣлись войска.

Утромъ, 2 августа, у Эйдткунена начался бой, который продолжался цѣлый день до самаго вечера. Наши войска удержали за собой всѣ позиціи, оттѣснили германцевъ къ Сталлупенену и заняли станцію Эйдткуненъ. Городъ того-же названія почти весь сгорѣлъ отъ попадавшихъ во время сраженія въ его зданія снарядовъ.

Объ этомъ сраженіи разсказываетъ раненый подъ Эйдткуненомъ офицеръ, впервые въ своей жизни участвовавшій въ бою:

„Помню, какъ мы впервые шли въ огонь. Нашъ полкъ былъ выдвинутъ изъ резерва въ первую линію, когда уже бой разгорѣлся. Мы шли бѣглымъ шагомъ. Отъ мѣста стоянки до первой линіи боя намъ надо было перевалить черезъ холмъ, покрытый кустарникомъ и рѣдкимъ лѣскомъ. Бѣглымъ шагомъ поднимались мы на холмъ. Настроеніе давно уже было приподнятое, нервы взвинчены до-нельзя доносившимися къ намъ звуками канонады, видомъ пожаровъ, рѣдкими взрывами шальныхъ, залетѣвшихъ далеко за боевую линію, снарядовъ.

Поднявшись на горку, мы остановились передохнуть...

Прямо передъ нами въ громадной котловинѣ шелъ бой...

Непріятеля не видно. Впереди все застлано дымомъ и пылью, поднимающейся отъ разрыва снарядовъ. И надъ всѣмъ стоитъ протяжный, слитный, непрерывающійся гулъ орудій. Отдѣльныхъ выстрѣловъ не слышно. Какъ будто громадная фабрика смерти съ колоссальными маховиками пущена въ ходъ, и отъ ея работы слышно лишь одно непрерывное:

— У-у-у...

Этотъ звукъ производитъ наиболѣе страшное впечатлѣніе изъ всего, что я пережилъ.

Раскраснѣвшіяся было лица солдатъ, съ шутками и смѣхомъ взбиравшихся бѣгомъ на гору, стали блѣдны и сосредоточены. Кое-кто снимаетъ фуражку и крестится.

Успокаивающее впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ насъ раскинувшійся неподалеку санитарный отрядъ. У нихъ тоже лица блѣдныя, сосредоточенныя, но какой-то дѣловой сосредоточенностью; стоятъ они спокойно, приглядываясь къ перебѣгающимъ впереди цѣпямъ.

Вотъ откуда-то имъ подали сигналъ, и съ горы опрометью бросились автомобили, мотоциклетки, поскакали линейки, побѣжали съ носилками санитары. Видъ этихъ бѣгущихъ впереди людей, переступившихъ завѣтную черту, на которой остановились мы, какъ-то самъ собою влилъ въ насъ новое настроеніе, стеръ, отодвинулъ куда-то вдаль ту роковую черту, передъ которой мы только что стояли. Стало легче, появилась возможность оглядѣться.

За дымомъ и пылью чуть видны разбросанныя впереди по склону цѣпи нашихъ резервовъ, отчетливѣе замѣтны поспѣшно поднимающіеся въ гору санитары. Влѣво отъ насъ стоятъ патронныя двуколки какого-то полка.

Толстая, сытая, старая лошадь тянется мордой къ вѣткѣ дерева, обрываетъ листья и жуетъ, другая молодая, болѣе нервная, не стоитъ на мѣстѣ, перебираетъ ногами и все пытается тронуться куда-то,—солдатъ кучеръ спокойно осаживаетъ ее:

— Сто-ой!..

Кто-то говоритъ сзади:

— Съ Богомъ! Впередъ!..

И мы бѣжимъ куда-то внизъ, съ крикомъ „ура" перескакиваемъ черезъ какіе-то рвы, ручьи, пробираемся сквозь поломанный кустарникъ...

Дальше мое сознаніе не сохранило отчетливо событій всего послѣдующаго дня.

Была, видимо, штыковая атака, потому что мы бѣжали, кололи непріятеля, перескакивали черезъ какіе-то окопы, возвращались назадъ и залегали въ этихъ окопахъ, часто стрѣляли, поднимались и снова бѣжали... По окончаніи боя, генералъ благодарилъ насъ за молодецкое дѣло...

Но странно, я не помню отчетливо и ясно фигуръ враговъ передъ собой и вотъ тѣхъ мелочей изъ мѣстности и обстановки боя, которыя запоминаются обычно такъ прочно. Какъ будто все, что я пережилъ за этотъ день и въ чемъ я участвовалъ, я видѣлъ во снѣ и потомъ, проснувшись, забылъ подробности этого сна.

Вполнѣ пришелъ я въ себя лишь вечеромъ, въ большой, просторной, блиндированной землянкѣ, вырытой въ окопахъ, биткомъ набитой офицерами. Въ одномъ углу кто-то поетъ. Въ сторонѣ на широкихъ нарахъ вповалку лежатъ усталыя и промокшія тѣла; посрединѣ—уже обстрѣлянная и никогда не унывающая молодежь танцуетъ какой-то новый танецъ подъ самодѣльную музыку „на губахъ".

Я выглянулъ изъ землянки. Только что прошелъ проливной дождь, въ окопѣ было по колѣна воды. По ровному мѣсту бѣжали мутные ручьи. Солдаты, шутя переругиваясь, сбивались въ кучи, стараясь найти сухое мѣсто. По небу неслись обрывки тучъ, были видны звѣзды, и на западѣ догорала ровная, такая мирная, спокойная и успокаивающая полоска зари...

— Эхъ, мать честная!..—И грязно-же завтра будетъ итти!..—говоритъ кто-то изъ солдатъ, зѣвая...

Я окончательно пришелъ въ себя"...

Въ битвѣ подъ Эйдткуненомъ нѣмцы очень разсчитывали на свою кавалерію и неоднократно пускали ее въ ходъ.

„Жуткое, серьезное впечатлѣніе производитъ во время боя атака кавалеріи на пѣхоту!"—разсказываетъ тотъ же офицеръ:—„Это останется на всю жизнь!..

Бой разыгрался въ огромной котловинѣ, мѣстами открытой, мѣстами поросшей жидкимъ лѣсомъ. Непріятель прятался за нимъ, и оттуда несся грохотъ его орудій и летѣли снаряды. Наша батарея тоже была спрятана въ лѣсу, откуда отвѣчала безпрерывной пальбой.

День клонился къ закату, солнце уже низко висѣло надъ холмами, окаймлявшими котловину, но артиллерійскій бой не прекращался. Чувствовалось, что вотъ-вотъ что-то должно разразиться....

Непріятельская батарея неожиданно умолкла.

Мы подумали было, что наша лихая артиллерія, отличавшаяся удивительно мѣткимъ прицѣломъ, заставила ее замолчать, какъ вдругъ изъ-за лѣса, находившагося саженяхъ въ пятистахъ отъ насъ, выкатилась и понеслась къ намъ туча пыли, развернувшейся поперекъ котловины длинной, волнующейся завѣсой.

Наша батарея тоже затихла, словно выжидая чего-то.

По мѣрѣ приближенія къ намъ этой пыльной завѣсы, мы стали различать въ ней отдѣльныя, быстро двигавшіяся и все увеличивавшіяся точки, въ которыхъ скоро уже нетрудно было

угадать всадниковъ на лошадяхъ. Это летѣла на насъ конница, летѣла бѣшенымъ вихремъ, ураганомъ, котораго, казалось, ничто не могло остановить...

Признаюсь, ожиданіе было жуткое!

Нечего говорить о томъ, что никто изъ насъ никогда не испытывалъ ничего подобнаго.

На насъ летѣли сотни лошадей съ вооруженными всадниками, обнаженныя сабли которыхъ зловѣще, какъ молніи, сверкали въ лучахъ заходящаго солнца,—и мы стояли, не шевелясь, точно застыли, окаменѣли; казалось, кровь остановилась въ жилахъ и сердце перестало биться... У каждаго изъ насъ въ мозгу была лишь одна мысль,—не пропустить-бы минуты, не дать имъ доскакать до предѣла.

Каждая минута казалась вѣчностью. Молчаніе артиллеріи начинало пугать: не случилось ли тамъ что-нибудь?..

— Огонь по кавалеріи!—раздается вдругъ команда:—Вызвать резервы!..

Цѣпь начинаетъ разворачиваться такъ, чтобы встрѣтить надвигающуюся кавалерію съ фронта и охватить огнемъ во флангъ.

Трескотня ружей усиливается. Только успѣвай заряжать и перемѣнять обоймы. Винтовка накаляется... Видно уже ясно, какъ развернутая широкимъ фронтомъ, по пятьсотъ всадниковъ въ рядъ, несется кавалерійская часть.

Ближе, ближе,—кажется, еще нѣсколько минутъ—и отъ насъ не останется и слѣда...

Въ это время стоявшая гдѣ-то въ сторонѣ батарея начинаетъ обстрѣливать бѣглой картечью надвигающуюся лавину всадниковъ.

Видно, какъ падаютъ лошади и перескакиваютъ черезъ упавшихъ скакавшіе сзади.

Кавалерія совсѣмъ близко.

„Прорвались!"—мелькаетъ гдѣ-то глубоко тревожная мысль.

Но тутъ, подпустивъ на нужное имъ разстояніе, начинаютъ свою работу пулеметы.

— Поливаютъ!—съ удовлетвореннымъ вздохомъ говорятъ солдаты.

Пушечный громъ, трескъ ружей и пулеметовъ сливаются въ одинъ протяжный, грозный, ни съ чѣмъ несравнимый ревъ, грохотъ, вой.

Первый рядъ лошадей падаетъ, точно скошенный, на нихъ налетаетъ новый и тоже падаетъ. Той-же участи под-

вергаются новые и новые всадники, вылетающіе изъ позлащеннаго солнцемъ облака пыли, какъ духи изъ адскаго пламени.

Люди и лошади смѣшались въ одну кучу, образуя длинный, живой, судорожно копошащійся валъ, роковую черту, черезъ которую ни одному всаднику не удастся прорваться.

А они все летятъ и летятъ. Артиллреія безпрерывно гремитъ, ружья даютъ залпъ за залпомъ, скашивая рядъ за рядомъ,— но рядамъ этимъ нѣтъ конца, точно преисподняя выслала всѣ свои полчища, въ которыхъ изъ каждаго убитаго образуются десятки живыхъ.

И въ сердце снова невольно закрадывается смущеніе: а вдругъ прорвутся?

Но это только на одно мгновеніе.

Наша артиллерія прекрасно знаетъ свое дѣло: у нея ни одинъ снарядъ даромъ не пропадаетъ. Передъ непріятельской конницей точно стоитъ огненная стѣна, о которую разбиваются ея ряды, тщетно пытаясь прорваться впередъ.

Уже ясно видно, что ихъ дѣло проиграно. Много всадниковъ перебито, остальные, не долетая до вала, сдерживаютъ взбѣшенныхъ коней, поворачиваютъ ихъ и летятъ назадъ.

Тѣ, кому не удалось задержаться, налетаютъ на живую стѣну и падаютъ, увеличивая ее...

Наконецъ, послѣдніе бѣглецы скрылись за лѣсомъ...

Канонада умолкла.

Солнце сѣло. Котловина затянулась легкимъ, призрачнымъ туманомъ, скрывъ трупы и корчившіяся тѣла раненыхъ—лошадей и людей, стоны которыхъ, казалось, исходили изъ подземелья.

Побѣда намъ досталась, сравнительно, легко: въ этомъ дѣлѣ мы почти не имѣли потерь. Но я никогда не забуду того колоссальнаго нагряженія, съ какимъ мы смотрѣли на мчавшуюся на насъ конницу, ожидая ея налета"...

Другой офицеръ, участникъ этого-же сраженія, тоже получившій въ немъ первое боевое крещеніе, такъ передаетъ свои впечатлѣнія:

„Въ мирное время трудно постичь,—что такое дѣйствительный бой.

Знаю, что я долженъ наводить орудія, знаю, что я долженъ стрѣлять въ непріятеля, знаю, что чѣмъ больше я выведу изъ вражескаго строя солдатъ—тѣмъ лучше для меня и для нашей арміи.

Это, если хотите знать,—конечная цѣль борьбы. Но все это—только въ теоріи, въ сознаніи моего „я".

Но вотъ, объявили войну. Нашу бригаду отправили на театръ военныхъ дѣйствій...

Охотно иду я, охотно идутъ другіе. Всѣ мы думаемъ, одно и то же: стрѣлять въ непріятеля и выводить какъ можно больше изъ строя.

Пришли. Намъ сказали, что завтра утромъ начнется бой, указали мѣсто, вручили начальнику бригады планъ дѣйствій нашей артиллеріи.

Въ шесть часовъ утра мы открыли огонь по невидимому, но предполагаемому непріятелю. Къ полудню намъ сказали, что цѣлый нѣмецкій корпусъ старается обхватить наше правое крыло...

Намъ скомандовали:

— Направо маршъ!..

И мы пошли.

Занимаемъ новую позицію и ждемъ.

Вдругъ мы видимъ—идетъ непріятель. Одновременно непріятельская артиллерія открыла противъ насъ огонь.

Навожу орудія, отдаю приказъ стрѣлять.

Въ четвертой батареѣ начинаютъ таять наши офицеры. Я—въ третьей; у насъ пока безъ потерь.

Вижу, нѣмцы пошли въ атаку. Одинъ полкъ, другой...

Навожу орудія, пускаю снарядъ... въ самую гущу перваго полка... Потомъ второй снарядъ, третій... Вижу, какъ падаютъ люди, вижу даже, какъ взлетаютъ кверху разорванные на части трупы...

Проходитъ полчаса. Одинъ полкъ непріятеля разстрѣлянъ, разстрѣлянъ и второй, а я все навожу и стрѣляю... Нервная дрожь исчезаетъ, я прихожу въ ярость и безъ всякаго сострадація палю въ непріятеля...

А онъ все подступаетъ, и все ложится.

Я не понимаю вражескаго маневра. Но что онъ мнѣ сейчасъ? Что мнѣ его замыслы?.. Я занимаю удачную позицію и кошу его, точно крѣпкій батракъ, съ косою въ рукахъ забравшійся на густое клеверное поле.

Я стрѣляю въ самую гущу людей... Напряжены только мускулы, остальное все въ параличѣ. Такой параличъ, что я лично не чувствовалъ боли отъ полученной мною раны, даже не почувствовалъ, когда я былъ раненъ... Помню только, какъ закружилась у меня голова, въ глазахъ стало мерцать,— и ужъ дальше ничего не помню: упалъ въ полуобморочномъ состоянiи на землю.

Меня подобрали санитары и унесли"...

Въ другихъ сообщенiяхъ объ этомъ сраженiи указывается на превосходную артиллерiйскую стрѣльбу нѣмцевъ, легко объясняемую прекраснымъ знанiемъ мѣстности, каждой складки ея, каждаго прикрытiя. Однако, несмотря на то, что огонь ихъ былъ очень силенъ, и зачастую поразительно мѣтокъ, наши солдаты держались твердо, не уступая непрiятелю ни одной пяди земли.

Послѣ боя у убитыхъ нѣмецкихъ офицеровъ были найдены прекрасныя топографическiя карты, датированныя 1907 годомъ, когда въ этой мѣстности нѣмцы производили маневры.

Вскорѣ послѣ того, какъ нѣмцы открыли стрѣльбу бризантными снарядами,—выступили на позицiю наша дивизiонная полевая артиллерiя и пулеметы. Нашъ шрапнельный огонь произвелъ среди наступавшихъ нѣмцевъ панику. Пулеметныя роты съ 300 шаговъ также развили убiйственный огонь и сметали цѣлыя цѣпи противника.

Въ результатѣ наступленiе было задержано, а предполагавшiйся обхватъ нашего крайняго праваго фланга противнику не удался...

Здѣсь, подъ Эйдткуненомъ впервые было выяснено, что нѣмецкiе полки прiучены наступать тяжелыми, грузными цѣпями. Офицеры идутъ за своими командами и, повидимому, боятся выпустить инициативу командованiя изъ своихъ рукъ.

Насколько былъ силенъ уронъ въ нѣмецкихъ частяхъ въ этомъ бою, показываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что взятые въ плѣнъ нѣмецкiе пѣхотинцы разсказывали, что отъ ихъ ротъ осталось въ каждой не болѣе 3—4 человѣкъ.

Гольдапъ.

Наше побѣдоносное наступленіе заставляло спѣшно отступать германскія войска, наводившія на мирныхъ жителей Восточной Пруссіи панику разсказами всевозможныхъ небылицъ о русскихъ. Говорили о томъ, что нѣмецкія селенія поджигаются русскими, что съ нѣмецкими плѣнными и мирными жителями мы обращаемся жестоко.

На самомъ дѣлѣ, все обстояло совершенно иначе. Обыкновенно, деревушки и зданія, попадавшіяся на пути русскихъ войскъ, поджигались самими-же нѣмцами и по большей частью ночью, съ цѣлью обозначить наши фронтальныя части; въ то же самое время нѣмецкіе прожектора обшаривали каждую впадину, каждое прикрытіе на нашихъ флангахъ.

Насколько неожиданнымъ и стремительнымъ былъ нашъ ударъ на Восточную Пруссію—показываютъ хотя-бы такіе мелкіе факты.

Въ покинутыхъ нѣмцами домахъ на столахъ мы находили еще горячій кофе, свѣже-испеченный хлѣбъ, молоко, провизію, почему наши солдаты имѣли тамъ превосходный столъ и подчасъ смѣялись:

— Что, ребята, нынче заваривать будемъ—кофе или какао?..

Явленіе это было повсемѣстнымъ. Поэтому передовыя части нашихъ войскъ, наступавшихъ по прусской территоріи, проходя по безлюднымъ оставленнымъ жителями деревнямъ и имѣніямъ, зачастую не пользовались провіантомъ своего обоза, а довольствовались тѣмъ, что оставили спѣшно удиравшіе нѣмцы. Правда, время отъ времени изъ-за угла раздавались предательскіе выстрѣлы, но въ большинствѣ случаевъ они никому вреда не причиняли

Изъ маленькихъ городковъ германское войско бѣжало безъ боя; около болѣе крупныхъ оно пыталось защищаться, но какъ только русскіе брали ружья на перевѣсъ, такъ всѣ германцы скрывались на автомобиляхъ, а если таковыхъ не оказывалось—прямо разбѣгались.

Такъ день за днемъ бои въ Восточной Пруссіи всюду заканчивались для насъ благопріятно, и четвертаго августа нами заняты были города Гольдапъ и Арисъ.

О боѣ у Гольдапа раненые герои разсказываютъ слѣдующія подробности:

4 августа, при наступленіи русскихъ войскъ, германцы, оставивъ Гольдапъ, отошли отъ него верстъ на 10—12 и за-

сѣли въ окопахъ. Мѣстность была ровная. Укрываясь въ окопахъ, нѣмцы открыли по нашимъ войскамъ артиллерійскій огонь.

Отступивъ немного назадъ, русскіе оттянули тѣмъ самымъ воспрянувшихъ было духомъ нѣмцевъ отъ ихъ окоповъ. Въ это время къ намъ подошли новыя силы и внезапно для нѣмцевъ воздухъ огласился громовымъ „ура": наши войска рѣшили принять нѣмцевъ на штыки!—Но тѣ догадались, что попались въ ловушку и, повернувъ назадъ, побросали оружіе и обратились въ бѣгство.

Однако, уйти удалось очень немногимъ. Одна рота прибывшаго подкрѣпленія, зайдя нѣмцамъ въ тылъ, открыла по нимъ ружейный огонь пачками.

— Какъ снопы валились нѣмцы!..

Послѣ этого два дня шли безъ боя. А при занятіи Гольдапа у насъ изъ строя убитыми выбыло всего на-всего три человѣка.

Въ Гольдапѣ русскими войсками было найдено много хлѣба, крупы, муки и фуража. Однимъ печенымъ хлѣбомъ продовольствовался цѣлый полкъ въ теченіе нѣсколькихъ дней!..

Повальное бѣгство жителей объясняется конечно тѣми фантастическими слухами о жестокости русскихъ войскъ, въ особенности казаковъ, которые распространяли съ вполнѣ понятной цѣлью отступавшіе передъ нами нѣмецкія войска. Насколько эти слухи не имѣли подъ собою никакого основанія, явно противорѣча кореннымъ свойствамъ русской души, видно хотя бы изъ слѣдующихъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто у Гольдапа.

Подъ городомъ Гольдапомъ расположена небольшая нѣмецкая деревушка Коваленъ. Въ окрестностяхъ этой деревни и разыгралось одно изъ сраженій.

Послѣ первыхъ же выстрѣловъ все мирное населеніе этой деревни убѣжало въ лѣсъ. И хорошо сдѣлало: такъ какъ во время этого довольно упорнаго сраженія снарядами были разрушены почти всѣ ихъ хижины.

По окончаніи боя нѣмцы отступили по ту сторону деревни Коваленъ, русскіе же остались по эту. Стояли въ такомъ положеніи почти семь дней, изрѣдка безпокоя другъ друга ружейными выстрѣлами. Наконецъ, потерявъ надежду отстоять эту позицію, нѣмцы окончательно отступили, предварительно поджегши и безъ того уже разрушенную и разоренную деревушку.

Наши войска погнались за нѣмцами и маленькую деревушку, превращенную въ груду развалинъ и пепла, оставили у себя въ тылу.

Мужское населеніе деревни почти все отправилось на войну. Остались дома старики, женщины, дѣти. Всѣ они, убѣжавъ въ лѣсъ при первыхъ же выстрѣлахъ, оставались тамъ семь дней, питаясь чѣмъ попало. Дѣти, что постарше, ухитрялись по ночамъ пробираться въ поле, гдѣ они набирали картофель, который на слѣдующій день пекли въ глубинѣ лѣсной чащи на разложенномъ кострѣ, и этимъ питались. Всего ихъ было—четыре старика, восемь женщинъ и двадцать дѣтей.

Когда ушли нѣмецкія войска, а вслѣдъ за ними ушли и наши, всѣ эти 32 старыхъ и малыхъ жителя деревни Коваленъ выползли изъ лѣса и, крадучись, стали пробираться къ своимъ разрушеннымъ гнѣздамъ. Изголодавшіеся въ теченіе семи дней, они ничего не нашли и у себя дома: въ деревнѣ было пусто. Присѣли у края дороги и стали думать, что дѣлать, куда итти?..

Въ это время къ деревушкѣ подъѣхали два русскихъ подрядчика: польскіе евреи В. и Г. Голодные нѣмцы, въ особенности дѣти, бросились къ нимъ навстрѣчу и, протягивая руки, стали просить:

— Нѣтъ-ли у васъ хлѣба!.. Дайте намъ, мы очень голоды!..

Подрядчики имѣли при себѣ по нѣсколько буттербродовъ и охотно отдали ихъ дѣтямъ. Надо было видѣть, съ какою жадностью набросились на эти буттерброды голодные ребята!

Въ это время вдругъ показались казаки,—точно изъ земли выросли. Кто-то изъ нѣмцевъ, первый замѣтившій ихъ, крикнулъ:

— Казаки!.. Спасайтесь!..

Всѣ тридцать два человѣка, несмотря на усталость, быстро шарахнулись въ сторону, чтобы снова бѣжать въ лѣсъ. Но подрядчики наши остановили ихъ.

— Куда вы убѣгаете?.. Напрасно вы боитесь такъ казаковъ! Такихъ какъ вы—они не тронутъ. Увѣряемъ васъ!..

Нѣмцы остановились, но, тѣмъ не менѣе, съ ужасомъ смотрѣли на подъѣхавшихъ казаковъ.

Между тѣмъ, казаки прежде всего справились у подрядчиковъ:

— Вы кто такіе?

— Мы—русскіе,—отвѣтили тѣ:—подрядчики Н-ской дивизіи.

— А это кто?—указывая на нѣмцевъ, продолжали свой допросъ казаки.

Подрядчики объяснили, добавивъ:

— Они бросились было наутекъ. Мы насилу убѣдили ихъ, что мирнымъ жителямъ, да еще такимъ бѣднякамъ, какъ они, бояться васъ нечего...

Казаки послѣзали съ лошадей, разложили на травѣ хлѣбъ и сало, пригласили нѣмцевъ расположиться рядомъ и стали ихъ угощать. При этомъ казаки интересовались ихъ жизнью и предлагали нѣмцамъ вопросы, которые переводилъ на нѣмецкій языкъ г. В. Онъ же переводилъ и отвѣты съ нѣмецкаго на русскій.

Одинъ изъ стариковъ-нѣмцевъ, послѣ ухода казаковъ, замѣтилъ, обращаясь къ подрядчикамъ:

— И это тѣ страшные казаки, которые бьютъ нашу кавалерію?... Нѣтъ, это не можетъ быть!... Тѣ—другіе... а эти не тѣ... Не вѣрю... честное слово!..

А вотъ разсказъ одного казака, дышащій безыскусственной простотой и неподдѣльной правдой, о другомъ случаѣ, не

менѣе ярко иллюстрирующемъ „жестокость“ нашихъ казаковъ по отношенію къ мирнымъ жителямъ.

— „Нѣмцы обвиняютъ насъ Богъ вѣсть въ какихъ жестокостяхъ. Слово „казакъ“ стало пугаломъ для нѣмецкихъ дѣтей; оно звучитъ въ устахъ нѣмцевъ какъ „дикарь“, „варваръ“, „палачъ“...

Я не собираюсь оправдываться, пусть оправдываются тѣ, кто виноватъ, а наша совѣсть чиста, такъ чиста, что нѣмцы могли-бы позавидовать ей. Я хочу только разсказать одинъ случай, который лучше всякихъ оправданій можетъ доказать лживость обвиненій, возводимыхъ на насъ нашимъ непріятелемъ.

Наше упорное наступленіе заставило, наконецъ, нѣмцевъ густой массой двинуться навстрѣчу намъ. Пришлось произвести перегруппировку нѣкоторыхъ частей, и моя сотня получила приказъ, прикрывая наше частичное отступленіе, взорвать за собой мостъ, перекинутый черезъ небольшую, но очень глубокую рѣченку.

По другую сторону рѣки чернѣлъ сосновый лѣсокъ, и на самой опушкѣ его виднѣлся старенькій, очевидно, покинутый хозяевами, домишко.

Мы минировали мостъ. Одинъ изъ моихъ казаковъ, прозванный за свою безшабашную лихость „Гришка Удалецъ“, долженъ былъ поджечь бикфордовъ шнуръ, въ то время, какъ мы всѣ, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженей, ожидали результатовъ взрыва.

Шнуръ былъ подожженъ на нашихъ глазахъ. „Удалецъ“ осторожно подползъ къ своему коню, вскочилъ въ сѣдло и галопомъ помчался къ намъ.

Въ этотъ мигъ мы замѣтили какую-то человѣческую фигуру, двигавшуюся вдоль рѣки и направлявшуюся къ мосту.

Сперва мы приняли ее за непріятельскаго солдата и ужъ навели было наши винтовки, какъ вдругъ кто-то крикнулъ:

— Не стрѣляйте, это женщина!..

Дѣйствительно, вдоль опушки пробиралась старая крестьянка, очевидно, хозяйка покинутаго домика. За плечами у нея висѣлъ мѣшокъ, подъ тяжестью котораго она едва передвигала ноги и шла тихонько прямо къ мосту, который долженъ былъ сейчасъ взорваться.

Мы принялись кричать ей, размахивали руками, стрѣляли въ воздухъ, чтобы привлечь ея вниманіе и предупредить объ опасности.

Увы! Она не подымала головы, не видѣла, не слышала ничего и все шла впередъ и впередъ...

Но наши крики долетѣли зато до слуха „Удальца". Онъ приподнялся на стременахъ, обернулся и, мигомъ сообразивъ въ чемъ дѣло, карьеромъ поскакалъ назадъ. У насъ мелькнула мысль: онъ хочетъ спасти старуху! Но какъ онъ это сдѣлаетъ?..

Нѣсколько человѣкъ изо всѣхъ силъ крикнули ему вслѣдъ:

— Брось! Поздно! Самъ взлетишь на воздухъ!.. Брось, Гришка!.. „Удалецъ" обернулся и звонко отвѣтилъ однимъ своимъ любимымъ словечкомъ:

— Пронесетъ!..

Мы слѣдили за нимъ съ замирающимъ сердцемъ. Мы видѣли, какъ пламя ползло по шнуру, извивавшемуся вдоль камней; ползло, все ближе, ближе... Сейчасъ взорвется... сейчасъ...

Въ этотъ мигъ конь „Удальца" въ три прыжка перемахнулъ черезъ мостъ и уже мчался по той сторонѣ рѣки.

И тотчасъ-же раздался громовый гулъ, ревъ, грохотъ... Какъ будто адъ разверзся подъ ногами!.. Густое, черное облако дыма и пыли застлало намъ глаза...

Когда даль снова прояснилась—мы съ тревогой и ужасомъ устремились взглядомъ туда, гдѣ, по нашимъ предположеніямъ, должны были быть трупы нашего „Удальца" и старухи, которую онъ бросился спасать... Мы были увѣрены, что они погибли подъ грудой съ бѣшенной силой низвергнувшихся на нихъ осколковъ...

Но случилось чудо: навстрѣчу намъ черезъ рѣку плылъ на своемъ скакунѣ невредимый „Удалецъ", бережно придерживая перекинутую черезъ сѣдло женщину, очевидно, лишившуюся чувствъ.

Доплывъ до берега, онъ положилъ свою ношу на траву и подошелъ къ намъ, поблескивая глазами.

И первое его слово было:

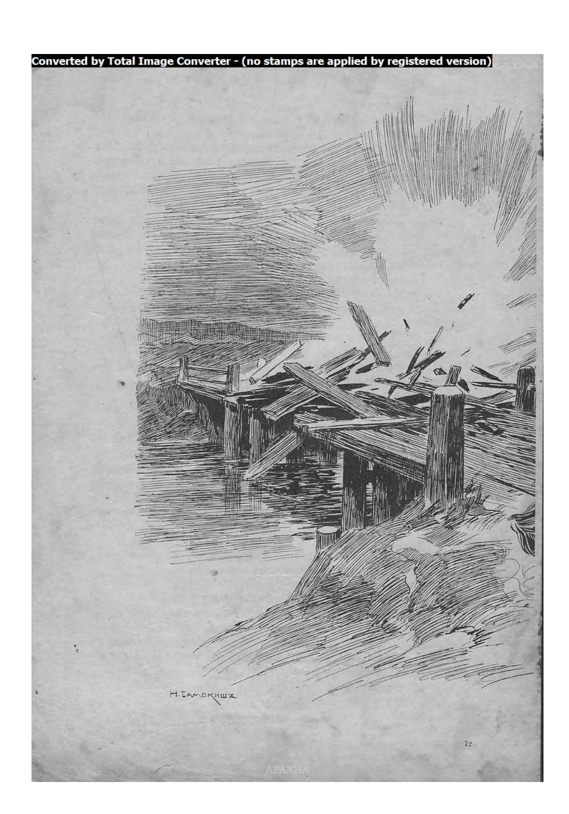
-- Пронесло, небось? Вызволилъ нѣмку-то!..

Да „вызволилъ"!.. Этотъ „дикарь", этотъ „варваръ"... „вызволилъ",—и если-бы ему сказали, что онъ совершилъ геройскій подвигъ, спасая чуждую ему женщину, можетъ быть, мать своего врага—онъ, вѣроятно, сконфуженно отвѣтилъ-бы другимъ своимъ любимымъ словомъ:

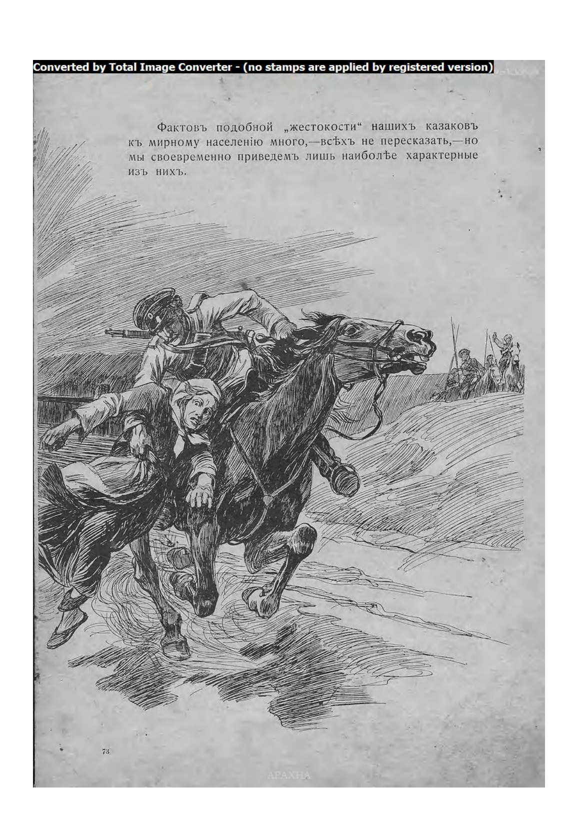
— Э, чего тамъ!..

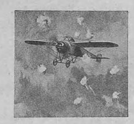
И прибавилъ-бы задорно:

— Вѣдь, пронесло!..

Н. Самокишъ

Фактовъ подобной „жестокости“ нашихъ казаковъ къ мирному населенію много,—всѣхъ не пересказать,—но мы своевременно приведемъ лишь наиболѣе характерные изъ нихъ.

Сталлупененъ.

Отбивъ наступленіе нѣмцевъ на Эйдткуненъ съ большими для нихъ потерями, наши войска, какъ мы уже это отмѣтили выше, сами перешли въ наступленіе.

По пути къ Сталлупенену нашъ передовой кавалерійскій отрядъ расположился на ночлегъ въ лѣсу, близъ дороги.

Ночью часовой донесъ, что по дорогѣ движутся значительныя силы нѣмецкой конницы. Посланные развѣдчики сообщили, что нѣмцы превышаютъ насъ численностью въ 10—15 разъ. Въ виду этого нашъ отрядъ рѣшилъ углубиться дальше въ лѣсъ, чтобы нѣмцы его не замѣтили.

Когда нѣмецкая конница прошла по дорогѣ, не замѣтивъ близости врага, наши кавалеристы также осторожно вышли на дорогу и отправились слѣдомъ за ней.

Вступить въ открытый бой съ врагомъ было невозможно, въ виду его слишкомъ большого численнаго превосходства, а обойти непріятельскую конницу также нельзя было изъ опасенія попасть въ болото. Между тѣмъ, необходимо было, во что-бы то ни стало, предупредить находившіяся впереди наши войска о движеніи нѣмцевъ. Къ счастью, судьба нашему отряду улыбнулась.

У одного изъ нѣмецкихъ кавалеристовъ лопнула подпруга сѣдла, и ему пришлось немного задержаться и отстать отъ своихъ. Наши кавалеристы, преслѣдовавшіе нѣмцевъ по пятамъ, тотчасъ-же окружили замѣшкавшагося солдата и захватили его врасплохъ, такъ что онъ не успѣлъ даже вскрикнуть, чтобы позвать на помощь ушедшихъ впередъ товарищей.

Нѣмца обезоружили, разспросили о расположеніи нѣмецкихъ войскъ и о мѣстности. Солдатъ оказался полякомъ, настроеннымъ къ нашимъ войскамъ весьма доброжелательно, и на разспросы охотно сообщилъ, что по близости есть едва замѣтная тропинка, по которой можно опередить нѣмцевъ.

Дѣйствительно, воспользовавшись дорогой, указанной плѣнникомъ, нашъ отрядъ успѣлъ во время предупредить наши войска о приближеніи нѣмецкой кавалеріи. И не ожидавшіе отпора нѣмцы были встрѣчены должнымъ образомъ: почти весь отрядъ ихъ конницы былъ уничтоженъ...

Наша армія, не давая опомниться врагу, наступала впередъ, на фронтъ противника—Сталлупененъ—Каттенау. Какъ извѣстно, на всемъ этомъ фронтѣ 4 августа разыгрался бой, въ кото-

ромъ противъ насъ приняли участіе три германскихъ корпуса, численностью до 120 тысячъ штыковъ и сабель, при нѣсколькихъ десяткахъ полевыхъ, конныхъ и гаубичныхъ батарей, составившихъ въ общемъ до 200 орудій.

Бой начался около 9 часовъ утра, при чемъ непріятель не успѣлъ даже использовать свои временныя полевыя укрѣпленія впереди Сталлупенена и, подъ напоромъ передовыхъ частей нашей арміи, отошелъ за Сталлупененъ, тотчасъ-же занятый нашими войсками. Но дальнѣйшее наше движеніе впередъ встрѣтило упорное сопротивленіе,—и около одиннадцати часовъ утра по всему фронту начался бой нашей арміи съ противникомъ.

Подъ огнемъ непріятельскихъ гаубицъ, пулеметовъ и ружей, охватывая фланги противника—грудью шла на врага наша армія,—и подъ ея напоромъ германцы очищали свои позиціи одну за другой, оставляя на нихъ тысячи убитыхъ и раненыхъ.

Къ шести часамъ вечера непріятель былъ окончательно выбитъ изъ всѣхъ своихъ позицій и безпорядочно отступалъ къ Гумбинену, преслѣдуемый по пятамъ нашими доблестными войсками.

Къ девяти часамъ вечера канонада уже стихла, а нѣсколько позднѣе прекратилась и трескотня пулеметовъ и ружей. Армія расположилась на отдыхъ на полѣ сраженія...

Одновременно съ боя былъ занятъ и Каттенау.

Такимъ образомъ, нѣмцы отступили по всему фронту, оставивъ въ нашихъ рукахъ 15 орудій и 12 зарядныхъ ящиковъ. Плѣнныхъ, въ томъ числѣ и раненыхъ, было свыше 500 человѣкъ ..

Весь разсчетъ нѣмцевъ покоился на количественномъ и качественномъ преимуществѣ ихъ огня и на обходныхъ движеніяхъ. Но первое оказалось печальнымъ для нихъ заблужденіемъ, а второе имъ ни разу не удалось, благодаря бдительности нашихъ пѣхотныхъ частей и всегда находящихся впереди нихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ. Между прочимъ, среди другихъ практическихъ указаній этотъ бой показалъ намъ, что нѣмцы не стѣсняются злоупотреблять бѣлымъ флагомъ: выкидывая его, они останавливаютъ огонь наступающихъ частей, предполагающихъ, что непріятель сдается, а затѣмъ, когда часть снимается и подходитъ ближе,—нѣмцы открываютъ по ней огонь.

Такіе случаи были дважды у деревни Шинказенъ. Эта гнусность привела въ концѣ концовъ къ тому, что бѣлый флагъ перестал служить признакомъ сдачи...

Занятый нами Сталлупененъ—чистенькій нѣмецкій городокъ, совершенно нетронутый, былъ покинутъ жителями, изъ числа коихъ въ городѣ осталось лишь 2—3 десятка. Вся обстановка, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, указывала на поспѣшность бѣгства населенія, вѣрившаго, очевидно, въ „непобѣдимость“ своей арміи и потому остававшагося спокойнымъ до самой послѣдней минуты. Даже бой подъ Эйдткуненомъ и бѣгство изъ него жителей не повліяли на нихъ, и Сталлупененъ былъ очищенъ жителями одновременно съ нѣмецкими войсками.

День пятаго августа прошелъ спокойно: обѣ арміи готовились къ слѣдующему очередному бою...

Наши доблестныя войска проводили такіе, рѣдко выпадавшія имъ на долю, моменты затишья отъ непрестанныхъ боевъ и походовъ далеко не въ праздности. Кромѣ чисто военныхъ, боевыхъ задачъ, выполнявшихся ими въ такіе дни, у войскъ было много и другихъ самыхъ разнообразныхъ потребностей, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ всегда занимаетъ чисто религіозная потребность русскаго солдата помолиться Богу за павшихъ товарищей и просить его о дарованіи дальнѣйшихъ побѣдъ нашему оружію!.. Рѣдко удавалось имъ удовлетворить эту потребность. Зато какія поразительныя, незабвенныя картины представляли изъ себя эти моленія на полѣ брани!..

Вотъ какъ описываетъ одно изъ такихъ моленій очевидецъ:

Величественную и трогательную картину представляло богослуженіе на полѣ битвы, передъ окопами, въ которыхъ молившіеся солдаты встрѣчали смерть, несущуюся на нихъ въ огненномъ вихрѣ. Неподвижные, застывшіе сѣдые ряды; славное знамя, пробитое пулями, рядомъ со скрещенными винтовками, которыя служатъ аналоемъ.

Пѣлъ хоръ, въ которомъ было нѣсколько легко раненыхъ солдатъ, и слова молитвы далеко разносились по окрестнымъ пустыннымъ холмамъ, тянувшимся къ непріятельскимъ позиціямъ.

Когда священникъ читалъ Евангеліе, гдѣ-то совсѣмъ близко одинъ за другимъ упали два снаряда, и короткіе отчетливые звуки взрывовъ на мгновеніе всколыхнули мутную даль и разомъ потонули въ безбрежномъ просторѣ

Какимъ далекимъ, сказочнымъ и въ то же время столь близкимъ, истинно русскимъ вѣетъ отъ этой умилительной картины!.. И безъ словъ становится понятнымъ тотъ высокій патріотическій подъемъ, то глубокое сознаніе долга и дѣйствительно христіанское отношеніе другъ къ другу, какими проникнуты наши войска отъ мала до велика, отъ мальчишки-добровольца до лихого, закаленнаго въ бояхъ офицера, истиннаго отца-командира!..

Изъ многочисленныхъ примѣровъ приведемъ хотя-бы нѣкоторые случаи, произошедшіе въ описываемые нами дни подъ Сталлупененомъ. Этотъ городъ наши войска брали дважды. Въ первый разъ взяли, но потомъ, подъ натискомъ непріятельскихъ силъ, отступили. Доброволецъ, семнадцатилѣтній юноша, Сесіонковъ, былъ раненъ при отступленіи, но оставался еще нѣкоторое время въ бою, пока обезсиленный не упалъ и былъ подобранъ непріятелемъ. Его, въ числѣ другихъ раненыхъ, нѣмцы подобрали, отвезли въ тылъ, въ Сталлупененъ, и тутъ заперли ихъ всѣхъ въ казематѣ.

На другой день наши войска снова отбросили нѣмцевъ и вторично пошли на Сталлупененъ. Не зная, что въ казематѣ заперты русскіе раненые, наша артиллерія, обстрѣливая непріятельскую позицію, стала стрѣлять и по каземату. Положеніе было трагическое,—погибнуть отъ своихъ снарядовъ!

Огонь этотъ, однако-же, длился недолго: нѣмцы покинули Сталлупененъ и отступили дальше, а вмѣстѣ съ ними бѣжала и стража, которая охраняла плѣнныхъ въ казематѣ. Тогда, чтобы спасти нашихъ плѣнныхъ и раненыхъ, рискуя ежесекундно собственною жизнью, Сесіонковъ бросился бѣжать къ своимъ, чтобы сообщить о создавшемся положеніи. И, несмотря на свою рану и истощеніе, онъ во время передалъ начальнику о томъ, что въ казематѣ остались наши тяжело-раненые,—и наша артиллерія немедленно прекратила по немъ стрѣльбу. За этотъ поступокъ Сесіонковъ былъ награжденъ орденомъ Георгія...

Не лишенъ интереса и слѣдующій эпизодъ, разсказанный однимъ изъ участниковъ этихъ боевъ:

„Наша рота, все время обстрѣливая непріятеля, вышла на небольшую полянку, поросшую низкимъ, молодымъ лѣскомъ. Перестрѣлка не умолкала ни на минуту.

Вдругъ одинъ изъ моихъ товарищей, все время державшійся отъ меня на разстояніи 1—2 шаговъ, какъ-то сразу выбросился всѣмъ корпусомъ впередъ и въ слѣдующій моментъ, вытянувшись во весь ростъ, тяжело рухнулъ на спину. Вся грудь его сразу окрасилась кровью. Я бросился къ нему, но почувствовалъ въ тотъ-же моментъ сильный ожогъ всего тѣла, и передъ моими глазами все затуманилось.

Когда я очнулся,—вокругъ царила полная тишина. Надо мной разстилалось голубое небо, и только тупая, ноющая боль во всемъ тѣлѣ вернула меня къ печальной дѣйствительности. У меня оказалась простреленной нога выше колѣна.

Съ трудомъ поднявшись на колѣни, я увидѣлъ рядомъ съ собой моего товарища лежащимъ безъ чувствъ.

У него было на вылетъ прострѣлено горло.

Кое-какъ я перевязалъ его рану носовыми платками, и вскорѣ онъ пришелъ въ себя.

Вокругъ все было тихо.

Я рѣшилъ добраться до санитарнаго пункта, до котораго было, по моимъ соображеніямъ, не менѣе пяти верстъ.

Кое-какъ поставивъ на ноги моего товарища, я отправился съ нимъ въ путь. Каждый шагъ стоилъ намъ колоссальныхъ усилій.

Такъ протащились мы нѣсколько десятковъ саженей.

Вдругъ, когда мы свернули за уголъ небольшого лѣска, мы увидѣли прусскаго солдата, который, припавъ за бугорокъ, цѣлился въ насъ изъ винтовки. Неожиданное появленіе врага меня ошеломило...

А пруссакъ все цѣлился, казалось, еще моментъ—и онъ выстрѣлитъ!

Тогда я, быстро приставилъ полуживого товарища къ стволу дерева, поднялъ винтовку, прицѣлился и выстрѣлилъ. Пруссакъ не пошевелился—значитъ я промахнулся.

Я ждалъ выстрѣла пруссака, — но его такъ и не послѣдовало.

Я былъ такъ удивленъ, что больше уже не стрѣлялъ.

Прошло еще нѣсколько секундъ, пруссакъ все цѣлится. Тогда, взявъ ружье на перевѣсъ, я бросился къ нему. Пруссакъ былъ попрежнему недвижимъ...

Онъ оказался мертвымъ!

Русская пуля сразила его въ тотъ моментъ, когда онъ цѣлился въ нашихъ солдатъ. Припавъ прострѣленной головой къ дулу ружья, онъ такъ и застылъ въ этой позѣ.

Я развернулъ его скатанную черезъ плечо шинель, положилъ мертваго врага на землю и, накрывъ его шинелью, пошелъ къ изнемогавшему отъ раны товарищу.

Мы побрели далѣе, и черезъ нѣсколько часовъ мы были у своихъ"...

Одинъ изъ раненыхъ въ томъ же бою офицеровъ былъ очевидцемъ слѣдующаго ужаснаго случая.

Нашъ офицеръ былъ раненъ и, лишившись сознанія, остался на полѣ сраженія.

Вскорѣ, придя въ себя, онъ увидѣлъ, что нѣсколько германскихъ офицеровъ расхаживали по полю сраженія и тщательно разыскивали среди труповъ раненыхъ. Замѣтивъ ихъ, офицеры подходили къ раненымъ и перевертывали ихъ погоны, отыскивая нашихъ офицеровъ. А когда находили русскаго раненаго офицера, — то пристрѣливали его изъ револьвера.

Очевидцу этой ужасной картины пришлось притвориться мертвымъ, и этимъ путемъ онъ избѣжалъ омерзительной расправы...

Впрочемъ, о томъ, что нѣмцы добиваютъ нашихъ раненыхъ, — приходилось слышать отъ многихъ участниковъ сраженій.

На ряду съ этимъ разсказываютъ и о другихъ звѣрствахъ, чинимыхъ нѣмцами надъ нашими плѣнными и ранеными. Очень ярокъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай.

„Ефрейторъ К., типичный хохолъ, былъ первый балагуръ и весельчакъ въ ротѣ Никогда не унывалъ, сыпалъ шутками, и на походѣ, подъ проливнымъ дождемъ, и въ бою, подъ градомъ пуль. На всякій случай у него всегда имѣлся въ запасѣ какой-нибудь смѣшной анекдотъ. Нечего говорить, что онъ былъ любимцемъ не только солдатъ, но и офицеровъ.

Послѣ боевъ подъ Сталлупененомъ онъ вдругъ пропалъ, — ни среди раненыхъ, ни среди убитыхъ его не было. Многіе ви-

дѣли его въ началѣ боя, а потомъ онъ какъ въ воду канулъ. Нѣтъ и нѣтъ!

Потужили, погоревали—и записали въ графу „пропавшихъ безъ вѣсти“.

Прошло два дня. Рота шла походнымъ порядкомъ, какъ вдругъ, неожиданно навстрѣчу ей—ефрейторъ К. Грязный, ободранный, весь въ крови, еле ногами двигаетъ.

— Ты откуда? Гдѣ пропадалъ?—засыпали его вопросами.

— Дайте пить... Потомъ разскажу...—только и могъ проговорить онъ и грохнулся на землю.

Ему дали воды и позвали фельдшера, чтобы сдѣлать перевязку. А когда его раздѣли—всѣ такъ и ахнули. Все его тѣло было покрыто ранами. Это не были раны отъ ружейныхъ пуль, а что-то другое. Онъ весь былъ исколотъ...

Такъ какъ онъ потерялъ очень много крови и былъ очень слабъ, то его не стали тревожить разспросами, а дали ему оправиться. Придя въ себя, онъ разсказалъ слѣдующее:

— Во время наступленія я былъ на лѣвомъ флангѣ. Тамъ еще кустики были небольшіе,—такъ вотъ около этихъ кустиковъ. Когда мы были уже недалеко отъ нѣмецкихъ окоповъ, смотрю я—въ сторонкѣ, совсѣмъ на отлетѣ, стоитъ нѣмецкій пулеметъ. Стоитъ и стрѣляетъ съ фланга по нашимъ цѣпямъ. „Подожди-жъ ты, проклятая нѣмчура!“—думаю.—„Вы хитры, а мы васъ перехитримъ!“... И сталъ я подаваться влѣво такъ, чтобы пулемету въ тылъ зайти. Мѣстность была неровная—бугорки, да канавки,—имъ и не видно меня. И такъ я почти въ тылъ имъ и вышелъ. До пулемета какихъ-нибудь шаговъ тридцать осталось. Прилегъ я въ ямку, чтобы духъ перевести. Дальше уже нужно было ползкомъ ползти. Планъ у меня былъ такой: подползти къ пулемету сзади, приколоть наводчика и забрать пулеметъ. Около него одинъ человѣкъ всего и былъ.

— Передохнулъ я, перекрестился и поползъ. Пулеметъ стоитъ себѣ и стоитъ. Ползу... Впереди бугорокъ такой, какъ-будто на окопъ похожъ, а мнѣ и невдомекъ, что это и въ самомъ дѣлѣ—окопъ.

Выползъ я на этотъ бугорокъ, да прямо нѣмцамъ и попалъ въ лапы. Вѣдь вотъ, незадача какая!..

За бугоркомъ, на который я выползъ, оказался всамдѣлишный окопъ, а въ немъ—цѣлый взводъ нѣмцевъ! Увидѣлъ я ихъ, сунулся было назадъ,—да ужъ поздно было. Замѣтили ироды! Окружили со всѣхъ сторонъ, одинъ ударилъ меня прикладомъ по головѣ. Я и выстрѣлить не успѣлъ,—руки скрутили!.. Ну, думаю, пришелъ мой конецъ!.. И такая обида взяла меня за свою оплошность, что я даже заплакалъ отъ досады...

А нѣмцы гогочутъ, рады, что русскаго въ плѣнъ взяли. Въ это время наши въ атаку пошли. Стали нѣмцы отходить и меня съ собой повели. Глаза платкомъ мнѣ завязали.

Шли долго. Думаю—верстъ пятнадцать прошли. Наконецъ, остановились, глаза мнѣ развязали. Смотрю — кругомъ войска, лагерь ихній. Подошли ко мнѣ два офицера и стали говорить своему солдату что-то, а онъ мнѣ переводитъ:

— Какой ты арміи?—спрашиваютъ.

— Русской,—говорю.

— Кто у тебя начальникъ?

— Запамятовалъ.

— Много ли у васъ здѣсь войскъ?

— Много, перечесть нельзя.

— Сколько пушекъ?

— И пушекъ много...

И такъ я имъ зря болтаю и болтаю, а они все спрашиваютъ. Наконецъ, видя, что толку имъ отъ меня не добиться, офицеры ушли. Меня какъ собаку привязали веревкой къ колесу двуколки и поставили часового.

Остался я одинъ,—а въ головѣ одна дума—какъ уйти?.. Часовой сидитъ тутъ же и глазъ съ меня не спускаетъ. „Не выбраться!"—думаю.

Стало вечерѣть. Опять пришли офицеры допрашивать меня.

— Ты,—говорятъ,—русская свинья, съ нами шутки не шути, а говори всю правду. Сколько у васъ войскъ и кто командуетъ ими?

Я молчу.

— Говори, а то тебѣ плохо будетъ: пытать будемъ!

Помолился я мысленно Николаю Чудотворцу, вспомнилъ великихъ мучениковъ Господнихъ и говорю:

— Я въ вашей власти, пытайте, но я вамъ ничего не скажу...

Озлились они. Стали кричать на меня,—видно, ругаются по своему. Досталъ одинъ солдатъ изъ кармана ножикъ складной, какимъ банки съ консервами открываютъ, и подходитъ ко мнѣ.

— Будешь говорить или нѣтъ?

Я молчу.

— Молчишь?.. Ну, ладно, сейчасъ ты заговоришь!..

Отвязали они меня отъ колеса, сняли съ меня все какъ есть и опять привязали.

— Послѣдній разъ спрашиваемъ,—будешь отвѣчать о чемъ тебя спрашиваютъ?

Молчу я и Богу молюсь.

И вотъ, стали они меня колоть ножикомъ. Всадитъ ножикъ до половины, а потомъ рукой по немъ постучитъ, чтобы больнѣй было... Такъ кололи они меня въ грудь, въ спину, въ руки... Потомъ стали гвозди загонять... Это куда больнѣе уколовъ, однако, ничего, терплю... Помучили, помучили они меня, видятъ, что ничего у нихъ не выходитъ—бросили. Опять я остался одинъ...

Между тѣмъ, наступила ночь. Отъ потери крови и отъ голода,—ѣсть они мнѣ ничего не давали,—я ослабѣлъ. Но все еще крѣплюсь, думаю о побѣгѣ...

Ночью я задремалъ. Проснулся подъ утро. Въ лагерѣ было тихо, всѣ спали. Смотрю,—и часовой мой спитъ. Запрыгало у меня сердце. Сталъ я Бога просить вызволить меня изъ бѣды...

Прямо чудо—откуда у меня и силы взялись. Попробовалъ я веревку, которой былъ привязанъ къ двуколкѣ,—поддается.

Я больше,—узелъ и развязался. Видно, услышалъ Господь мою молитву...

Всталъ и тихонько, вышелъ за ихъ лагерь и бросился бѣжать. По дорогѣ снялъ съ убитаго шинель и сапоги, одѣлся, хотѣлъ было взять винтовку, да не могу—руки болятъ! Такъ и дошелъ до своихъ...

Ну, держись теперь, ироды проклятые!.. Только скорѣй-бы поправиться!"—закончилъ онъ свой разсказъ...

Многіе участники похода въ Восточную Пруссію хвалятъ развѣдочную часть нѣмцевъ.

Особенно много при развѣдкахъ помогали имъ аэропланы, которые раза по два въ день кружились надъ русскими войсками. Съ аэроплановъ они давали знать своимъ частямъ о расположеніи нашихъ войскъ и особыми шарами показывали разстояніе для прицѣла. Такъ, въ одномъ мѣстѣ появился надъ русскими войсками аэропланъ съ шаромъ, и германская артиллерія открыла поразительно мѣткій огонь. Но какъ только часть передвинулась и аэропланъ улетѣлъ, мѣткость исчезла...

Много въ развѣдкѣ помогало нѣмцамъ и само населеніе, которое разными условными знаками давало знать о расположеніи нашихъ войскъ.

Такъ, напримѣръ, во время этого похода одной нашей ротѣ пришлось простоять два дня въ маленькой нѣмецкой деревушкѣ.

Бѣжавшіе жители, узнавъ, что никакихъ поползновеній у русскихъ солдатъ на ихъ имущество нѣтъ, стали возвращаться.

Зная, что нѣмцы освѣдомляютъ свои войска о передвиженіи русскихъ, наши солдаты строго слѣдили за всякими отлучками жителей.

Одинъ изъ солдатъ этой роты находился на постоѣ у старика фермера. Послѣдній по цѣлымъ днямъ возился въ саду, гдѣ у него было нѣсколько ульевъ съ пчелами.

Солдатъ днемъ часто заходилъ въ садъ, но къ пасѣкѣ подходить близко опасался. Подозрительнымъ ему показалось то обстоятельство, что во всей фермѣ, кромѣ старика, никого другого не было. Пользуясь свободнымъ временемъ, солдатъ тщательно осмотрѣлъ всѣ помѣщенія фермы, но ничего подозрительнаго не нашелъ.

Рота изъ деревни выступила ночью. Солдатъ, простившись съ фермеромъ, покинулъ свой пріютъ.

По пути къ сборному пункту онъ вспомнилъ, что въ саду на деревѣ осталась выстиранная имъ наканунѣ рубаха. Вернувшись на ферму, онъ не нашелъ старика и, заподозривъ неладное, тихо прокрался на пасѣку.

Старикъ, склонившись надъ ульемъ, съ кѣмъ-то громко разговаривалъ.

Солдатъ поползъ обратно и, явившись въ роту, разсказалъ о своихъ подозрѣніяхъ офицеру.

Послѣдній, захвативъ съ собою его и еще нѣсколько солдатъ, окружилъ ферму. Фермеръ перетрусилъ и хотѣлъ бѣжать,

но его задержали, и съ фонарями обыскали пасѣку. Въ одномъ изъ ульевъ былъ обнаруженъ телефонъ.

На допросѣ фермеръ сознался, что нѣмцы предупреждены имъ о выступленіи русскихъ. Рота, захвативъ старика, измѣнила маршрутъ и благополучно избѣгла засады. Фермеръ былъ преданъ военно-полевому суду.

Вообще, населеніе, оставшееся въ деревняхъ, встрѣчало русскихъ враждебно. Такъ, въ одномъ селеніи зашелъ въ домъ казакъ—и вдругъ въ спину ему раздался выстрѣлъ. Приходилось быть очень осторожными.

Правда, такіе случаи были очень рѣдкими, обычно-же въ селеніяхъ приходилось встрѣчать только стариковъ и старухъ, иногда въ окна выглядывали дѣти съ заплаканными глазами, да скотъ метался безъ призора по полямъ возлѣ раззоренныхъ нѣмцами же домовъ.

Одновременно съ наступленіемъ нашей кавалеріи на Лиденталь, наши пѣхотныя части произвели наступленіе на Пилькаленъ, —городъ лежащій сѣвернѣе Сталлупенена.

Лиденталь.

Пилькаленъ.

Подъ натискомъ нашей пѣхоты противникъ отошелъ на западъ, концентрируясь у Гумбинена, города, лежащаго между Сталлупененомъ и Инстербургомъ.

Разбитые въ бою 4 августа „непобѣдимые" корпуса германской арміи отступили и здѣсь, понеся огромныя потери убитыми и ранеными.

Ночь на 6 августа сравнительно прошла спокойно, но то было лишь затишье передъ бурей...

Ночь ушла на уборку раненыхъ и ихъ эвакуацію, на пополненіе убыли людей и подвозку снарядовъ. Утро 6 августа застало насъ въ полной боевой готовности, и армія снова двинулась впередъ, встрѣтивъ на этотъ разъ упорное сопротивленіе врага, подкрѣпленнаго свѣжимъ корпусомъ.

Съ утра 6 августа части нашей кавалеріи начали нащупывать лѣвый флангъ противника и, поддаваясь впередъ, подошли къ мѣстечку Лиденталь, занятому пѣхотными частями противника и двумя батареями артиллеріи.

Кавалерія наша имѣла нѣсколько конныхъ батарей, открывшихъ огонь по мѣстечку. Непріятель отвѣчалъ,—и завязался артиллерійскій бой, въ которомъ приняла участіе засѣвшая у Лиденталя нѣмецкая пѣхота.

Наша кавалерія, частью въ пѣшемъ, частью въ конномъ строю, повела рѣшительное наступленіе и, дѣйствуя съ фронта и фланговъ, заставила отойти нѣмецкую пѣхоту подъ прикрытіе своихъ батарей.

Одинъ изъ эскадроновъ, продолжая свою лихую атаку въ конномъ строю, обрушился на непріятельскую батарею, поражавшую насъ съ открытой позиціи. Ударъ былъ столь рѣшителенъ, что прислуга при орудіяхъ не успѣла опомниться—какъ была перебита, и шестиорудійная батарея непріятеля, съ 12 зарядными ящиками, очутилась въ нашихъ рукахъ.

Въ то же время интенсивный бой шелъ и на другихъ участкахъ фронта.

Послѣдовательныя, одна за другой атаки нашей кавалеріи

на пѣхотныя части противника имѣли въ результатѣ отступленіе нѣмцевъ по всей линіи и занятіе нами Лиденталя.

Въ бою у этого города, какъ и вообще въ кавалерійскихъ дѣлахъ этихъ дней, наряду съ прочими офицерами, принимали участіе, жертвуя своей жизнью, и высокопоставленныя особы, прибывшія въ армію со своими частями.

Бои 8 августа начались съ окончательнаго очищенія Пилькалена отъ нѣмецкой кавалеріи, проникшей туда наканунѣ.

Утромъ 8 августа Пилькаленъ оказался занятымъ тремя полками германской кавалеріи при десяти конныхъ орудіяхъ.

Одинъ изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ съ трехъ сторонъ окружилъ городъ,—и германская кавалерія, не принявъ боя, поспѣшно покинула Пилькаленъ, побросавъ пики и карабины.

Бой 8 августа имѣлъ цѣлью окончательно оттѣснить противника за Гумбиненъ, что и удалось блестяще выполнить.

На слѣдующій день разбитые четыре корпуса германской арміи, не оказавъ намъ серьезнаго сопротивленія, поспѣшно отступили къ Инстербургу. По ихъ пятамъ, тутъ-же продолжала свое побѣдоносное шествіе и наша армія...

Каково было въ эти дни настроеніе нашей арміи, какъ всѣ отъ мала до велика думали только объ общемъ дѣлѣ, ни-

чуть не тревожась своею личной участью, видно хотя бы изъ слѣдующаго очень характернаго эпизода.

Во время боя 7 августа одна изъ нашихъ батарей съ открытой позиціи наносила страшный уронъ непріятельской пѣхотѣ, упорно державшейся на позиціи. Противникъ сосредоточилъ на ней огонь своихъ гаубицъ и ружей. Командиръ батареи былъ смертельно раненъ въ животъ и, доставленный въ полевой госпиталь, умирая въ полномъ сознаніи, до послѣдней минуты разсказывалъ о всесокрушающемъ натискѣ нашей арміи. Послѣдними словами героя были:

— Я совершенно спокоенъ: моя батарея въ хорошихъ рукахъ...

Для оказанія первоначальной помощи раненымъ на передовыя позиціи были выдвинуты части трехъ подвижныхъ полевыхъ госпиталей, при трехъ врачахъ, нѣсколькихъ сестрахъ и санитарахъ. По дорогѣ къ Пилькалену отрядъ попалъ подъ шрапнельный огонь, а затѣмъ былъ остановленъ нѣмецкой кавалеріей. Начальникъ кавалеріи, несмотря на протестъ врачей, что врачебная помощь одинакова необходима для раненыхъ обѣихъ сторонъ, приказалъ сжечь обозъ, направивъ личный составъ, въ качествѣ военноплѣнныхъ въ Пилькаленъ, тогда еще временно занятый нѣмцами. На выручку санитарнаго отряда бросились донцы, и, не доѣзжая до Пилькалена, нѣмецкій конвой, сопровождавшій обозъ, съ крикомъ „Казаки!"—бросился наутекъ. Послѣ этого отрядъ благополучно прибылъ въ Пилькаленъ, перешедшій къ этому времени окончательно въ наши руки. На другой день одинъ изъ врачей этого отряда имѣлъ случай угощать папиросами плѣнныхъ, которые были наканунѣ его конвоирами.

О подобномъ-же случаѣ нѣмецкой безцеремонности по отношенію къ законамъ войны разсказываетъ сестра милосердія, Л.

„Въ 7 час. вечера мы вышли на позицію, на гору, и смотрѣли на бой. Стоялъ такой гулъ отъ орудій, что ничего, кромѣ этого гула, не было слышно. Отъ разрывовъ шрапнели дымъ надъ мѣстностью стлался верстъ на 15. Ежесекундно рвались снаряды. Не было вершка земли, гдѣ бы они ни падали. Тра-та-та-та—слышался зловѣщій трескъ пулеметовъ. Ружейная пальба сливалась въ одинъ общій трескъ.

Раненые вереницами шли „оттуда", мы тутъ-же ихъ перевязывали и потомъ уже отправляли на фургонахъ въ ближайшій полевой лазаретъ.

Вотъ отъ передовыхъ позицій, отъ одного къ другому, передается приказаніе: „мортирные снаряды впередъ"!.. потомъ: „кавалерія впередъ"! А мы все не знаемъ, что—тамъ?

Уже вечерѣло, когда вдругъ прискакалъ съ передовой позиціи вѣстовой.

Къ нему всѣ бросились:

— Что?—Какъ?

— Выбиты нѣмцы! Ура!..

Нашъ санитарный отрядъ тотчасъ же собрался и двинулся дальше за войсками.

Но на полпути насъ вдругъ окружилъ большой нѣмецкій кавалерійскій отрядъ, очевидно скрывавшійся въ сосѣднемъ лѣсу.

Нашего врача, сестеръ и санитаровъ тотчасъ-же угнали куда-то въ сторону. Меня схватилъ одинъ германецъ, но у него лопнула подпруга сѣдла, и онъ нѣсколько минутъ возился съ нею, пока наладилъ. Затѣмъ, перекинувъ меня черезъ сѣдло, онъ снова сѣлъ на лошадь и помчался догонять отрядъ...

Я была почти въ безчувственномъ состояніи, и пришла въ себя лишь тогда, когда одинъ изъ нашихъ казаковъ, нагнавъ насъ, ударомъ пики сбросилъ съ лошади увозившаго меня германца".

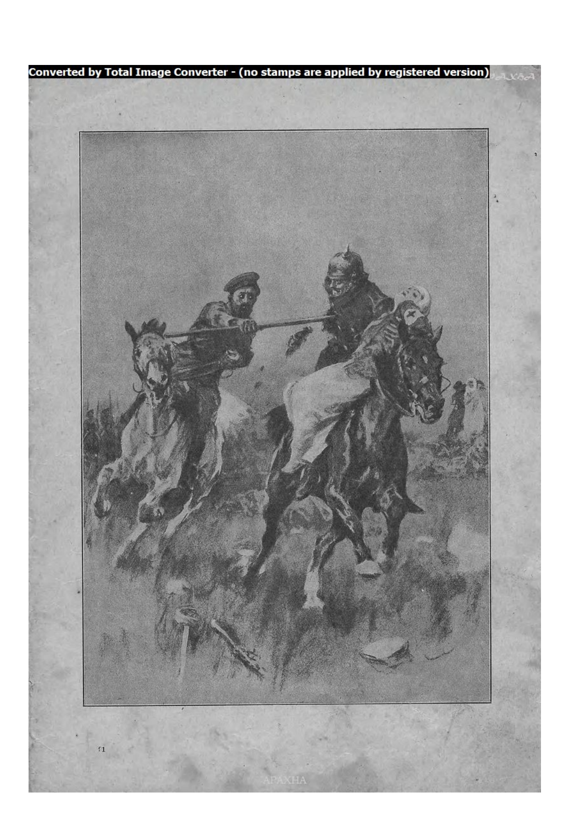
На ряду съ такимъ антикультурнымъ отношеніемъ къ своему противнику нѣмцы и въ своихъ рядахъ проявляли жестокость. Такъ въ бою 7 августа три роты германской пѣхоты попали подъ перекрестный огонь нашихъ пулеметовъ. Шедшій впереди младшій офицеръ повернулъ назадъ и тотчасъ же былъ застрѣленъ старшимъ. Случай этотъ подтверждаетъ разсказы плѣнныхъ, что у германцевъ младшіе офицеры идутъ впереди частей, подгоняемые старшими. Но такіе пріемы очевидно мало помогаютъ дѣлу, такъ какъ во время боевъ съ 4 по 10 августа крупныя германскія части безпрерывно отступали въ безпорядкѣ, граничащемъ съ бѣгствомъ.

Въ то же время нѣмцы не жалѣли артиллерійскихъ снарядовъ по самымъ незначительнымъ поводамъ: одинъ изъ офицеровъ такъ разсказывалъ о дѣлѣ 7 августа, въ которомъ онъ былъ раненъ:

„Я вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ и десятью рядовыми былъ въ заставѣ въ сторожевомъ охраненіи. Противъ насъ наступала рота, и мнѣ обѣщали прислать пулеметъ.

Недалеко была деревня, и возлѣ насъ было хорошее прикрытіе изъ кучи бревенъ...

Я приказалъ людямъ спѣшиться. Коней мы привязали саженяхъ въ ста, въ укрытомъ мѣстѣ, за сараемъ, а сами за-

легли за бревна, наскоро смастеривъ изъ нихъ довольно недурной брустверъ.

Поджидая пулеметъ, мы открыли огонь по наступающему противнику, а вскорѣ прибылъ и пулеметъ. Но едва онъ снялся, какъ возлѣ насъ разорвалась непріятельская шрапнель, за ней другая, третья, – и пошло!... Откуда-то издали стрѣляла непріятельская артиллерія—намъ ея и видно не было. Думаю, что просто обстрѣливали деревню и, не щадя снарядовъ, обстрѣливали всю площадь около нея. Нашъ пулеметъ еще и заговорить не успѣлъ, какъ и въ него попала шрапнель и помяла щитъ; раздался первый стонъ...

Въ мою задачу не входило упорно оборонять этотъ пунктъ моего наблюденія, и я скомандовалъ „къ конямъ!"

Всего сто саженъ надо было намъ пробѣжать къ сараю, гдѣ были кони. Добѣжали мы всѣ, но изъ двѣнадцати были ранены шесть человѣкъ, въ томъ числѣ и я.

Словно обезумѣвшая, невидимая нами батарея заливала все пространство свинцовымъ дождемъ; то здѣсь, то тамъ стали вспыхивать соломенныя крыши деревушки,—загорѣлась и крыша нашего сарая. Лошади бѣсились, давали „козловъ" и „свѣчки", и сѣсть въ сѣдло, да еще раненымъ, было не легко. Наконецъ, кое-какъ, помогая другъ другу, мы сѣли на коней.

Я приказалъ офицеру-товарищу вести людей на главную заставу, а самъ отправился посмотрѣть, благополучно-ли убрался пулеметъ, которому я велѣлъ тоже отходить.

Оказалось, что пулеметъ отошелъ, только подъ однимъ пулеметчикомъ была убита лошадь, и онъ остался на мѣстѣ. А шрапнельный дождь все не утихаетъ...

— Садись!—говорю я пулеметчику.

А какъ тутъ сѣсть, когда конь не стоитъ на мѣстѣ!.. Но кое-какъ ухитрились. Я перелѣзъ на холку, освободилъ стремя, онъ ухватился и вскочилъ таки на сѣдло.

Вдвоемъ мы отправились на главную заставу.

Тамъ насъ накормили, стащили съ меня сапогъ и тутъ-же на подножкѣ автомобиля извлекли изъ ноги пулю и сдѣлали первую перевязку"...

Одинъ поручикъ, счастливо спасенный нашими войсками послѣ двѣнадцатичасового плѣна, разсказываетъ слѣдующее:

„Я былъ раненъ подъ Пилькаленомъ. Перебило мнѣ сухожиліе правой стопы. Раненъ былъ также и нашъ полковой командиръ. Мы лежали на полѣ сраженія почти рядомъ. У него были перебиты голени, такъ что ногами мы оба не могли дѣйствовать. Не то, что ползти,—трудно было пошевелиться.

Ждали мы окончанія боя.

Сначала страшны были нѣмецкіе снаряды, которые ложились вблизи насъ. Когда сражаешься—не думаешь объ опасности, не боишься смерти, но когда лежишь раненый,—ужасно тяжело слышать, какъ визжатъ надъ тобой ядра...

Вотъ наши отступили. Мы это видимъ, потому что нѣмцы приблизились и стали проходить по трупамъ нашихъ солдатъ. Полковникъ замѣтилъ:

— А что если они, мерзавцы, добьютъ насъ,—вѣдь, это ужасно.

Я слыхалъ объ этихъ звѣрствахъ нѣмцевъ и при видѣ приближающагося врага насторожился.

„Я—раненый",—подумалъ я.—Онъ не имѣетъ права добивать меня. Такова—этика современной войны. Обожду. Если только хоть одинъ солдатъ замахнется—застрѣлю его. За свою жизнь я еще постою"...

Я взялся рукой за револьверъ и жду.

Вотъ пробѣгаютъ... Ничего, не ударили... Бѣгутъ впередъ... Вотъ уже возлѣ насъ ложатся наши, русскіе снаряды. Еще нѣсколько минутъ,—и мы внѣ обстрѣла!..

Пришли нѣмецкіе санитары, подобрали насъ, уложили, пока что, рядышкомъ въ палаткахъ. Вечеромъ дали намъ кофе съ буттербродами, а ѣсть страшно хотѣлось! Похлебать бы русскихъ щей, поѣсть нашего чернаго хлѣба!

Послѣ сдѣланной сестрой милосердія перевязки нога перестала болѣть, но пошевелиться нельзя было. Стрѣляло въ ступнѣ. Сестра сказала, что придетъ докторъ,—но доктора мы такъ и не дождались...

Такъ мы пролежали до самаго утра...

Часовъ съ шести утра наши стали энергично наступать. Мы спросили сестру, оставятъ-ли насъ, по-вчерашнему, подъ огнемъ или унесутъ въ тылъ. Она отвѣтила, что сейчасъ пріѣдетъ обозъ и подберетъ насъ. У нихъ—большія потери, и еще

до сихъ поръ не вывезли съ поля своихъ...

А наши все наступали...

Вдругъ раздался приказъ:

— Отступать!..

Нѣмцы стали отступать. Сестры и санитары немедленно унесли старшихъ чиновъ... Меня, подпоручика и вообще младшихъ офицеровъ они не взяли. И это было продѣлано такъ, что сразу видно было, что это у нихъ было рѣшено: раньше брать только крупную добычу, мелкую бросать...

Когда подошли наши, мы были спасены.

Насъ подобрали и унесли въ тылъ. Такъ что въ плѣну мы пробыли только одну ночь...

Послѣ мы узнали, что, спѣшно отступая, нѣмцы побросали и своихъ раненыхъ"...

* * *

Вслѣдъ за Пилькаленомъ нами были взяты Лыкъ, Гумбиненъ, Инстербургъ и другіе города Восточной Пруссіи.

Лыкъ.

Во время нашего наступленія въ Восточную Пруссію выяснилось, что эту область занимали два германскихъ полевыхъ корпуса—1-й въ Кенигсбергѣ и 20-й въ Алленштейнѣ. Сверхъ того, въ Восточной Пруссіи находились 3—4 резервныхъ корпуса. Такимъ образомъ, общее число войскъ, на которыхъ лежала защита Восточной Пруссіи, равнялась приблизительно 250—300 тыс. человѣкъ.

Позади этой линіи войскъ, въ западной Пруссіи, находились 17-й германскій корпусъ, а въ Познани и Бреславлѣ—5-й и 6-й германскіе корпуса. Кромѣ того, вдоль восточной границы Германіи расположена была часть сформированныхъ незадолго до войны резервныхъ корпусовъ.

Несмотря на несомнѣнное численное превосходство, германцы отступали передъ нашими войсками по всему фронту. Отступленіе ихъ въ Восточной Пруссіи началось, какъ извѣстно, 6 августа. Насколько оно было поспѣшно — свидѣтельствуетъ то, что уже 7 августа, то-есть, на другой день, пришло извѣстіе о занятіи нами Лыка, сильно укрѣпленнаго пункта на пути къ Гумбинену, Инстербургу и Кенигсбергу.

Наше наступленіе обозначалось широкой полосой съ выдвинутымъ впередъ правымъ флангомъ, упиравшимся въ Гумбиненъ. Такое быстрое занятіе пунктовъ, сильно укрѣпленныхъ, расположенныхъ въ мѣстности, представляющей рядъ холмовъ съ множествомъ озеръ и болотъ между ними, и потому трудно проходимой, обнаруживало значительную интенсивность нашего наступленія.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи нашимъ войскамъ предстояло пройти черезъ линію Мазурскихъ озеръ, состоящую изъ трехъ большихъ и множества мелкихъ озеръ, соединенныхъ протоками и, такимъ образомъ, представляющихъ для наступающей съ востока арміи серьезное препятствіе.

Всѣ перешейки между этими озерами оборонялись небольшими укрѣпленіями и батареями; наиболѣе важный перешеекъ между двумя большими озерами былъ запертъ фортомъ Бойенъ. Остальныя укрѣпленія Мазурскихъ озеръ состояли изъ отдѣльныхъ редутовъ, люнетовъ, батарей и блокгаузовъ, запиравшихъ проходъ между озерами.

Наступленіе нашихъ войскъ на правомъ флангѣ къ Гумбинену шло въ обходъ линіи Мазурскихъ озеръ—и потому давало возможность избѣгнуть фронтальной атаки ихъ укрѣпленныхъ перешейковъ.

За линіей Мазурскихъ озеръ, имѣющей общую длину около 70 верстъ, расположены Зензбургскія и еще далѣе — Остеродская группа озеръ, соединенныхъ каналомъ. За всѣми этими линіями озеръ расположена крѣпость Кенигсбергъ, представляющая собою редюитъ, то-есть, центральный пунктъ обороны всей Восточной Пруссіи. Впереди Кенигсберга имѣются укрѣпленныя позиціи у Тапіау и Лабіау.

Стратегическое значеніе Восточной Пруссіи весьма велико, какъ территоріи, находящейся на флангѣ путей, идущихъ отъ Варшавы къ Берлину. Вмѣстѣ съ тѣмъ Восточная Пруссія имѣетъ также важное стратегическое значеніе и для нѣмцевъ: она врѣзывается на 300 верстъ въ нашу территорію и примыкаетъ къ Балтійскому морю, благодаря чему тамъ возможно совмѣстное дѣйствіе германской арміи и флота. Помимо этого, Восточная Пруссія важна въ томъ отношеніи, что она является естественной базой, то-есть исходнымъ пунктомъ для всѣхъ операцій на Ригу, Вильно, въ обходъ русской Вислы.

Поэтому нѣмцы и приняли рядъ мѣръ для того, чтобы обезпечить себѣ владѣніе Восточной Пруссіей во время войны и буквально изрыли всю область всякаго рода укрѣпленіями и искусственными препятствіями.

Однако, эти препятствія съ первыхъ-же шаговъ были опрокинуты нашими войсками, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ взятіе ими Сталлупенена и Лыка.

Лыкъ (по славянски Элькъ)—столица одного изъ самыхъ забытыхъ славянскихъ племенъ—мазуровъ, имя которыхъ носятъ упомянутыя выше озера.

Прусскіе мазуры—восточный отпрыскъ племени, живущаго по среднему и нижнему теченію Вислы, столицами котораго являются Плоцкъ и Варшава.

Въ ряду польскихъ племенъ мазуры представляли приблизительно то, что великороссы среди русскихъ: это—самое энергичное, самое устойчивое въ національномъ отношеніи племя, колонизировавшее и Литву и Волынь и отдаленную Подолію, гдѣ до сихъ поръ существуютъ польскія и католическія мазурскія колоніи.

Ироніи судьбы угодно было, чтобы часть этого племени, проживающая испоконъ вѣковъ въ Восточной Пруссіи, оказалась отрѣзанною отъ массы мазуровъ и затерялась среди нѣмцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Конрадъ Мазовецкій отдалъ еще въ XIII вѣкѣ часть своихъ владѣній и подданныхъ въ вѣчное владѣніе Тевтонскаго ордена—про мазуровъ забыли.

Область Мазурскихъ озеръ принадлежала всегда нѣмцамъ—сначала крестоносцамъ, затѣмъ, послѣ образованія Прусскаго герцогства—курфюрстамъ, въ заключеніе—королямъ прусскимъ.

Мазуры, принявшіе протестанство еще въ XVI вѣкѣ, до сихъ поръ оставались послѣдователями лютеранской вѣры. Это способствовало ихъ идейному отдѣленію отъ Польши.

Съ того дня, когда на башнѣ стараго замка тевтонскихъ рыцарей въ Элькѣ взвился русскій флагъ и замѣнилъ царившій здѣсь около 700 лѣтъ флагъ прусскій — въ исторіи забытаго польскаго племени должна была наступить новая эра — освобожденія отъ ярма духовнаго рабства...

Занятію нами Лыка предшествовалъ бой, закончившійся для нашихъ войскъ блестящимъ успѣхомъ.

Дѣло происходило у небольшой германской деревушки, занятой нѣмецкими войсками, гдѣ они намѣревались остановить наше наступленіе.

Нѣмцы окопались у самой деревни; за линіей окоповъ были расположены ихъ батареи. Нашимъ войскамъ предстояла задача выбить нѣмцевъ изъ занятой ими деревни, чтобы очистить себѣ дальнѣйшій путь къ Лыку.

Нашъ конный авангардъ ринулся на непріятельскіе окопы. Ничто не могло остановить лавы, стремившейся къ деревнѣ, несмотря на то, что нѣмецкая артиллерія и пули выносили изъ строя жертву за жертвой.

Чѣмъ ближе надвигались наши войска къ селенію, тѣмъ больше и больше чувствовалось смятеніе германскихъ войскъ, и нѣмецкія пѣхотныя цѣпи все скорѣе и скорѣе поддавались назадъ.

Самое напряженіе боя было впереди, когда наши войска подошли къ непріятелю не далѣе, какъ на двѣсти шаговъ.

Артиллерія производила въ нашихъ рядахъ значительныя опустошенія. Нѣмцы стрѣляли почти въ упоръ, замѣтно прицѣливаясь и выбирая офицеровъ. Наши войска съ удивительной настойчивостью держались, отвѣчая весьма мѣткимъ огнемъ.

Въ это время со стороны, какъ вихрь, налетѣлъ на нѣмецкую батарею нашъ эскадронъ, окружилъ ее, захватилъ,—и судьба боя и селенія была рѣшена.

Нѣмцы обратились въ паническое бѣгство. Не только солдаты бросали ружья, но и офицеры кидали въ сторону свои каски, отстегивали сабли, освобождаясь отъ всего, что могло бы имъ мѣшать въ ихъ бѣгствѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ наша кавалерія вступила въ улицы селенія. Здѣсь обнаружилось коварство врага. Раненые нѣмцы приподнимались и стрѣляли нашимъ солдатамъ въ спину, а при входѣ въ улицы, то здѣсь, то тамъ изъ оконъ домовъ раздавались револьверные выстрѣлы.

Вся деревня была оставлена въ такомъ положеніи, какъ будто жители внезапно бѣжали, не захвативъ съ собой ровно ничего. Вся обстановка, провіантъ, склады были въ цѣлости, только вдали видны были бѣгущія черезъ огороды фигуры, да вокругъ деревни мычали напуганныя громомъ сраженій забытыя стада.

На краю селенія горѣли зданія, подожженныя отступавшими нѣмцами.

Наши войска располагались въ деревнѣ, а часть преслѣдовала бѣжавшую германскую конницу. Нѣсколько разъ, остановившись, нѣмецкая кавалерія начинала строиться въ контръатаку, но какъ только наша часть карьеромъ пускалась на нее— та поворачивала и переходила снова въ бѣгство.

Потери нѣмцевъ въ этомъ бою были очень велики...

Здѣсь необходимо отмѣтить великолѣпное состояніе духа нашихъ войскъ, ихъ необычайный подъемъ, неотступно сопутствовавшій имъ.

„Долгъ руководителей,—говоритъ одинъ офицеръ, участвовавшій въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ и подъ Лыкомъ:—итти впереди войскъ, побуждать ихъ къ наступленію, подавать имъ примѣръ,—намъ-же, вмѣсто этого, приходилось сдерживать безпощадныя лавины нашей конницы и съ трудомъ останавливать пѣхоту въ ея яростномъ стремленіи на непріятеля.

Духъ войскъ—выше всякой похвалы. Подъ убійственнымъ

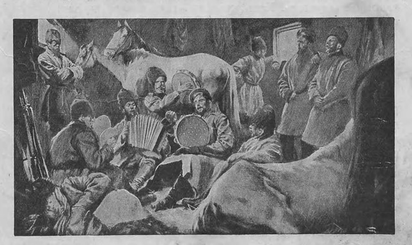
вражескимъ огнемъ, съ желѣзнымъ упорствомъ идутъ наши части впередъ, и нѣтъ препятствія, которое остановило-бы ихъ.

Въ настоящей войнѣ вырисовалось новое цѣнное качество русскаго солдата—исключительная настойчивость вмѣстѣ съ полнымъ сознаніемъ и пониманіемъ каждаго момента. Нашъ народъ въ нѣсколько лѣтъ необычайно культурно выросъ, у него появилась замѣтная привычка къ самостоятельности и иниціативѣ, и она-то и даетъ на полѣ сраженія богатые результаты.

Озвѣрѣніе, врожденная жестокость натуры могутъ иногда вызывать такія-же явленія крайняго напряженія энергіи, но они темнятъ разумъ, отнимаютъ у солдата человѣческое подобіе. А посмотрите у насъ! Могу, положа руку на сердце, сказать, что въ нашихъ войскахъ нѣтъ и тѣни озвѣрѣнія; лучшее доказательство тому—исключительно гуманное отношеніе къ плѣннымъ.

Слухи о дикости и звѣрствахъ тевтоновъ распространились въ войскахъ всюду, и, несмотря на это, я не замѣчалъ у нашихъ солдатъ желанія мести, кровавой отплаты. Характеренъ взглядъ на нѣмца русскаго солдата—снисходительный, нѣсколько презрительный, напоминающій отношеніе взрослаго къ гадко нашалившему школьнику"...

О прекрасномъ настроеніи нашихъ войскъ свидѣтельствуютъ и слѣдующія выдержки изъ писемъ одного подпоручика стрѣлковаго полка, сражавшагося съ нѣмцами и контуженнаго въ голову въ одномъ изъ боевъ въ Восточной Пруссіи.

„Вотъ уже третій день какъ я въ пути. Поѣздъ нашъ настроенъ очень радужно. Солдатики веселы. Изо всѣхъ вагоновъ несутся молодецкія русскія пѣсни, слышится „ура".

Какія-то старушки, стоя на платформахъ, крестятъ нашъ, проѣзжающій мимо нихъ, поѣздъ. Толпа сбрасываетъ шапки и кричитъ намъ „ура"...

Чувствую я себя превосходно. Въ Вильнѣ, вдвоемъ съ пріятелемъ, мы поклонились чудотворному образу Остробрамской Божьей Матери, и я горячо помолился за то, чтобы мнѣ было дано безтрепетно сражаться за Россію и за всѣхъ моихъ ближнихъ и близкихъ...

Приходятъ радостныя побѣдныя вѣсти, и невольно думаешь не о тягостяхъ похода, а о счастьѣ умереть славной смертью, если того захочетъ Богъ..."

„Въ настоящемъ бою я еще ни разу не былъ, случалось бывать только подъ выстрѣлами. Дѣло въ томъ, что въ Германіи сражаются не одни солдаты, но и такъ называемые мирные жители. При входѣ въ одинъ прусскій городокъ насъ такъ здорово обстрѣляли изъ оконъ, что только благодаря мужеству солдатъ мы не отступили. Но это ничего. Дай только Богъ намъ дорваться до Вильгельма,—мы зубами вцѣпимся въ его армію, и отольются имъ полностью и слезы Калиша, и разграбленіе Ченстоховской Божьей Матери, и тысячи русскихъ смертей..."

„Вотъ, наконецъ, и мнѣ привелъ Богъ сражаться съ нѣмцами. У нихъ работаетъ тяжелая артиллерія, состоящая изъ огромныхъ пушекъ. Какъ жарнетъ—такъ ничего не видно кругомъ, только клубится черный дымъ. Нерѣдко стрѣляютъ и пулями думъ-думъ, раны отъ которыхъ рванныя и почти всегда смертельныя. Какіе варвары!.. Трусятъ нѣмцы страшно и никогда не принимаютъ штыковой атаки. Подойдутъ къ нимъ наши молодцы шаговъ на триста—и они сейчасъ-же удираютъ.

Техническая сторона войны, конечно, у нихъ очень хорошо развита, зато духовная сила, сила внутренняя—слабовата. Издалека, съ бронированнаго аэроплана или автомобиля они молодцы поражать насъ, а гдѣ надо наступать и схватываться грудь съ грудью, тамъ они—„пасъ!.."

„Всѣ жители вооружены—и это самое непріятное. Намъ приходилось спать съ револьверомъ въ рукахъ и съ часовой охраной у дверей. Бывали случаи, что женщины, глубокіе старики и дѣти убивали офецеровъ изъ-за угла. Подойдетъ, спроситъ что-либо, напримѣръ:

— Будьте милостивы, пожалѣйте дѣточекъ, намъ нужны защита и пропускъ!..

И пока офицеръ, разжалобленный слезами, пишетъ пропускъ—вдругъ раздается выстрѣлъ, и несчастный падаетъ, убитый въ спину..."

„Дни идутъ за днями. Съ героическими усиліями, подъ градомъ тяжелыхъ нѣмецкихъ снарядовъ, подвигаемся мы впередъ, запечатлѣвая своею кровью каждый шагъ. Уже близокъ часъ—мы побѣдимъ. Уже отступаютъ они предъ силой нашего духа, предъ силою нашего великаго Бога..."

О хорошемъ состояніи нашихъ войскъ отзывается и А. Н. Козловъ, оставившій постъ ковенскаго вице-губернатора для того, чтобы вступить въ дѣйствующую армію простымъ рядовымъ:

„Солдаты рвутся въ бой. Иногда прямо нѣтъ никакой возможности сдержать ихъ стремленіе.

При мнѣ посылали десять развѣдчиковъ. Они, несмотря на крайнюю опасность, съ радостью исполнили порученіе".

Раненный въ голову поручикъ, блестящій офицеръ-фехтовальщикъ, разсказывая о своихъ переживаніяхъ въ бояхъ у

Сталлупенена и Лыка, также восторженно отзывается о своихъ товарищахъ:

„Нашъ полкъ проявлялъ прямо чудеса. Конница, атакующая пѣхоту и артиллерію, выбивающая пѣхоту изъ траншей и отнимающая у артиллеріи орудія—это можетъ показаться анахронизмомъ при современномъ убійственномъ огнѣ. Сто лѣтъ тому назадъ это было подъ силу развѣ конницѣ Мюрата. Но нашъ полкъ воскресилъ славную эпоху мюратовскихъ кавалеристовъ. Мы взяли нѣсколько германскихъ орудій, пулеметовъ и изрубили два батальона. Не обошлось, конечно, безъ потерь и съ нашей стороны. Мы дѣйствовали и въ пѣшемъ и въ конномъ строю, смотря по обстоятельствамъ.

Нѣмецкая кавалерія тщательно избѣгала насъ. Доходило до того, что германскій эскадронъ улепетывалъ полнымъ галопомъ при встрѣчѣ съ нашимъ разъѣздомъ въ 15—20 человѣкъ".

Далѣе этотъ же офицеръ рисуетъ интересныя подробности одного боя, въ которомъ онъ былъ раненъ:

„Нашъ эскадронъ атаковалъ однажды нѣмецкія артиллерійскія позиціи. Всего въ тридцати шагахъ отъ германской батареи мы наткнулись на проволочную ограду и волей-неволей должны были взять вдоль фронта.

Дальнія нѣмецкія позиціи засыпали насъ цѣлымъ свинцовымъ ливнемъ рвавшихся надъ нашими головами шрапнелей.

Осколкомъ меня ударило въ голову, я свалился съ лошади. Одновременно и моя лошадь, раненная, упала, придавивъ меня всей своей тяжестью, и я почувствовалъ если не переломъ, то сильный ушибъ нѣсколькихъ реберъ.

Я не могъ встать. Положеніе мое было весьма непріятное. Я очутился въ буквальномъ смыслѣ слова между двухъ огней: наши артиллерійскія позиціи, нащупывая издали германскія, били приблизительно по тому мѣсту, гдѣ я лежалъ; нѣмцы же, съ своей стороны, забрасывали наши позиціи снарядами, тоже ложившимися недалеко отъ меня.

Шрапнельныя пули падали такъ близко, что моя лошадь, придавившая меня, получила еще нѣсколько ранъ. Она судорожно билась ногами, ея подкованныя копыта, трепеща у самаго моего лица, ежеминутно грозили раздробить мнѣ черепъ. Скоро, впрочемъ, моя лошадь была совсѣмъ убита, и ея тяжелыя подковы на вытянувшихся и одеревянѣвшихъ ногахъ уже не угрожали мнѣ.

Такъ пролежалъ я нѣсколько часовъ, пока меня не подобрали солдаты моего взвода. Съ опасностью для своей жизни вынесли они меня изъ адскаго огня.

Кое-какъ, наскоро сдѣлали мнѣ перевязку, и вмѣстѣ съ двумя раненными товарищами я долженъ былъ отправиться въ ближайшій лазаретъ. У всѣхъ насъ было горячее желаніе возможно скорѣе снова вернуться въ строй.

Мы получили въ наше распоряженіе казенный автомобиль: намъ предстояло проѣхать назадъ около ста километровъ— пространство углубленности нашей въ германскую территорію.

Мы не имѣли никакого понятія о томъ, что дѣлается у насъ въ тылу и мчались, какъ говорится, „на ура". Необходимо было миновать нѣмецкій городокъ, по предположенію, уже занятый нашими войсками, и тогда мы были бы внѣ всякой опасности.

Мчимся по шоссе.

Навстрѣчу намъ несется разъѣздъ германской конницы. Мы увеличиваемъ скорость, несемся во весь духъ.

Непріятельскіе кавалеристы, ошеломленные нашей дерзостью, кинулись вразсыпную, но скоро опомнились и дали намъ вдогонку залпъ, никого не задѣвшій.

Подъѣхали мы къ совершенно пустынному предмѣстью. Мы были убѣждены, что тамъ нѣтъ ни одной человѣческой души. Влетаемъ прямо на площадь—и по крайней мѣрѣ два эскадрона нѣмецкихъ кирасиръ встрѣчаютъ насъ оглушительнымъ ревомъ. И, хотя мы и не думали о сопротивленіи, нѣсколько десятковъ карабиновъ угрожающе ощетинились противъ насъ.

— Вылѣзайте! Вылѣзайте!—кричали нѣмцы сурово и грубо.

Насъ стали обыскивать самымъ тщательнымъ образомъ. Не говоря ужъ о нашихъ мундирахъ, лежавшихъ въ чемоданахъ, мы были ограблены до нитки.

Насъ объявили военно-плѣнными и заперли въ церковь. Съ нами же помѣстилось и нѣсколько человѣкъ часовыхъ.

Обращеніе съ нами нѣмецкихъ офицеровъ было крайне вызывающее. Нижніе чины относились къ намъ человѣчнѣй и лучше. Приказано было не давать намъ ни пить, ни ѣсть. Мы томились отъ жажды, но не могли получить ни глотка воды.

Разговорились съ солдатами.

— Къ чему эта безполезная жестокость?—спросилъ я одного изъ нашихъ часовыхъ.

— Помилуйте!—возразилъ онъ.—А вы, русскіе, что съ нами дѣлаете? Вѣдь вы разстрѣливаете плѣнныхъ, мучаете ихъ...

Я настолько убѣдительно разувѣрялъ его въ этомъ, доказывая, что все это сплошная ложь, что ихъ умышленно морочатъ обманомъ, что пруссакъ задумался и повѣрилъ...

Въ концѣ концовъ онъ настолько смягчился, что на мою просьбу разрѣшить выкурить папиросу отвѣтилъ согласіемъ. Я прошелъ къ самымъ дверямъ храма, чтобы курить на улицу. На это солдатъ замѣтилъ:

— Какой вздоръ! Курите здѣсь, вотъ какъ я!..

И приблизившись къ алтарю, онъ задымилъ вонючей сигарой...

Томительно тянулась ночь. Мы не знали, что съ нами будетъ, куда насъ повезутъ. Мало хорошаго, во всякомъ случаѣ, предвидѣлось.

Медленно надвигалось тусклое утро. Вдругъ послышались выстрѣлы, сначала одиночные, потомъ залпами. Затѣмъ раздались крики, донесся конскій топотъ.

Наша охрана бросилась къ дверямъ и... слѣдъ ея простылъ...

Оказалось, что одинъ изъ нашихъ батальоновъ занялъ городокъ, и весь нѣмецкій отрядъ спѣшно отступилъ вѣрнѣе убѣжалъ, оставивъ нѣсколько замѣшкавшихся кирасиръ плѣнными.

Мы нежданно-негаданно получили свободу. Но другіе русскіе, тоже взятые въ плѣнъ, не раненые, были менѣе счастливы: ихъ успѣли угнать куда-то далеко, къ Кенигсбергу...

Плѣнные нѣмецкіе кирасиры отъ страха буквально обратились въ каменные столбы. На нихъ лица не было. Они ожидали разстрѣла или чего-нибудь еще худшаго,—и каково было

ихъ изумленіе, когда командиръ выручившаго насъ отряда первымъ дѣломъ велѣлъ накормить ихъ и дать папиросъ.

Эти далеко не склонные къ сантиментальности солдаты были растроганы до слезъ.

— Такъ вотъ они великодушные русскіе!.. А намъ говорили, что вы страшно жестоки и сурово расправляетесь съ плѣнными...

Этимъ неожиданнымъ освобожденіемъ и закончились наши приключенія..."

По мѣрѣ того, какъ наши войска подвигались впередъ, ихъ нагоняли новыя свѣжія части, еще не бывшія въ бою, вливавшіяся въ дѣйствующую армію и заполнявшія неизбѣжную убыль. Такимъ образомъ, въ одной и той-же части шли плечо-о-плечо опытные, побывавшіе уже не въ одномъ бою, воины— и свѣжіе, еще не нюхавшіе пороху, солдаты. Вотъ какъ одинъ изъ такихъ новичковъ, вольноопредѣляющійся, передаетъ о своихъ первыхъ боевыхъ впечатлѣніяхъ:

„Рано утромъ проснулись мы отъ отдаленнаго орудійнаго грома.

Поднялъ я голову, прислушался,—въ груди что-то глухо, тревожно заныло. „Вотъ оно!—подумалъ я:—Близко!.."

Мнѣ не было страшно, только томила неизвѣстность, близость чего-то огромнаго, невѣдомаго, небывалаго въ моей жизни...

Въ мое плечо вдругъ кто-то судорожно вцѣпился. Оглянулся—солдатъ Савоська, тщедушный малый, не трусъ, но и не храбраго десятка, парень робкій, смирный, кроткій, почему-то сильно привязавшійся ко мнѣ и часто навѣдывавшійся въ нашу роту.

Я похлопалъ его по плечу и сказалъ смѣясь, стараясь подбодрить его:

— Ты не думай, что страшно—и не будешь бояться. Самъ, небось, съ ружьемъ, тоже можешь убивать...

Савоська покачалъ головой, и тихо, точно оправдываясь, проговорилъ:

— У меня жена и двое ребятъ. Можетъ, и не увижу ихъ больше...

Но разговаривать дальше нельзя было: кругомъ солдаты поднимались съ земли, торопливо строились, офицеры предупреждали насъ о близкомъ сраженіи и давали короткія наставленія, какъ вести себя въ бою.

Савоська бросился бѣжать къ своимъ...

Пальба вдругъ затихла.

Мы стояли недалеко отъ лѣса. Полчаса прошло въ молчаніи, точно и здѣсь, у насъ, и тамъ, за лѣсомъ, къ чему-то осторожно готовились. День былъ ясный, солнечный, тишина стояла такая, что слышно было, какъ шелестѣли на деревьяхъ листья...

Потомъ вдругъ грянулъ орудійный залпъ—гдѣ-то совсѣмъ близко около насъ. Это начала свою работу наша артиллерія. Поднявъ голову, я увидѣлъ удалявшіеся отъ насъ, съ воемъ и гудѣніемъ, снаряды. Они гулко разорвались гдѣ-то за лѣсомъ.

Непріятельская батарея тоже отвѣтила залпомъ, и изъ-за лѣса, какъ стайка птицъ, вылетѣло нѣсколько шрапнелей, разорвавшихся далеко позади насъ.

Затѣмъ пошла уже безпрерывная канонада. Страшныя орудія точно вели разговоръ, передавая другъ другу какія-то убійственныя вѣсти...

Савоська вдругъ опять очутился около меня. Лицо его было блѣдно, но спокойно. Онъ смущенно усмѣхнулся и сказалъ:

— Я попросился къ тебѣ. Ужо тутъ побуду...

— Ладно, побудь...

Къ орудійной пальбѣ отчетливо примѣшался сухой трескъ ружей и пулеметовъ. Надъ нашими головами зажужжали пули. Онѣ ударяли въ стволы деревьевъ, обрывали листья, ломали вѣтви, иногда безшумно вонзались въ людей, и тѣ безъ звука падали, или, отставивъ ружье, перевязывали платкомъ простреленную руку или ногу.

Отстрѣливаясь, мы стали продвигаться впередъ. Ружейные выстрѣлы непріятеля раздавались все ближе, и скоро сквозь деревья стала видна непріятельская цѣпь. Я вдругъ увидѣлъ своихъ, бѣжавшихъ мимо меня на нѣмцевъ съ громкимъ „ура",— и самъ бросился впередъ, увлекая за собой и Савоську...

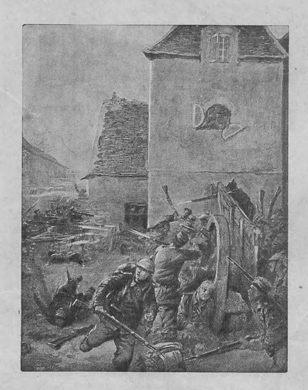
Люди падали кругомъ, точно подкошенные, а сзади набѣгали другіе, прыгая черезъ убитыхъ и раненыхъ. Гдѣ-то близко оглушительно затрещалъ пулеметъ, но не было времени соображать—откуда, съ какой стороны лился огненный дождь. Я только оглянулся на Савоську—живъ-ли онъ еще? Онъ не отставалъ отъ меня и тоже держалъ ружье на перевѣсъ.

Впереди уже шелъ штыковой бой, а позади все еще трещали ружья и пулеметы. Мы уже миновали лѣсъ и ворвались въ непріятельскіе окопы, заваленные грудами мертвыхъ тѣлъ.

Ружейная и пулеметная пальба вдругъ сразу прекратилась, и тогда, въ воцарившейся внезапно тишинѣ, послышались тя-

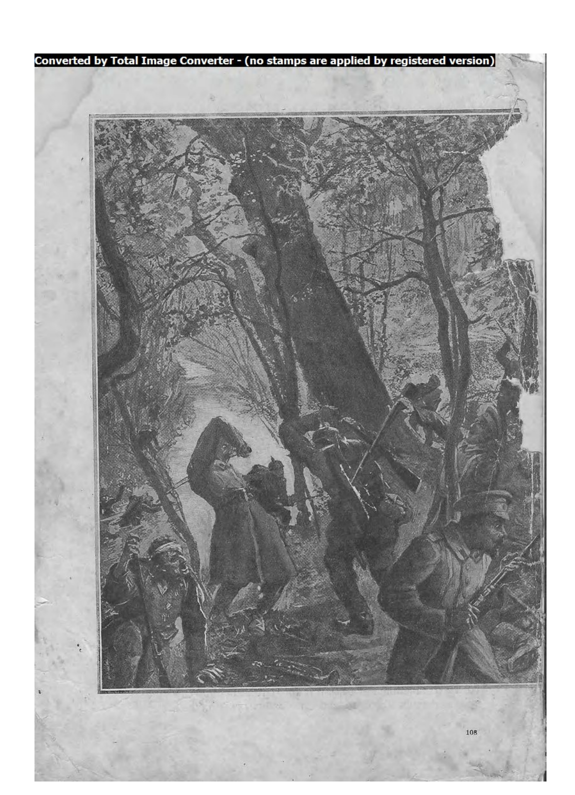
желые, глухіе стоны раненыхъ, умирающихъ, желѣзный лязгъ сталкивающихся штыковъ, хриплыя ругательства дерущихся.

Бой подходилъ къ концу. Непріятельская цѣпь, сильно порѣдѣвшая, не выдержала натиска и дрогнула. Вспыхнуло и понеслось по окопамъ наше громкое, побѣдное „ура". Меня подхватилъ какой-то бѣшенный вихрь и понесъ вслѣдъ за бѣжавшимъ непріятелемъ...

Словно широкая, бурная, весенняя вода, влилась человѣческая масса въ пылающую деревню. Опять затрещали ружья, завыли пулеметы; нѣмцы стрѣляли изъ-за заборовъ, изъ оконъ избъ; каждый дворъ, каждую избу приходилось брать съ бою.

По раззоренной деревенской улицѣ бѣжали толпы непріятельскихъ солдатъ, преслѣдуемыхъ пулями и штыками. А гдѣ-то въ отдаленіи снова выли и грохотали непріятельскія батареи, прикрывавшія бѣгство своихъ разбитыхъ полковъ...

Раненые въ этомъ и въ другихъ бояхъ въ Восточной Пруссіи отмѣчаютъ великолѣпно поставленную у пруссаковъ сигнализацію.

Приходятъ наши войска въ какую-нибудь деревню, мечтая хотя-бы о двухъ-трехчасовомъ отдыхѣ. Только расположатся какъ, точно съ неба, начинаетъ падать шрапнель.

Обыскиваютъ всю деревню, — никого не находятъ, кто могъ бы дать знать непріятелю. Нѣмцевъ, мирныхъ жителей— ни души. Только усиленные поиски приводили къ открытію подземныхъ телефоновъ и сигнализировавшихъ нѣмцевъ, засѣвшихъ въ погребахъ...

Случалось, что вдругъ загоралась деревня съ лѣваго края— и тогда русскіе, находившіеся съ праваго, осыпались снарядами; загоралось съ правой стороны—русскіе попадали подъ огонь съ лѣвой.

Даже дымъ пожаровъ имѣлъ опредѣленное значеніе. Темный и густой — означалъ: „стоитъ артиллерія“, бѣлесоватый, свѣтлый—„пѣхота“ и т. д.

Всѣ эти уловки были, однако, изучены нашими войсками, и германцы часто жестоко платились, принимая сигналы русскихъ за свои.

Подожгутъ русскіе снопы сѣна въ опредѣленномъ направленіи и любуются, какъ германцы заваливаютъ шрапнелью пустое пространство, а затѣмъ подбираются къ нимъ поближе и, оріентируясь по огню непріятельскихъ пушекъ, въ свою очередь осыпаютъ ихъ убійственнымъ огнемъ.

Интересна и сигнализація германскихъ воздушныхъ развѣдчиковъ. Ночью они пускаютъ ракеты, красныя, синія, зе-

ленія, огоньки которыхъ красиво извиваются по небу. Днемъ же ихъ сигнализація поставлена иначе: газомъ.

Летитъ аэропланъ и выпускаетъ изъ мотора струйку за струйкой. Одна струйка—„артиллерія", двѣ—„пѣхота" и пр.

Кромѣ того, лавируя на большой высотѣ надъ нашими войсками, нѣмецкіе летчики, двигаясь въ одномъ направленіи съ русскими колоннами, указываютъ своимъ ихъ путь..

Помимо этихъ способовъ развѣдки, нѣмцы придумали еще вотъ что.

Съ цѣлью обезопасить себя отъ лихихъ казачьихъ набѣговъ, они завели своры военныхъ собакъ, преимущественно изъ породы доберманъ-пинчеръ. Собаки эти, какъ извѣстно, очень пригодны для военно-полицейской службы, и въ данномъ случаѣ весьма облегчали нѣмцамъ задачу „спасенія отъ казаковъ".

Доберманъ-пинчеры, обладающіе прекраснымъ чутьемъ, были такъ хорошо выдрессированы, какъ только можетъ выдрессировать нѣмецъ, разнюхивали казачьи развѣдки, сильно безпокоившія нѣмцевъ.

Впрочемъ, эти собаки недолго служили имъ. Казакамъ нѣмецкіе четвероногіе развѣдчики очень надоѣли, и они, съ присущимъ русскому солдату юморомъ, изобрѣли способъ избавиться отъ нихъ. Ими было пріобрѣтено нѣсколько собакъ дамскаго пола, которыя каждый день стали приводить имъ десятками нѣмецкихъ доберманъ-пинчеровъ, забывшихъ, очевидно, долгъ и обязанности службы.

Такимъ путемъ было переловлено большинство нѣмецкихъ военныхъ собакъ...

Гумбиненъ.

7-го августа было получено извѣстіе о занятіи нашими войсками Гумбинена, лежащаго, по дорогѣ къ Кенигсбергу, въ 35 верстахъ отъ Эйдткунена и представляющаго собою довольно значительный нѣмецкій городокъ съ 15 тыс. жителей.

Бой въ районѣ Гумбинена былъ настоящимъ большимъ сраженіемъ. Нѣмцы сосредоточили противъ насъ уже цѣлую армію, которая ввела въ дѣло не менѣе трехъ корпусовъ.

Уже съ разсвѣтомъ началась артиллерійская канонада, въ которой съ обѣихъ сторонъ приняли участіе сотни орудій. Подъ градомъ снарядовъ тяжелой артиллеріи противника наша пѣхота, разсыпавъ цѣпи, перешла въ наступленіе.

Нѣмцы открыли ружейный и пулеметный огонь, но сдержать наступленіе нашихъ пѣхотныхъ частей имъ не удалось: ихъ позиціи одна за другой переходили въ наши руки.

Во время боя германскіе корпуса пытались нѣсколько разъ переходить въ контръ-атаку, но каждый разъ были отбиваемы съ громадными для нихъ потерями.

Противникъ пытался охватить нашъ правый флангъ, гдѣ, вслѣдствіе этого, бой достигъ крайняго напряженія, но наши войска перешли въ наступленіе въ центрѣ и отбросили нѣмцевъ.

Въ самомъ разгарѣ боя одинъ изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ перекрестнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ уничтожилъ двѣ бригады непріятельской пѣхоты.

Нѣкоторыя позиціи переходили изъ рукъ въ руки, но въ результатѣ все-же остались за нами.

Нашъ лѣвый флангъ съ боемъ продвигался впередъ и вечеромъ, къ началу темноты, окончательно сбилъ непріятеля. Разбитые корпуса германской арміи ночью отошли за Гумбиненъ, еще въ началѣ боя покинутый жителями.

Этотъ, одинъ изъ самыхъ кровавыхъ боевъ, продолжался 14 часовъ...

Изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ эпизодовъ наступленія на Гумбиненъ любопытенъ слѣдующій:

Нашъ небольшой развѣдочный отрядъ изъ 15 солдатъ подъ предводительствомъ унтеръ-офицера, владѣющаго немного нѣмецкимъ языкомъ, отправился ночью на развѣдки въ одно изъ селеній. Надо было выяснить, занято-ли селеніе нѣмецкими войсками.

Медленно и осторожно подвигаясь, отрядъ приблизился къ деревнѣ настолько близко, что нѣмецкіе часовые открыли стрѣльбу.

Задача отряда такимъ образомъ собственно была уже выполнена, такъ какъ выяснилось, что въ деревнѣ находятся нѣмецкія войска. Но начальствующій отрядомъ унтеръ-офицеръ рѣшилъ, что этого мало и что надо выяснить численность непріятеля.

Отдѣливъ изъ своей команды пять человѣкъ и приказавъ имъ все время отстрѣливаться, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, унтеръ-офицеръ съ остальными десятью солдатами пошелъ обходомъ въ деревню. Здѣсь горсточка храбрецовъ убѣдилась, что селеніе занято сравнительно сильнымъ нѣмецкимъ отрядомъ.

Однако и этихъ свѣдѣній показалось унтеръ-офицеру недостаточно, и онъ рѣшилъ опредѣлить болѣе точно,—какой части эти нѣмецкія войска.

Подвигаясь далѣе, группа была встрѣчена окликомъ часового:

— Кто идетъ?

— Свои!—по-нѣмецки отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

Часовой успокоился, взялъ къ ногѣ винтовку и спокойно ждалъ приближенія солдатъ.

Подойдя вплотную, унтеръ-офицеръ набросился на часового, придушилъ его и съ крикомъ „ура" сталъ стрѣлять.

Оставшіеся по другую сторону деревни пять нашихъ солдатъ также бросились впередъ съ крикомъ „ура".

Нѣмцы, не ожидая нападенія съ двухъ сторонъ, въ темнотѣ не разобрали въ чемъ дѣло и бросились бѣжать. Нашъ отрядъ погнался за ними, захватилъ десять нѣмцевъ въ плѣнъ и торжественно привелъ ихъ къ нашимъ позиціямъ.

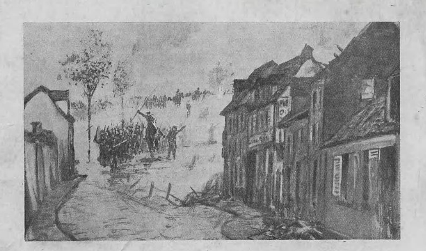
Со стороны нашего развѣдочнаго отряда оказался легко раненымъ только одинъ солдатъ...

Разсказываютъ, что во время боя подъ Гумбиненомъ одна наша артиллерійская бригада заняла такую позицію, съ которой очень удачно открыла огонь по 14 германскому корпусу. Этотъ корпусъ былъ совершенно разбитъ. На выручку ему пришла нѣмецкая артиллерія, которая открыла мѣстный огонь по нашей бригадѣ.

Мѣстность была такая, что огонь нѣмецкой артиллеріи, не причиняя вреда остальнымъ частямъ бригады, обрушился всецѣло на одну батарею. Въ теченіе получаса были убиты всѣ офицеры этой батареи и половина нижнихъ чиновъ, но остававшіеся въ живыхъ солдаты не отступили ни на шагъ, продолжая исполнять свои обязанности. Только послѣ того, какъ командующій арміей отдалъ приказъ—пострадавшая батарея отодвинулась немного назадъ...

Этотъ пунктъ, довольно сильно укрѣпленный, нѣмцы защищали отчаянно. Работали пушки, пулеметы и винтовки. Но русскіе полки пошли въ обходъ—и вскорѣ сломили нѣмцевъ...

При вступленіи въ Гумбиненъ наши войска увидѣли, что ихъ здѣсь совершенно не ждали. Квартиры, магазины и вообще всѣ жилыя и служебныя помѣщенія были покинуты столь внезапно, что двери вездѣ были открыты, и вся внутренняя обстановка производила такое впечатлѣніе, точно за нѣсколько минутъ до прибытія нашихъ войскъ тутъ жили люди.

„До чего нѣмцы были увѣрены въ своей непобѣдимости!— разсказываетъ одинъ офицеръ:—вотъ что было въ Гумбиненѣ...

Дрались мы цѣлый день. Остервенѣли страшно. И вотъ, когда непріятель сталъ отступать—мы такъ сильно приналегли на него, что, не заходя въ Гумбиненъ, онъ прошелъ стороной за этотъ городъ.

Было уже около девяти часовъ вечера. Помню хорошо, что уже стояли сумерки, когда наши отряды проникли съ двухъ сторонъ въ Гумбиненъ. Населенія тамъ уже не было: всѣ стремительно бѣжали вслѣдъ за войсками.

Нѣсколько нашихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, проникли въ одинъ довольно приличный домъ. Двери вездѣ открыты, лампы горятъ, видимо, не успѣли ихъ потушить. На столѣ стояла посуда, и по всей обстановкѣ можно было судить, что жильцы этой квартиры собирались ужинать. Когда мы заглянули на кухню, то нашли тамъ довольно объемистый кофейникъ, который былъ еще достаточно тепелъ. Не долго думая, мы размѣстились въ столовой и преспокойно выпили по чашкѣ кофе съ бисквитами, которые тутъ-же лежали на столѣ“...

Вообще, до пораженія подъ Гумбиненомъ нѣмцы и мысли не допускали о серьезномъ наступленіи съ нашей стороны. Только послѣ Гумбинена они стали побаиваться насъ, въ особенности казаковъ...

Въ этомъ же городѣ, между прочимъ, произошелъ слѣдующій случай.

По вступленіи въ Гумбиненъ три нашихъ солдата вошли въ одинъ нѣмецкій домъ. Тамъ никого не было. Солдаты обшарили углы, нашли кое-что съѣстное, расположились за столомъ и стали ужинать. Весь день они дрались безпрерывно и страшно проголодались.

Вдругъ они почувствовали запахъ дыма и гари. Оказалось, что домъ, въ которомъ они собирались поужинать, сталъ горѣть. Солдаты бросились къ дверямъ, но двери оказались запертыми. Кинулись къ окнамъ, но и тамъ были ставни заперты. Солдатамъ пришлось прикладами разбивать ставни.

Когда одинъ изъ нихъ выбрался изъ дому—какая-то нѣмка, довольно пожилая, ударила его дубиною такъ сильно, что онъ едва устоялъ на ногахъ.

Повидимому, эта женщина спряталась до прихода солдатъ въ домѣ, а потомъ незамѣтно вышла, заперла ихъ и подожгла домъ"...

Вообще, нашимъ войскамъ, какъ мы это не разъ уже отмѣчали, постоянно приходилось сталкиваться въ Восточной Пруссіи съ самымъ ожесточеннымъ коварствомъ нѣмцевъ—мирныхъ жителей. Но солдаты наши, несмотря на все, относились къ нимъ снисходительно. Ихъ гораздо больше возмущала безцеремонность нѣмецкихъ войскъ, грубо попиравшихъ всѣ человѣческіе законы войны. Добиваніе нѣмцами раненыхъ, стрѣльба по нашимъ санитарнымъ отрядамъ и полевымъ лазаретамъ были обычнымъ явленіемъ.

* * *

Наши войска, разбивъ непріятеля подъ Гумбиненомъ, остановились въ этомъ городѣ на ночлегъ, выславъ впередъ лишь развѣдочные отряды. Офицеръ, посланный со взводомъ на развѣдку дороги, разсказываетъ о слѣдующемъ интересномъ случаѣ.

Вышелъ онъ со своимъ взводомъ изъ Гумбинена въ 10 часовъ вечера. Уже было совсѣмъ темно. Погода стояла хорошая, какая была тамъ почти все время. По пути офицеръ встрѣтилъ еще одинъ взводъ подъ начальствомъ корнета, который

шелъ устроить засаду для противника, если-бы онъ встрѣтился на пути нашимъ развѣдчикамъ. Пошли вмѣстѣ.

На окраинѣ города встрѣтили нашего пѣхотнаго командира батареи, предупредившаго ихъ, что впереди стоитъ наше охраненіе. Дѣйствительно, пройдя версты три, нашъ развѣдочный отрядъ натолкнулся на пѣхотную заставу. Начальникъ ея разсказалъ офицеру, гдѣ расположенъ фронтъ охраненія и другія подробности и условился съ нимъ, что если появится непріятель, съ которымъ отрядъ не сможетъ сладить, то чтобы онъ зажегъ стогъ сѣна или факелы, какіе устраиваютъ наши солдаты, привязывая солому къ остріямъ своихъ пикъ. Если-же отрядъ будетъ стрѣлять, то это будетъ означать, что онъ находится въ безвыходномъ положеніи и необходимо спѣшить ему на выручку...

Верстахъ въ пяти отъ этой заставы отрядъ подошелъ къ нѣмецкому фольварку, какіе тамъ разсыпаны на каждомъ шагу. Приказавъ остановиться, офицеръ вызвалъ охотниковъ:

— Кто желаетъ итти со мной осмотрѣть деревню,—нѣтъ-ли тамъ непріятельской заставы?..

Откликнулись трое, изъ которыхъ онъ выбралъ одного и пошелъ съ нимъ въ деревню. Впереди-же себя еще раньше онъ отправилъ головной дозоръ въ составѣ семи солдатъ, и дозоръ этотъ, очевидно, уже прошелъ деревню; это, однако, не доказывало, что нѣмцевъ тамъ не было, такъ какъ нѣмцы часто пропускали дозорные отряды, чтобы потомъ напасть на главный отрядъ.

Въ фольваркѣ было тихо, пусто, не видно было ни одного огонька, не слышно было даже лая собакъ.

Дойдя до конца деревни, офицеръ уже повернулъ назадъ и собрался дать свистокъ своему отряду, какъ было условлено, если путь будетъ свободенъ. Вдругъ за спиной у него раздался револьверный выстрѣлъ. Офицеръ и солдаты пустились полевымъ галопомъ, не переставая подавать свистки.

Тогда изъ темноты съ обѣихъ сторонъ на нихъ посыпались ружейные выстрѣлы, подъ огнемъ которыхъ имъ пришлось подвигаться къ своимъ.

Уйти совсѣмъ отъ этой деревни наши развѣдчики не хотѣли, потому что здѣсь они собирались оставить засаду. Оба отряда отошли и остановились нѣсколько поодаль, близъ мельницы. Передъ ними лежала дорога, справа отъ которой разстилалось болото. Они раздѣлились—корнетъ со своимъ отрядомъ пошелъ съ одной стороны, а офицеръ—съ другой, и направились обратно въ деревню.

Тамъ выстрѣлы уже умолкли. Наши солдаты обыскали весь фольваркъ и никого тамъ не нашли. Противникъ, видимо, отступилъ. Но гдѣ онъ, въ какомъ числѣ, пѣшій или конный— ничего не было извѣстно.

Нужно было обслѣдовать всѣ сосѣдніе фольварки, „вылизать“ мѣстность, какъ говорится у развѣдчиковъ. Наши отряды направились къ одному изъ нихъ. Только подошли—оттуда вдругъ грянулъ залпъ, потомъ второй. Бросились въ другую сторону — тамъ ихъ тоже встрѣтили залпами, уже болѣе частыми. Въ темнотѣ непріятеля не было видно, но ясно было, что наши отряды натолкнулись на непріятельскую линію. Пришлось обслѣдованіе мѣстности отложить до разсвѣта...

Куда-же дѣвались семь нашихъ дозорныхъ, ушедшихъ, впередъ? Надо было во что-бы то ни стало выручить ихъ, дать имъ знать, что они окружены непріятелемъ, вернуть ихъ. Офицеръ опять вызвалъ желающихъ: кто хочетъ итти вдогонку своимъ товарищамъ, чтобы спасти ихъ?

Я!.. Я!.. Я!..—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ хотѣли итти, весь взводъ. Офицеру пришлось самому назначить трехъ человѣкъ, которые скоро и скрылись въ темнотѣ на дорогѣ...

Оставшимся-же тѣмъ временемъ надо было дать знать охраненію, что близокъ непріятель, численно ихъ превосходящій и сдѣлать это скорѣе, такъ какъ они слышали, что нѣмцы уже начали стрѣлять въ нашихъ дозорныхъ. Но какъ подать сигналъ, когда подъ рукою нѣтъ соломы?

И вотъ, вмѣсто стога сѣна, какъ было условлено, они рѣшили поджечь деревню. Сдѣлать это было не трудно, такъ какъ въ Германіи всюду имѣются особыя спички, вымазанныя составомъ, горящимъ даже при сильномъ вѣтрѣ. Подъ выстрѣлами шесть человѣкъ подошли къ деревнѣ и зажгли ее. Фольваркъ запылалъ, и при свѣтѣ пожара видно было, какъ въ сосѣднюю деревушку перебѣгали спѣшившіе нѣмецкіе уланы.

„Насъ не замѣтили,—разсказывалъ офицеръ:—и мы оставались на мѣстѣ, съ безпокойствомъ ожидая нашихъ дозорныхъ и тѣхъ, которые отправились спасать ихъ. Черезъ пять минутъ передъ нами вдругъ развернулась такая картина:

Черезъ деревню, объятую пламенемъ, по шоссе, сквозь огонь, летѣлъ на насъ нашъ отрядъ въ десять человѣкъ, а съ обѣихъ сторонъ на нихъ сыпались нѣмецкія пули. Одинъ изъ нашихъ свалился съ лошади, которая продолжала нестись съ остальными. Убитъ онъ? раненъ?..

У насъ, русскихъ, установился въ эту войну обычай—не оставлять въ рукахъ врага не только своихъ раненыхъ, но и убитыхъ. Мы сами хоронили ихъ, если успѣвали, съ отпѣваніемъ, если нѣтъ—то просто въ братской могилѣ, вырытой руками товарищей. И мы рѣшили вынести упавшаго.

Корнетъ со своимъ отрядомъ ушелъ въ сторону, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля, а я спѣшилъ своихъ людей,

сколько можно было взять съ собой, и мы поползли вдоль шоссе, по канавѣ. Солдата, который былъ, къ счастью, только раненъ, мы спасли, благополучно доставивъ его въ ближайшій полевой лазаретъ...

Ночью уже все равно ничего больше нельзя было предпринять, и мы рѣшили отложить дальнѣйшую развѣдку до утра. Съ разсвѣтомъ корнетъ со своимъ взводомъ остался въ за-

садѣ, которую намъ все-таки удалось устроить, а я помчался съ однимъ изъ моихъ солдатъ къ нашей линіи съ донесеніемъ.

При проѣздѣ черезъ одинъ пустынный, брошенный жителями фольваркъ, мы увидѣли издали двухъ нѣмецкихъ кавалеристовъ, ѣхавшихъ медленно, точно они совершали утреннюю прогулку. Спѣшившись и спрятавшись за угломъ каменной ограды, мы подождали, пока они приблизились, и внезапно бросились на нихъ—я и мой солдатъ—съ ружьями въ рукахъ! Растерявшіеся нѣмцы побросали оружіе и сдались намъ въ плѣнъ"...

Совершая развѣдки, наши офицеры часто приходили въ соприкосновеніе съ мирнымъ нѣмецкимъ населеніемъ и знакомились съ его настроеніемъ и отношеніемъ къ настоящей войнѣ. Въ этомъ смыслѣ любопытенъ разсказъ другого офицера, посланнаго для осмотра мѣстности за Гумбиненомъ.

„Я отправился на развѣдку съ разъѣздомъ въ 11 человѣкъ. Скакали мы цѣлый день; къ вечеру утомились. Немного въ сторонѣ отъ дороги стояла небольшая усадьба, что-то вродѣ фермы. Я отрядилъ дозоръ осмотрѣть ферму. Дозоръ скоро вернулся, и одинъ изъ солдатъ доложилъ:

— Тамъ, ваше благородіе, кромѣ одного древняго старика, ни души нѣтъ...

— Ну, что-жъ, поѣдемъ, отдохнемъ...—говорю.

Въѣзжаемъ во дворъ. На крыльцѣ—старикъ въ вязанной курткѣ, съ колпачкомъ на головѣ; въ зубахъ у него—трубка. Я козыряю и обращаюсь къ нему, конечно, по-нѣмецки:

— Разрѣшите у васъ отдохнуть.

Старикъ былъ страшно изумленъ и моимъ нѣмецкимъ говоромъ и еще больше моей вѣжливостью. Онъ развелъ руками, быстро закивалъ головой. Я приказалъ разъѣзду въѣзжать во дворъ.

— Нѣтъ-ли у васъ, — спрашиваю старика: — молока или кофе? Я заплачу.

А старикъ все стоитъ, разводитъ руками, смотритъ то на меня, то на нижнихъ чиновъ. Наконецъ, убѣдившись, что никто ничего дурного ему сдѣлать не собирается, онъ вѣжливо отвѣтилъ.

— Пожалуйте. Есть молоко, есть и кофе...

Вошелъ я въ комнату. Обычная нѣмецкая чистота, уютъ, хотя замѣтно, что кое-что отсюда убрано наспѣхъ.

— Вы одинъ здѣсь живете?—спрашиваю:—Гдѣ ваша семья?..

Старикъ вдругъ хитро подмигнулъ и спрашиваетъ:

— А вы кто—казаки?

— Нѣтъ,—говорю:—мы не казаки.

— Ну, слава Богу!—говоритъ старикъ:—Семья моя здѣсь. Она спряталась...

Старикъ вышелъ куда-то, а минутъ черезъ пять вернулся въ сопровожденіи старушки съ удивительно розовымъ, но морщинистымъ лицомъ, молодой рослой женщины и двоихъ ребятъ.

— Эта—невѣстка моя,—объяснилъ онъ:—Сына забрали на войну.

Я представился. Въ первую минуту женщины были не то смущены, не то испуганы. Онѣ то смотрѣли на меня, то выглядывали въ окна, во дворъ, гдѣ

находились мои солдаты. Наконецъ, убѣдившись окончательно, что никакая опасность имъ не угрожаетъ, женщины начали хлопотать по хозяйству.

Черезъ четверть часа на столѣ стояли кофейникъ, кувшинъ съ густыми сливками, масло, хлѣбъ, сыръ, ветчина. За кофе мы разговорились.

— Зачѣмъ вы спрятались?—спрашиваю:—Неужели вы думаете, что русскіе обижаютъ мирныхъ жителей?

— Намъ такъ говорили, такъ писали:—виновато улыбнулся старикъ.

— Какъ говорили? Какъ писали?..

— Такъ. Въ нашихъ газетахъ писали, что русскіе хотятъ истребить всѣхъ нѣмцевъ, не только нѣмецкую армію, но и мирныхъ жителей, даже стариковъ, старухъ, женщинъ, дѣтей.

— Какая глупость!—невольно воскликнулъ я.

— А вотъ посмотрите сами!

Старикъ подошелъ къ шкапу, досталъ оттуда небольшой листокъ и протянулъ его мнѣ.

Дѣйствительно, въ газетенкѣ, чернымъ по бѣлому было напечатано, что русскіе варвары двинулись на Германію съ цѣлью уничтожить всѣхъ нѣмцевъ, все нѣмецкое. Поэтому нѣмецкій народъ призывается на защиту своей дорогой отчизны, своего имущества, на защиту своихъ женъ, дочерей, матерей, сестеръ.

— Русскіе никогда не воюютъ съ беззащитными!—сказалъ я, пробѣжавъ газету.

— Больше всего мы боимся казаковъ,—робко замѣтила молодая женщина.

— О, Kosaken, Kosaken!—вздохнула старуха.

— Почему же вы такъ боитесь казаковъ?—спрашиваю.

— Они вѣдь совсѣмъ дикіе,—отвѣтила молодая женщина.

— Какъ дикіе?

— Намъ пасторъ разсказывалъ въ проповѣди, что въ Россіи есть такіе лѣса, которымъ нѣтъ конца... темные, густые... Въ этихъ лѣсахъ живутъ дикіе звѣри и казаки. Пасторъ говорилъ, что казаки питаются сырымъ мясомъ и кровью.

— То-есть, какъ сырымъ мясомъ и кровью?

— Такъ! Возьмутъ овцу или козу, зарѣжутъ ее и пьютъ кровь, а потомъ ѣдятъ мясо, даже не зажаривши его. Они дикіе, совсѣмъ дикіе! Пасторъ говорилъ, что казаки никому не даютъ пощады, что они даже не похожи на людей. „Больше всего берегитесь казаковъ“!—говорилъ пасторъ. Намъ показывали картинки, на которыхъ были изображены русскіе казаки. Страшно смотрѣть: большія бороды, густые волосы, дикіе глаза.

— Тамъ есть одна такая картинка—указала старушка на шкапъ.

Старикъ снова подошелъ къ шкапу и подалъ мнѣ небольшую раскрашенную олеографію, на которой былъ изображенъ мужчина гигантскаго роста, съ длиннѣйшими, по меньшей мѣрѣ до половины спины, волосами, съ глазами величиною съ блюдце, горящими красно-зеленымъ пламенемъ, съ оскаленными, какъ у тигра, зубами. Въ рукахъ онъ держалъ пику. Внизу стояла подпись.

Когда намъ пришлось почти двое сутокъ итти по болоту, и я, не рискуя разуться, какъ дѣлали порой солдаты, простудился,—онъ первый замѣтилъ, что я заболѣлъ въ походѣ.

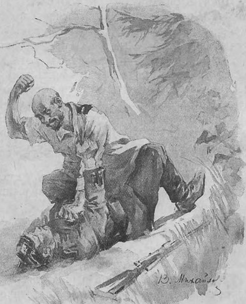
— Бида, баринъ!—шепнулъ онъ мнѣ:—тибе лихорадка!..

Во время перестрѣлки онъ почти всегда первый замѣчалъ выглядывавшаго изъ-за пригорка непріятеля, прежде чѣмъ я могъ разглядѣть его сквозь свое пенснэ съ плохо протертыми стеклами, и давалъ мнѣ инструкцію:

— Нэмецъ голова показалъ. Прыкажи, баринъ: плы!..

Эта команда „плы" была ему особенно дорога, и онъ старался не пропустить для ея исполненія ни одного удобнаго случая.

Къ довершенію всего я засталъ его разъ надъ лежавшимъ у меня планомъ мѣстности съ группою другихъ, грамотныхъ солдатъ. Они читали ему названія и указывали, гдѣ находятся холмы, гдѣ лѣсокъ, а онъ толково давалъ имъ объясненія относительно дальнѣйшей тактики всей дивизіи, и соображенія его были почти безошибочны.

Во время бивуаковъ я узналъ, что Ахметка послѣ службы былъ извозчикомъ: „кавалэрнычалъ", и недавно женился. Мысль о молодой женѣ и о томъ, что она теперь, быть можетъ, испытываетъ нужду, была единственнымъ, что могло вывести его изъ спокойно-веселаго настроенія, привести въ уныніе, даже

озлобленіе. И онъ простить не могъ виновнику страданій своей жены—нѣмцу:

— Увижу, баринъ, нэмца — разсержусь! — предупреждалъ онъ меня.

Когда непріятельскій огонь работалъ особенно усиленно и надъ нашими головами свистѣли ядра,— онъ чесалъ затылокъ, причмокивалъ губами, качалъ головой и ворчалъ про себя:

— У-ухъ какъ разсержусь!..

Разъ ему представился случай „разсердиться".

Пошелъ онъ въ лѣсокъ собирать валежникъ для котла. Отдѣлился отъ своихъ и наткнулся на спрятавшагося въ кустахъ нѣмецкаго развѣдчика. У того въ рукахъ была винтовка. Ахметка же шелъ съ голыми руками. Увидѣвъ врага такъ близко, онъ „разсердился" и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, кинулся на него, повалилъ и началъ изо всѣхъ силъ тузить кулаками. Еле-еле нѣмцу удалось вырваться; онъ бросился бѣжать къ спрятавшейся вблизи своей засадѣ, оставивъ въ рукахъ Ахметки винтовку, изъ которой тотъ даже попытался пустить ему вдогонку нѣсколько пуль. Но уставшія руки, видимо, не могли сразу пріобрѣсти необходимую твердость, и выстрѣлы остались безрезультатными.

Вернувшись со своимъ трофеемъ, Ахметка показалъ смѣявшимся солдатикамъ свой огромный кулачище и пояснилъ:

— Бомбомъ билъ!..

Намъ съ Ахметкой пришлось вмѣстѣ получить и боевое крещеніе. Два дня шли мы по болотистой мѣстности, подъ палящимъ солнцемъ, ежеминутно наталкиваясь на непріятельскія засады. На каждомъ шагу приходилось вступать въ сраженія и гнать передъ собой непріятеля. Эта послѣдняя работа, къ слову сказать, была не особенно трудной. Гораздо тяжелѣе были трудности самого похода по болотамъ, жара, необходимость питаться только „щами", состоящими изъ воды и небольшого количества капусты и чаемъ, завареннымъ иногда, ради сбереженія времени, этими же самыми щами.

Къ концу третьяго дня пути мы натолкнулись на значительно превосходившій насъ количествомъ отрядъ непріятеля. Мы догадались, что это былъ передовой отрядъ тѣхъ самыхъ непріятельскихъ силъ, которыя наша дивизія должна была остановить и помѣшать имъ отрѣзать отъ насъ наши части, двигавшіяся отъ Гумбинена къ Инстербургу. Надо было ждать подкрѣпленія, которое могло притти только къ утру. Намъ приказано было остановиться и, выставивъ дозорную цѣпь, отдохнуть.

Ночью до нашего слуха донесся грохотъ колесъ, ржаніе лошадей, топотъ передвигающихся войскъ.

Я направился къ группѣ штабъ-офицеровъ, тоже встревоженныхъ этимъ шумомъ и соображавшихъ, что онъ можетъ означать; такъ какъ не было видно, чтобы непріятель переходилъ въ наступленіе, рѣшено было, что онъ снимается и отходитъ на заднія позиции.

Вернувшись къ своему взводу, я подѣлился этими соображеніями съ солдатами, съ нетерпѣніемъ ожидавшими моего возвращенія. Выслушавъ меня, они успокоились, только на Ахметку мое сообщеніе не произвело успокаивающаго дѣйствія. Онъ нахмурилъ свои тонкія брови и озабоченно покачалъ головой:

— Нэтъ, баринъ, не туды,—суды идетъ!—замѣтилъ онъ.

И дѣйствительно, его тонкій слухъ не обманулъ его. На утро, съ первыми проблесками зари мы замѣтили, что нѣмцы не тронулись съ мѣста и что къ нимъ подошли большія подкрѣпленія съ артиллеріей. Прежде чѣмъ мы успѣли разобраться въ создавшемся положеніи, на насъ градомъ посыпались шрапнели.

Отступать было поздно. Дождавшись подъ убійственнымъ огнемъ подкрѣпленія, ударившаго на враговъ съ фланга, мы бросились въ атаку.

Сплошною массою двинулись мы впередъ. Слышно было, что передовые ряды уже перешли въ рукопашную, что линія непріятеля стала поддаваться.

Скоро и мнѣ со взводомъ пришлось перейти на линію боя. Гдѣ-то вблизи меня раздался трескъ, что-то съ силою ударило меня въ ногу, и я лишился сознанія.

Пролежалъ я тамъ, вѣроятно, недолго. Когда очнулся—я увидѣлъ, что лежу далеко позади нашихъ войскъ; мнѣ виденъ былъ только ихъ тылъ въ разстояніи верстъ двухъ впереди; они напирали на противника подъ непрекращавшимся огнемъ нѣмецкой артиллеріи.

Нога мучительно ныла и горѣла, словно съ нея была содрана кожа. Губы запеклись отъ жара. Несмотря на невыносимо палящее солнце, въ тѣлѣ чувствовался ознобъ. Съ трудомъ поднялся я и почувствовалъ, что могу еще кое-какъ итти, но бѣжать, догнать своихъ былъ уже не въ силахъ.

Мимо меня на неосѣдланной лошади проскакалъ пѣхотный штабсъ-капитанъ. Онъ какимъ-то образомъ отсталъ и теперь, схвативъ первую попавшуюся лошадь, догонялъ свою часть. Налету онъ успѣлъ разспросить меня относительно того, гдѣ можетъ теперь находиться его часть и направился въ ука-

занномъ мною направленіи. Я слѣдилъ за нимъ, и видѣлъ, какъ ему приходилось гнать коня по полянѣ, подвергавшейся особенно усиленному обстрѣлу непріятельскими снарядами, какъ онъ вдругъ взмахнулъ обѣими руками, качнулся назадъ и сразу свалился лицомъ внизъ на землю съ лошади, которая пробѣжала еще немного и остановилась.

Я снова легъ. Въ это время вниманіе мое было обращено въ другую сторону. У насъ на правомъ флангѣ были слышны крики ликованія, и лѣвый флангъ непріятеля, видно было, обратился въ безпорядочное бѣгство. Тогда изъ маленькой деревушки, расположенной въ сторонѣ, выбѣжали нѣсколько человѣкъ нѣмцевъ съ офицеромъ во главѣ и пустились вдогонку за своими.

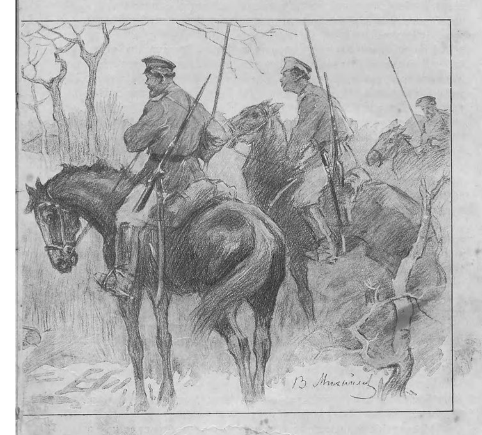
Вдругъ въ двухъ шагахъ отъ меня раздался ружейный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Нѣмецкій офицеръ упалъ, будто споткнулся; упалъ и одинъ изъ солдатъ. Остальные скрылись въ небольшой рощицѣ, протянувшейся къ западу отъ деревушки.

Я оглянулся и увидѣлъ почти рядомъ съ собой высунувшуюся изъ лощинки голову Ахметки. Въ рукахъ у него была винтовка.

Я окликнулъ его, и онъ подползъ ближе. Оказалось, что у него осколкомъ снаряда вырванъ кусокъ мяса на ногѣ, и онъ также нѣкоторое время былъ въ безпамятствѣ. Придя въ себя, онъ, съ ловкостью опытнаго вояки, обрѣзалъ по колѣно штаны и кальсоны на раненой ногѣ и обрѣзками ихъ забинтовалъ самъ себѣ рану.

Больше раненыхъ вокругъ насъ не было. Были только убитые.

Устроивъ маленькій военный совѣтъ, мы признали, что ни онъ, ни я не можемъ итти за своими. Оставаться-же на полѣ не имѣло никакого смысла. И мы рѣшили собрать всѣ силы, чтобы пробраться въ деревушку, изъ которой только что выбѣжали подстрѣленные Ахметкой нѣмцы.

Подобравъ валявшуюся винтовку убитаго и опираясь на нее, какъ на посохъ, я пошелъ вмѣстѣ съ Ахметкой къ деревнѣ. Какъ нищіе-калѣки, тащились мы, прихрамывая, едва передвигая больныя ноги, изнемогая отъ жажды и жары.

Въ деревнѣ было пусто. Не зная, можно было угадать, что здѣсь побывали нѣмцы. Двери въ домахъ были настежь,

и ни въ одномъ изъ нихъ нельзя было найти ни соринки хлѣба. Нѣмцы обирали своихъ собственныхъ соотечественниковъ, чтобы нашимъ войскамъ ничего не досталось.

Въ самомъ концѣ деревни тонкій слухъ Ахметки уловилъ нѣчто похожее на стонъ. Направившись туда, откуда этотъ стонъ доносился, мы нашли старуху, сидѣвшую на заваленкѣ избы, съ руками на колѣняхъ и глазами обращенными къ небу, шептавшую блѣдными губами молитву, напоминавшую стонъ умирающаго.

Кое-какъ мы съ ней объяснились. Она разсказала намъ, что всѣ жители деревни разбѣжались при первомъ извѣстіи о нашемъ приближеніи, позабывъ о старухѣ, которая изъ страха притаилась гдѣ-то подъ овиномъ. Она двое сутокъ просидѣла тамъ безъ пищи и воды.

Накормить старуху было нечѣмъ: мы сами были голодны и умирали отъ жажды. Она указала намъ, куда слѣдуетъ итти и вызвалась даже проводить насъ до ближайшей линіи нашихъ войскъ.

Къ сожалѣнію, старуха оказалась еще слабѣе насъ, раненыхъ, и мы вынуждены были взять ее съ двухъ сторонъ подъ руки и такимъ образомъ двинулись въ путь.

Приблизительно, черезъ часъ мы увидѣли впереди себя группу казаковъ на коняхъ. Меня смутило только то, что на нихъ всѣхъ были бѣлые рейтузы, плотно облегавшіе ноги, какъ у кавалеристовъ. Ужъ не натолкнулись-ли мы на германскую кавалерію въ какой-то, еще невиданной мною, формѣ?

Я подѣлился своими опасеніями съ Ахметкой. Но онъ только засмѣялся въ отвѣтъ:

— Нэма рейтузы, штаны снималъ!—объяснилъ онъ.

И дѣйствительно, оказалось, что Ахметка былъ правъ. Наши казаки чувствовали себя здѣсь, на войнѣ, какъ дома, въ собственномъ куренѣ и въ виду сильной жары поснимали съ себя все, кромѣ рубахъ, тужурокъ, винтовокъ и пикъ. Въ такомъ видѣ они нерѣдко бросались и въ атаку, наводя ужасъ на враговъ.

Настроеніе наше замѣтно измѣнилось, и Ахметка не переставалъ подшучивать надъ нашей дамой, безпрестанно вздрагивавшей при каждомъ звукѣ отдаленнаго залпа или свиста пролетавшихъ порой надъ нами ядеръ. Его веселость заразила и меня. И я тоже пошутилъ надъ нѣмкой-старушкой:

— Погибнемъ мы, бабушка, во цвѣтѣ лѣтъ!..

Это выраженіе Ахметка, слыхалъ, повидимому, въ первый

разъ, и оно ему очень понравилось. Онъ заливался смѣхомъ, повторяя:

— Пропалъ бабушка цвѣтѣ лѣтъ!..

При видѣ нашихъ смѣющихся лицъ старушка въ концѣ концовъ не выдержала и тоже залилась мелкимъ, чуть слышнымъ старческимъ смѣхомъ.

Представьте себѣ изумленіе казаковъ, когда они увидѣли передъ собой такую картину: по пыльной дорогѣ, обливаясь потомъ, идутъ, хромая, офицеръ и солдатъ и ведутъ подъ руки съ двухъ сторонъ старушку—и всѣ трое при этомъ неудержимо смѣются!..

Неудивительно, что казаки, окруживъ насъ, долго не могли притти въ себя отъ смѣха, прежде чѣмъ начали разспрашивать насъ, кто мы и откуда.

Ихъ полкъ, расположенный въ ближайшей деревнѣ, выступалъ въ походъ, командиръ былъ очень благодаренъ намъ за доставленныя ему свѣдѣнія о состояніи дороги, по которой ему приходилось итти.

Старушку мы оставили въ этой деревнѣ, гдѣ ее и насъ казаки великолѣпно накормили. Потомъ намъ достали гдѣ-то телѣгу, на которой мы съ Ахметкой и отправились въ ближайшій лазаретъ"...

* * *

Германская армія поспѣшно отходила отъ взятаго нами Гумбинена къ Инстербургу, бросая по дорогѣ зарядные ящики и амуницію. 10 августа вечеромъ части нашей арміи повели рѣшительное наступленіе на Инстербургъ, но противникъ не принялъ удара на инстербургскихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ и сдалъ ихъ безъ боя. Въ эту же ночь части нашей арміи заняли этотъ городъ, также покинутый жителями.

Инстербургъ.

Остатки германской арміи отступили къ Кенигсбергу, преслѣдуемые по пятамъ нашей кавалеріей и пѣхотными авангардными частями. При отступленіи нѣмцы понесли значительныя потери убитыми и ранеными и главнымъ образомъ плѣнными.

Занятіе Инстербурга послѣ троекратнаго разбитія четырехъ германскихъ корпусовъ произошло на двадцать первый день начатой противъ насъ кампаніи, ровно на недѣлю ранѣе, чѣмъ

по плану „непобѣдимыхъ“ нѣмцевъ должна была быть занята линія Петербургъ — Вильно — Кіевъ.

Паденіе Инстербурга произвело громадное моральное впечатлѣніе на нѣмцевъ. Самое занятіе города, столь быстрое, объяснялось тѣмъ жестокимъ пораженіемъ, которое нѣмцы понесли у Гумбинена; наши войска преслѣдовали германцевъ такъ энергично, что послѣдніе не успѣли зацѣпиться достаточно прочно за укрѣпленный Инстербургъ.

Насколько паника нѣмцевъ была велика, видно изъ того, что они одновременно очистили и Виленбергъ, лежащій значительно южнѣе пути наступленія нашихъ войскъ, почти въ 300 верстахъ отъ Инстербурга.

Блестящую побѣду, одержанную нашими войсками въ Восточной Пруссіи въ бояхъ отъ 4 по 10 августа, можно считать одной изъ самыхъ выдающихся въ исторіи войнъ.

Въ этихъ бояхъ, въ одномъ только районѣ Гумбинена, участвовало не менѣе трехъ германскихъ корпусовъ; такъ какъ въ районѣ Лыка дѣйствовалъ еще и 20-й германскій корпусъ, то общее число германскихъ войскъ, участвовавшихъ въ пятидневномъ бою, равнялось приблизительно 200 тыс. человѣкъ.

Вся эта масса войскъ расположилась по линіи почти неприступныхъ укрѣпленій Леценскихъ озеръ. Лѣвый флангъ нѣмецкой арміи прикрывался теченіемъ рѣки Ангерапъ, укрѣпленіями Гумбинена и Инстербурга и находящейся позади этихъ укрѣпленій крѣпостью Кенигсбергъ съ двумя передовыми позиціями—у Тапіау и Лабіау.

Такимъ образомъ передъ нашими войсками была воздвигнута почти неодолимая, сплошная стѣна укрѣпленій и искусственныхъ препятствій, причемъ позади этой стѣны находилась цѣлая армія въ 200 тыс. человѣкъ.

Въ современномъ бою устойчивость даже маленькой роты очень велика, а сопротивленіе большого числа войскъ, напримѣръ, полка, при занятіи имъ укрѣпленной позиціи, можетъ продолжаться нѣсколько дней. Еще болѣе устойчиво и длительно сопротивленіе дивизіи, а корпусъ можетъ держаться за укрѣпленіями не менѣе недѣли.

Поэтому нельзя не считать выдающимся и безпримѣрнымъ успѣхъ нашихъ войскъ, которыя втеченіе пяти дней сломили двухсотъ тысячную армію, опиравшуюся на неприступныя, задолго подготовленныя, укрѣпленія.

Въ смыслѣ стратегическомъ значеніе этой побѣды было также очень велико. Германская армія, подъ натискомъ нашихъ

войскъ, находилась въ полномъ отступленіи за рѣку Ангерапъ. Это открывало путь нашимъ войскамъ въ промежутокъ между Кенигсбергомъ и Леценскими озерами. Блестящая побѣда отдавала въ наши руки всю восточную часть восточно-прусской провинціи, то-есть, территорію величиной до 10.000 кв. верстъ.

Нѣмцы едва-ли могли ожидать, что въ теченіе пяти дней будетъ захвачена такая значительная и такъ сильно укрѣпленная территорія. Особенно большія надежды они возлагали на Инстербургъ, укрѣпленіями котораго имъ даже не пришлось и воспользоваться, ввиду быстраго натиска нашихъ войскъ. Жители этого города, совершенно не вѣрившіе въ возможность занятія его русскими, бросились бѣжать изъ него лишь въ послѣднюю минуту, когда русскія войска уже входили въ его улицы...

Одинъ изъ солдатъ, вступившихъ въ Инстербургъ, писалъ:

„Когда мы вошли въ городъ—изъ жителей уже почти никого не было; но видно было, что они только что оставили свои гнѣзда. Огромные магазины были открыты, — иди, бери, что хочешь. Въ квартирахъ также всѣ двери были открыты настежь. Но никто изъ насъ ничего не взялъ, даже не дотронулся: мы не грабить пришли и по-разбойничьи поступать не хотѣли, хотя до насъ и доходили слухи, какъ нѣмцы орудуютъ въ занятыхъ ими русскихъ городахъ. Назначенный русскій комендантъ сейчасъ-же распорядился разыскать владѣльцевъ большихъ магазиновъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ не находился, магазинъ запирался и на замокъ накладывалась печать... Черезъ нѣсколько дней въ городѣ стали появляться жители. Они приходили къ коменданту и получали отъ него пайки“...

Другой писалъ позднѣе, когда въ Инстербургѣ уже установилась обычная жизнь:

„Инстербургъ—славный городъ, здѣсь все можно купить... Сейчасъ здѣсь уже все вошло въ обычную колею; нѣмцы возвращаются на свои мѣста, почти всѣ магазины открыты. По городу ходятъ наши патрули, стоятъ часовые; фланируютъ нѣмцы съ бѣлыми повязками, избранные самоуправленіемъ и играющіе роль полицейскихъ. Еще одно, очень пріятное обстоятельство: приказано считать одинъ рубль за три марки, и хотя нѣмцы и набавляютъ на все цѣну, но все-таки все дешево... Нѣмцы къ намъ очень милы и услужливы. Они говорятъ, что войны не хотѣли, и что Вильгельмъ ихъ обманулъ, что они никакъ не ожидали, что русскіе такъ культурны—не только не жарятъ ихъ дѣтей, но даже и не грабятъ... а разграбили ихъ собственныя-же войска“...

Наши войска недолго задержались въ Инстербургѣ и продолжали свое побѣдоносное наступленіе, преслѣдуя непріятеля. Въ этомъ городѣ былъ оставленъ только небольшой отрядъ и лазаретъ съ нашими ранеными воинами. Здѣсь, между прочимъ, оставалась на излѣченіи нѣкоторое время раненная въ бою подъ Инстербургомъ сестра милосердія В. Гаврилова; отрядъ, въ которомъ она находилась, попалъ въ тяжелое положеніе, благодаря звѣрскому отношенію нѣмцевъ къ нашимъ санитарамъ. Она разсказываетъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ.

„Сраженіе подъ Инстербургомъ продолжалось весь день. Въ одинъ изъ моментовъ, когда бой немного утихъ, нашъ полевой подвижной лазаретъ былъ занятъ уборкой раненыхъ съ поля сраженія. Санитары подбирали раненыхъ и сносили ихъ въ опредѣленное мѣсто, а мы, нѣсколько сестеръ, тутъ-же дѣлали имъ первыя перевязки.

Нѣмцы были отброшены нашими войсками, и занятое нами мѣсто казалось настолько безопаснымъ, что мы здѣсь-же, до прибытія санитарныхъ фургоновъ, задержали перевязанныхъ раненыхъ.

Но неожиданно изъ расположеннаго вблизи небольшого лѣска карьеромъ выскочилъ на насъ разъѣздъ нѣмецкихъ драгунъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Защищаться было невозможно, такъ какъ наши войска были далеко, а раненые и мы не могли и думать о защитѣ.

Ударами пикъ германскіе кавалеристы добили нѣсколько десятковъ лежавшихъ на землѣ нашихъ раненыхъ. Мы были окружены и объявлены плѣнными. Черезъ нѣсколько минутъ насъ подъ конвоемъ повели къ Инстербургу.

Одинъ изъ нѣмецкихъ солдатъ вдругъ соскочилъ съ коня и, подбѣжавъ ко мнѣ, со смѣхомъ сорвалъ съ моей груди георгіевскій крестъ и медаль, полученные мною въ русско-японскую войну.

Сначала шли шагомъ, но потомъ офицеръ отдалъ приказаніе пустить лошадей рысью. Намъ приказано было бѣжать, не отставая ни на шагъ, причемъ германскіе кавалеристы держали пики остріями внизъ по направленію къ намъ, и было ясно, что при малѣйшей задержкѣ эти варвары, только что на нашихъ глазахъ умертвившіе раненыхъ, не остановятся передъ изувѣченіемъ сестеръ милосердія.

Нѣсколько десятковъ метровъ я пробѣжала, но затѣмъ должна была замедлить шаги. Тогда одинъ изъ кавалеристовъ взялъ ремень и, обмотавъ имъ мою руку около кисти, привя-

залъ другой конецъ къ своему сѣдлу и быстро погналъ лошадь, догоняя отрядъ.

Въ первыя минуты я еще пыталась бѣжать, но скоро обезсилѣла, и лошадь тащила меня по шоссейной дорогѣ больше версты. Я была въ обморокѣ. Очнулась я только тогда, когда вдали послышался рѣзкій свистъ и гиканье,—это наши казаки донцы преградили дорогу нашимъ мучителямъ. Бой продолжался недолго. Нѣсколько нѣмцевъ было убито, шесть человѣкъ ранено, а остальные, бросивъ насъ, ускакали.

Но въ этотъ моментъ, когда казаки, спѣшившись, приводили насъ въ чувство, неожиданно слѣва отъ насъ послышались выстрѣлы, и изъ окоповъ, ранѣе незамѣченныхъ нами, показались нѣмецкіе солдаты. Вскорѣ мы увидѣли также приближавшуюся къ этому мѣсту нѣмецкую артиллерійскую часть. Наскоро развернувшись, она направила орудія въ нашу сторону и начала осыпать нашъ небольшой отрядъ шрапнелью.

Казаки, поставивъ насъ позади, начали отстрѣливаться, и черезъ нѣсколько секундъ завязался горячій бой. Въ перестрѣлкѣ одна изъ сестеръ была ранена пулей въ бедро.

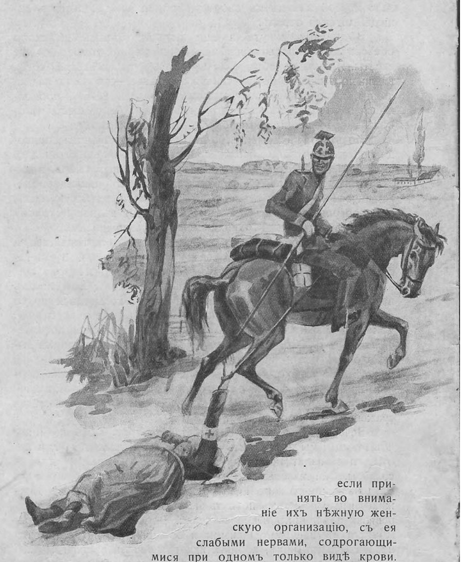
Было ранено также и нѣсколько казаковъ; бой началъ принимать очень опасный для насъ характеръ, когда вдали вдругъ показался скачущій во весь опоръ къ намъ большой отрядъ донскихъ казаковъ. Увидѣвъ ихъ, нѣмцы прекратили артиллерійскій огонь,—но, повидимому, однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, я была ранена и потеряла сознаніе.

Помню только, какъ чьей-то сильной рукой я была поднята на воздухъ; казаки, перебросивъ насъ черезъ сѣдла, вскачь понеслись къ расположенному въ шести верстахъ отъ мѣста сраженія нашему лазарету...

Вечеромъ мы уже были въ Инстербургѣ. Тамъ на одной изъ улицъ мы наткнулись на германскій лазаретъ, гдѣ въ открытыхъ палаткахъ среди другихъ раненыхъ лежали и наши солдаты. Они жаловались, что нѣмцы кормили ихъ одинъ разъ въ день какой-то жижей, которую въ Россіи не даютъ даже животнымъ; раны ихъ по пять-шесть дней оставались безъ перевязки и въ нихъ завелись черви. Вообще, нѣмцы не церемонятся съ нашими ранеными и большей частью стараются избавиться отъ нихъ, добивая ихъ ружейными прикладами"...

Сколько ужаса въ этомъ небольшомъ безыскусственномъ разсказѣ!..

Да, наши сестры милосердія совершаютъ такіе-же подвиги истиннаго героизма, какъ и наши воины, въ особенности,

если принять во вниманіе ихъ нѣжную женскую организацію, съ ея слабыми нервами, содрогающимися при одномъ только видѣ крови. Впрочемъ, ужасы современной „нѣмецкой“ войны могутъ подѣйствовать не только на женскіе нервы; даже сами нѣмцы не выдерживаютъ! Примѣромъ этому можетъ служить слѣдующій случай, разсказанный однимъ офицеромъ-очевидцемъ:

„Послѣ боя подъ Инстербургомъ, войска наши, занявъ этотъ городъ, расположились въ немъ на ночлегъ. Я со взводомъ солдатъ несли на окраинѣ сторожевую службу.

Ночь была прекрасная: луна освѣщала красивую холмистую мѣстность, манилъ къ себѣ близлежащій лѣсъ; тишина была такъ отрадна послѣ грома долгаго кровопролитнаго сраженія!

Какъ бы боясь нарушить тишину волшебной ночи, солдаты почти не разговаривали между собою,—лишь изрѣдка шепотомъ перекидывались нѣсколькими словами о впечатлѣніяхъ минувшаго боя.

Прошло около часа. Вдругъ воздухъ прорѣзалъ дикій крикъ, исходившій, повидимому, изъ лѣса, а затѣмъ послышалось пѣніе. Мы всѣ повскакали съ мѣстъ—такъ необычно

было слышать пѣсню тамъ, гдѣ такъ недавно ручьями лилась кровь.

Пѣніе продолжалось. Голосъ былъ мужской,—грудной, красивый, сильный. Только пѣлъ онъ что-то несуразное. То стройно лились знакомыя, мощныя аріи, то вдругъ слышенъ былъ веселый мотивъ, то грохоталъ дикій, какой-то лающій смѣхъ. Голосъ звучалъ одинаково—пѣвецъ, слѣдовательно, находился на одномъ мѣстѣ.

Солдаты долго слушали. Наконецъ, двое поднялись и попросили разрѣшенія „пойтить, поглядѣть на его". Я разрѣшилъ. Солдаты ушли. Пѣвецъ все не умолкалъ.

Прошло минутъ пятнадцать. Вдругъ голосъ смолкъ, наступила полная тишина, но черезъ нѣсколько минутъ пѣніе и смѣхъ послышались снова. Я не вытерпѣлъ—и самъ пошелъ къ лѣсу. Скоро я увидѣлъ картину, забыть которую никогда не смогу.

У ствола дерева стоялъ человѣкъ въ изорванномъ платьѣ нѣмецкаго офицера. Обративъ красивое, бритое, какъ у актера лицо, къ лунѣ, онъ пѣлъ... Крупныя слезы безпрерывно катились изъ его глазъ. Мои солдаты стояли невдалекѣ и тихо шептались между собой.

Пѣвецъ какъ будто не замѣчалъ насъ. Сильно жестикулируя и заливаясь горючими слезами, онъ пѣлъ безсвязными словами, посылая небу жалобы, на какое-то, повидимому, очень большое горе.

Мы подошли ближе, совсѣмъ вплотную. Онъ умолкъ на секунду, уставившись на насъ огромными, страдальческими глазами. Затѣмъ онъ снова запѣлъ...

Не могло быть никакого сомнѣнія—передъ нами стоялъ сумасшедшій...

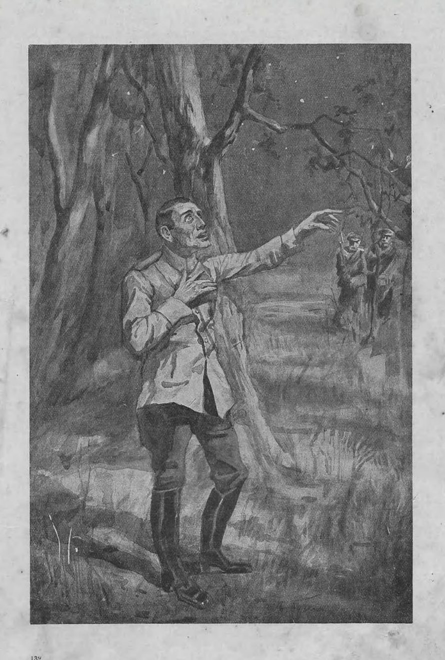
— Я Тангейзеръ,—разобралъ я изъ его безсвязнаго пѣнія;— моей Елизаветы мнѣ не вернуть...

Это имя онъ повторялъ много разъ. Мы пробовали увести его изъ лѣса, но онъ злобно рычалъ на насъ и даже началъ кусаться. Пришлось уйти и оставить его тамъ одного.

Долго еще слышно было кошмарное пѣніе. Скоро оно стало утихать. „Тангейзеръ" удалился..."

* * *

Изъ отдѣльныхъ наиболѣе интересныхъ эпизодовъ, запечатлѣвшихся изъ битвы и кратковременной стоянки нашихъ войскъ въ Инстербургѣ необходимо отмѣтить еще трагическую смерть добровольца Мазура, подававшаго большія надежды въ области изобрѣтеній и преждевременно погибшаго въ Инстер-

бургѣ. Его смерть произвела на всѣхъ очевидцевъ не менѣе неизгладимое впечатлѣніе, чѣмъ кошмарное пѣніе сумасшедшаго „Тангейзера".

Въ самомъ началѣ войны Мазуръ обратился къ генералъ-адъютанту Ренненкампфу съ письмомъ, въ которомъ, прося принять его добровольцемъ въ армію, указалъ на то, что имъ сдѣлано изобрѣтеніе, вносящее усовершенствованіе въ искровой телеграфъ. Командующій вызвалъ юношу къ себѣ и, послѣ длинной бесѣды съ юнымъ добровольцемъ — изобрѣтателемъ, оставилъ его при комендантскомъ управленіи штаба своей арміи.

Мазуръ, счастливый удачнымъ началомъ, дѣятельно принялся за осуществленіе своего изобрѣтенія и въ то же время присматривался ко всему окружающему, горя желаніемъ принести какую-нибудь пользу. Скоро представился и случай.

Въ Инстербургѣ испортилась, или была умышленно испорчена, водокачка, переставшая подавать воду. Комендантъ штаба, захвативъ съ собою восемь „свѣдущихъ" пруссаковъ, какого-то инженера, тоже пруссака и Мазура, отправился на водокачку. Послѣ внимательнаго осмотра ея, „свѣдущіе" нѣмцы рѣшительно заявили, что водокачка, работавшая сжатымъ воздухомъ, вслѣдствіе порчи одного изъ котловъ, не можетъ быть пущена въ ходъ.

Комендантъ, полагая, что нѣмцы умышленно испортили водокачку, приказалъ еще разъ осмотрѣть ее и попробовалъ пустить ее въ ходъ въ своемъ присутствіи. Но едва маховикъ сдѣлалъ нѣсколько оборотовъ и былъ открытъ кранъ, черезъ который выходилъ сжатый воздухъ, какъ послѣдовалъ оглушительный взрывъ. Сбѣжались офицеры, солдаты. Изъ подъ обломковъ зданія водокачки начали вытаскивать обуглившіеся, изуродованные трупы, среди которыхъ, однако, не было трупа несчастнаго Мазура. Юноша, разорванный на части, погибъ жертвой своей любознательности, такъ какъ онъ былъ ближе всѣхъ къ водокачкѣ, заинтересованный невиданной еще имъ машиной..."

Тильзитъ.

Правый флангъ нашей арміи, продолжавшей свое побѣдоносное наступленіе въ Восточной Пруссіи, по пути къ Кенигсбергу, къ 12 августу занялъ большое число переправъ черезъ рѣку Алле, протекающую въ сорока верстахъ къ юго-востоку отъ Кенигсберга и въ девяносто верстахъ къ западу отъ нашей границы. Рѣка Алле, лѣвый притокъ Прегеля, беретъ свое начало изъ озера Ланскеръ, къ югу отъ Алленштейна, течетъ сначала въ сѣверномъ, затѣмъ въ сѣверо-восточномъ направленіи и впадаетъ въ Прегель у города Велова, въ 32 верстахъ къ западу отъ Инстербурга и въ 37 верстахъ къ востоку отъ Кенигсберга.

Съ занятіемъ нами переправъ черезъ рѣку Алле, на пути нашей арміи къ Кенигсбергу не оставалось болѣе естественныхъ преградъ. Въ это-же время нашими войсками былъ занятъ и городъ Тильзитъ, лежащій въ пятидесяти верстахъ къ сѣверу отъ Инстербурга, на рѣкѣ Нѣманѣ, носившемъ въ прусскихъ предѣлахъ имя Мемеля. Въ 37 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Тильзита Нѣманъ впадаетъ въ Куришъ-Гафъ и до его устья на немъ уже нѣтъ болѣе ни одного значительнаго населеннаго пункта. Съ занятіемъ нашими войсками Тильзита, въ наше владѣніе отходила вся узкая береговая полоса сѣверо-восточной Пруссіи. Такимъ образомъ, все теченіе славянской рѣки Нѣмана находилось въ русскихъ рукахъ.

Тильзитъ является однимъ изъ крупныхъ торговыхъ центровъ Восточной Пруссіи, и въ немъ насчитывается сорокъ пять тысячъ жителей. Отъ Тильзита идутъ слѣдующія желѣзнодорожныя линіи: на сѣверъ, къ городу Мемелю, лежащему у нашей границы, на западъ—къ Кенигсбергу, на югъ—къ Инстербургу и на юго-востокъ—къ Сталлупенену.

Тильзитъ имѣетъ историческое значеніе, такъ какъ въ немъ въ 1807 году былъ подписанъ мирный договоръ между Але-

ксандромъ I, Наполеономъ и королемъ прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. По Тильзитскому миру Пруссія потеряла половину своихъ владѣній. Домъ, въ которомъ жилъ Наполеонъ, до сихъ поръ сохранился въ Тильзитѣ.

Съ Тильзитомъ, такъ же какъ и съ другими, занятыми нашими войсками, городами Восточной Пруссіи были установлены правильныя почтовыя сношенія и письма оттуда приходили во внутреннія области Россіи съ русскими почтовыми марками.

Послѣ занятія Тильзита нашими войсками было взято имѣніе Императора Вильгельма II. Въ этомъ имѣніи, кромѣ прекраснаго конскаго завода, была образцовая молочная ферма и громадный садъ. Такого культурнаго имѣнія нашимъ солдатамъ никогда не приходилось видѣть.

Страшно утомленные солдаты расположились въ роскошныхъ жилыхъ помѣщеніяхъ на коврахъ и спали какъ убитые. А на утро смѣялись:

— Спасибо Вильгельму, хорошо выспались... Теперь отдохнувши, повоюемъ съ нимъ на славу!..

Въ районѣ Тильзита происходили безпрерывные стычки съ нѣмцами нашихъ передовыхъ отрядовъ. Здѣсь отличился вольноопредѣляющійся Рацъ, получившій за свой подвигъ Георгія.

Взводъ, находившійся подъ его командой, во время одного изъ боевъ подъ Тильзитомъ, былъ посланъ въ заставу. Отойдя на значительное разстояніе отъ своихъ передовыхъ частей, взводъ укрылся въ небольшомъ лѣсу, установивъ наблюденіе за расположенными невдалекѣ непріятельскими позиціями.

Черезъ нѣкоторое время въ темнотѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ лѣса, показались германцы. Сколько ихъ шло— установить было трудно.

Подвигались германцы медленно, стараясь остаться незамѣченными. Слышно было только, какъ хруститъ земля, да временами раздавался лошадиный топотъ.

Рацъ немедленно отправилъ одного изъ солдатъ (всего ихъ въ заставѣ было девять человѣкъ) съ донесеніемъ къ ротному командиру, а другого—въ полкъ.

— Скажи, что непріятель близко. Пусть спѣшатъ...

Въ лѣсу осталось всего семь солдатъ, считая и самого Раца. Они залегли на опушкѣ и стали ждать...

Давъ возможность непріятелю подойти на близкое разстояніе, взводъ открылъ огонь.

Германцы растерялись—нападеніе было неожиданнымъ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, ихъ было около трехъ ротъ, но, не

зная, съ какими силами русскихъ имѣютъ дѣло, они не рѣшились броситься въ лѣсъ и, окопавшись, тоже открыли стрѣльбу.

Когда у нашихъ храбрецовъ стали подходить къ концу патроны и стрѣльба съ ихъ стороны нѣсколько ослабѣла,— германцы перешли въ наступленіе. Подпустивъ ихъ къ себѣ на разстояніе въ нѣсколько шаговъ, русскіе, не считаясь съ силами непріятеля, бросились въ штыки.

Рацъ разсказываетъ, что въ этотъ моментъ онъ видѣлъ, какъ упалъ германскій солдатъ, пораженный молодецкимъ ударомъ, слышалъ леденящій душу крикъ умирающаго, самъ ударилъ штыкомъ въ грудь наступающаго на него германца въ остроконечной каскѣ—и вдругъ почувствовалъ острую боль въ боку и упалъ. Теряя сознаніе онъ слышалъ русское „ура", слышалъ визгъ пуль, посыпавшихся со стороны русскихъ позицій. Подходили наши... Несмотря на громадное несоотвѣтствіе силъ, семь храбрецовъ сдержали натискъ врага до прихода подкрѣпленія.

И это, по словамъ многихъ, одинъ изъ рядовыхъ подвиговъ, совершаемыхъ нашими солдатами почти на каждомъ шагу.

— Они всѣ сплошь герои!—говоритъ о нашихъ воинахъ одинъ прапорщикъ:—Это—истинные чудо-богатыри, не знающіе никакого страха!..

Сами-же „чудо-богатыри" упоминаютъ о своихъ подвигахъ съ поразительной скромностью.

— Никакого подвига не было!—говоритъ одинъ изъ нихъ, солдатъ гусаръ, по фамиліи Выжимокъ, получившій награду за выказанную имъ храбрость въ одномъ изъ боевъ подъ Тильзитомъ.

Дѣло было такое.

Наши силы, окруженныя значительно превосходящими силами противника, горячо сопротивлялись, осыпаемыя огнемъ дальнобойныхъ нѣмецкихъ орудій. Нѣмецкая пѣхота и кавалерія, дѣйствовавшія подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, тщательно избѣгали русскихъ атакъ, постоянно уклоняясь отъ рукопашнаго боя.

Положеніе становилось тяжелымъ, и русскіе стали отступать къ своимъ передовымъ позиціямъ.

Отъѣхавъ шаговъ на пятьсотъ отъ мѣста боя, Выжимокъ замѣтилъ исчезновеніе офицера и, несмотря на адскій огонь, бросился на поиски. Ѣхать верхомъ было невозможно, и Выжимокъ добрался до мѣста боя ползкомъ.

Офицера онъ нашелъ быстро. Тотъ лежалъ среди груды тѣлъ, раскинувъ руки и тяжело стоналъ. Глаза его были открыты, и вѣстового онъ узналъ, но сказать ничего не могъ,– сильно ослабѣлъ отъ потери крови.

Взваливъ офицера на плечи, Выжимокъ несъ его на себѣ нѣсколько верстъ подъ градомъ пуль и картечи. Какимъ-то чудомъ уцѣлѣли они оба.

Замѣтивъ на полѣ битвы лошадь, потерявшую сѣдока, гусаръ поймалъ ее и, перекинувъ офицера черезъ сѣдло, помчался къ русскимъ позиціямъ, гдѣ и сдалъ его въ ближайшій полевой лазаретъ"...

Помимо храбрости, этотъ поступокъ характеризуетъ еще любовь нашихъ солдатъ къ офицерамъ, для спасенія которыхъ они нерѣдко жертвуютъ своей жизнью. Вотъ еще одинъ изъ многихъ, подобныхъ описанному, подвиговъ, совершенный нашимъ солдатомъ, выказавшимъ удивительное презрѣніе къ опасности.

Командиръ отступившаго по нѣкоторымъ стратегическимъ соображеніямъ эскадрона остался, раненый, на полѣ битвы. Вызвались спасти его двое солдатъ—хохолъ и тамбовецъ. Второй пошелъ собирать себѣ товарищей на подмогу, а хохолъ тѣмъ временемъ, не дожидаясь, поползъ на брюхѣ къ командиру.

Перестрѣлка продолжалась, и надъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ раненный эскадронный командиръ, летали и наши и вражескія пули. Но хохолъ не обращая на нихъ вниманія, подползъ къ командиру и заботливо спросилъ его:

— Вашескобродіе, чи не хочетэ покурыть?..

И предложилъ ему папиросу, которую тотъ и закурилъ.

Увидя, что командиръ куритъ и, значитъ, живъ, солдаты не могли удержаться, чтобы не броситься къ нему и тотчасъ-же вынесли его изъ огня...

Нельзя не отмѣтить также и слѣдующій, характерный для молодецкой удали и отношенія къ нѣмцамъ нашихъ воиновъ, случай.

Небольшой передовой отрядъ, произведя развѣдку, летѣлъ назадъ къ своимъ черезъ горящую деревню по дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ которой его обстрѣливали враги.

Одному изъ солдатиковъ пришла въ голову такая продѣлка. На всемъ скаку, подъ трескъ ружей, онъ быстро наклоняется къ стоявшему у дороги отряду нѣмцевъ, срываетъ съ головы одного изъ нихъ каску и везетъ ее къ своему командиру, помахивая ею надъ головой.

За эту шалость онъ получилъ нѣмецкую каску и Георгія...

Вотъ эта-то отвага нашихъ развѣдчиковъ и создала среди германскихъ солдатъ разныя легенды о нашихъ казакахъ, за которыхъ они принимаютъ всѣхъ нашихъ кавалеристовъ, легенды, въ которыхъ страхъ смѣшивается съ восторгомъ...

При дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ, въ окрестностяхъ Тильзита произошло горячее сраженіе. Здѣсь нѣсколькимъ батальонамъ нашей пѣхоты, подкрѣпленной двумя батареями, отдано было приказаніе остановить, насколько возможно, обходно-наступательное движеніе германцевъ.

Отрядъ въ теченіе восьми часовъ сдерживалъ напоръ массы непріятельскихъ силъ. Стрѣлки, осыпаемые ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, сопротивлялись геройски. Раненые сами перевязывали себѣ раны обрывками бѣлья и оставались на позиціяхъ. Нѣмцы трижды пытались перейти въ атаку, но каждый разъ вынуждены были отступить съ большимъ урономъ.

Нашей артиллеріи большую услугу оказалъ военный летчикъ. Авіаторъ поднялся вверхъ для выясненія силъ непріятеля; нѣмцы осыпали аэропланъ ружейнымъ огнемъ и прострѣлили его въ четырехъ мѣстахъ. Однако летчикъ успѣлъ замѣтить мѣстонахожденіе непріятельской артиллерійской части и затѣмъ, раненный въ руку, опустился.

Направленный по указаніямъ летчика огонь нашей артиллеріи подбилъ и заставилъ замолчать восемь непріятельскихъ орудій. Среди нѣмцевъ произошло замѣшательство, что дало возможность нашему отряду еще въ теченіе нѣсколькихъ часовъ держаться на позиціяхъ, пока не подошли подкрѣпленія, заставившія нѣмцевъ отступить.

Одновременно съ этимъ нашей кавалеріей было отбито наступленіе германской кавалеріи, причемъ три эскадрона „гусаръ смерти" были загнаны въ болото и уничтожены...

Вслѣдъ за этимъ послѣ цѣлаго дня боя, нашимъ войскамъ пришлось атаковать деревню, занятую германцами. Атака происходила ночью, въ полной темнотѣ. Стрѣляли наугадъ.

Вскорѣ загорѣлась деревня. Яркое пламя озарило мѣсто расположенія непріятеля, окопы котораго рельефно выдѣлялись на огненно-красномъ фонѣ. Атака наша усилилась вдвое, и наши передовыя части приблизились къ непріятелю на 25 шаговъ.

Въ это время надъ центромъ непріятельскаго лагеря взвился большой бѣлый флагъ. Одновременно нѣмцы стали махать шапками и выбросили за окопы нѣсколько ружей.

Одинъ изъ нашихъ офицеровъ въ сопровожденіи двухъ нижнихъ чиновъ отправился къ непріятелю. Когда наши парламентеры подошли къ брустверу—нѣмцы моментально исчезли. Въ тотъ-же моментъ со второго этажа расположенной въ 40 шагахъ отъ окоповъ каменной кирхи былъ данъ по нашимъ цѣпямъ пулеметный залпъ. Произошло минутное замѣшательство, но тотчасъ-же сообразивъ въ чемъ дѣло, наши солдаты съ ожесточеніемъ ринулись во вторую атаку и, въ концѣ концовъ, нѣмцы были выбиты изъ позицій и обращены въ бѣгство.

Деревня, занятая нашими войсками, оказалась важнымъ дорожнымъ пунктомъ.

При преслѣдованіи непріятеля, въ верстахъ семи отъ мѣста боя, нашими солдатами были найдены въ колодцахъ замки отъ забранныхъ нами орудій...

Оставленная нѣмцами у этой деревни батарея представляла страшную картину. Орудія были подбиты, а вокругъ нихъ все носило слѣды ужаснаго дѣйствія нашихъ снарядовъ. Вся орудійная прислуга была перебита, трупы исковерканы до неузнаваемости.

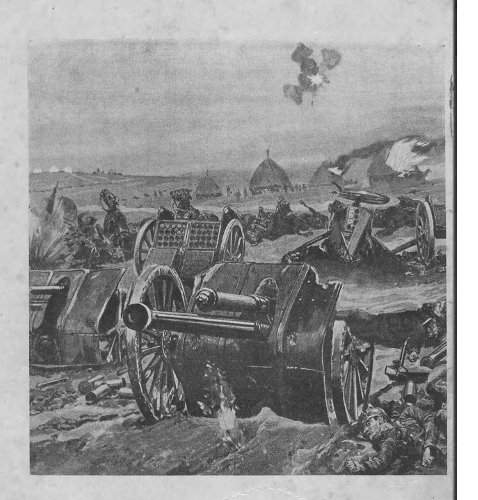
На одномъ изъ деревьевъ повисли внутренности лошади, лежавшей у подножья съ распоротымъ брюхомъ. На другой

вѣткѣ зацѣпилась окровавленная человѣческая голова съ искаженнымъ смертельнымъ страданіемъ лицомъ. Къ стѣнѣ траншеи былъ буквально пригвожденъ пулями и осколками снарядовъ молодой германскій офицеръ. Издали онъ производилъ впечатлѣніе живого человѣка. При поверхностномъ осмотрѣ мы на-

считали у него одиннадцать ранъ, изъ которыхъ три приходились въ голову, а остальныя—въ туловище...

Было видно, что никто изъ обслуживавшихъ батарею не остался въ живыхъ. Къ печальнымъ остаткамъ наши солдаты отнеслись съ большимъ уваженіемъ. Снявъ фуражки, они бережно отдѣлили офицера отъ стѣны и положили его за окопами на землю. Туда-же отнесли и остальные обезображенные

трупы. Картина страшнаго разрушенія, вызваннаго нашимъ огнемъ, вселяла въ солдатъ уваженіе къ защитникамъ батареи.

— Ни одинъ не убѣжалъ...—говорили они, отдавая должное храбрости врага: — Словно и не нѣмцы. До послѣдняго остались. Молодцы!..

* * *

Германская армія, отступивъ отъ Инстербурга и Тильзита, форсированными переходами стала собираться къ крѣпости Кенигсбергу. Заблаговременно приготовленная укрѣпленная по-

зиція на рѣкѣ Ангерапъ была оставлена противникомъ безъ боя. Дороги за этой рѣкой были усѣяны патронами, бризантными снарядами и мѣшками, брошенными германскими войсками для ускоренія отступленія.

13 августа наши войска подошли къ Кенигсбергу, оттѣснивъ передовыя части его гарнизона...

Для задержанія нашего наступленія въ предѣлы Пруссіи, а также для того, чтобы самимъ имѣть опорную линію для вторженія въ наши предѣлы, германцы уже давно укрѣпили Кенигсбергъ, представляющій теперь обширную крѣпость.

Кенигсбергъ.

Важный въ политическомъ, административномъ и военномъ отношеніяхъ, пунктъ этотъ, будучи въ послѣднее время соединенъ морскимъ каналомъ съ гаванью Пиллау и сообщаясь помощью залива Фришъ-Гафъ съ Эльбингомъ, пріобрѣтаетъ значеніе точки соприкосновенія сухопутныхъ силъ съ морскими; одновременно съ этимъ, являясь узломъ главнѣшихъ путей Восточной Пруссіи, онъ какъ бы висѣлъ надъ правымъ флангомъ нашей арміи, въ случаѣ вторженія ея въ эту область со стороны Нижняго Нѣмана.

Важное значеніе Кенигсберга было оцѣнено нѣмцами уже давно, и потому-то этотъ пунктъ, послѣ войны 1870—71 гг., когда нѣмцы принялись за усиленіе своихъ крѣпостей, подвергся такому усиленію однимъ изъ первыхъ. Имѣя къ тому времени одну лишь непрерывную долговременную ограду постройки 1840 годовъ, состоявшую изъ 16 полигональныхъ фронтовъ, общимъ протяженіемъ около 10 верстъ, при діаметрѣ около трехъ верстъ, Кенигсбергъ въ 1870 годахъ получилъ фортовый поясъ протяженіемъ почти въ 40 верстъ, съ 12 долговременными фортами. Тогдашняя теорія, основанная на ближайшемъ боевомъ опытѣ и современномъ той эпохѣ состояніи артиллеріи, требовала расположенія фортоваго пояса, для безопасности центра отъ бомбардированія, въ предѣлахъ отъ 6 до 4 верстъ отъ окраины города. Этимъ соображеніемъ, наряду съ тѣмъ важнымъ значеніемъ, которое нѣмцы съ самаго начала придавали Кенигсбергу, и объясняется удаленіе нѣкоторыхъ фортовъ послѣдняго на наибольшее разстояніе—въ 6 верстъ, что и привело къ общему поперечнику крѣпости въ 13 верстъ. Разстояніе-же между фортами колеблется въ предѣлахъ отъ 2 до 4 верстъ.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ нѣмцы дополнили кенигсбергскій фортовой поясъ цѣлымъ рядомъ промежуточныхъ построекъ, какъ артиллерійскихъ, въ видѣ смежныхъ и промежуточныхъ батарей, пороховыхъ погребовъ и артиллерійскихъ казармъ, такъ и пѣхотныхъ, каковыми оказались промежуточные форты, казармы и пр.

Въ настоящее время на промежуткахъ Кенигсберга насчитывается до трехъ малыхъ фортовъ, 12 пороховыхъ погребовъ, 24 пѣхотныхъ и артиллерійскихъ казематированныхъ построекъ

и свыше 80 верстъ шоссейныхъ, обсаженныхъ деревьями, дорогъ; гарнизонъ его можно опредѣлить въ 50 тысячъ; вооруженіе—въ 800—1200 орудій...

Всѣ пути къ Кенигсбергу, а ихъ девять, преграждены рядомъ естественныхъ препятствій, какъ напримѣръ, на пути Вержболово-Кенигсбергъ—рѣка Писса, низовья рѣки Ангерапъ, низовья Алле; такія же препятствія, и даже въ большемъ числѣ, имѣются и на другихъ путяхъ. Всѣ эти препятствія были пройдены нашими войсками, и ихъ передовыя части подступили къ крѣпости...

Но, ввиду такой сильной укрѣпленности Кенигсберга и скопленія въ немъ крупныхъ силъ нѣмецкихъ войскъ, во много разъ численностью превосходившихъ нашу армію, наши операціи подъ этой крѣпостью не могли получить должнаго развитія, и мы принуждены были отступить.

Вотъ какъ разсказываетъ о походѣ къ Кенигсбергу одинъ изъ участвовавшихъ въ немъ офицеровъ:

— „Когда мы подошли къ первоклассной крѣпости Кенигсбергу, — германцы начали палить въ насъ изъ крѣпостныхъ орудій. Снаряды сыпались какъ градъ, небо было красное. Насъ на передовыхъ позиціяхъ было немного; германская крѣпостная артиллерія густо обстрѣливала нашу пѣхоту и артиллерію, но мы стояли твердо.

Къ вечеру вышелъ приказъ отъ полкового командира отступить. Мы отошли и за ночь окопались на новыхъ позиціяхъ. Черезъ два дня подоспѣли и наши тяжелыя орудія. Сразу дѣло измѣнилось. Наша артиллерія занялась германскими крѣпостными орудіями. Пѣхота же изъ пулеметовъ и полевыхъ батарей открыла огонь по самымъ германцамъ.

Нѣмцы наступали на насъ густыми колоннами,—и наши снаряды уничтожали ихъ массами; колонны ихъ рѣдѣли, но на ихъ мѣсто выходили новыя.

Весь день, съ небольшими перерывами, мы палили и палили безъ конца. Нѣкоторыя нѣмецкія колонны иногда подходили

близко къ нашимъ окопамъ, и тогда раздавалась команда ротнаго:

— Въ штыки! Ура!..

Мы выскакивали изъ окоповъ и бросались на германцевъ съ ружьями на перевѣсъ. Но какъ только мы оказывались шагахъ въ 5—10 отъ нихъ—какъ они начинали отступать, и мы ихъ прогоняли...

Ночью наше отступленіе продолжалось, потому что у германцевъ силы все увеличивались...“

Въ походѣ къ Кенигсбергу наши войска часто приходили въ соприкосновеніе съ германскими блиндированными автомобилями, которые нѣмцы особенно усиленно тамъ пускали въ цѣло. Взятіемъ такого автомобиля отличился рядовой Миллеръ, зачисленный по приказу генерала Рененкампфа въ казачій полкъ.

Миллеръ былъ посланъ на развѣдку въ числѣ двадцати восьми казаковъ. Проѣзжая по шоссе, они услыхали характерный шумъ мотора и догадались, что это—германскій блиндированный автомобиль. Быстро спѣшившись, казаки положили поперекъ дороги нѣсколько срубленныхъ вѣтокъ, а сами залегли въ кусты, раздѣлившись на двѣ группы.

Спустя нѣсколько минутъ показался автомобиль, который, доѣхавъ до баррикады, остановился. Тотчасъ-же съ него въ кустарникъ былъ направленъ пулеметъ.

Тогда Миллеръ съ двѣнадцатью казаками вплотную подбѣжали къ автомобилю и стали стрѣлять изъ ружей въ его щели. Всѣ сидѣвшіе тамъ нѣмцы, въ количествѣ восьми человѣкъ, были перебиты.

Автомобиль-же казаки привели къ генералу Рененкампфу...

Развѣдки въ окрестностяхъ Кенигсберга производились въ разныхъ направленіяхъ. Участникъ одной изъ этихъ развѣдокъ, уланъ Айзикъ Чутманъ, разсказываетъ о своемъ двѣнадцатичасовомъ плѣну у нѣмцевъ:

— „Мы уже развѣдали четыре деревни и ни въ одной изъ нихъ не обнаружили непріятеля. Я и еще одинъ уланъ отправились головнымъ дозоромъ на развѣдку пятой деревни „Побеки“, расположенной въ девяти верстахъ отъ Кенигсберга.

Въѣхавъ въ деревню и заставъ тамъ полнѣйшее отсутствіе всякой жизни, я былъ увѣренъ, что въ ней никого нѣтъ. Вдругъ изъ окна одного дома раздался залпъ. Я пришпорилъ лошадь и повернулъ обратно. Въ это время пуля попала мнѣ въ лѣвую руку. Переложивъ уздцы въ правую руку, я сталъ

еще сильнѣе погонять лошадь, но новая пуля попала въ лошадь и сразила ее.

Поцѣловавъ коня, я пустился бѣжать пѣшкомъ. Непріятель не унимался. Вдогонку мнѣ было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ которыхъ я былъ раненъ въ ногу и упалъ. Подбѣжавшіе ко мнѣ нѣмцы подняли меня и понесли въ ихъ лагерь, гдѣ положили во дворѣ одного дома.

Несмотря на то, что я истекалъ кровью и просилъ оказать мнѣ помощь, нѣмцы оставались неумолимы и не хотѣли даже отвѣчать мнѣ. Они заподозрѣли во мнѣ офицера и стали совѣщаться, какъ имъ со мной поступить. Нѣкоторые предлагали убить меня.

Какъ пограничный житель, я умѣлъ говорить по-нѣмецки и хорошо понималъ ихъ. Я сталъ ихъ убѣждать, что я не офицеръ, а простой рядовой, но мои доводы, очевидно, не убѣ-

дили ихъ. Къ счастью, я вспомнилъ, что подъ сѣдломъ убитой лошади находятся мои документы, удостовѣряющіе мое званіе, о чемъ я немедленно заявилъ нѣмцамъ. Убѣдившись, наконецъ, въ правдивости моихъ словъ, нѣмцы подвергли меня подробнѣйшему допросу о количествѣ нашихъ войскъ и мѣстѣ ихъ расположенія. Я конечно, далъ имъ ложныя свѣдѣнія, преувеличивъ численность нашего разъѣзда. Мое заявленіе оказало свое воздѣйствіе: нѣмцы испугались и спѣшно стали собираться, рѣшивъ уйти. Отношеніе ихъ ко мнѣ стало болѣе мягкимъ; все же на мои просьбы сдѣлать мнѣ перевязку, они отвѣтили, что врача по близости нѣтъ, а фельдшеръ ихъ отказался помочь мнѣ.

Къ вечеру нѣмцы оставили деревню, въ которой, какъ потомъ мы узнали, былъ спрятанъ цѣлый 105 германскій полкъ. Меня-же оставили подъ охраной одного часового.

Воспользовавшись тѣмъ, что караульный уснулъ, я бросился бѣжать. Но вскорѣ силы оставили меня и я потерялъ сознаніе.

Очнулся я только ночью въ квартирѣ одного польскаго крестьянина. Мой спаситель подобралъ меня на дорогѣ и перенесъ къ себѣ на квартиру. Здѣсь отношеніе ко мнѣ было очень хорошее. Меня немедленно накормили и перевязали рану.

Но я тамъ находился недолго. Проѣзжавшему по этой деревнѣ нашему дозору сообщили обо мнѣ и меня отправили на ближайшій санитарный пунктъ...“

Наши войска, наступая въ Восточную Пруссію одновременно съ востока и юга, растянулись фронтомъ слишкомъ на двѣсти верстъ. Въ то время, какъ правый флангъ побѣдоносно надвигался къ Кенигсбергу, лѣвый, охватывая кольцомъ Восточную Пруссію съ юга и съ запада, долженъ былъ идти на Данцигъ, что имъ и выполнялось неуклонно, съ неослабѣвающимъ успѣхомъ.

Бяла.

Высланные въ авангардъ, два стрѣлковыхъ батальона съ эскадрономъ уланъ 15 августа подошли къ нѣмецкому городу Бяла, находящемуся въ центральной части Мазурскихъ озеръ.

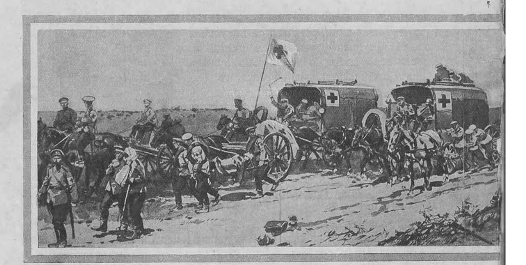
Стрѣлкамъ была дана задача—установить силы противника, сконцентрированныя у Мазурскихъ озеръ и выяснить ихъ намѣренія. По нѣкоторымъ даннымъ, въ этомъ районѣ должны были находиться значительныя силы нѣмцевъ, собиравшихся выполнить какой-то сложный планъ.

Подойдя къ Бялѣ, стрѣлки наши уже имѣли возможность убѣдиться въ справедливости этихъ данныхъ. У Бялы собрались большія силы германцевъ, подкрѣпленныя великолѣпной артиллеріей, располагавшей такимъ запасомъ снарядовъ, при которомъ можно было не жалѣть ихъ даже для стрѣльбы по отдѣльнымъ людямъ, что германцы и продѣлывали все время, паля изъ пушекъ по небольшимъ русскимъ дозорамъ и заставамъ, выдвигавшимся далеко впередъ отъ главныхъ силъ.

Чѣмъ ближе подходили русскіе къ Бялѣ, тѣмъ сильнѣе развивалась дѣятельность германской артиллеріи. Шрапнель буквально засыпала наши войска, снаряды падали и справа и слѣва и сзади, вырывая людей даже изъ обоза и разрушая фургоны „Краснаго Креста". Было убито двое врачей...

Бой подъ Бялой длился съ ранняго утра до поздняго вечера. Германцы, засѣвшіе въ окопахъ, окружавшихъ городъ со всѣхъ сторонъ, были несклонны къ сдачѣ, и только жестокая атака русскихъ, усиленныхъ еще четырьмя, подоспѣвшими на помощь, батальонами, выбила ихъ изъ позиціи.

Трудно передать, что творилось въ окопахъ. Они были буквально загромождены трупами германцевъ. Кровь лилась рѣкой. Надо отдать справедливость нѣмцамъ—въ этомъ бою они сражались геройски. Они, обыкновенно боящіеся штыковъ,

не покинули окоповъ и въ тотъ моментъ, когда въ нихъ ворвались наши солдаты, и смѣло приняли ударъ.

Взявъ линію передовыхъ укрѣпленій, наши войска ворвались въ городъ, тѣсня отступавшихъ германцевъ. Бой продолжался на улицахъ и въ домахъ. Каменные дома съ изгородями, густо повитой колючей проволокой, окруженные глубокими канавами, сами по себѣ представляли серьезныя укрѣпленія. Ихъ приходилось одолѣвать съ жестокаго боя.

Германцы отступили стремительной лавой. Нѣкоторое время русскихъ обстрѣливала ихъ полевая артиллерія, но затѣмъ ей пришлось замолчать: огонь нашихъ небольшихъ батарей оказался дѣйствительнѣе...

Одинъ кавалерійскій офицеръ такъ передаетъ свое впечатлѣніе сраженія подъ Бялой:

— Наши разъѣзды доложили, что вдали показались нѣмцы.

— Идутъ густо. Всѣ пѣшіе. Дозоровъ не видно...

Мы остановились. Скоро мы увидѣли, что на насъ дѣйствительно шли нѣмцы густыми колоннами. Мы съ уланами, шедшіе въ авангардѣ, спѣшили людей и снова тронулись впередъ, пославъ своимъ донесеніе о непріятелѣ.

Наши солдаты—молодцы, для нихъ строй безразличенъ: въ конномъ строю они великолѣпно рубятся, а въ пѣшемъ—это настоящіе стрѣлки... Завязался бой.

Сначала выстрѣлы шли только отъ насъ. Но затѣмъ нѣмцы очень быстро развернулись, и надъ нашими головами завизжали нѣмецкія пули, зазвенѣла шрапнель. Нѣмцы стрѣляютъ такъ часто, что на ихъ пальбу не обращаешь вниманія,—получается сплошной шумъ, къ которому привыкаешь, какъ къ завыванію вѣтра... Потерь у меня еще не было. У уланъ упало нѣсколько раненыхъ. Нѣмцы долго не рѣшались двинуться впередъ. Но потомъ, очевидно, сообразивъ, что насъ мало, быстро двинулись густой цѣпью.

Было отчетливо видно, какъ они охватываютъ насъ справа, то-есть какъ разъ со стороны моего эскадрона. Пули стали падать нѣсколько наискось. Три солдата у меня оказались раннеными. Чтобы избѣжать охвата, я отвелъ крайніе взводы назадъ,—но нѣмцевъ въ цѣпи было много, и они, принявъ еще немного влѣво, удлинили линію охвата. Приходилось думать объ отходѣ всѣмъ эскадрономъ.

Но въ это время позади и правѣе насъ вдругъ затрещалъ пулеметъ, а за нимъ надъ головами полетѣла и наша шрапнель. Это подошелъ нашъ полкъ съ конной батареей, которая очень скоро заставила нѣмцевъ умолкнуть.

Вскорѣ и слѣва подошли уланы, а съ ними еще одна конная батарея...

Бой развертывался. По мѣрѣ того, какъ нѣмцы вливали въ цѣпь новыя роты, наши эскадроны тоже втягивались въ дѣло...

Въ общемъ мы пробыли подъ огнемъ съ 10 утра до 5 часовъ вечера, когда нашему 6-му эскадрону было приказано атаковать крайній лѣвый флангъ нѣмцевъ. Люди поднялись и съ 200 шаговъ бросились бѣгомъ въ полный ростъ; въ то же время два эскадрона въ конномъ строю откуда-то сбоку кинулись на прусскую батарею, ставшую близко къ флангу и изрубили прислугу.

Нѣмцы, видимо, растерялись, чѣмъ мы сейчасъ-же и воспользовались; сразу всей цѣпью двинулись впередъ, конная батарея тоже подвинулась и снова стала осыпать ихъ частой шрапнелью. Нѣмцы дрогнули...

„Провожали“ мы ихъ уже въ конномъ строю..."

Разбивъ нѣмцевъ, наша кавалерія долго преслѣдовала ихъ, оставивъ въ Бялѣ только небольшое охраненіе, санитарный отрядъ и раненныхъ. Тамъ произошелъ, между прочимъ, слѣдующій случай, о которомъ разсказываетъ другой участникъ офицеръ:

— Занявъ Бялу, мы приспособили нѣмецкій госпиталь для своихъ раненныхъ, усиливъ его своимъ врачемъ, фельдшерами, сестрами. Въ госпиталѣ было все, что нужно; нѣмцы настолько не ожидали нашего быстраго наступленія и такъ поспѣшно удирали, что побросали все, что было, не успѣвъ ничего уничтожить.

Мы питались тамъ, какъ никогда. Солдаты положительно избаловались ѣдой. Да что солдаты! Даже кони наши роскошествовали: мы кормили ихъ такимъ овсомъ, какой не всегда получаютъ и скаковыя лошади...

Госпиталь былъ, надо отдать справедливость нѣмцамъ, прекрасно поставленъ,—чистенькій, уютный, какъ и весь городокъ. Но покой, который мы нашли въ немъ, скоро былъ нарушенъ.

На улицахъ вдругъ раздались выстрѣлы. Мы бросились къ окнамъ.

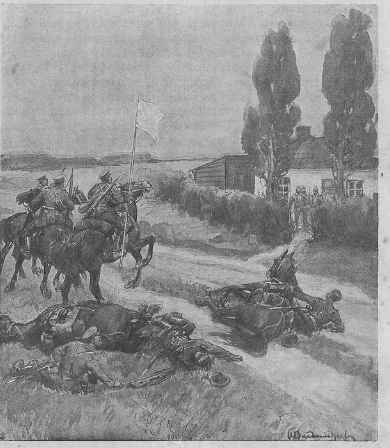
Въ городокъ входилъ отрядъ германской арміи, эскадроновъ въ двѣнадцать. Это у нихъ называется „дивизія“ (безъ одного только полка).

Къ намъ въ госпиталь вошелъ нѣмецкій лейтенантъ. Держалъ онъ себя изысканно вѣжливо и былъ очень любезенъ.

— Вы, господа, военно-плѣнные,—сказалъ онъ:—и мы васъ отправимъ въ глубь Германіи...

На наше возраженіе, что мы всѣ—раненные, онъ отвѣтилъ что это не составляетъ никакой разницы.

Нужно замѣтить, что какъ только нѣмецкія войска вошли въ городъ,—онъ весь моментально наполнился жителями, которыхъ въ немъ совсѣмъ не было при занятіи города нашими войсками. Какъ тараканы изъ щелей, повылѣзли они, неизвѣстно

откуда. Они даже являлись къ намъ въ лазаретъ и держали себя очень развязно, чтобы не сказать больше...

Какъ попалъ въ Бялу нѣмецкій отрядъ—трудно объяснить. Наши уже ушли верстъ на шестьдесятъ впередъ, а этотъ шалый отрядъ нѣмецкой конницы проскочилъ, вѣроятно, откуда-нибудь съ фланга. И мы неожиданно очутились въ плѣну... Но

въ положеніи плѣнниковъ мы оставались только одну ночь. На утро на улицахъ вновь затрещали выстрѣлы. Деньщики наши выбѣжали и вернулись съ радостными вѣстями:

— Васкобродь! Наши!.. А нѣмцы удираютъ!..

Черезъ какихъ-нибудь полчаса къ намъ вошелъ бравый штабсъ-ротмистръ и поздравилъ насъ съ избавленіемъ отъ плѣна, въ которомъ мы провели ровно шестнадцать часовъ...

Двигаясь дальше на западъ, наши войска приблизились къ Летценскимъ озерамъ. Среди безчисленныхъ фортовъ, защищающихъ линіи этихъ озеръ, находился фортъ Бойенъ. Передовыми отрядами крѣпость была окружена почти со всѣхъ сторонъ и положеніе ея было настолько безвыходно, что, во избѣжаніе лишняго кровопролитія, рѣшено было предложить ей сдаться.

Парламентеромъ къ коменданту крѣпости былъ посланъ полковникъ и съ нимъ—поручикъ, въ качествѣ переводчика; ихъ сопровождалъ небольшой отрядъ, съ горнистомъ во главѣ.

До города Летцена, въ полуверстѣ отъ котораго находился фортъ Бойенъ, отрядъ прошелъ безъ всякихъ препятствій.

— Двигались мы,—разсказываетъ полковникъ:—по гористой мѣстности, пересѣченной балками, рѣчками и озерками, и, наконецъ, очутились на широкой равнинѣ, прекрасно приготовленной для обстрѣла. Конечно, даже издалека, верстъ за пять, можно было видѣть въ полевой бинокль, что ѣдутъ парламентеры, на что указывалъ бѣлый флагъ на громадной палкѣ и небольшое количество всадниковъ. Тѣмъ не менѣе, вдругъ изъ-за живой изгороди тополей грянули выстрѣлы. Лошадь горниста, видимо, раненная, бросилась впередъ. Поручикъ Г. былъ тоже раненъ и упалъ, причемъ былъ придавленъ своей-же лошадью, я же соскочилъ съ коня и отбѣжалъ въ сторону, въ полной увѣренности, что выстрѣлы были случайные или шальные.

Однако выстрѣлы продолжались, и однимъ изъ нихъ я былъ раненъ въ правую ногу съ раздробленіемъ кости, другимъ — въ животъ. Я не потерялъ сознанія и твердо рѣшилъ довести до конца порученное мнѣ дѣло.

Недалеко отъ меня лежалъ на боку мой вѣстовой К. и еще далѣе, подъ тяжестью лошади,—поручикъ Г., а изъ-за тополей, со стороны усадьбы, бѣжали къ намъ три вражескихъ солдата съ ружьями на перевѣсъ.

Приблизившись къ намъ, они стали совѣщаться. Одинъ изъ нихъ, съ тупымъ, бездушнымъ лицомъ, совѣтовалъ меня пристрѣлить. Плохо владѣя нѣмецкимъ языкомъ, я все-таки

понялъ, что между ними изъ-за меня происходитъ ссора и что солдаты прекрасно знаютъ, что я—парламентеръ.

Въ результатѣ своихъ переговоровъ, они доставили откуда-то повозку, вродѣ тачки, уложили меня на нее и повезли, предварительно срѣзавъ мои шпоры, погоны, шашку, револьверъ и завязали мнѣ глаза.

Въ такомъ положеніи меня везли болѣе четырехъ верстъ черезъ городъ Летценъ, къ форту Бойенъ. Сильно страдая отъ ранъ, я много разъ терялъ сознаніе. Пруссаки обращались со мною столь бережно, что—не помню ужъ какъ—сломали мнѣ ногу...

Неоднократно во время пути они останавливались, курили и разсуждали, что дѣлать со мной. Одинъ предлагалъ пристрѣлить „русскую собаку", другой—растоптать каблуками мою физіономію, третій—повѣсить...

Тѣмъ не менѣе, они все-таки доставили меня къ коменданту. Изнемогая отъ потери крови, я едва смогъ передать ему предложеніе своего начальника—сдаться.

Комендантъ отвѣтилъ отказомъ и, такъ какъ я уже не былъ въ состояніи вернуться обратно,—то въ нашъ штабъ былъ посланъ ихъ парламентеръ съ письменнымъ отвѣтомъ.

Меня-же, часа черезъ четыре, отнесли въ лазаретъ, гдѣ прекрасный хирургъ изслѣдовалъ мои раны рентгеновскими лучами и извлекъ изъ нихъ двѣ пули съ массой осколковъ.

Потомъ меня отправили въ Кенигсбергъ, а оттуда, черезъ Кранцъ въ Мемель пароходомъ...

Какъ извѣстно, фортъ Бойенъ не былъ нами взятъ и наши войска изъ стратегическихъ соображеній отступили отсюда. Дѣло въ томъ, что наша армія, двигавшаяся съ востока, обошла лѣвый флангъ германскаго расположенія и вышла въ тылъ нѣмцамъ, занимавшимъ позиціи на озерахъ; войска-же, двигавшіяся съ юга, въ свою очередь обошли правый флангъ германскаго расположенія и вышли опять таки въ тылъ германскимъ войскамъ, находившимся въ Іоганисбургскихъ лѣсахъ. Такимъ образомъ, не представлялось необходимымъ брать укрѣпленія Летценскихъ озеръ, которыя, оставаясь въ сторонѣ, нисколько не могли мѣшать нашему наступательному движенію...

Поздно вечеромъ тихо поднялись наши войска съ бивуака подъ Летценскими озерами. Ни генералъ-марша, ни сбора не играли. Надо было пройти верстъ сорокъ кратчайшимъ путемъ и притомъ часть пути сдѣлать какъ разъ мимо нѣмецкихъ секретовъ и аванпостовъ.

Проводникомъ былъ назначенъ капитанъ генеральнаго штаба, отлично знавшій мѣстность. Переходъ предстоялъ небезопасный, а потому первому дивизіону приказано было каждую минуту быть наготовѣ.

Выдѣливъ изъ себя авангардъ, наши войска двинулись впередъ. Какъ кошки, беззвучно крались казаки, шедшіе въ первую линію: безъ всякаго звяканья, безъ лязга, безъ разговоровъ.

Весь путь былъ совершенъ безъ всякихъ приключеній. На востокѣ уже заалѣла первая полоска разсвѣта, когда путь былъ конченъ. Отступая изъ этихъ мѣстъ, нѣмцы предварительно весьма сильно укрѣпили этотъ районъ и сосредоточили въ немъ большія силы. Изъ предварительныхъ нашихъ рекогносцировокъ выяснилось, что на самомъ высокомъ мѣстѣ позиціи нѣмцы построили обширный редутъ съ высокимъ кавальеромъ внутри. Къ востоку отъ него, то-есть, въ первую линію къ намъ, находился другой редутъ меньшихъ размѣровъ. Какъ тотъ, такъ и другой были окружены цѣлымъ рядомъ передовыхъ окоповъ, вынесенныхъ довольно далеко впередъ. Было ясно, что нѣмцы придавали этой позиціи большую важность и готовили на ней упорное сопротивленіе...

Бой начался въ началѣ девятаго часа—и сразу съ трехъ сторонъ. Сосредоточенные залпы нашихъ орудій вскорѣ успѣли настолько ослабить артиллерійскій огонь противника, что уже въ началѣ одинадцатаго часа было признано возможнымъ приступить къ штурму.

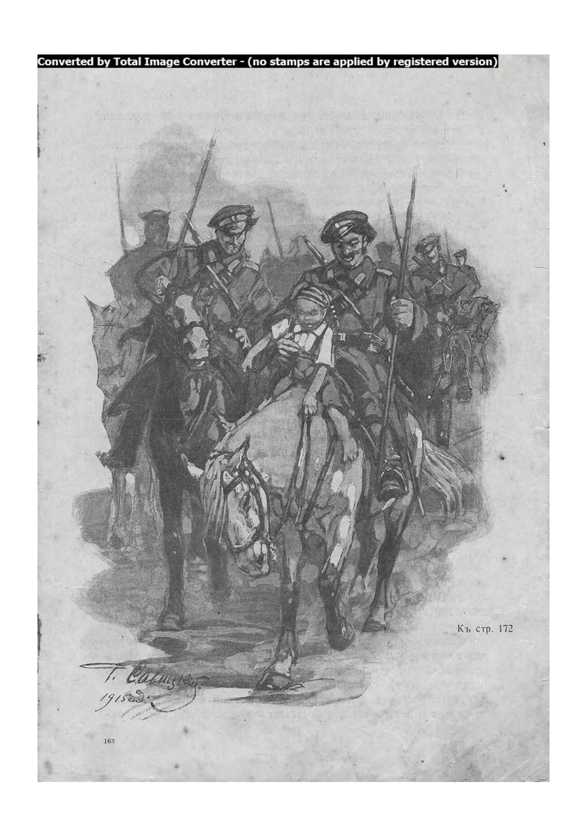
Но при первомъ нашемъ движеніи къ атакѣ нѣмцы вдругъ открыли такой убійственный огонь, что держаться въ открытомъ полѣ не было никакой возможности. Непріятель сыпалъ неимовѣрную массу разрывныхъ снарядовъ и бризантныхъ гранатъ.

Пришлось залечь въ различныхъ мѣстныхъ прикрытіяхъ и въ такъ называемыхъ мертвыхъ пространствахъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ нашихъ частей успѣли выиграть перебѣжками небольшое пространство впереди своего фронта.

Артиллерія наша продолжала усиленную канонаду со своихъ первоначальныхъ позицій.

Къ пяти часамъ дня всѣ распоряженія къ штурму были уже отданы. Нашимъ батареямъ было приказано придвинуться на ближайшее разстояніе. И въ пять часовъ былъ данъ сигналъ къ общему наступленію.

Это было грандіознѣйшее зрѣлище! Грохотали около трехсотъ (нашихъ и непріятельскихъ) орудій, въ небѣ съ страшнымъ трескомъ и гуломъ разрывались встрѣчные снаряды-че-

Къ стр. 172

моданы, барабаны били „атаку“, а наши полки съ развернутыми знаменами яростно шли впередъ.

Теперь наши войска предпочитали лучше умереть на мѣстѣ, чѣмъ отступить хотя-бы на шагъ. Съ криками „ура“ устремились они на непріятельскія позиціи, какъ неудержимый потокъ, какъ огненная лава. Не прошло и получаса, какъ передовые солдаты уже взбѣжали на брустверъ. Еще мгновеніе—и они уже были тамъ, внутри...

При звукахъ „атаки“ и крикахъ „ура“, раздававшихся со всѣхъ сторонъ, на брустверъ поднялись и всѣ остальныя штурмующія части и почти одновременно ворвались въ непріятельскіе окопы. Въ нѣсколько минутъ вражескіе трупы переполнили рвы, валялись на брустверахъ и внутри укрѣпленій...

Въ обходъ непріятельскихъ фланговъ была послана кавалерія, и къ утру она охватила не только первую, но и вторую, главную линію непріятельскихъ укрѣпленій. Тутъ среди нѣмцевъ произошло замѣшательство: одни изъ нѣмецкихъ офицеровъ, узнавъ объ обхватѣ ихъ фланговъ, кинулись въ ряды войскъ, убѣждая своихъ солдатъ бѣжать, тогда какъ другіе настойчиво и грозно приказывали стрѣлять. Это, очевидно, была уже настоящая паника. И черезъ нѣсколько времени русское знамя побѣдоносно развѣвалось на верхушкѣ взятаго укрѣпленія. Около двадцати тысячъ нѣмцевъ легли на мѣстѣ. Остальные — частью бѣжали, частью сдались въ плѣнъ. Нами были захвачены 4 тяжелыхъ орудія, до пяти тысячъ ружей и множество патроновъ... Эта побѣда открыла нашимъ войскамъ дальнѣйшій путь къ Іоганисбургу.

Отдохнувъ немного послѣ сраженія, передовыя части этой-же ночью двинулись дальше. Дорога шла лѣсомъ и была не изъ легкихъ; очень образно описываетъ ее офицеръ казацкой сотни, прикрывавшей обозъ этой колонны:

— „Медленно двигается наша бригада... Дорога идетъ все время густымъ лѣсомъ. Ночь уже окутала своимъ покровомъ все окружающее, и въ темномъ небѣ ярко горятъ звѣзды. Изъ лѣса тянетъ влажной свѣжестью. Непроницаемый мракъ царитъ между стволами, и деревья стоятъ сонныя, неподвижныя. Порой по вѣтвямъ пробѣгаетъ легкій, таинственный шопотъ, замирая гдѣ-то наверху... Безконечной длинной, сѣрой лентой тянется бригада. Люди идутъ тихо, медленно. Не слышно ни веселыхъ разговоровъ, ни смѣха. Слишкомъ всѣ еще полны жуткихъ впечатлѣній сегодня лишь пережитаго ужаснаго сраженія. Только шуршатъ о землю сапоги, фыркаютъ лошади, да гдѣ-то впе-

реди дребезжатъ, попадая на встрѣчные камни, орудія и зарядные ящики.

Идемъ наощупь, не зная достовѣрно, гдѣ непріятель, каковы его силы. Поэтому весьма понятно то жуткое чувство, съ которымъ мы шли въ густомъ лѣсу, темной ночью, да еще съ сознаніемъ, что непріятель гдѣ-то здѣсь, по близости. Но гдѣ?

Волновались солдаты, волновалось начальство. Огонь въ походныхъ кухняхъ былъ затушенъ, курить строго запрещено. Подъ мѣрное покачиванье сѣдла невольно клонитъ ко сну. Глаза сами закрываются. Ѣдешь въ какой-то полудремотѣ. Щелкнетъ копытомъ лошадь — очнешься и съ напряженіемъ всматриваешься въ темноту. Иногда кажется, будто ѣдешь по длинному корридору. Полумракъ дѣлаетъ этотъ миражъ настолько реальнымъ, что невольно спрашиваешь самого себя: „Да гдѣ-же я, наконецъ?..“

Только когда приглядишься, да посмотришь на звѣздное небо,—все дѣлается понятнымъ и яснымъ. Снова слипаются глаза, снова съ трудомъ открываешь ихъ—и черезъ мгновеніе они опять закрываются. Ужасно трудно бороться съ этой сонной одурью въ такой обстановкѣ!..

Въ головѣ сверлитъ: „Эхъ, если-бы заснуть, хотя на полчасика, хоть на нѣсколько минутъ!..“ Время тянется ужасно медленно, и ночь кажется вѣчностью. Небо покрылось тучами, и только кое-гдѣ еще блестятъ звѣзды.

Началъ накрапывать дождь. Изрѣдка неожиданными порывами налетаетъ вѣтеръ, и тогда верхушки старыхъ сосенъ грозно шумятъ, какъ бы негодуя на наше вторженіе. Стало холоднѣе. Тщетно стараешься устроиться потеплѣе: подворачиваешь подъ колѣни шинель, поднимаешь воротникъ, но непогода какъ-бы насмѣхается надъ этими усиліями.

Вѣтеръ разсѣялъ ночной мракъ. Ужъ можно различить деревья, кусты. Ночь кончается... Съ каждой минутой становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Туманъ рѣдѣетъ, и сквозь лѣсную чащу кое-гдѣ уже начинаютъ просвѣчивать открытыя полянки. Дорога какъ будто раздается въ стороны,—и мы выѣзжаемъ на открытое мѣсто. Впереди виднѣются уже расположившіяся на отдыхъ головныя части бригады, а влѣво—какая-то деревня. Сотня останавливается, спѣшивается по командѣ. Сна,—какъ не бывало.

Лошадей отвели въ деревню и задали имъ корму, которымъ изобилуютъ прусскія деревни. Въ поискахъ фуража наши донцы ухитрились откопать въ стогу здоровеннаго нѣмца. Какъ

они пронюхали о немъ—неизвѣстно. Двое тащили упиравшагося пруссака, а третій, видимо ободряя его, говорилъ:

— „Табѣ, дурень, ничаво не сдѣлаютъ, потому, и не корячься!.. Разъ табѣ говорятъ иди къ начальству, ну и иди!..

— Какъ вы его поймали?—спросилъ я.

— Такъ что, ваше благородіе, значитъ, иду я мимо стога и слышу, какъ будто шуршитъ... Ну, я, значитъ, и полѣзъ и откопалъ тамъ его. Насилу вытащилъ. Ишь, какой здоровый!..

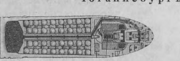
Наскоро обошелъ я ближайшую часть деревни. За исключеніемъ старика, трехъ женщинъ, да откопаннаго въ стогѣ нѣмца, въ ней никого больше не было. Особенно бросилось въ глаза то, что даже въ этой маленькой деревнѣ былъ ресторанъ, билліардная и открытая сцена...

Когда я возвратился обратно — на бивуакѣ уже кипѣла

жизнь. Казаки и солдаты суетились около мелькавшихъ огоньковъ кухонь, слышался веселый говоръ, смѣхъ, прибаутки...

А черезъ часъ—ужъ мы снова шли дальше—къ новымъ побѣдамъ!.. Ночныя тревоги были забыты, усталости уже не чувствовалось; нервы были напряжены, глаза нетерпѣливо всматривались въ лѣсную глушь: скорѣй бы повстрѣчать врага, скорѣй-бы дорваться до него!..“

* * *

Блестящая побѣда, одержанная нашей арміей въ Восточной Пруссіи, повлекла за собой занятіе нашими войсками обширнаго района германской территоріи шириною отъ 20 до 50 верстъ, примыкающаго къ границамъ Плоцкой, Ломжинской и Сувалкской губерніи на общемъ протяженіи болѣе двухсотъ верстъ.

Разбитая германская армія находилась въ полномъ отступленіи. Нашей наступающей арміи удалось вполнѣ успѣшно проникнуть въ районъ Мазурскихъ озеръ, на упорную оборону дефиле между которыми нѣмцы возлагали такія надежды, что нѣкоторые изъ германскихъ военныхъ писателей считали этотъ пунктъ совершенно непреступнымъ для вторженія русскихъ войскъ.

Къ западу отъ первой группы озеръ нашими войсками были заняты 9 августа германскіе города Іоганисбургъ (въ 16 верстахъ къ западу отъ Бяла), Ортельсбургъ (въ 20 верстахъ отъ границы Ломжинской губ.) и Виленбергъ (въ 10 верстахъ отъ точки, гдѣ сходятся границы Пруссіи, Ломжинской и Плоцкой губ.).

Между Іоганисбургомъ и Ортельсбургомъ, въ примыкающемъ къ нимъ лѣсу, разыгрался бой, очень живо и ярко описанный однимъ изъ участниковъ его:

— „Мы отдыхали въ лѣсу, потому что передъ тѣмъ два дня сражались. Оттѣснили пруссаковъ и были страшно утомлены.

Вдругъ стрѣлокъ, вышедшій на опушку, вернулся встревоженный.

— Претъ „его“ видимо-невидимо!—сказалъ онъ:—И прямо на насъ!.. Съ пушками, съ пулеметами, съ обозомъ!..

Нашъ батальонный сейчасъ-же побѣжалъ на опушку, вышелъ на дорогу и долго смотрѣлъ въ бинокль. А мы,—хорошо не могу даже вспомнить, какъ это случилось — до того нато-

рѣли въ боевомъ дѣлѣ, что сразу-же очутились всѣ въ боевомъ порядкѣ. Ждемъ только знака батальоннаго,—сами уже видимъ пруссаковъ.

Они шли, можетъ быть, всего въ тысячѣ шагахъ отъ насъ и вотъ-вотъ должны были открыть насъ. Но, не смотря на ихъ развѣдку, мы все-таки предупредили ихъ. Ни одной секунды нельзя было терять. И шесть нашихъ пулеметовъ ударили сразу...

Пруссаки смѣшались, — ихъ ошеломила неожиданность удара. Я былъ въ первомъ ряду и видѣлъ, какъ они дрогнули. Они, вѣроятно, не знали, что дорога несвободна, и думали, что насъ здѣсь быть не можетъ. А когда противникъ скрытъ и обстрѣливаетъ изъ-за кустарника и деревьевъ — невольно разбираетъ страхъ даже самыхъ храбрыхъ, потому что не знаешь размѣровъ опасности...

Пруссаки, однако, скоро опомнились, и роты ихъ разсыпались по лѣсу...

Лѣсной бой!... Не хватаетъ словъ и красокъ, что-бы описать его. Семь разъ уже приходилось мнѣ участвовать въ сраженіяхъ, но этотъ бой былъ исключительнымъ по жестокости, упорству и смертоносности.

Пули пѣли и свистали. Иногда казалось, что онѣ сшибаются другъ съ другомъ, такъ часто и густо сыпались онѣ. Деревья отъ нихъ тряслись, словно отъ вѣтра...

На одну нашу роту приходилось четыре нѣмецкихъ. Нѣмцы убѣдились, что насъ мало и стали окружать со всѣхъ сторонъ. Кольцо ихъ все сжималось, казалось, вотъ-вотъ задушитъ насъ...

Но и мы скоро убѣдились, что если нѣмецъ и сильнѣе насъ числомъ — зато ему не сломить насъ, если мы пойдемъ въ штыки.

Боже мой, какъ грозно мы пошли на нѣмцевъ! Закричали „ура“ и ринулись неудержимой лавиной. Нашъ батальонный, съ шашкой въ рукѣ, безъ фуражки, велъ насъ впередъ. До сихъ поръ я слышу его могучій голосъ:

— „Орлы, орлы, мои орлы, бейтесь! Ни шагу назадъ! Умремъ! Слава за нами, братцы“!..

Грудь съ грудью схватились мы съ врагомъ. Просто мы бились, просто кололи. И еще проще умирали...

Цѣлый часъ мы бились въ надвинувшихся сумеркахъ. Было совсѣмъ что-то сказочное. И какой длинный былъ этотъ часъ! Теперь, когда вспомню о немъ — не хочется вѣрить, что часъ этотъ уже прошелъ и что, бывъ вѣчностью, онъ самъ уже ка-

нулъ въ вѣчность. Передъ глазами такъ и стоитъ вся эта кровавая пляска смерти...

Нѣмцы нѣсколько разъ раздвигали свое кольцо, не выдерживая нашего штыкового удара, и мы гнались за ними вразсыпную, — и тогда они снова ободрялись, выстраивались и напирали на насъ. А сумерки были красныя, потому что закатывалось солнце. Или, можетъ быть, ярость битвы окрашивала всѣ предметы въ нашихъ глазахъ въ алые, кровавые тона?..

Къ концу этого страшнаго часа подоспѣло намъ подкрѣпленіе. Мы услышали еще издали приближеніе С-аго полка. С-ки открыли убійственный огонь по пруссакамъ, зайдя имъ въ тылъ, съ дороги. Въ резервѣ у нѣмцевъ былъ ландштурмъ, который немедленно и побѣжалъ. Черезъ нѣсколько минутъ свернулись и передовые прусскіе ряды и въ безпорядкѣ двинулись назадъ, куда-то въ сторону, не смѣя выйти на дорогу. Они бѣжали и гибли безъ оглядки. Многіе изъ нихъ, сдаваясь, умоляли о пощадѣ...

Въ преслѣдованіи бѣжавшихъ нѣмцевъ я уже не участвовалъ, такъ какъ былъ раненъ и лежалъ въ лѣсу безъ чувствъ, пока меня не подобрали санитары по окончаніи счастливаго для насъ боя"...

Выбивъ германцевъ изъ лѣса, наши войска двинулись дальше, къ Ортельсбургу, недалеко отъ котораго имъ снова пришлось вступить въ бой съ значительнымъ нѣмецкимъ отрядомъ. Здѣсь къ нашей пѣхотѣ присоединилась кавалерія, въ составѣ шести съ половиной эскадроновъ, которая и рѣшила исходъ сраженія.

Германская позиція была сильно укрѣплена, и на ней, кромѣ кавалеріи и пѣхоты съ пулеметами и артиллеріи, находилось до шести тысячъ человѣкъ. Послѣ долгаго артиллерійскаго боя, наши кавалеристы спѣшились, рѣшивъ пойти на приступъ нѣмецкой позиціи, — за исключеніемъ одного эскадрона, оставшагося въ конномъ строю,—и вразсыпную, безпрерывно стрѣляя, стали подвигаться къ непріятелю.

Пробѣгутъ шаговъ пятьдесятъ, остановятся, припадутъ къ землѣ, постреляютъ и снова бѣгутъ дальше.

Приблизившись къ нѣмецкимъ окопамъ, они дружно ударили въ штыки и въ нѣсколько минутъ выбили непріятеля. А тѣмъ временемъ эскадронъ, оставшійся въ конномъ строю, налетѣлъ на вражескую батарею, изрубилъ всѣхъ бывшихъ при ней нѣмцевъ и овладѣлъ орудіями и зарядными ящиками...

Нѣмцы поспѣшно отступали...

Въ этомъ бою одинъ унтеръ офицеръ показалъ примѣръ рѣдкой отваги. Отдѣлившись отъ своего эскадрона, онъ наско-

чилъ на группу нѣмцевъ человѣкъ въ пятнадцать, но не растерялся и отважно бросился на нихъ. Онъ рубанулъ сначала направо, потомъ налѣво — уложилъ двухъ противниковъ, а затѣмъ, видя, что въ него цѣлятся, отскакалъ на нѣсколько шаговъ, но ретироваться и не подумалъ; выхвативъ винтовку, онъ принялся стрѣлять, и еще уложилъ трехъ пруссаковъ. Въ это время къ нему подъѣхалъ товарищъ—и они уже вдвоемъ убили еще четырехъ нѣмцевъ, а остальныхъ обратили въ бѣгство...

Помимо храбрости, проявленной въ бояхъ, наши солдаты отличаются еще изумительнымъ самообладаніемъ и сознаніемъ долга, помогающимъ имъ легко и безропотно переносить тяготы войны. Рядовой К., потерявшій отъ удара шрапнели оба глаза и обреченный на вѣчную слѣпоту, чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ и вознагражденнымъ тѣмъ, что „нѣмцамъ здорово наклали".

Онъ былъ раненъ около Ортельсбурга Нѣмцы залпами стрѣляли на разстояніи трехсотъ шаговъ; въ командѣ, въ которой находился К., убили ефрейтора, и К., какъ взводный, сталъ собирать свое отдѣленіе, и въ цѣпи перебѣгать отъ дерева къ дереву. Только что онъ спрятался за дерево, какъ его оглушилъ страшный ударъ сверху.

— Мнѣ показалось, что у меня полъ головы снесло,—разсказывалъ онъ:—и я закричалъ: „Братцы, я убитъ!".. Прислонился къ дереву, а кровь такъ и заливаетъ лицо. Слышу, бѣгутъ мимо меня солдаты, кричу имъ: „Братцы, захватите и меня!".. А они мнѣ отвѣчаютъ на бѣгу: „Некогда намъ, братъ!"..

Тутъ я лишился сознанія...

Когда я очнулся—я долго боялся подать голосъ, потому что не зналъ, чья взяла верхъ. Недалеко отъ меня вдругъ послышались стоны раненыхъ нѣмцевъ; они что-то кричали мнѣ на своемъ языкѣ—и я кое-какъ поползъ къ нимъ, что-бы хоть чувствовать около себя живыхъ людей. А тамъ скоро и наши подошли и меня подобрали санитары"...

Охотно разсказывая со смѣхомъ о своемъ тяжкомъ боевомъ крещеніи, К. съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія говорилъ:

— Ну, ничего, за отечество постояли, такъ все хорошо!..

Трудности похода во вражеской странѣ и всѣ ужасы войны не только не ожесточили нашего солдата, но даже не лишили его свойственнаго ему природнаго юмора, часто заставлявшаго смѣяться даже самыхъ мрачныхъ пессимистовъ. Вспоминая жаркіе бои подъ Ортельсбургомъ, одинъ прапорщикъ передаетъ, между прочимъ, слѣдующую комическую сцену:

„Наша батарея замѣтила, что нѣмцы, едва завидя нашъ разъѣздъ, хотя бы изъ 5—6 человѣкъ, быстро открываютъ огонь. Продолжительныя наблюденія установили, что непріятель готовъ стрѣлять даже по одному нашему солдату.

И вотъ, батарея, храбро отражавшая огонь непріятельскихъ орудій, во время незначительнаго перерыва между боевыми дѣйствіями, на скорую руку смастерила чучело и выставила его на довольно почтительномъ отдаленіи отъ линіи нашихъ войскъ.

Бой временно затихъ. Вдругъ со стороны нѣмцевъ стали долетать и разрываться снаряды. Черезъ нѣсколько минутъ почти непрекращающейся канонады чучело было подбито. Скоро отъ него ничего не осталось, и непріятель снова успокоился.

Эпизодъ этотъ такъ насъ всѣхъ разсмѣшилъ, что мы долго не могли безъ смѣха говорить о немъ...".

Такимъ-же здоровымъ юморомъ вѣетъ и отъ разсказа одного солдатика о „нѣмецкой хитрости".

Лежалъ онъ раненый на полѣ сраженія и ждалъ, пока его подберутъ санитары. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его тянетъ кто-то за шинель.

— „Глядь, а это нѣмецъ прячется подъ меня. Увидѣлъ онъ идущихъ къ намъ санитаровъ и испугался. Я его и пріютилъ у себя подъ шинелью.

Подошли ко мнѣ санитары, подняли шинель, удивились, увидѣвъ около меня нѣмца.

„Это что?"—спрашиваютъ.

Я смѣюсь.—„Дите мое",—говорю.

Санитары тоже засмѣялись. „Экую здоровую махину родилъ!"—шутили они: „Чѣмъ кормить будешь?..."

Подобрали санитары его и меня; вмѣстѣ мы и въ лазаретѣ лежали. Потомъ его куда-то услали..."

Въ этомъ эпизодѣ, кромѣ юмора, чувствуется еще настоящее, христіанское отношеніе нашего солдата къ врагу. Безоружнаго, сдавшагося, по мѣрѣ возможности, щадили, съ мирными жителями обращались въ высшей степени тепло и мягко, разсѣивая всѣ небылицы о жестокости нашихъ солдатъ, распространяемыя нѣмецкими войсками...

Германцы, отступая, нагоняли страхъ на мирныхъ жителей этими небылицами. Въ Ортельсбургѣ при входѣ въ городъ нашихъ войскъ всѣ нѣмцы попрятались въ погребахъ и сараяхъ. Найденные нашими солдатами въ одномъ погребѣ старикъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати и безногая женщина бросились цѣловать ихъ ноги, умоляя не ѣсть ихъ. Оказалось, что еще до объявленія войны по всей Германіи учителя и пасторы въ киркахъ при случаѣ упоминали о варварствѣ восточныхъ славянъ, объ ихъ жестокости. Въ доказательство они приводили „факты"—что русскіе казаки—язычники и людоѣды...

Между тѣмъ, своимъ поведеніемъ наши солдаты и казаки выказали себя весьма великодушными съ непріятелемъ. Одинъ казацкій дозоръ, напримѣръ, 8 верстъ осторожно везъ съ собою найденнаго въ полѣ, кѣмъ-то покинутаго и голоднаго нѣмецкаго мальчика лѣтъ семи, и сдалъ его въ одинъ изъ нашихъ лазаретовъ, гдѣ онъ и остался...

Къ сожалѣнію, нѣмцы, мирные жители, сплошь и рядомъ платили нашимъ войскамъ за ихъ великодушіе самой черной неблагодарностью и предательствомъ. Былъ, напримѣръ, такой случай. Въ бою подъ Веленбергомъ русскіе солдаты вдругъ увидѣли на колокольнѣ ближайшей деревушки Люксъ треплющійся на вѣтрѣ бѣлый флагъ,—и вслѣдъ за этимъ на

нихъ густо посыпались нѣмецкіе снаряды. Наши войска продвинулись направо, но бѣлый флагъ метнулся въ ту же сторону,—и снаряды полетѣли направо. Наши офицеры при помощи бинокля разсмотрѣли на колокольнѣ фигуру дѣвушки, подававшей нѣмецкимъ войскамъ эти сигналы. Выйти изъ сферы страшнаго огня можно было только при условіи уничтоженія „женскихъ ручекъ", управлявшихъ бѣлымъ флагомъ. Но какъ это сдѣлать?

Подойти къ деревнѣ и взять сигнальщицу въ плѣнъ представлялось совершенно невозможнымъ, ввиду сплошного

огня непріятельской батареи. А снаряды все ложились и ложились, уничтожая людей безъ боя. Оставался единственный выходъ — снять ее пулей. Вызваны были лучшіе стрѣлки. Навели ружья, прицѣлились, грянулъ залпъ. Когда разсѣялся дымъ выстрѣловъ—бѣлый флагъ уже не трепался въ воздухѣ, а безжизненно висѣлъ въ амбразурѣ колокольни... Послѣ боя нѣсколько нашихъ солдатиковъ сняли съ колокольни мертвую молодую дѣвушку...

Въ этомъ-же селеніи былъ пойманъ на такомъ-же предательствѣ и другой „мирный житель", о которомъ разсказываетъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ:

„Вижу, при входѣ въ селеніе стоитъ благообразнаго вида прилично одѣтый господинъ. Лицо интеллигентное. Учтиво кланяется и вѣжливо предлагаетъ изъ стоявшихъ возлѣ него ведеръ воду. Мы его не тронули и прошли дальше. Но потомъ господина этого мы застали передававшимъ по подземному телефону свѣдѣнія о движеніи нашихъ войскъ...".

* * *

Бишофсбургъ.

Зенсбургъ
Олрау-Франкенау.

Рѣшительная побѣда, одержанная нашей арміей въ районѣ Гумбинена и послѣдовавшее вслѣдъ за нею стремительное наступленіе въ глубь Восточной Пруссіи, опрокинули всѣ разсчеты германскихъ стратеговъ.

Двойнымъ движеніемъ и отъ границъ Плоцкой и Ломжинской губерній, и отъ Инстербурга, Даркемена и Ангербурга наши войска обошли оборонительную линію Мазурскихъ озеръ съ обоихъ фланговъ; съ занятіемъ-же Бишофсбурга и Зенсбурга они внезапно появились въ тылу ея...

Городъ Зенсбургъ лежитъ въ разстояніи около 100 верстъ отъ границы Сувалкской губ., въ 40 верстахъ отъ границы Ломжинской губ. и въ 40 верстахъ къ сѣв.-зап. отъ Лецена. Бишофсбургъ-же находится еще на 20 верстъ западнѣе Зенсбурга.

Черезъ Зенсбургъ и Бишофсбургъ идетъ желѣзнодорожная линія отъ Іоганисбурга на Кенигсбергъ. Эта линія въ шести верстахъ къ сѣв.-зап. отъ Бишофсбурга у станціи Ротфлисъ пересѣкаетъ главный желѣзнодорожный путь, идущій отъ нашей границы черезъ Инстербургъ, Алленштейнъ и Познань на Берлинъ.

Съ занятіемъ нашими войсками станціи Ротфлисъ, пограничная съ Россіей полоса Восточной Пруссіи, шириною до

120 верстъ, была отрѣзана отъ главнаго желѣзнодорожнаго сообщенія съ остальной сѣтью прусскихъ желѣзныхъ дорогъ. И такимъ образомъ, главная оборонительная линія Мазурскихъ озеръ была лишена всякаго значенія...

10 и 11 августа произошли упорные и также увѣнчавшіеся побѣдой бои нашей арміи къ сѣверу отъ города Нейденбурга, лежащаго въ 10 верстахъ отъ границы Плоцкой губ., на желѣзнодорожной линіи изъ Млавы въ Кенигсбергъ. Здѣсь нашимъ войскамъ пришлось столкнуться съ 20-мъ армейскимъ германскимъ корпусомъ, въ мирное время имѣющимъ свой штабъ въ Алленштейнѣ. Войска этого корпуса, усиленнаго до трехъ дивизій, занимали укрѣпленную позицію Орлау-Франкенау (къ сѣверу отъ Нейденбурга), подступы къ которой были усилены искусственными препятствіями въ видѣ проволочныхъ сѣтей и волчьихъ ямъ.

Въ продолженіе двухъ дней наши доблестныя войска атаковали эту сильную позицію, преодолѣвая волчьи ямы и—самое серьезное изъ всѣхъ искусственныхъ препятствій—проволочныя сѣти. Въ бою примѣнялись ручныя гранаты. Наша пѣхота неоднократно шла на непріятеля въ штыки. Наконецъ, въ 11 часовъ утра, 11 августа, не смотря на всѣ преимущества, представляемыя обороной на укрѣпленной позиціи, 20-ый германскій корпусъ не выдержалъ нашихъ атакъ и, охваченный обходомъ нашихъ войскъ съ лѣваго фланга, сталъ поспѣшно отступать къ Остероде, лежащему въ 50 верстахъ къ сѣв.-зап. отъ Нейденбурга.

Отступленіе противника было столь поспѣшно, что онъ оставилъ нѣсколько орудій, пулеметовъ, зарядныхъ ящиковъ и много плѣнныхъ.

Къ длинному списку побѣдъ нашей славной арміи прибавилась новая—у Орлау-Франкенау...

Интересны впечатлѣнія этого боя офицера, прибывшаго незадолго до этого сраженія въ дѣйствующую армію и получившаго въ немъ первое боевое крещеніе:

— „Гдѣ-то впереди раздался орудійный выстрѣлъ... другой... третій. И все смолкло... Вмѣстѣ съ выстрѣлами смолкли разговоры, затихъ веселый смѣхъ. Авангардъ въ это время подходилъ къ Орлау, голова колонны выходила изъ лѣсу.

У деревни отчетливо слышится перестрѣлка. Вотъ что-то черное съ визгомъ прорѣзаетъ воздухъ, глухо хлопаетъ, и градъ пуль, шурша о листья, осыпаетъ деревья. Нѣмцы посылали бригадѣ свой первый свинцовый привѣтъ. Впереди затрещала

ожесточенная перестрѣлка. Нашъ авангардъ уже бился съ пруссаками. Бригада немедленно развернулась въ боевой порядокъ, разсыпалась и ждала сигнала, чтобы поддержать авангардъ и вступить въ бой съ врагомъ.

— Сторонись! Принимай вправо и влѣво!—раздалась команда, и мимо взволнованныхъ предстоящимъ боемъ солдатъ съ грохотомъ пронеслись орудія и зарядные ящики. Наши батареи выѣзжали на позицію.

Не прошло и двадцати минутъ, какъ около насъ грянулъ оглушительный орудійный залпъ, вслѣдъ за которымъ загремѣли отдѣльные орудійные выстрѣлы. Это наши батареи заговорили съ пруссаками.

Бой разгорался. Откуда-то спереди, подобно исполинскимъ шмелямъ, съ зловѣщимъ гудѣніемъ летѣли снаряды, рвались съ грознымъ грохотомъ и разсыпались градомъ пуль. Выстрѣлы слились въ одинъ протяжный, заунывный гулъ. Временами перестрѣлка какъ будто утихала, и тогда отчетливо слышалось какое-то страшное та-та-та... Что-то дьявольское, ужасное было въ этомъ однообразномъ, монотонномъ татаканьѣ: то были пулеметы! Бой шелъ по всей линіи. Было два часа дня. Силъ пруссаковъ мы не знали, но, судя по страшному пулеметному, оружейному и артиллерійскому огню, который они развили, можно было навѣрняка сказать, что ихъ было столько-же, сколько и насъ, если не больше...

Прошелъ часъ, томительный, долгій часъ. Огонь противника усиливался съ каждой минутой. Все было окутано сизымъ, пороховымъ дымомъ. Въ воздухѣ непрерывно носились огненные языки отъ рвущихся шрапнелей. Впереди, зажженая нашими снарядами, пылала Орлау.

Непрерывной, печальной вереницей потянулись къ лѣсу раненые. Въ лѣсу кипѣла лихорадочная работа. Врачи, фельдшера, санитары спѣшно перевязывали раненыхъ.

Слѣва, почти въ тылу, уже татакали пулеметы пруссаковъ, старавшихся подъ прикрытіемъ лѣса обойти насъ. Положеніе бригады становилось тяжелымъ. Командиръ полка, видя дрогнувшіе ряды солдатъ, громко кричитъ:—За мной!—бросается впередъ, но тутъ-же падаетъ, сраженный на смерть пулей...

Вслѣдъ за нимъ пуля ранитъ генерала. Не смотря на это, онъ подъ огнемъ останавливаетъ вмѣстѣ съ командиромъ сосѣдняго полка, полковникомъ Г., солдатъ. Въ то же время командиръ сотни, выхвативъ шашку съ крикомъ:—За мной,

ребята! Ура!—бросился впередъ. Это было послѣднее усиліе... Оставалось побѣдить или умереть...

Услышавъ „ура", сотни грудей подхватываютъ боевой кличъ, и солдаты бѣгутъ за офицеромъ. Съ каждой секундой это „ура" растетъ. Это не то „ура", которое мы привыкли слушать на парадахъ, это даже не „ура", а какое-то страшное, грозное „а-а-а!..." Люди падаютъ, поднимаются и снова бѣгутъ. И эта мощная, какъ сама Россія, живая лава, для которой нѣтъ преградъ, которую ничто не въ состояніи остановить, неудержимо несется на окопы...

Нѣмцы дрогнули... Дрогнули передъ русскимъ мощнымъ кличемъ, передъ этими сѣрыми, уже выбившимися изъ силъ, но еще могучими и грозными „чудо-богатырями"...

Всѣ окопы и деревня были взяты русскими орлами. Послѣдняя вспышка рѣшила участь боя. Нѣмцы отступили и сразу притихли. Артиллерія ихъ смолкла, и только сзади попрежнему гремѣли наши батареи, да цѣпи пускали вдогонку нѣмцамъ дружные залпы, на которые тѣ уже не отвѣчали...

Преслѣдовать отступающихъ мы не могли, потому что не имѣли кавалеріи,—одной полусотни было слишкомъ мало. Да и неизвѣстно было, что замышляли нѣмцы: быть можетъ, прекративъ перестрѣлку, они просто хотѣли заманить насъ...

Наконецъ смолкла и наша артиллерія. Перестрѣлка затихла. Только изрѣдка доносились одинокіе выстрѣлы, глухо отдававшіеся въ лѣсу. Казалось, что жерла орудій, винтовки и пулеметы тоже утомились отъ безпрерывной работы и требовали отдыха. Все смолкло. Было восемь часовъ вечера. Солнце уже зашло, и угасающій день боролся съ наступающими сумерками. Бой, длившійся семь часовъ, окончился. Сраженіе нами было выиграно и деревня взята...

Нѣмцы отступили и не подавали никакихъ признаковъ жизни... Какъ на позиціи, такъ и въ лѣсу, царила глубокая тишина. Всюду слышался шопотъ разговаривавшихъ солдатъ.

Меня поразило слѣдующее обстоятельство: большая часть офицеровъ и солдатъ, разговаривая, заикались, да и мнѣ самому какъ-то трудно было выговаривать слова. Ужасы пережитаго дня, чрезмѣрно напряженные нервы давали себя чувствовать...

Стало совсѣмъ темно. Изрѣдка, откуда-то издалека, неожиданно выползли блѣдно-голубые, свѣтлые столбы. Это работали прусскіе прожекторы. Сгустившійся густой туманъ, словно траурнымъ крепомъ окуталъ поле, на которомъ непробуднымъ сномъ спали наши дорогіе товарищи...

На другой день, продвинувшись за Орлау, мы узнали, что нѣмцы ушли, оставивъ пулеметы, патронныя двуколки, линейки, массу раненыхъ и даже врачей. Потери нѣмцевъ оказались огромными. Весь лѣсъ, долина, гдѣ протекалъ ручей, склоны холмовъ, даже далѣе идущія за деревней пашни и дороги были покрыты грудами труповъ. Отъ плѣнныхъ мы узнали, что у нѣмцевъ подъ Орлау была цѣлая дивизія...“

Бой подъ Орлау-Франкенау былъ однимъ изъ самыхъ длительныхъ и жестокихъ. Объ этомъ сраженіи подробно разсказываетъ подполковникъ Л., принимавшій въ немъ участіе и получившій тамъ тяжелую рану. За свою сорокалѣтнюю жизнь этотъ подполковникъ успѣлъ сдѣлать три компаніи: китайскую, японскую и эту, послѣднюю. Насколько японцы, по его словамъ, мастера и рыцари войны, настолько нѣмцы—механическія куклы и животныя...

— „Я былъ какъ разъ въ центрѣ авангардныхъ линій тѣхъ полковъ, которые шли въ бой подъ Орлау-Франкенау,—разсказываетъ подполковникъ: — Двигались мы подъ страшнымъ огнемъ и градомъ шрапнели, которая выбивала людей, какъ градъ выбиваетъ хлѣбныя нивы. А мы все шли и шли. Времени точно не существовало. И странно было, когда солнце вдругъ оказалось на закатѣ, между тѣмъ какъ мы вышли рано утромъ...

Въ увлеченіи мы не замѣчали, что далеко продвинулись впередъ. Я сильно опередилъ мой полкъ, а съ лѣвой стороны у меня очутилось отбившееся за нами правое крыло другого полка со своимъ знаменемъ. Офицеры этого полка были перебиты, и знамя переходило изъ рукъ въ руки.

Неподалеку отъ меня вдругъ упалъ солдатъ, въ рукахъ у котораго было простреленное и выпачканное кровью знамя. Я подхватилъ стягъ и надѣлъ его на пику; бѣжавшіе рядомъ со мною, цѣловали его, чтобы потомъ броситься умереть. Не только прикосновеніе къ знамени, но самый видъ его зажигалъ ихъ, какъ пламя. И сами они вспыхивали послѣднимъ пламенемъ и творили чудеса.

Надо было выбить непріятеля изъ окоповъ—и мы выбили его, заставивъ принять рукопашный бой. Нѣмцы—не японцы, они боятся штыка и бѣгутъ отъ него. Но у нихъ было еще средство защиты передъ бѣгствомъ, котораго не было у насъ: ручныя гранаты. Они стали бросать въ насъ эти гранаты, которыя, разрываясь, производили страшныя опустошенія въ нашихъ рядахъ...

Я бѣжалъ со знаменемъ и кричалъ:

— Впередъ!.. За мной!..

И въ то же время я слышалъ ясно, какъ ругались наши солдаты, и нѣмцы ругались тоже и даже находили время обвинять насъ въ томъ, что это мы затѣяли войну. Они вѣрили подлому обману и проклинали насъ, въ то время какъ должны были проклинать своего кайзера...

И вдругъ я почувствовалъ ясно, какъ нога у меня какъ будто загорѣлась и сразу отяжелѣла, и я въ первый разъ ясно услышалъ запахъ паленаго и крови, своей собственной крови, которая потекла въ сапогъ, наполняя его липкимъ тепломъ...

Когда я уже падалъ—пруссакъ ударилъ меня въ голову прикладомъ. Но и падая, я не забывалъ о знамени: я прижалъ его къ себѣ вмѣстѣ съ остріемъ пики и, упавши, почувствовалъ, какъ оно накрыло меня съ головой. Въ ту-же самую минуту чья-то рука выхватила его у меня. Я взглянулъ: слава Богу, рука русскаго солдата! Но этотъ солдатъ тутъ-же упалъ, рядомъ со мною. Я повернулся, чтобы подползти къ нему, и мнѣ казалось, что я быстро перебираю руками и ногами. Между тѣмъ, я оставался на одномъ мѣстѣ. По счастью, я увидѣлъ, какъ другой, тоже русскій, солдатъ схватилъ это знамя и передалъ его дальше стоящему, а самъ въ ту же минуту рухнулся на земь. Взорвавшаяся ручная граната, которая убила его, подняла столбомъ пыль и кровь, которыя залѣпили всего меня и засорили глаза. Прочистивъ вѣки, я увидѣлъ, что знамя было уже далеко отъ вражескихъ рукъ...

Оглядѣвшись по сторонамъ, я замѣтилъ, что лежу въ картофельномъ полѣ; неподалеку отъ меня стояла группа небольшихъ деревьевъ, направо темнѣла деревушка, а за деревьями виденъ былъ мостъ надъ ярко блестѣвшей отъ закатывавшагося вечерняго солнца рѣкой.

Одновременно съ этимъ я увидѣлъ нашихъ, которые теперь уже опередили меня и двумя далеко разошедшимися одна отъ другой колоннами гнали также раздвоившуюся массу враговъ, бѣжавшихъ подъ все увеличивавшимся угломъ. Такимъ образомъ, мы, упавшіе въ центрѣ, оказывались позади, и позади же оказывался и непріятельскій центръ, въ которомъ также оставалось немного людей...

Я не могъ оглянуться и ждалъ, что подоспѣютъ наши санитары и подберутъ раненыхъ, въ томъ числѣ и меня. Но санитары не шли...

Дальше подполковникъ разсказываетъ о тяжелой ночи, проведенной имъ на полѣ сраженія среди мертвыхъ и раненыхъ:

— „Ступня ноги у меня была разбита совсѣмъ и держалась лишь на одномъ мускулѣ. Такъ какъ шашка моя выпала у меня изъ рукъ при моемъ паденіи—я старался ножнами повернуть ногу на мѣсто. Мнѣ это, однако, не удалось сдѣлать...

Во время этой возни съ ногой я услышалъ крики пруссаковъ:

— Er ist hier! Er ist noch nicht gestorben!..

Нѣсколько рукъ съ винтовками и револьверами протянулись ко мнѣ. „Неужели они меня добьютъ?"—съ ужасомъ подумалъ я. Но тотчасъ-же услыхалъ повелительное: Halt!

И руки, грозившія мнѣ смертью, опустились, а затѣмъ ко мнѣ подошелъ прусскій офицеръ и прогналъ черезчуръ разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Когда онъ наклонился ко мнѣ—я увидѣлъ уже не молодого человѣка съ бѣлокурыми усами и бородой, съ лицомъ не того противно солдатскаго типа, который видишь у большинства пруссаковъ. Сразу ясно было, что онъ—запасной; впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ изъ учителей.

Онъ прежде всего спросилъ—нѣтъ-ли у меня чего-нибудь поѣсть. Его солдаты пришли сюда съ нимъ съ тою-же цѣлью—поискать у русскихъ чего-нибудь съѣстного. Они не ѣли три дня.

Я сказалъ ему, что у меня есть хлѣбъ и консервы въ сумкѣ, которая была подо мною. Онъ все это досталъ и, сидя предо мною на корточкахъ, рядомъ со своимъ унтеръ-офицеромъ, сопровождавшимъ его, они стали уничтожать съ страшной жадностью мой запасъ.

Я тоже не тратилъ даромъ времени. Отстегнувъ ремешокъ отъ сумки, я попросилъ разрѣзать мнѣ голенище сапога, что унтеръ-офицеръ, дожевывая послѣдніе куски, и сдѣлалъ очень осторожно. Когда нога была до нѣкоторой степени освобождена—кровь хлынула изъ голенища. Чтобы не истечь кровью, я перетянулъ ногу выше колѣна ремешкомъ, а офицеръ, подкрѣпивъ свои силы, глотнулъ изъ своей фляжки спирта, который у нѣмцевъ даже солдаты имѣютъ вмѣсто воды, и своимъ полотенцемъ перевязалъ мнѣ ногу.

Послѣ этого они заявили мнѣ, что должны отобрать у меня оружіе и опять повторили, что напрасно русскіе затѣяли эту войну. Чтобы не ссориться съ ними, я не сталъ оспаривать этой лжи, да и не въ силахъ я былъ разговаривать. Усталость одолѣвала меня.

Ни часовъ, ни денегъ, бывшихъ у меня, они не взяли. Это было рѣдчайшее проявленіе благородства среди нѣмцевъ. Пожелавъ мнѣ скорѣе дождаться санитаровъ, офицеръ ушелъ, оставивъ около меня унтеръ-офицера, пока не уйдутъ съ поля прусскіе солдаты.

Унтеръ-офицеръ нѣкоторое время сидѣлъ около меня на корточкахъ и въ наступающихъ сумеркахъ, со своей высокой каской, опущенной головой и длиннымъ носомъ походилъ на какую-то сказочную большую сонную птицу.

Но вотъ, прусскіе солдаты должно быть ушли. Въ полѣ стало тихо-тихо. Пруссакъ медленно поднялся, накрылъ меня шинелью, можетъ быть, думая, что я уже умеръ и медленно удалился. А можетъ быть, ему просто стало жутко наединѣ съ тяжело раненнымъ чужимъ среди этихъ труповъ, наваленныхъ одинъ на другой и валявшихся въ самыхъ страшныхъ и неправдоподобныхъ положеніяхъ...

Я остался одинъ, совсѣмъ одинъ, такъ какъ нельзя-же было считать за кого-нибудь эти трупы, лежавшіе кругомъ, какъ срубленный лѣсъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ все стало затихать. Изрѣдка выстрѣлы еще прорывали воздухъ, но гулъ движенія походилъ уже на смутный шумъ успокаивающагося моря. Померкла заря на стволахъ деревьевъ, на рѣкѣ и на небѣ.

Наконецъ, растаяли послѣдніе отголоски военнаго гула— и тогда я услыхалъ стонущій голосъ со стороны.

Послышался продолжительный стонъ и жалобный голосъ:

— Ой, Господи, Господи! Есть-ли тутъ хоть одинъ живъ человѣкъ?

Я отозвался и назвалъ себя. Раненый обрадовался.

— Ваше высокобродіе, не могите-ли дать мнѣ испить?

— Самъ, братецъ, пить хочу, да повернуться нѣтъ силъ..

А повернуться было даже необходимо—какъ разъ подъ головою у меня лежалъ убитый солдатъ, и это было тяжело и непріятно. Поднявъ руку, я наткнулся на что-то твердое. Баклажка! Можетъ быть, съ водою?..

Съ страшными усиліями я пытался отстегнуть ее—и не могъ. Отрѣзать было нечѣмъ—ножикъ забрали нѣмцы, какъ оружіе, вмѣстѣ съ саблей и револьверомъ. Потомъ я потянулся къ баклажкѣ губами, кое-какъ добрался, открылъ—пусто!.. А солдатъ, обрадованный тѣмъ, что есть кому его слушать, застоналъ снова, заскулилъ:

— Моченьки нѣтъ терпѣть, вашескобродіе. Кровью истекаю...

Со стороны деревни вдругъ сталъ доноситься шумъ, котораго я сначала не понималъ. Но вотъ, стоявшее надо мною облако чуть-чуть засвѣтилось: пожаръ! Горѣла деревня. Издали послышался трескъ и гулъ горѣвшихъ домовъ, запахло гарью и дымомъ.

И въ ту же минуту я услышалъ сдержанные голоса позади себя. Раненый солдатъ вскрикнулъ:

— Вашескобродіе, идетъ кто-то!.. Не наши-ли?.. Ой, моченьки моей нѣту!..

Но это были не наши, а нѣмецкіе мародеры. Можетъ быть, тѣ самые солдаты, которыхъ заставилъ уйти отъ меня офицеръ. Я испугался, что стоны солдата привлекутъ ихъ вниманіе и они найдутъ меня. Но усилившійся трескъ горѣвшей деревни должно быть заглушалъ его жалобы и стоны. Возможно, что и онъ самъ, узнавъ враговъ, затихъ и притаился...

Я видѣлъ, какъ мародеры наклонялись надъ солдатами и обшаривали ихъ. Продѣлывали они все это очень быстро и тревожно.

— Wo ist diese officier?—услышалъ я невдалекѣ ихъ шопотъ и весь сжался отъ страха: сейчасъ убьютъ и ограбятъ!..

Торопливо шныряли они среди труповъ, ища меня. Но солдатская шинель, которой накрылъ меня германскій унтеръ-офицеръ, спасла меня. Я притворился мертвымъ и слыхалъ, какъ они быстро шмыгнули мимо...

Затѣмъ все стихло, кромѣ треска пожара, зарево котораго уже захватило полнеба...

— Вашескобродіе, а вашескобродіе! — услыхалъ я опять скулящій голосъ:—Живы-ли вы?.. Испить-бы! Хоть-бы капельку водицы!..

Да, хоть-бы капельку водицы!.. Его томленье о водѣ еще болѣе распаляло мою собственную жажду. Но кто могъ дать намъ пить?..

У меня былъ свистокъ, который знали въ моемъ полку всѣ солдаты. Съ большими усиліями я досталъ его и, пренебрегая тѣмъ, что меня могли услышать враги, поднесъ его къ губамъ. Но къ досадѣ моей, на этотъ свистокъ отозвался лишь тотъ-же раненый солдатъ:

— Вашескобродіе, кто-то свиститъ! Не нашъ-ли кто?.. О, Господи, хоть-бы священникъ былъ, а то какъ-же такъ умереть безъ отпущенія!

Я отвѣтилъ, что свисталъ я. Тогда онъ простоналъ и замолчалъ. Это молчаніе протянулось страшно долго. Уже давно настала ночь. Тускнѣло зарево пожара. На небѣ проступили звѣзды. Становилось все холоднѣе, и зубы мои стучали...

Но вотъ, я услышалъ тихіе шаги; они приближались не сразу, то ближе, то дальше. Я снова свистнулъ и шаги сразу приблизились.

— Ваше высокобродіе, вы?—раздалось надо мной радостное восклицаніе:—Слава тебѣ Господи, живы!..

Это былъ одинъ изъ моихъ лучшихъ солдатъ—Россовъ...

Раненный солдатъ, услыхавъ новый голосъ, опять заскулилъ:

— Братцы, во имя Господа Христа, помогите! Моченьки нѣтъ. Хоть бы глоточекъ водицы!..

— Посмотри, можетъ у кого въ баклажкѣ найдется вода,— сказалъ я Россову.

Тотъ пошелъ искать...

Скосивъ глаза, что-бы посмотрѣть, гдѣ Россовъ, я замѣтилъ, что надъ рѣкой стоялъ туманъ. Между лежавшими темными грудами здѣсь и тамъ трупами кудрявился картофель; туманъ присасывался къ картофельной зелени и оставлялъ на

ней влажный слѣдъ, отчего она казалась въ скудномъ лунномъ свѣтѣ матовой. Только что вставшая луна стояла надъ горизонтомъ круглымъ желтымъ дискомъ, почти безъ блеска; я догадался, что начинало свѣтать. Блѣднѣли звѣзды, становилось все холоднѣе... Пожаръ въ деревнѣ прекратился, но сильно пахло гарью, и я радъ былъ этому, такъ какъ при ѣдкомъ запахѣ гари не такъ ясно чувствовался запахъ крови и мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ.

Изрѣдка я слышалъ шаги Россова, и наконецъ увидѣлъ его самого. Онъ спокойно ходилъ среди труповъ, живой между мертвыми, иногда наклонялся къ нимъ, искалъ воды и отходилъ, очевидно, не найдя. Я потерялъ надежду, что онъ найдетъ что-нибудь. А вода была такъ близко—стоило только подползти къ обильно увлажненнымъ росою кустамъ и облизывать языкомъ ихъ мокрые листья...

Ко мнѣ стала приближаться огромная тѣнь Россова, принимавшая все болѣе и болѣе ясныя формы.

— Нѣту, вашескобродіе!—сказалъ онъ огорченно:—Ни у кого не нашелъ. Хоть бы капля!..

— А ты попробуй собрать въ манерку росу съ картошки!

— И то!—обрадовался онъ. И тотчасъ-же сталъ проворно стряхивать каплю за каплей росу съ листовъ въ жестяную кружку...

Скоро онъ подошелъ ко мнѣ съ манеркой, въ которой набралось росы съ полстакана. Я вспомнилъ о раненомъ, уже переставшемъ скулить, солдатѣ.

— Пойди и дай сначала напиться тому!—сказалъ я Россову.

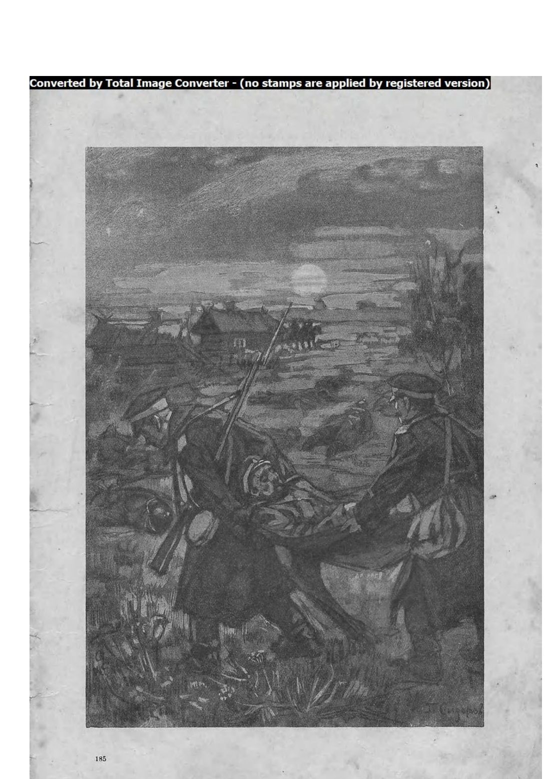
Россовъ послушался, но пошелъ недовольный. Черезъ минуту онъ возвратился огорченный и какъ-бы даже нѣсколько сконфуженный.

— Померъ, бѣдняга,—доложилъ онъ тихо:—Видно, кровью изошелъ, царство ему небесное...

Россовъ сѣлъ передо мною на короточки и поднесъ мнѣ къ губамъ холодную и влажную манерку. Я пилъ, стараясь не стучать зубами о края отъ холода. Пилъ жадно и съ невыразимымъ наслажденіемъ. Даже о томъ, что ногу пекло, забылъ въ это время.

— Не пропаду! — съ увѣренностью сказалъ я себѣ...

И правда, не пропалъ. Россовъ ушелъ и черезъ четверть часа вернулся съ другимъ солдатомъ, тоже огромнаго роста. Они бережно положили меня на шинель и понесли — головой впередъ. Я указывалъ имъ путь, руководствуясь больше догадкой и чутьемъ, чѣмъ настоящимъ знаніемъ пути.

Разсвѣтало все больше и больше. Вдругъ Россовъ весело воскликнулъ:

— Ваше высокобродіе! А вѣдь, это наши казаки!.. Опускай его высокобродіе! — скомандовалъ онъ солдату.

И не успѣлъ я еще понять и увидѣть, гдѣ и что, какъ онъ изо всей силы свистнулъ въ мой свистокъ.

Послышался вдали стукъ копытъ, и черезъ нѣсколько секундъ къ намъ подскакалъ казачій разъѣздъ.

Такъ какъ на лошадь меня взять было нельзя, а о повозкѣ нечего было и думать, то казаки спѣшились, уступили своихъ лошадей Россову и его товарищу, а сами потащили меня на шинелѣ, какъ на носилкахъ, прикрутивъ ее къ двумъ винтовкамъ"...

* * *

Разбитая нашими войсками, германская армія пришла въ сильное разстройство. Сломленный и физически и нравственно стремительнымъ натискомъ войскъ, противникъ сталъ отступать форсированными переходами, причемъ часть германскихъ войскъ отходила подъ защиту крѣпости Кенигсбергъ.

Отступленіе нѣкоторыхъ частей германской арміи носило характеръ бѣгства, такъ какъ дороги, по которымъ они проходили, были усѣяны всякими боевыми припасами. Нѣмецкіе солдаты, стремясь поскорѣе отойти на возможно большее разстояніе отъ наступающей русской арміи, бросали не только имѣющееся на нихъ продовольствіе, но и боевое снаряженіе...

Основной принципъ стратегіи—борьба съ сильнѣйшимъ противникомъ—не позволялъ намъ направить какія-либо части съ галиційскаго театра въ Восточную Пруссію, хотя превосходство сосредоточенныхъ тамъ германскихъ силъ было намъ хорошо извѣстно. Важнѣйшей цѣлью даннаго момента былъ разгромъ двинутыхъ противъ насъ всѣхъ силъ австро-венгерской арміи, и въ сравненіи съ этой грандіозной задачей операціи въ Восточной Пруссіи не могли не имѣть второстепеннаго значенія.

Когда, 28 августа, ясно обнаружился глубокій обходъ лѣваго фланга арміи генерала Ренненкампфа, упорно оборонять

выдвинутое впередъ наше расположеніе на линіи Гердауэнъ-Лабіау представлялось не только опаснымъ, но и безцѣльнымъ, такъ какъ сохраненіе въ нашихъ рукахъ сѣверной полосы Восточной Пруссіи, при обратномъ занятіи германскими войсками южной части этой провинціи, не давало никакихъ выгодъ въ стратегическомъ отношеніи.

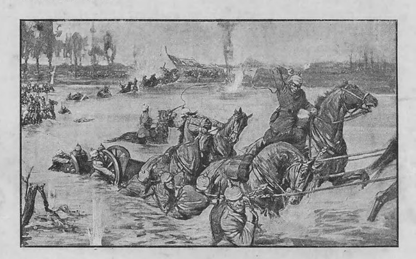
29-го августа, съ цѣлью пріостановить наступленіе противника, наши войска на нѣкоторыхъ участкахъ перешли къ активнымъ дѣйствіямъ. Германскія силы, продвинувшіяся къ району Мышинца и Хоржеле, вблизи границы Плоцкой и Ломжинской губерній, были отброшены съ большими потерями. Однако, предпринятыя нашими войсками активныя дѣйствія, какъ говорится въ сообщеніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго, выяснили, что численность наступавшихъ германскихъ войскъ была значительной. Противъ охватывающаго праваго плеча нѣмцевъ были высланы боковые авангарды, которые сдержали пытавшихся зажать нашъ лѣвый флангъ нѣмцевъ. Авангардамъ этимъ пришлось вести, несомнѣнно, очень тяжелые бои на линіи группы высотъ, находящихся къ востоку отъ Мазурскихъ озеръ, такъ называемыхъ, „Высотъ Зеескенъ“. Но, несмотря на это, наши доблестные боковые авангарды сдерживали непріятельскій натискъ до тѣхъ поръ, пока войска генерала Ренненкампфа не вышли изъ охватывающей ихъ дуги нѣмцевъ.

1-го сентября эти бои кончились, при чемъ нѣмцамъ были причинены очень большія потери, а наши войска были выведены изъ труднаго положенія. Сообщеніе штаба указываетъ, что наши войска были выведены въ полномъ составѣ. Это обстоятельство является весьма важнымъ, такъ какъ показываетъ, что нѣмцамъ, не взирая на ихъ громадное численное превосходство и на охватъ, поставившій наши войска въ трудное положеніе—не удалось оторвать ни одной части нашихъ войскъ.

* * *

Отступленіе нашихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи началось, собственно, съ 28 августа съ 12 часовъ дня, по направленію къ сѣверу. Для прикрытія отступленія двинулись наши стрѣлки отъ Граева, расположеннаго на границѣ Восточной Пруссіи въ предѣлахъ нашей Сувалкской губерніи, на Бялу и Іоганесбургъ, уже разъ взятые нами и снова оказавшіеся въ рукахъ германцевъ.

По нѣкоторымъ даннымъ, въ этомъ районѣ должны были находиться значительныя силы нѣмцевъ, собиравшихся выполнить какой-то сложный планъ. Подходя къ Бялѣ, стрѣлки наши имѣли возможность убѣдиться въ справедливости этихъ данныхъ. У Бялы собрались большія силы германцевъ, подкрѣпленныя артиллеріей, располагавшей такимъ запасомъ снарядовъ, при которомъ можно было не жалѣть ихъ даже для стрѣльбы по отдѣльнымъ людямъ, что германцы и продѣлывали все время, паля изъ пушекъ по небольшимъ русскимъ дозорамъ и заставамъ, выдвигавшимся далеко впередъ отъ главныхъ силъ.

Чѣмъ ближе подходили русскіе къ Бялѣ—тѣмъ сильнѣе развивалась дѣятельность германской артиллеріи. Шрапнель буквально засыпала стрѣлковъ, снаряды падали и справа, и слѣва, и сзади, вырывая жертвы изъ обозной прислуги и разрушая фургоны „Краснаго Креста". Было убито двое врачей...

Бой подъ Бялой длился съ ранняго утра до поздняго вечера. Германцы, засѣвшіе въ окопахъ, окружавшихъ городъ со всѣхъ сторонъ, были несклонны къ сдачѣ, и только жестокая атака русскихъ выбила ихъ изъ позицій.

Взявъ линію передовыхъ укрѣпленій, наши войска ворвались въ городъ, тѣсня отступавшихъ германцевъ. Бой продолжался и на улицахъ и въ домахъ. Каменные дома съ изгородями, густо повитые колючей проволокой, окруженные глу-

бокими канавами, сами по себѣ представляли серьезныя укрѣпленія. Ихъ приходилось одолѣвать съ жестокаго боя.

Выгнавъ германцевъ изъ Бялы и нѣсколько передохнувъ, наши войска ночью двинулись по направленію къ Іоганесбургу, гоня отступавшаго врага. Германцы отступали стремительной лавиной. Нѣкоторое время обстрѣливала наши войска ихъ полевая артиллерія, но затѣмъ и ей пришлось замолчать. Огонь нашихъ небольшихъ батарей оказался дѣйствительнѣе. Стремительность отступленія нѣмцевъ была такъ велика, что они, не разсчитавъ совершенно нашихъ силъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, не только не заботились объ удержаніи за собой позицій Іоганесбурга, но даже начали переходъ черезъ іоганесбургскую рѣчку, топя людей и орудія.

Передовые наши разъѣзды, пользуясь паникой непріятеля, произвели успѣшную развѣдку, выяснившую, что у Мазурскихъ озеръ въ изслѣдуемомъ пунктѣ находится, по крайней мѣрѣ, полтора корпуса германскихъ войскъ... Такимъ образомъ, задача, возложенная на стрѣлковъ, ими была выполнена: они не только установили количество германскихъ силъ, но и выяснили глубокое обходное движеніе, и, пользуясь наступившей ночью, стрѣлки начали отступать. Но на другой день, у Бялы, къ которой они отошли, снова разыгрался бой—самый серьезный за всѣ эти дни. Съ фронта наступали на наши войска большія колонны германцевъ, шедшія отъ Іоганесбурга, другія колонны обошли стрѣлковъ съ праваго фланга, и нужны были нечеловѣческія усилія и стойкость нашихъ сѣрыхъ героевъ, чтобы вырваться изъ этихъ тисковъ!..

Германцы понесли здѣсь серьезный уронъ: прекращая время отъ времени стрѣльбу и подпуская германцевъ шаговъ на восемь, стрѣлки или разстрѣливали ихъ изъ ружей или принимали на штыки.

Оттѣснивъ, наконецъ, нѣмцевъ, стрѣлки благополучно отошли, понеся сравнительно небольшія потери. Освѣдомленная ими о положеніи дѣлъ армія Ренненкампфа, во время успѣла отойти и заняла, какъ извѣстно, новыя надежныя позиціи... Обходное движеніе германцевъ не удалось!..

Отходъ арміи генерала Ренненкампфа изъ Восточной Пруссіи, произведенный подъ напоромъ во много разъ сильнѣйшаго врага, прошелъ въ полномъ порядкѣ и вполнѣ благополучно, если не считать звѣрскихъ выходокъ „мирнаго населенія“. Подъ внѣшней личиной симпатій къ русскимъ нѣмцы, однако, скрывали явную враждебность и жестокость, которыя особенно сильно проявились во время нашего отступленія.

Обыватели Гумбинена и въ особенности Инстербурга, при выходѣ нашихъ войскъ, неоднократно открывали по нимъ стрѣльбу. Стрѣляли изъ оконъ, съ крышъ, съ деревьевъ и т. д. Нѣмцы сразу почувствовали, что къ нимъ идетъ сильная армія, и отношеніе ихъ къ русскимъ рѣзко измѣнилось. Это приходилось констатировать почти на каждомъ шагу. Они не останавливались даже предъ порчей питьевой воды, и на всемъ пути отъ Инстербурга до русской границы наши войска не

могли найт· воды, годной для питья: всѣ колодцы и озера были отравлены. Помимо того, въ озера была сгружена огромная масса всякой падали, разлагающіяся лошади, скотъ, отбросы и пр. Загрязненіе озеръ производилось искусственно для того, чтобы русскіе не могли пользоваться ими.

Вслѣдствіе этого одно время у нашихъ войскъ ощущался сильный недостатокъ въ водѣ. Но, къ счастью, вскорѣ разразились сильные ливни, продолжавшіеся нѣсколько сутокъ подрядъ, и недостатокъ въ водѣ прекратился. Кромѣ того, большимъ облегченіемъ для нашихъ солдатъ были роскошные сады

Восточной Пруссіи. Великолѣпные фрукты шли въ пищу солдатамъ, ими-же часто утолялась и жажда.

Отходъ подъ натискомъ германскихъ войскъ шелъ усиленнымъ темпомъ, и тутъ наша армія снова показала себя на недосягаемой высотѣ.

Итти полемъ было совершенно невозможно: германцы, предвидя вторженіе нашихъ войскъ въ свои предѣлы, заранѣе приготовились. Они изрыли всѣ свои поля и луга глубокими продольными и поперечными канавами. Черезъ каждыя 50 саженей тянулась канава, наполненная водой; перебраться черезъ нее не представлялось возможнымъ, такъ какъ на ея днѣ были устроены проволочныя загражденія, воткнуты острые колья, стальныя копья и пр. Вся мѣстность, по которой приходилось двигаться нашей арміи, такимъ образомъ, представляла собой шахматную доску, причемъ границами квадратовъ были искусственныя загражденія. Естественно, что единственнымъ путемъ отступленія было шоссе, но тутъ нашимъ войскамъ большія непріятности причиняла германская артиллерія. Еще задолго до войны германцы напрактиковались въ артиллерійской стрѣльбѣ по шоссе, единственномъ пути наступленія и отступленія. И при обратномъ движеніи нашихъ войскъ всѣ усилія германцевъ были направлены исключительно къ обстрѣлу шоссе, по которому шли наши войска.

Открытыхъ нападеній на армію они не рѣшались производить, и лишь на третьи сутки нашего отступленія завязался бой, въ которомъ германцы выдвинули противъ насъ опять-таки свою тяжелую артиллерію. Наша армія приняла бой и, съ большимъ успѣхомъ отразивъ всѣ нападенія германцевъ, снова двинулась въ путь.

Безпрерывный дождь, продолжавшійся чуть ли не пять сутокъ, конечно, сильно утомилъ наши войска. Солдатамъ и офицерамъ нельзя было хотя бы нѣсколько пообсохнуть, нельзя было скрыться въ палатки, развести костеръ. Особенно тяжело пришлось пѣхотѣ, которая, однако, съ честью вышла изъ всѣхъ этихъ испытаній. Всѣ лишенія были перенесены ею съ полной стойкостью и поразительной выносливостью.

Этому много способствовало то обстоятельство, что весь командный составъ, начиная отъ командующаго арміей, дѣлилъ съ войсками всѣ тяготы отступленія и своимъ примѣромъ вливалъ въ нихъ новую энергію.

Болѣе или менѣе легко раненые сами шли, не покидая рядовъ войскъ. Солдаты прекрасно знали о варварскихъ звѣр-

ствахъ германцевъ по отношенію къ плѣннымъ, и потому ни у кого не могла даже зародиться мысль подъ тѣмъ или инымъ видомъ отстать отъ своихъ.

— Лучше сами покончимъ съ собой, чѣмъ попадемъ въ руки нѣмцевъ! — говорили солдаты.

Эти слова не были пустымъ звукомъ. Солдаты безусловно предпочитали смерть сдачѣ въ плѣнъ. Къ тому же, наши войска прекрасно знали, что нѣмцы очень часто добиваютъ раненыхъ. Мало того, нашимъ солдатамъ приходилось наблюдать, какъ нѣмцы пристрѣливали и своихъ тяжело раненыхъ, не желая брать ихъ въ госпитали. Они предпочитали, со свойственной имъ бездушной жестокостью брать въ госпитали лишь легко раненыхъ, которые могли бы скоро выздоровѣть и вновь вступить въ ряды войскъ. По-нѣмецки это называется — „практичностью"... Не менѣе замѣчательна и ихъ необычайная „изобрѣтательность".

Въ Гумбиненѣ, во время нашей стоянки, въ домѣ полицейскаго комиссара помѣстился одинъ русскій офицеръ. Ночью офицеръ спокойно улегся въ кровать скрывшагося изъ Гумбинена комиссара, а утромъ онъ былъ найденъ мертвымъ.

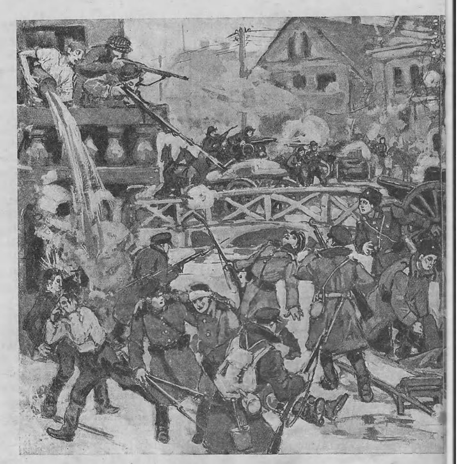
При осмотрѣ его врачами оказалось, что офицеръ отравленъ какими-то ѣдкими газами. Хозяинъ дома, передъ тѣмъ какъ скрыться, насыпалъ въ постель и подъ подушку какого то порошку, вдыханіе котораго явилось смертельнымъ.

Такихъ случаевъ было нѣсколько, вслѣдствіе чего наши офицеры стали предпочитать спать въ палаткахъ, чѣмъ въ домахъ нѣмцевъ.

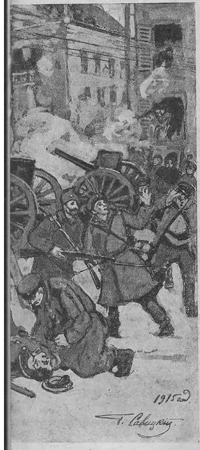
Вообще о вѣроломствѣ „мирнаго" нѣмецкаго населенія и говорить не приходится.

„При отступленіи нашихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи,— разсказываетъ одинъ офицеръ:—фактически намъ не столько приносили вредъ осаждавшая насъ германская армія и ея передвижная на бронированныхъ автомобиляхъ артиллерія, сколько, такъ называемые, „мирные" жители. Сознавая свою безнаказанность, они уже не стѣснялись въ средствахъ. Приходилось бороться на два фронта. Особенно въ послѣдніе дни начали казаться подозрительными участившіяся въ городахъ ярмарки, при чемъ пріѣзжавшіе въ городъ крестьяне-мужчины въ большинствѣ случаевъ оставались тамъ и по окончаніи ярмарки. Такъ было и въ Тильзитѣ, гдѣ нѣмцы, кажется, побили рекордъ вѣроломства.

Нашъ гарнизонъ въ Тильзитѣ состоялъ изъ 5.000 солдатъ. Комендантомъ города былъ въ высшей степени корректный и

справедливый человѣкъ и военачальникъ. Жители встрѣтили его съ цвѣтами въ рукахъ, и генералъ, конечно, отвѣтилъ имъ чисто русской добротою и гуманностью. Нѣкоторое время жизнь въ Тильзитѣ протекала мирно. Наканунѣ же кровавой ночи, нѣмцы попросили у генерала разрѣшить имъ устроить 29 августа ярмарку. Генералъ разрѣшилъ. Незадолго до этого былъ пущенъ слухъ, что въ 10 мѣстныхъ фабрикахъ рабочіе намѣрены приступить къ работамъ, и въ роковой для нашего тильзитскаго гарнизона день, пятницу 29 августа, утромъ на 200 крестьянскихъ подводахъ подъѣхало къ городу множество мужчинъ-нѣмцевъ, якобы рабочихъ для фабрикъ. Наша застава

отказалась, было, пропустить ихъ въ городъ, но потомъ, по распоряженію начальства, эти „мирные" жители были впущены. Предполагалось, на всякій случай, произвести обыски съ цѣлью обнаруженія у нихъ оружія, но изъ деликатности побѣдителей отложили это. Все же къ вечеру этого дня, въ виду донесеній, что въ ближайшія къ городу усадьбы свозится много оружія, для обслѣдованія этихъ усадебъ были пущены патрули. Въ 18 верстахъ отъ города, по дорогѣ къ морю, нашъ отрядъ встрѣтилъ подходящія къ городу передовыя части непріятеля. Послѣ перестрѣлки, ввиду значительности непріятельскихъ силъ, нашъ отрядъ отступилъ обратно въ городъ, — и тогда было отдано распоряженіе, произвести обыски у жителей.

Былъ уже вечеръ. По всѣмъ улицамъ и перекресткамъ Тильзита потянулись обозы съ провизіей и товаромъ, якобы для продажи на ярмаркѣ. Никто не подозрѣвалъ, что подъ провизіей были спрятаны пулеметы. Не успѣли наши патрули приступить къ обыскамъ, какъ изъ окна одного дома, выходившаго на мостъ, у котораго была расположена наша артиллерія, выстрѣломъ, какъ потомъ оказалось переодѣтаго въ женское платье германскаго солдата, былъ убитъ нашъ часовой артиллеристъ.

Это было своего рода сигналомъ, послѣ котораго нѣмцы открыли пальбу по нашимъ войскамъ изъ пулеметовъ. Женщины и дѣти обливали нашихъ солдатъ кипяткомъ, другія стрѣляли съ балконовъ или бросали камнями. Всѣ жители Тильзита, и старъ и младъ, высыпали на улицы, чтобы совершить свое вѣроломное дѣло... Нашимъ войскамъ пришлось пожалѣть, что они повѣрили нѣмецкой „встрѣчѣ съ цвѣтами" и такъ поздно взялись за оружіе.

Жители Нейденбурга не лучше отблагодарили русскія войска за ихъ человѣчное къ нимъ отношеніе. Въ Нейденбургѣ доста-

влены были въ повозкахъ изъ передовыхъ отрядовъ наши раненые. Прибыли вечеромъ, переночевали въ предмѣстьѣ, все шло благополучно; большинство жителей были на своихъ мѣстахъ и казались дѣйствительно „мирными“. Наши никому никакого зла не дѣлали и за все платили звонкой монетой. Но, вотъ, утромъ былъ отданъ приказъ выступить изъ города и вывезти раненыхъ; и когда по узкимъ улицамъ потянулись двуколки и фургоны,—внезапно изъ большинства оконъ и дверей началась стрѣльба. Это „мирные“ жители города изъ неизвѣстно откуда появившихся ружей и револьверовъ разстрѣливали беззащитныхъ и потому не страшныхъ для нихъ раненыхъ солдатъ, пользуясь тѣмъ, что выступившія уже войска не могли имъ придти на помощь. Многіе умышленно стрѣляли въ лошадей, чтобы раненыя животныя опрокидывали повозки и падали, загромождая этимъ улицы. Но наши врачи и санитары,—это кость отъ кости и плоть отъ плоти нашей доблестной всепобѣждающей арміи: несмотря на пальбу изъ оконъ и изъ-за угловъ, они вывезли и вынесли изъ города всѣхъ своихъ раненыхъ...

* * *

Съ 24 августа до 2 сентября наши войска выдержали безпрерывный шестидневный бой. Наша первая армія занимала фронтъ противъ Кенигсберга и упиралась своимъ лѣвымъ флангомъ на Мазурскія озера, занимая здѣсь очень хорошія позиціи.

Прикрываясь крѣпостью Летценъ, нѣмцы стремительно обрушились превосходными силами на нашъ лѣвый флангъ у Мазурскихъ озеръ и одновременно стали обходить его. Благодаря своей сѣти желѣзныхъ дорогъ, они всегда въ рѣшительную минуту превосходили насъ силами, а главное—тяжелой артиллеріей, которую они перевозили по своимъ великолѣпнымъ шоссейнымъ дорогамъ на грузовыхъ автомобиляхъ. 27 августа они произвели самый рѣшительный ударъ на нашъ лѣвый флангъ. Въ этотъ день палъ геройскою смертью генералъ Дружининъ. Вотъ какъ объ этомъ печальномъ событіи разсказываетъ очевидецъ—кавалерійскій офицеръ: „Нашей дивизіи была дана задача, — въ случаѣ прорыва нашей линіи, — въ критическую минуту атакой спасти общее положеніе, то-есть, приблизительно то, что такъ блестяще выполнили кавалергарды подъ Аустерлицемъ.

Для извѣщенія о положеніи я былъ посланъ на нашъ лѣвый флангъ, который занимала бригада генерала Дружинина. На этотъ участокъ нѣмцы сосредоточили главный ударъ, направивъ сюда бѣшеный огонь своей артиллеріи, въ особен-

ности тяжелой. Когда я подъѣхалъ со своими драгунами, въ числѣ трехъ человѣкъ, къ бригадѣ, генералъ Дружининъ былъ на наблюдательномъ пунктѣ, и бой все болѣе разгорался. Я отправился туда, пробираясь по окопамъ.

Генералъ производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе: участникъ русско-японской войны, получившій золотое оружіе, онъ отличался личнымъ безстрашіемъ и точно не замѣчалъ проносившихся надъ нимъ пуль и орудійныхъ снарядовъ.

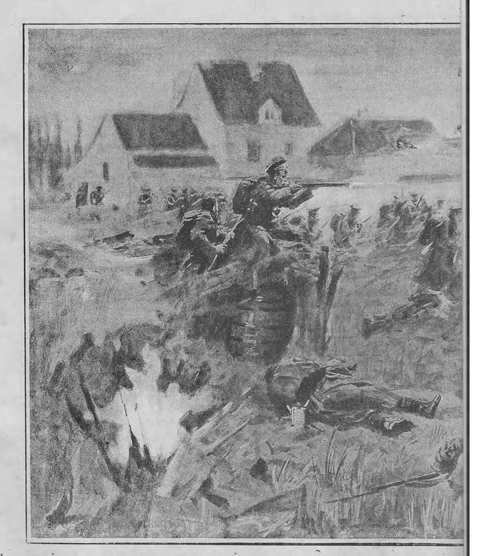
Недалеко отъ мѣста сраженія,—говоритъ офицеръ,—я въ бинокль различилъ нѣсколько штатскихъ, прогуливавшихся по берегу озера. Мнѣ это показалось страннымъ, и я доложилъ объ этомъ генералу. Тотъ послалъ схватить ихъ и привести. Но въ это время снаряды, которые раньше были направлены противъ нашей артиллеріи, стали ложиться около наблюдательнаго пункта. Тогда намъ сразу стала ясна роль прогуливавшихся у озера штатскихъ, которые, очевидно, корректировали стрѣльбу нѣмецкой артиллеріи...

Все ближе и ближе разрывалась шрапнель. Генерала уговаривали уйти съ этого пункта, но Дружининъ сказалъ, что отходъ штаба можетъ произвести скверное впечатлѣніе на солдатъ, и остался.

Прошло еще немного времени, и нѣмцы сосредоточили весь огонь своей артиллеріи на этомъ пунктѣ; здѣсь уже стали ложиться снаряды тяжелой артиллеріи, разрывавшіеся съ страшнымъ шумомъ и обдававшіе чернымъ дымомъ все окружавшее насъ пространство. Тогда генералъ приказалъ отсюда отходить,—и мы поползли по ходу сообщенія: впереди генералъ, за нимъ два полковника, я и нѣсколько телефонистовъ. Уже мы приближались къ выходу, какъ вдругъ снарядъ разорвался надъ нами. Меня прижало и засыпало землей. Нѣкоторое время ѣдкій черный дымъ не позволялъ ничего видѣть. Когда же онъ разсѣялся, передо мной лежало тѣло полковника. Этимъ же снарядомъ былъ убитъ и генералъ Дружининъ, такъ храбро и самоотверженно остававшійся на посту до послѣдней минуты...

Въ дальнѣйшемъ нѣмцы стали засыпать снарядами нашу позицію по площадямъ и нѣсколько разъ, подъ прикрытіемъ своей артиллеріи, переходили въ атаку.

Здѣсь нельзя не отмѣтить геройскаго дѣйствія нашей батареи, находившейся подъ командой капитана Бояновскаго. Эта батарея, имѣя дѣло съ противникомъ, въ четыре раза превосходившимъ ее числомъ орудій и калибромъ, держала все время, несмотря на убійственный огонь, направленный противъ нея, нѣмецкія цѣпи въ желѣзныхъ рукавицахъ. Нѣмцы,

направивъ адскій огонь на нашу батарею, начинали наступленіе густыми цѣпями изъ лѣса; но какъ только они проходили нѣкоторое пространство—какъ, вся окутанная дымомъ, батарея Бояновскаго давала залпъ и, словно метлой, сметала нѣмецкія цѣпи. Такъ до самаго вечера нѣмцы, несмотря на все свое пре-

восходство, ничего не могли сдѣлать съ этой батареей. Къ вечеру бой затихъ, при чемъ наши войска удержали всѣ свои позиціи, и только, ввиду обхода, бригадѣ было приказано отступить"...

Между тѣмъ, другія наши части, прикрывая отступленіе главныхъ нашихъ силъ, сражались съ нѣмцами подъ Іоганес-

бургомъ. Вотъ какъ описываетъ это сраженіе одинъ изъ участниковъ ея:

„Разыгравшаяся здѣсь битва была продолжительной и ожесточенной. Пришлось противостоять значительно превосходившимъ численно силамъ непріятеля. Въ то время, какъ со стороны германцевъ участвовали въ бою четыре батареи— у насъ сначала совсѣмъ не было артиллеріи. Лишь къ полудню подоспѣла полубатарея, и тутъ снова обнаружилось превосходство нашей артиллеріи. Втеченіе всего дня наша полубатарея съ успѣхомъ сдерживала натискъ четырехъ непріятельскихъ батарей и даже подбила нѣсколько ихъ пушекъ.

Во все время боя надъ нашей цѣпью кружились въ разныхъ направленіяхъ непріятельскіе аэропланы и усиливали артиллерійскій огонь бомбометаніемъ. Однако, бросаніе бомбъ съ аэроплана имѣло лишь моральное значеніе и то только вначалѣ. Разрывная сила бомбъ была очень велика. Падая, они вырывали огромную воронку въ землѣ. Однако, губительная сила ихъ оказалась ничтожной, потому что летчики не попадали въ цѣль. Такъ, изъ четырехъ бомбъ, упавшихъ въ одномъ районѣ, ни одна не причинила никакого вреда.

Отступая наши войска вошли въ Іоганесбургъ. Но тутъ ихъ осыпали пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ изъ всѣхъ домовъ, въ которыхъ оказались засады регулярныхъ войскъ, ландштурмистовъ и мирныхъ жителей. Благодаря недостатку одежды и вооруженія, ландштурмисты были одѣты въ свое платье и вооружены чѣмъ попало—ружьями стараго образца, охотничьими ружьями, собственными браунингами и пр.

Наши выступили изъ города и подвергли его бомбардировкѣ“...

* * *

Бои шли по всему фронту. Яростно наступавшій противникъ, значительно превосходилъ насъ силами и все-же получалъ вездѣ энергичный отпоръ. Подъ Инстербургомъ сраженіе продолжалось два дня. Участвовавшій въ этомъ бою офицеръ такъ разсказываетъ о немъ:

„Нашъ батальонъ шелъ въ головномъ отрядѣ. До трехъ часовъ дня шли благополучно въ колоннѣ по отдѣленіямъ, когда натолкнулись на горящую деревню, изъ которой посыпались выстрѣлы. Сначала мы не поняли въ чемъ дѣло; думали, что это взрываются патроны, которые нѣмцы держали во всѣхъ пограничныхъ деревняхъ. Но вотъ, нѣсколько людей упало. Разсыпали людей въ цѣпь, и завязалась перестрѣлка, которая тя-

нулась до вечерней темноты, въ результатѣ которой мы выбили нѣмцевъ изъ деревни и значительно продвинулись впередъ. Наступила ночь. Было страшно холодно, шелъ дождь. Мы заняли какія-то сопки, на которыхъ съ утра должны были окопаться. Отъ холода мы всю ночь не спали. Съ разсвѣтомъ стали рыть окопы, но получили приказаніе итти дальше — и тотчасъ же двинулись. И только мы успѣли отойти на небольшое разстояніе, какъ нѣмцы открыли по нашимъ окопамъ убійственный огонь...

Но вотъ, мы увидѣли впереди себя нѣмцевъ. Мнѣ было поручено занять небольшую глинистую сопку. Занявъ ее, я открылъ стрѣльбу,—и тутъ начался какой то адъ. Рядомъ со мной была такая же глинистая сопка, и на ней находилась третья рота. Нѣмцы стали засыпать насъ шрапнелью; тогда я присоединилъ третью роту къ себѣ, и мы вмѣстѣ стали отстрѣливаться. Четыре часа мы были подъ адскимъ огнемъ; потомъ нѣмцы сдѣлали небольшой перерывъ, и намъ удалось подъ прикрытіемъ нашего пулемета занять впереди лежащія сопки и продвинуться шаговъ на сто къ лѣсу, гдѣ скрывались германцы.

Нѣмецкая артиллерія стала нащупывать нашъ пулеметъ, но подбить его ей такъ и не удалось. Тогда нѣмцы густой толпой побѣжали изъ лѣса, и нашъ пулеметъ на открытомъ полѣ косилъ ихъ безпощадно.

Я лощинкой обошелъ лѣсъ и соединился со второй ротой. Передъ нами была роща, которую мы должны были атаковать. Мы лежали за большой насыпью, и тутъ стали выходить изъ лѣса нѣмецкіе солдаты и сдаваться намъ... Бой нѣсколько стихъ. Пріѣхалъ командиръ полка, чтобы отдать дальнѣйшія распоряженія. Нѣкоторыя части наши уже входили въ городъ,— когда мы получили приказъ отступать.

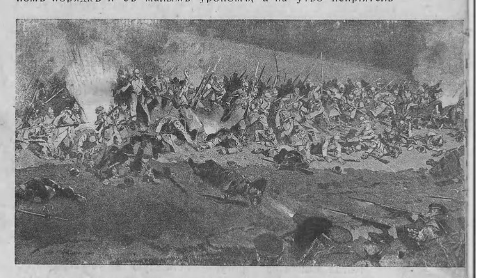
Когда вышли на дорогу, пролегавшую какъ на ладони передъ городомъ—нѣмцы опять стали осыпать насъ шрапнелью. Но, не разсчитавъ нашего движенія, они скоро перенесли огонь впередъ по дорогѣ, что дало намъ возможность уйти благополучно. Вернулись мы къ мѣсту нашей стоянки въ 3 часа ночи и тамъ узнали, что приказъ о нашемъ отступленіи былъ посланъ еще въ 6-мъ часу утра, а мы получили его въ 8 часовъ вечера"...

Другой офицеръ разсказываетъ, какъ его полкъ, прикрывая отступленіе нашихъ войскъ отъ Инстербурга, бился съ цѣлымъ нѣмецкимъ корпусомъ:

„Нашимъ войскамъ былъ данъ приказъ отходить, а мы, какъ свѣжія силы, выдвинулись впередъ для прикрытія отхода. Когда всѣ наши войска отошли—на позиціяхъ остался только

нашъ полкъ. Построили мы траншеи и залегли въ растянутую цѣпь. Какъ нѣмцы ни развѣдывали, а настоящей численности нашей не узнали и боялись перейти въ открытое наступленіе, ограничиваясь исключительно артиллерійскимъ огнемъ. Наши батареи отвѣчали рѣдко, но уже навѣрняка, нащупавъ непріятеля.

Подъ огнемъ мы пробыли около двухъ сутокъ; непріятель подошелъ къ намъ на нѣсколько сотъ шаговъ. Ночью вторыхъ сутокъ началъ отходить и нашъ полкъ, только моя рота, по приказу ротнаго, оставалась въ окопахъ и продолжала отстрѣливаться отъ насѣдавшихъ нѣмцевъ. Полкъ отошелъ въ полномъ порядкѣ и съ малымъ урономъ, а на утро непріятель

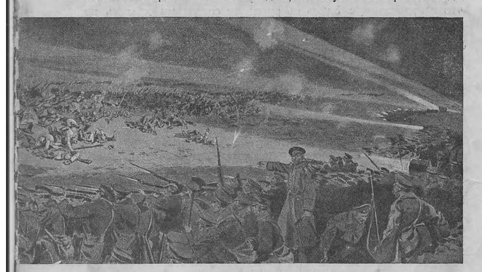
придвинулся къ намъ меньше, чѣмъ на двѣсти шаговъ. Мы не прекращали стрѣльбу, хотя и были всѣ переранены. Скоро, однако, пришло время, когда мы уже не могли сопротивляться, и нѣмцы заняли наши окопы. Къ намъ они отнеслись, противъ обыкновенія, хорошо,—всѣхъ перевязали, накормили, а въ плѣнъ не взяли. Тяжело раненые просили отправить ихъ въ госпиталь, но нѣмцы отказались, объяснивъ по-польски, что „своихъ довольно, дѣвать некуда“ и обѣщали сообщить о насъ нашимъ...

Спустя сутки насъ подобрали свои“.

Начавшееся еще 27-го августа упорное наступленіе нѣмцевъ со стороны Гумбинена и Сталлупенена понудило часть нашихъ войскъ отойти въ предѣлы Ковенской и Сувалкской

губерній, гдѣ, по заранѣе выработанному стратегическому плану, мы заняли соотвѣтствующія позиціи. Во время этого отхода наши войска проявили огромное мужество и находчивость. Дни и ночи выдерживая яростныя атаки германцевъ, подъ непрерывнымъ, проливнымъ дождемъ пуль и снарядовъ, они находили въ себѣ еще достаточно силъ для отвѣтныхъ контръ-атакъ, нерѣдко наносившихъ непріятелю страшный уронъ и парализовавшихъ на продолжительное время его активныя выступленія.

Особенно упорную и жестокую борьбу при отступленіи приходилось вести нашимъ войскамъ съ блиндированными автомобилями противника. Послѣдніе, пользуясь быстротой хода

и великолѣпно оборудованной системой шоссейныхъ дорогъ, нерѣдко покрывали за ночь огромныя дистанціи, пройденныя нами за день и то-и-дѣло показывались на нашихъ флангахъ и въ тылу, подвергая наши колонны сильному обстрѣлу. Отступать при такихъ обстоятельствахъ приходилось съ крайней осторожностью.

Одинъ изъ крупныхъ боевъ этого періода разыгрался подъ Норденбургомъ.

26-го августа подъ прикрытіемъ своей легкой артиллеріи и 6-дюймовыхъ гаубицъ нѣмецкая пѣхота бросилась на передовыя линіи русскихъ войскъ. Огонь нашей артиллеріи и пулеметовъ быстро смелъ наступавшіе непріятельскіе ряды. Однако,

понесенныя нѣмцами большія потери наступленія ихъ не остановили; нѣмецкія атаки продолжались безпрерывно.

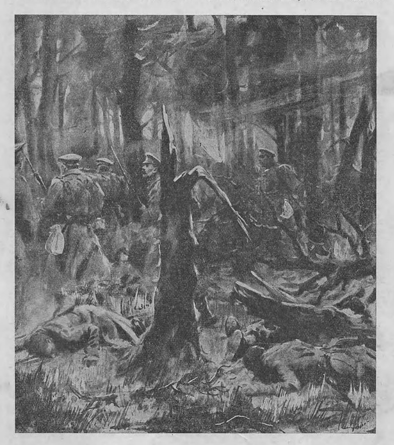
Съ особенной яростью онѣ были направлены на деревушку Биркенфельдъ, гдѣ окопались наши части. Здѣсь нѣмцы сдѣлали отчаянныя попытки прорваться черезъ центръ нашей арміи. Однако, имъ это не удалось. Наша артиллерія въ этомъ мѣстѣ блестяще отразила стремительный натискъ нѣмцевъ. Картина боя здѣсь, по разсказамъ очевидцевъ, была ужасна. Залпы нашей артиллеріи сметали буквально цѣлые нѣмецкіе полки. Въ близъ лежащей къ Биркенфельду деревушкѣ Даркеменъ, находившейся въ центрѣ нашихъ войскъ, творилось нѣчто невообразимое. Здѣсь съ русскими солдатами дрались не только нѣмецкія войска, но и населеніе деревни, включая молодыхъ женщинъ и двѣнадцатилѣтнихъ подростковъ, стрѣлявшихъ по нашимъ войскамъ изъ оконъ домовъ, съ крышъ амбаровъ, изъ подваловъ. Населеніе вооружено было винтовками военнаго образца и маузерами. Находившимся здѣсь нашимъ солдатамъ приходилось отстрѣливаться на два фронта...

Кровопролитнѣйшій бой подъ Норденбургомъ продолжался до вечера 27 августа. Нѣмцы, отчаявшись прорвать центръ арміи генерала Ренненкампфа съ юга, снова предприняли глубокій обходъ лѣваго фланга. Вслѣдствіе этого нашимъ войскамъ, несмотря на то, что бѣшеныя атаки германцевъ на Норденбургъ были блестяще отражены и поля сраженія были усѣяны германскими трупами, все-же, чтобы избѣжать охвата, пришлось отступить къ Маріамполю.

31-го августа снова завязался бой—уже подъ Маріамполемъ. Расположившіяся правѣе этого городка на отдыхъ наши войска рано утромъ получили извѣстіе о томъ, что германцы наступаютъ на насъ превосходными силами. Тотчасъ же, не дожидаясь атаки противника, былъ отданъ приказъ о выступленіи. Идти пришлось по ровному полю. Къ счастью, непріятельскія колонны еще не успѣли занять расположенный на невысокомъ холмѣ лѣсъ. Только что подошли наши стрѣлковыя передовыя цѣпи къ опушкѣ лѣса, какъ послѣдній сталъ буквально засыпаться орудійными снарядами противника. То-и-дѣло подъ страшными ударами снарядовъ, какъ подкошенныя, падали огромныя деревья, выламывая молодую поросль, разбрасывая кругомъ сорванныя вѣтви и щепы...

Въ то время, какъ нашъ путь, казалось, приходилъ къ концу, на противоположной опушкѣ лѣса показались густыя колонны германцевъ, которыя открыли жесточайшій ружейный

и пулеметный огонь съ близкой дистанціи. Не взирая на это, съ грознымъ „ура", наши сѣрые герои кинулись въ атаку. Не выдержавшіе штыкового удара, нѣмцы стремительно отступили и заняли невысокій, поросшій кустарниками, гребень позади

лѣса. Видно было, какъ не ожидавшіе такой быстрой контръ-атаки и не предполагавшіе возможности нашего наступленія, германцы старались соорудить подъ нашимъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ прикрытія.

Ввиду явнаго превосходства силъ противника атаковать тотчасъ-же гребень не представлялось возможнымъ. Былъ отданъ приказъ рыть окопы. Въ то же время наши передовыя

цѣпи и пулеметныя команды, пользуясь малѣйшимъ прикрытіемъ, старались подойти къ непріятелю на близкую дистанцію. Несмотря на возобновившійся съ ужасающей силой пулеметный огонь противника, маневръ этотъ намъ удался. Было уже около четырехъ часовъ дня, когда подобравшіеся къ непріятелю на дистанцію въ 600 шаговъ наши пулеметы открыли убійственный огонь, сметавшій въ нѣсколько минутъ цѣлыя цѣпи германцевъ. Нѣсколько разъ нѣмцы, не выдерживая этого бѣглаго, смертоноснаго пулеметнаго огня, пытались перейти въ контръ-атаку, но не дойдя 100—150 шаговъ до нашихъ передовыхъ цѣпей, отступали въ безпорядкѣ обратно, бросая оружіе.

Къ десяти часамъ вечера орудійный и пулеметный огонь сталъ стихать. Пользуясь этимъ, наши колонны рѣшили предпринять фронтальную атаку. Снова загремѣло мощное „ура", снова затрещали ружья и пулеметы и загрохотали пушки. Въ то же время лѣвое крыло нѣмцевъ дрогнуло подъ натискомъ обошедшей его нашей колонны. Началось паническое бѣгство непріятеля. Въ перерывахъ смолкавшихъ на мгновеніе выстрѣловъ слышно было, какъ гремѣли увозимыя во весь опоръ нѣмецкія орудія и зарядные ящики.

Бой закончился глубокой ночью. Склоны занятаго германцами гребня сплошь были усѣяны ихъ трупами. Какъ потомъ выяснилось, замѣтивъ въ серединѣ дня неудачу своего наступленія съ лѣвой стороны Маріамполя, германцы пытались охватить послѣдній съ правой стороны—но и тутъ потерпѣли полнѣйшее фіаско...

Не менѣе жестокій бой разыгрался и подъ Гольдапомъ — наиболѣе важной позиціи для той стратегической операціи, которую наши войска въ данный моментъ выполняли.

Здѣсь наступленіе германцевъ велось по тремъ направленіямъ. Большія непріятельскія силы надвигались со стороны Мазурскихъ озеръ, отъ рѣки Ангерапъ, сильныя массы скопились и у самаго Гольдапа, черезъ который лежалъ путь русскихъ войскъ.

Сумерки еще не наступили. Только что прошелъ дождь, разошлись тучи, покрывавшія небо съ утра. Наши войска отходили по мѣстности, сплошь изборожденной окопами, покрытой сѣтью изорванныхъ проволочныхъ загражденій и волчьихъ ямъ. Всего лишь нѣсколько дней назадъ здѣсь были бои и каждая пядь земли была пропитана кровью. Валялись клочья изодранной амуниціи, разбитыя обозныя телѣги, обломки оружія, а въ одномъ мѣстѣ наши наткнулись даже на два искалѣченныхъ легкихъ германскихъ орудія, очевидно, подбитыхъ нашей артиллеріей.

Кругомъ, среди окоповъ, на свободныхъ клочкахъ земли, покрытыхъ еще уцѣлѣвшей зеленой травой, возвышались братскія могилы. Маленькіе холмики черной глинистой земли съ крестами изъ сломанныхъ ружей...

Теперь этимъ холмамъ пришлось сыграть иную роль. Такъ же, какъ и окопы, они прикрывали собою ряды, раскинувшихся по всему необозримому глазомъ фронту, русскихъ войскъ. Солдаты такъ притаились за этими родными могилками, такъ приникли къ землѣ, что, казалось, слилися съ нею. Ихъ присутствіе только и выдавали частыя молніеобразныя вспышки артиллерійскихъ орудій, да сухой ружейный трескъ.

Бой разгорался постепенно. Все сильнѣе дрожала земля отъ грома орудій, все темнѣе и темнѣе становилось вокругъ. Точно туча набѣжала, черная, грозовая, закрывшая все небо; какъ частый крупный градъ, посыпалась шрапнель и мягко зашлепала по рыхлой землѣ.

Мы отходили медленно,—одинъ за другимъ покидая окопы,—отдавая одни и занимая другіе. На лѣвомъ флангѣ, пользуясь прикрытіемъ орудій, нѣсколько разъ ходила въ штыки пѣхота и тѣснила нѣмцевъ, обратившихъ свое особенное вниманіе на этотъ пунктъ, почему то казавшійся имъ наиболѣе слабымъ.

Уронъ, понесенный германцами въ штыковыхъ стычкахъ, былъ громаднымъ. Они съ ожесточеніемъ кидались навстрѣчу нашимъ, боясь быть разстрѣлянными сзади, своими-же офицерами, гибли массами, но все-таки шли, шли и шли... Такого количества германцевъ до этого русскіе не видали еще ни въ одномъ изъ прежнихъ боевъ. Здѣсь были собраны значительныя и притомъ совершенно свѣжія германскія силы.

Съ наступленіемъ ночи бой затихъ. Только на флангахъ все еще гремѣла канонада, да кипѣлъ горячій бой на окраинѣ Гольдапа, чрезъ который мы дожны были отступая пройти. Передовые отряды русскихъ, уже подошедшіе къ нему, были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ засѣвшихъ въ домахъ мѣстныхъ жителей. По нѣкоторымъ даннымъ, среди нихъ были и переряженные въ штатское солдаты, успѣвшіе пробраться въ городъ и подготовить жителей къ сопротивленію. Въ то же время къ Гольдапу уже подходили съ юга и германскія войска.

Немедленно была подвезена наша легкая артиллерія, осыпавшая Гольдапъ убійственнымъ огнемъ. Городъ озарило зарево зажженнаго нашими снарядами пожара. Подъ прикрытіемъ артиллеріи, русскіе пѣхотинцы ринулись въ городъ, гдѣ встрѣтили на улицахъ настоящія баррикады изъ телѣгъ и мѣшковъ

съ землей. Онѣ были мигомъ разнесены, и на улицахъ разыгралось нѣсколько кровавыхъ стычекъ. На окнахъ домовъ и на оградахъ палисадовъ повисли трупы нѣмцевъ, стрѣлявшихъ по русскимъ и поплатившихся жизнью. Рядомъ съ ними валялись винтовки германскаго казеннаго образца.

Дальнѣйшій отходъ черезъ Гольдапъ совершился въ полномъ порядкѣ. За ночь мы успѣли не только занять великолѣпныя позиціи влѣво отъ Гольдапа, подготовивъ ихъ для дальнѣйшаго сопротивленія, но и убрать всѣхъ своихъ убитыхъ и раненыхъ...

Одинъ изъ раненыхъ, находившихся въ Гольдапѣ, разсказываетъ, между прочимъ, о звѣрской безцеремонности нѣмцевъ по отношенію къ нашимъ санитарнымъ отрядамъ:

„Въ злополучные дни отступленія нашей арміи, нашъ госпиталь въ Гольдапѣ былъ застигнутъ врасплохъ. Нѣмцы сначала обстрѣляли его шрапнелью, а потомъ мы услыхали и ружейные выстрѣлы, послѣ которыхъ сейчасъ же стали собираться въ путь. Пришелъ одинъ раненый солдатикъ и сказалъ:

— Спѣшите: непріятель близокъ!.. Наши отступаютъ!..

Сестры предложили сдѣлать ему перевязку, но солдатикъ отвѣтилъ:

— Ну, что вамъ я?.. Спѣшите, потомъ будетъ поздно!..

Перевязку ему все-таки сдѣлали и послѣ этого пошли, поднявъ надъ госпитальнымъ транспортомъ флагъ Краснаго Креста...

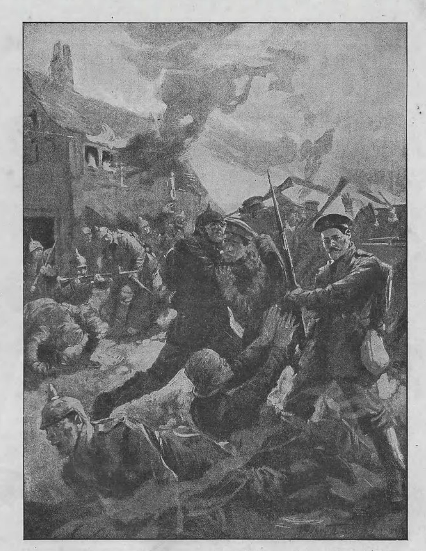
Нѣмцы насъ замѣтили и сразу засыпали транспортъ шрапнелью. Снаряды не долетали, но все-таки отступать было тяжело. Изъ 101 человѣка отступило всего 70, не доставало 31. Затерялись ли они или были убиты—при спѣшномъ отступленіи никто не замѣтилъ.

Когда проходили мимо одной фермы—въ транспортъ, не смотря на Красный Крестъ, былъ данъ залпъ изъ ружей. Стрѣляли „мирные“ жители...

При вступленіи нашемъ въ красивый стройный соснякъ—надъ лѣсомъ всплыло зарево пожара. Было такое впечатлѣніе, точно всходила луна. Пахло смолой и лѣсными травами. Было пріятно и въ то же время страшно. До слуха продолжалъ доноситься отдаленный грохотъ орудій.

Отъ Гольдапа до Вержболова 60 верстъ, и мы прошли это разстояніе довольно быстро. Хотѣли немного отдохнуть, но прискакалъ казакъ и сказалъ:

— Спѣшите! Нѣмецъ близко!..

См. стр. 218.

Опять снялись и пошли безъ отдыха...
Изъ Волковышекъ въ Маріамполь отступали по проселкамъ, такъ какъ непріятель наощупь обстрѣливалъ шоссе, чтобы нанести ударъ отступающимъ транспортамъ.

Съ большимъ трудомъ дошли мы до Маріамполя, оттуда въ Ковно, а изъ Ковны поѣхали уже въ Кошедары.

Транспортъ нашъ совершилъ приблизительно около двухсотъ верстъ втеченіе четырехъ сутокъ"...

О нѣмецкихъ „пріемахъ" войны свидѣтельствуетъ и заурядъ-врачъ О.

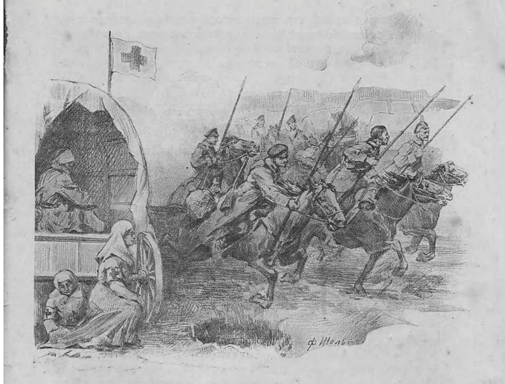
„Отходъ нашихъ войскъ происходилъ образцово, хотя и подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ тяжелыхъ германскихъ орудій. Я нѣсколько позамѣшкался въ небольшой нѣмецкой деревушкѣ, приготовляясь къ выѣзду. Въ это время нѣмцы начали сильнѣйшій обстрѣлъ этой почти пустой деревни; одинъ изъ крупныхъ снарядовъ разорвался въ шагахъ сорока отъ меня и контузилъ меня въ голову. Движеніемъ газовъ я былъ отброшенъ и ударился въ стѣну сосѣдняго домика, который скоро послѣ этого совсѣмъ снесло.

Потеря сознанія была очень кратковременна, я быстро очнулся и рѣшилъ отправиться пѣшкомъ, вмѣстѣ съ еще нѣсколькими лицами, въ районъ расположенія нашихъ войскъ. Итти пришлось около шести верстъ передъ нашими отходящими цѣпями, которыя перестрѣливались съ непріятелемъ.

Когда мы вышли изъ сферы огня—насъ доставили въ Сольдау, гдѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ нѣмцы соблюдаютъ законы войны. Госпиталь въ городѣ помѣщался въ большомъ зданіи на горѣ и былъ виденъ издалека. Надъ нимъ развѣвался флагъ Краснаго Креста. Нѣмцы отлично знали, что это госпиталь, но это не помѣшало имъ первые выстрѣлы изъ своихъ орудій направить именно въ это зданіе. Хорошо, что раненые уже были эвакуированы, а то здѣсь произошла бы прямо-таки бойня, самая жестокая и безсмысленная...

Изъ Сольдау я выѣхалъ на автомобилѣ вмѣстѣ съ лицами медицинскаго персонала. Ѣхать пришлось по открытому мѣсту въ районѣ дѣйствій непріятеля. Во избѣжаніе возможнаго обстрѣла, мы прикрѣпили на огромномъ шестѣ флагъ Краснаго Креста, хотя насъ и предупреждали, что это напрасно, такъ какъ нѣмцы все равно обстрѣляютъ. И дѣйствительно, вскорѣ около насъ, хотя уже на дорогѣ никого не было, начали ложиться снаряды; нѣмцы, видимо, пристрѣливались, это можно было видѣть по характеру обстрѣла. Развивъ большую скорость, мы благополучно ушли отъ огня"...

Здѣсь кстати будетъ привести разсказъ сестеръ милосердія Кемецкой и Герасимовой, захваченныхъ нѣмцами вмѣстѣ съ цѣлымъ подвижнымъ лазаретомъ общины св. Георгія:

„Въ ночь съ 28 на 29 августа нашъ отрядъ выѣхалъ изъ Виленберга въ мѣстечко Яблоницы.

Въ первой-же деревушкѣ мы остановились. Къ намъ присоединился полевой варшавскій дивизіонный госпиталь—32 врача и 200 санитаровъ. Развели костеръ и напились чаю. Часа черезъ два со всѣхъ сторонъ поднялась канонада; къ намъ еще присоединился огромный обозъ. Мы поѣхали дальше, и въ сумерки оба госпиталя рѣшили остановиться на просторной полянѣ, у рѣчки. Выкинули флагъ съ Краснымъ Крестомъ, усѣлись у двуколокъ и съ молитвой стали ждать смерти.

Съ каждой минутой канонада усиливалась. Шрапнели летали надъ нашими головами, свистѣли пули. Докторъ приказалъ намъ всѣмъ ложиться на землю подъ повозки. Мы, сестры, приложились къ иконѣ Серафима Саровскаго—благословеніе нашего отряда—и залѣзли подъ кибитки. Мимо насъ промчались окровавленные казаки.

Внезапно нѣмцы страшной массой окружили нашу поляну. Увидѣвъ флагъ Краснаго Креста, офицеръ подскакалъ къ намъ и предложилъ сдаться. На поляну выѣхалъ нѣмецкій полковникъ съ офицерами и множествомъ солдатъ. У мостика полковникъ остановился и приказалъ отобрать и бросить въ рѣку шашки и бывшія у нижнихъ чиновъ ружья.

Съ нами былъ автомобиль, на которомъ мы везли подобраннаго нами по дорогѣ израненнаго штабсъ-капитана Жизневскаго. Полковникъ приказалъ пересадить раненаго въ кибитку, а насъ, шестерыхъ сестеръ, пригласилъ въ автомобиль, сѣлъ съ нами и велѣлъ везти въ Виленбергъ. Врачей и санитаровъ повели пѣшкомъ.

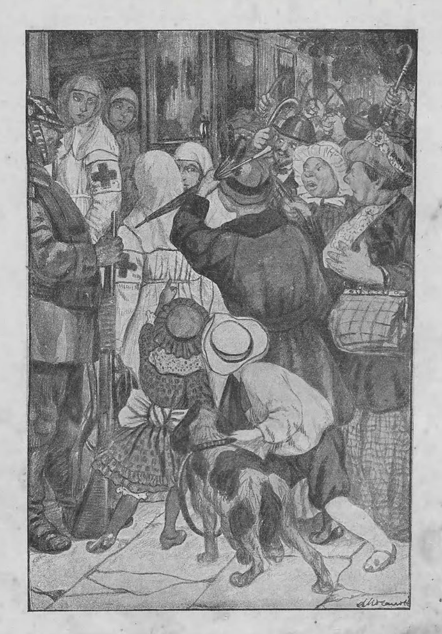
Въ Виленбергѣ полковникъ привезъ насъ на свою штабъ-квартиру въ домѣ мѣстнаго ксендза. Насъ напоили кофе, постлали соломы и велѣли лечь спать. Мы умоляли полковника помѣстить съ нами нашихъ врачей Романцева и Асбелева, гр. Армфельда и старшаго санитара, вольноопредѣляющагося Ротмеера, который отлично говорилъ по-нѣмецки. Полковникъ смилостивился и приказалъ привести ихъ. Докторъ Романцевъ по дорогѣ отсталъ и прибылъ къ намъ только на утро.

Утромъ намъ сказали, что мы можемъ поискать нашъ багажъ на улицѣ. Дѣйствительно, наши двуколки стояли недалеко отъ дома ксендза. Къ ужасу своему мы обнаружили, что все разграблено нѣмецкими солдатами—бѣлье, платье, пищевые консервы, инструменты, перевязочный матеріалъ и лѣкарства. Мы пожаловались полковнику, и онъ сказалъ, что намъ за все заплатятъ, но, конечно, мы такъ ничего и не получили.

Въ мѣстномъ театрѣ былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Насъ отправили туда ухаживать за ранеными. Собравъ остатки матеріала, валявшагося на улицѣ, мы отправились въ театръ съ нашими врачами, къ которымъ нѣмцы присоединили двухъ своихъ докторовъ.

Съ утра до ночи перевязывали мы нѣмецкихъ и русскихъ раненыхъ. Ѣсть намъ не давали ничего. Случайно гр. Армфельдъ раздобылъ кусокъ заплѣснѣвшаго хлѣба; мы сначала не хотѣли до него дотрагиваться, но на другой день такъ отощали, что съѣли всю краюшку безъ остатка.

Мы жаловались полковнику, что больнымъ не даютъ ѣсть. Онъ отвѣтилъ, что провизіи достать негдѣ, и онъ самъ второй день не ѣстъ. Только на третій день доставили откуда то котелъ съ супомъ, но безъ хлѣба. На каждаго раненаго пришлось по маленькой чашечкѣ супа.

Мѣстные жители стали возвращаться въ Виленбергъ и приносили въ госпиталь пищу; при этомъ они издѣвательски показывали пищу русскимъ раненымъ, поднося ее имъ ко рту, а потомъ вырывали и давали нѣмецкимъ раненымъ.

11 дней мы работали въ такихъ условіяхъ. Постепенно отъ насъ брали транспорты раненыхъ для эвакуаціи. Мы совершенно отощали. На двѣнадцатый день намъ вдругъ объявили, что и мы, сестры, съ послѣднимъ транспортомъ отправляемся вглубь Пруссіи.

На станціи Ортельсбургъ собралось много нѣмцевъ смотрѣть на русскихъ раненыхъ. Женщины страшно злобствовали. Увидѣвъ насъ, нѣмки съ кулаками и ругательствами бросились на насъ и мы едва укрылись отъ нихъ въ нашемъ вагонѣ.

Въ Валенштейнѣ пришла къ намъ нѣмка сестра милосердія, только что вернувшаяся изъ русскаго плѣна. Она выразила намъ свое сочувствіе и разсказывала со слезами, какъ хорошо обращались съ нею русскіе въ плѣну. Нѣмцы быстро выпроводили ее изъ нашего вагона, и насъ повезли дальше, въ Остероде. Здѣсь въ нашъ поѣздъ посадили нашихъ военноплѣнныхъ. Нѣмецкія сестры милосердія, изъ городскихъ дамъ, раздавали на станціи нѣмецкому конвою кофе и сигары. Нашихъ же плѣнныхъ даже не накормили.

Такъ мы доѣхали до города Позена, куда прибыли въ 5 часовъ утра. Тутъ въ наше купе ворвались нѣмецкіе офицеры, во главѣ съ маіоромъ.

— Вонъ врачей!—закричалъ маіоръ.

Докторъ Асбелевъ попробовалъ заявить, что нашъ отрядъ состоитъ въ Красномъ Крестѣ, что сестры не говорятъ по-нѣмецки и безъ врачей могутъ погибнуть. Маіоръ только ругался и своими руками выталкивалъ изъ вагона врачей. Къ намъ въ вагонъ посадили полкового священника и сестру Генріету, благодаря которой мы впослѣдствіи много разъ избавлялись отъ большихъ бѣдъ.

Мы очень удивились, что въ Позенѣ къ намъ въ вагонъ приставили солдатъ съ ружьями. Сестра Генріета, прислушавшись къ разговору солдатъ, перевела намъ, что тѣ хвастаются: „Бабы у насъ уже есть, а вотъ на слѣдующей станціи достанемъ и шампанскаго!..“

Сестра Генріета вступила въ разговоръ съ конвойными и стала ихъ успокаивать. Солдаты угомонились, но настаивали на томъ, что мы, навѣрное, шпіонки, если насъ приказали держать подъ арестомъ.

Намъ ничего не давали ѣсть и держали въ запертомъ вагонѣ. Мы просили дать намъ хоть воды, но нѣмецкіе офицеры отвѣчали, что для такихъ преступницъ нѣтъ ничего. Мы упали духомъ; ждали, что насъ запрутъ въ тюрьму. Насъ привезли въ городъ Котбусъ, на площади передъ станціей насъ окружили вооруженные солдаты и повели черезъ весь городъ въ лагерную стоянку къ нашимъ плѣннымъ.

Всю дорогу солдаты позволяли себѣ грубыя шутки и угрозы. Мы до того ослабѣли, что падали на землю. Къ намъ подошелъ германскій офицеръ въ штатскомъ платьѣ, съ повязкой Краснаго Креста. Переговоривъ съ сестрой Генріетой, онъ распорядился вызвать два автомобиля и насъ отвезли въ лагерь, гдѣ и помѣстили въ нѣмецкой харчевнѣ. Тутъ къ намъ явилась дама изъ Краснаго Креста и велѣла насъ накормить.

На другой день намъ предложили работать въ госпиталѣ. Велика была радость русскихъ раненыхъ, когда они увидѣли родныхъ сестеръ. Однако, нѣмецкія сестры выразили протестъ, и насъ отвезли въ католическій женскій монастырь, гдѣ мы и пробыли пять дней. Монахини очень сердечно къ намъ отнеслись, но, подъ давленіемъ нѣмецкихъ властей, отобрали у насъ деньги. Какъ то утромъ мы отправились гулять. Огромная толпа нѣмцевъ насъ окружила и стала вызывающе кричать и размахивать руками. Къ счастью, мы встрѣтили сестру—нѣмку, которая насъ предупредила, чтобы мы скорѣе возвращались въ монастырь, иначе толпа грозитъ съ нами расправиться.

На шестой день пришла бумага изъ Берлина, чтобы насъ отправили во Франкфуртъ-на-Одерѣ. Нѣмцы заставили насъ нести свои вещи. Громадная толпа слѣдовала сзади насъ съ угрозами и насмѣшками.

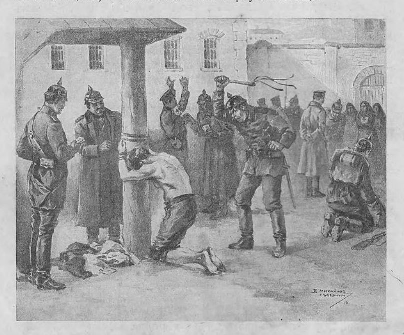
Во Франкфуртѣ насъ опять заперли въ католическій монастырь, гдѣ насъ приняли очень хорошо. Вечеромъ повели на вокзалъ и посадили во второй классъ. Явились мѣстныя дамы и стали кричать, что напрасно церемонятся съ „русскими проститутками“ и бѣсновались до тѣхъ поръ, пока насъ не пересадили въ служебный вагонъ.

Насъ довезли до Кистрина, а оттуда черезъ Штеттинъ на Сосницъ, откуда мы, черезъ Швецію, благополучно прибыли въ Петроградъ“...

Еще болѣе глубокое чувство возмущенія противъ нѣмцевъ вызываетъ письмо военнаго врача тылового подвижного госпиталя также попавшаго въ плѣнъ: „Мы были приблизительно въ 35 верстахъ отъ линіи боя. Нѣмцы, зайдя намъ въ тылъ, окру-

жили часть нашего обоза, при которомъ находился и нашъ санитарный отрядъ въ составѣ 4 врачей, 4 сестеръ милосердія, 1 фармацевта, 2 чиновниковъ и 40 солдатъ-санитаровъ.

Зная, что, согласно Женевской конвенціи, Красный Крестъ и его представители плѣнными не считаются, мы были сравнительно спокойны за нашу участь. Въ Красный Крестъ скоро доставили нѣсколько раненыхъ нѣмецкими же снарядами жителей-нѣмцевъ, и мы оказали имъ первую помощь.

Скоро прибыла нѣмецкая кавалерія. Насъ собрали въ одну комнату, отняли оружіе и всѣхъ (50 человѣкъ) заперли въ комнатѣ на двѣ кровати. Поставили парашу и не разрѣшили открывать окна. Сестеръ помѣстили въ другой комнатѣ. Ночью привели еще плѣнныхъ.

Весь этотъ день мы ничего не ѣли. На другое утро намъ дали по чашкѣ кофе и повели во дворъ тюрьмы. Выстроивъ насъ во дворѣ, маіоръ и врачъ обыскали всѣхъ, заявивъ, что деньги мы должны отдать имъ.

Одинъ изъ нашихъ солдатъ спряталъ что-то въ сапогъ. Его раздѣли до гола и полосовали хлыстами. У меня лично

отобрали 130 рублей. Отобрали у насъ и перочинные ножи, полевые бинокли, а солдаты, кромѣ того, отнимали у насъ и часы.

Лишивъ насъ всего, нѣмцы оставили насъ, врачей, въ комнатѣ, а солдатъ—подъ открытымъ небомъ. Весь этотъ день, а также и слѣдующій мы провели совершенно безъ пищи; солдаты же еще мокли подъ дождемъ, причемъ многіе изъ нихъ были безъ шинелей.

На третій день вечеромъ насъ повезли въ казарму и тамъ дали по тарелкѣ супа безъ хлѣба. Тамъ насъ и оставили; спали мы прямо на полу.

Черезъ три дня насъ подняли въ 5 часовъ утра и отправили въ путь, въ Ангерсбургъ. Разстояніе въ 48 километровъ мы сдѣлали въ одинъ день; на отдыхъ намъ дали только 20 минутъ. Другихъ словъ, кромѣ „русская свинья“ или „русская собака“, мы не слыхали. Двухъ солдатъ, отставшихъ и упавшихъ отъ изнеможенія, пристрѣлили.

Часовъ въ 9 мы прибыли въ Ангерсбургъ. Намъ дали комнату, гдѣ мы свалились на голый полъ. Ни сѣна, ни горячей воды—ничего. На другой день насъ посадили въ вагоны четвертаго класса, но такъ густо, что мнѣ всю ночь пришлось спать стоя.

Привезли насъ въ Галле, гдѣ помѣстили въ зданіи фабрики. Здѣсь мы провели около двадцати дней, спали на кирпичномъ полу. Отсюда насъ перевезли въ Стендаль“...

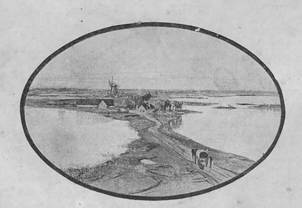
Въ заключеніе резюмируемъ въ нѣсколькихъ словахъ все наше отступленіе изъ Восточной Пруссіи, отступленіе, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ блестящихъ сраженій, дѣйствительно имѣющее полное право именоваться побѣдоноснымъ.

По всему фронту все время шелъ бой нашихъ аріергардовъ съ нѣмецкими авангардами. Дистанція между нашей линіей и непріятельской не увеличивалась ни на шагъ: такъ стройно и правильно мы отступали...

Лѣвое наше крыло вынесло всю тяжесть отступленія. Непріятель здѣсь насѣдалъ безпрерывно. Одинъ полкъ пулеметами отражалъ нападеніе густыхъ колоннъ непріятеля, и этотъ полкъ нагромоздилъ цѣлые валы изъ непріятельскихъ труповъ.

Нѣмецкое населеніе оказалось крайне вѣроломнымъ, стрѣляло въ проходящія войска, обозы, отряды Краснаго Креста. Многіе изъ нихъ оказались въ военной формѣ, нѣкоторые даже были въ формѣ офицеровъ.

И вся эта „мирная" армія „колбасниковъ" была у насъ въ тылу, когда мы наступали на Кенигсбергъ, сторожила насъ, шпіонила во всѣ глаза, въ то время какъ мы относились къ нимъ съ довѣріемъ и не думали, что всюду оставили за собой подлыхъ жестокихъ шпіоновъ и предателей!.."

ВОЙНА
РОССІИ
СЪ
АВСТРО-
-ВЕНГРІЕЙ

Воззванія Верховнаго Главнокомандующаго.

I.

НАРОДЫ АВСТРО-ВЕНГРІИ!

Вѣнское правительство объявило Россіи войну за то, что Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, не могла оставить беззащитной Сербію и допустить ея порабощеніе.

Народы Австро-Венгріи!

Вступая во главѣ Россійскаго войска въ предѣлы Австро-Венгріи, Именемъ Великаго Русскаго Царя, объявляю вамъ, что Россія, не разъ уже проливавшая свою кровь за освобожденіе народовъ отъ иноземнаго ига, ничего иного не ищетъ, кромѣ возстановленія права и справедливости.

Вамъ, народы Австро-Венгріи, она также несетъ теперь свободу и осуществленіе вашихъ народныхъ вожделѣній.

Австро-венгерское правительство вѣками сѣяло между вами раздоры и вражду, ибо только на вашей розни зиждилась его власть надъ вами.

Россія, напротивъ, стремится только къ одному, чтобы каждый изъ васъ могъ развиваться и благоденствовать, храня драгоцѣнное достояніе отцовъ—языкъ и вѣру, и, объединенный съ родными братьями, жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями, уважая ихъ самобытность.

Увѣренный, что вы будете всѣми силами содѣйствовать достиженію этой цѣли, призываю васъ встрѣчать Русскія войска, какъ вѣрныхъ друзей и борцовъ за ваши лучшіе идеалы.

Верховный Главнокомандующій Генералъ-Адъютантъ

НИКОЛАЙ.

Августъ 1914 года.

II.

ПОЛЯКИ!

Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія Польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей.

Русскія войска несутъ вамъ благую вѣсть этого примиренія.

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части Польскій народъ. Да возсоединится онъ во-едино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

Одного ждетъ отъ васъ Россія,—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія.

Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Гринвальдѣ.

Отъ береговъ Тихаго океана до Сѣверныхъ морей движутся Русскія рати.

Заря новой жизни занимается для васъ.

Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе Креста, — символъ страданія и воскресенія народовъ.

Верховный Главнокомандующій Генералъ-Адъютантъ

НИКОЛАЙ.

1 / 14 августа 1914 года.

III.

РУССКОМУ НАРОДУ!

Братья!

Творится судъ Божій.

Терпѣливо, съ христіанскимъ смиреніемъ, въ теченіе вѣковъ томился Русскій народъ подъ чужеземнымъ игомъ, но ни лестью, ни гоненіемъ нельзя было сломить въ немъ чаянія свободы.

Какъ бурный потокъ рветъ камни, чтобы слиться съ моремъ, такъ нѣтъ силы, которая остановила бы Русскій народъ въ его порывѣ къ объединенію.

Да не будетъ больше подъяремной Руси. Достояніе Владиміра Святого, Земля Ярослава Осмомысла, князей Даніила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой, нераздѣльной Россіи.

Да свершится Промыселъ Божій, благословившій дѣло великихъ собирателей земли Русской.

Да поможетъ Господь Царственному своему Помазаннику Императору Николаю Александровичу Всея Россіи завершить дѣло Великаго Князя Ивана Калиты.

А ты, многострадальная братская Русь, встань на срѣтеніе русской рати.

Освобождаемые русскіе братья!

Всѣмъ вамъ найдется мѣсто на лонѣ Матери Россіи. Не обижая мирныхъ людей, какой бы они ни были народности, не полагая своего счастья въ притѣсненіи иноземцевъ, какъ это дѣлали швабы, обратите мечъ свой на врага, а сердца свои къ Богу съ молитвой за Россію, за Русскаго Царя.

Верховный Главнокомандующій Генералъ-Адъютантъ

НИКОЛАЙ.

5 августа 1914 года.

Наступленіе русскихъ войскъ въ Галицію.

Прикарпатская Русь—Галиція.

Галиція искони была русской землей и находилась во владѣніи австрійцевъ съ момента раздѣла Польши, къ которой она принадлежала со временъ татарскаго нашествія.

Наслѣдники Владиміра Мономаха, православные Русскіе Князья, неусыпными трудами создали Галицкія княжества, объединили ихъ и возвели на степень могучаго царства, съ которымъ очень и очень приходилось считаться Западнымъ государствамъ.

Галицкіе государи мудрой своей политикой сумѣли не только возвысить это царство на степень первоклассной европейской культурной державы, но имъ посчастливилось еще избавить свою страну отъ ужасовъ Батыева нашествія.

Галицкое царство продолжало процвѣтать и развиваться, свободное отъ губительнаго дѣйствія орды, но это же обстоятельство и явилось для него роковымъ въ смыслѣ оторванности этихъ русскихъ земель отъ остальныхъ областей Мономахова наслѣдія.

Пройдя вмѣстѣ съ Польшей рядъ историческихъ этаповъ, Галиція перешла въ концѣ XVIII вѣка, при раздѣлѣ Польши, въ руки австрійцевъ.

Галиція, въ составѣ австрійской монархіи, граничитъ на сѣверѣ и востокѣ съ Царствомъ Польскимъ, Волынской, Подольской и Бессарабской губерніями. Народонаселеніе ея въ главной массѣ—славянское и наполовину чисто русское, съ языкомъ нѣсколько отличающимся отъ украинскаго. Хотя остальную часть Галиціи составляютъ поляки, но все-таки украинцы занимаютъ почти три четверти ея земель, представляя собою основное ядро страны—ея трудовой народъ.

Несмотря на все пережитое ими подъ австрійскимъ игомъ, галичане остались вѣрны своей исконной религіи—православію, неся для этого огромныя жертвы—матеріальныя и моральныя. Въ теченіе шести вѣковъ своего отчужденія отъ общей матери—Россіи, народъ этотъ сохранилъ достояніе предковъ и сберегъ русскій обликъ края.

Первыя военныя дѣйствія.

Австрійцы открыли огонь на русско-австрійской границѣ по нашимъ пограничнымъ войскамъ у Волочиска 23-го іюля, около шести часовъ утра, за 12 часовъ до объявленія войны, въ то время, когда австрійскій посолъ графъ Сапари велъ въ Петроградѣ дружественные переговоры съ россійскимъ императорскимъ правительствомъ. Одновременно они взорвали свой устой желѣзнодорожнаго моста черезъ пограничную рѣку Збручъ, чтобы лишить наши войска возможности перейти въ этомъ мѣстѣ границу. Въ тотъ же день въ Тарногрудѣ и Сатановѣ началась ружейная перестрѣлка между пограничной стражей нашей и австрійской

25-го же іюля уже завязался бой на самой нашей границѣ съ Австріей, между Берестечкомъ и Почаевымъ. Въ 10 часовъ

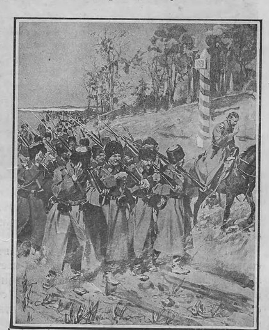
утра наши войска услыхали выстрѣлы,—оказалось, что австрійскія войска въ превосходныхъ силахъ заняли лѣсъ, впереди котораго были построены окопы. Лишь только нашъ батальонъ остановился на привалѣ, разъѣздъ немедленно сообщилъ о нахожденіи противника въ лѣсу. Тотчасъ-же были введены въ бой три роты батальона, а четвертая рота оставлена въ резервѣ.

Настроеніе солдатъ было повышенное, и всѣ они рвались въ бой. Огонь усиливался. Наши войска отвѣчали. Перестрѣлка шла весь день. Втеченіе дня перевѣсъ былъ на сторонѣ австрійцевъ, но къ шести часамъ вечера они оставили лѣсъ и окопы и отступили.

На другой день бой продолжался съ перемѣннымъ успѣхомъ, а затѣмъ успѣхъ перешелъ на сторону нашихъ войскъ, которыя разбили цѣлую австрійскую дивизію и взяли огромное количество австрійцевъ въ плѣнъ, несмотря на то, что австрійцевъ было въ полтора раза больше нашихъ. Австрійцы вынуждены были отступить въ Радзивиловъ.

На путяхъ къ Ярославу.

27-го іюля было получено извѣстіе отъ нашего главнаго штаба о томъ, что русскія войска, потѣснивъ передовыя непріятельскія части, вступили на австрійскую территорію въ долинѣ рѣки Стыри, втекающей въ предѣлы Россіи недалеко отъ Берестечка, Волынской губерніи.

Австрійскую границу наша кавалерія перешла на разсвѣтѣ.

Проходя мимо пограничнаго столба, солдаты снимали

фуражки и широко крестились. Шли мо... а, серьезно. Вскорѣ разъѣзды наткнулись на пѣхотные дозоры австрійцевъ, которые, завидѣвъ нашихъ всадниковъ, немедленно начали отступать съ большой поспѣшностью, не оказывая никакого сопротивленія.

Немного спустя произошла первая стычка. Наша конница разсыпалась лавой по гороховому полю и пошла на австрійцевъ, открывшихъ по ней огонь. Наши выдвинули впередъ пулеметъ и, какъ только послышался его сухой, прерывчатый

трескъ, австрійцы замолкли и отошли. Поле передъ деревней было усѣяно тѣлами австрійскихъ солдатъ. Русскіе крестьяне встрѣтили нашихъ кавалеристовъ у околицы деревни съ хлѣбомъ и водой.

Продолжая наступленіе, наши войска въ районѣ Тростянца снова вступили въ бой съ австрійцами, наступавшими отъ Заложце. Нѣсколькими нашими эскадронами была произведена поддержанная артиллерійскимъ огнемъ стремительная атака пѣхотной части противника, который и былъ изрубленъ нашими кавалеристами.

Еще южнѣе, у Збоража наша конная часть изрубила непріятельскую пѣхоту, заставу и испортила непріятельскій телеграфъ. На обратномъ пути она выбила непріятельскую роту изъ деревни Красносельцы, зажгла блокгаузы, захватила снаряженіе и оружіе. Такая же успѣшная для нашей конницы атака имѣла мѣсто у деревни Коростовка, послѣ чего она съ боемъ подошла къ городу Сокалю, занятому австрійскимъ отрядомъ въ составѣ двухъ батальоновъ пѣхоты, одного уланскаго, одного гусарскаго и части драгунскаго полка.

Здѣсь наша конница выбила изъ передовыхъ позицій пѣхотныя и конныя части противника, которыя разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ. У самаго Сокаля позиція была укрѣплена полукольцомъ, съ окопами въ человѣческій ростъ, блиндажами и проволочными загражденіями. Захвативъ лѣсъ сѣвернѣе Сокаля, наша конница фланговымъ пулеметнымъ и ружейнымъ, а равно и артиллерійскимъ огнемъ заставила противника очистить и эту позицію, а затѣмъ ворвалась въ городъ.

Улицы города были пусты, какъ будто онъ былъ оставленъ всѣми жителями. Но первое впечатлѣніе было обманчиво. Какъ только наша кавалерія втянулась въ улицу—изъ домовъ посыпались выстрѣлы. Стрѣляли мѣстные жители, попрятавшіеся въ домахъ съ отступленіемъ австрійскаго войска. Наши войска съ ними поступили рѣшительно—и пальба скоро затихла.

Выбивъ непріятеля изъ Сокаля съ серьезными для него потерями, наша кавалерія отбросила противника за рѣку Бугъ и взорвала два моста черезъ эту рѣку и віадукъ, уничтожила станціонныя сооруженія, австрійскія заготовки для пловучихъ переправъ чрезъ рѣку Бугъ, телеграфную линію и нѣкоторые дома, изъ которыхъ стрѣляли жители...

Подвигаясь далѣе по Галиціи, наши кавалерійскія части имѣли нѣсколько столкновеній въ районѣ Бѣлжеца, который упорно оборонялся непріятельской пѣхотой. Результатомъ боевъ было очищеніе отъ австрійцевъ всего названнаго района. Желѣзная дорога во многихъ мѣстахъ нами была разрушена.

Въ томъ же районѣ у Нароля наша кавалерія атаковала конную часть противника и приняла атаку въ сомкнутомъ строю. Произошла рубка, продолжавшаяся нѣсколько минутъ. Въ результатѣ лишь нѣкоторымъ австрійскимъ кавалеристамъ удалось ускакать, остальные были нами переколоты и изрублены.

Въ этихъ первыхъ стычкахъ особенно отличилась одна рота, о которой разсказываетъ солдатъ изъ этой роты, по прозвищу „Чайка". Перескакивая съ позиціи на позицію, рота

Чайки близко подобралась къ непріятелю и насѣдала на него. Связь съ главными силами увлекшейся въ пылу наступленія части была давно уже утеряна. Въ послѣднее прибѣжище ея австрійцы палили изъ орудій. Однако, рота задалась цѣлью добраться до штыковъ. Для этого нужно было заставить австрійцевъ выйти изъ окоповъ. Въ ротѣ, значительно потаявшей отъ непріятельскаго огня, изъ офицеровъ оставался только штабсъ-капитанъ В. Онъ обратился къ солдатамъ:

— Надоѣло такъ мухъ ловить. Все равно возврата намъ нѣтъ. Выведемъ пулеметы на прогалину и поработаемъ. Кто за мной?...

Подъ огнемъ выкатили три пулемета и стали засыпать австрійцевъ фланговымъ огнемъ, вдоль окоповъ.

— Повскакали съ удобныхъ мѣстъ и удирать... — разсказываетъ Чайка: — А пули косятъ. Повернули ихъ колоннами и пустили противъ насъ. Много ихъ тутъ полегло. Прямо въ упоръ стрѣляли. Вдругъ вскинетъ руками, упадетъ на спину, и голова на ранцѣ, какъ на подушкѣ, лежитъ.

Но и отъ отважной роты осталось всего 15 человѣкъ. Пулеметчики наши легли. Простые солдаты ихъ смѣнили. Ночью подоспѣлъ полкъ, разыскавшій увлекшуюся роту.

— Узналъ командиръ, какихъ мы дѣловъ надѣлали, и говоритъ: „Давно не спали?" — Такъ точно, третьи сутки! — „Давно не ѣли?" — Такъ точно, почитай столько же! — „Молодцы ребята, отправляйтесь отдохнуть!" А штабсъ нашъ-то говоритъ: „Такое здѣсь расчудесное мѣсто, что просто жаль уходить!" Задоръ взялъ — и остались. Къ лѣвому флангу и пристали.

Задору своему Чайка обязанъ и двумя ранами. Увлекся, выбѣжалъ изъ лѣсу—и прямо на австрійскіе окопы. На ходу стрѣлялъ.

— Точно ополоумѣлъ, пру и пру, и что со мной было — ума не приложу. Въ 400 шагахъ дую и дую. Вдругъ въ ногѣ заскребло. „Готово!" думаю. Опустился на колѣно. А тутъ и грудь вдругъ ожгло и поползло теплое подъ рубахой. Опрокинулся я и лежу; кругомъ все ходуномъ заходило. „Доканаютъ теперь!" подумалъ — и поползъ, до лѣсу добрался, забылся. Просыпаюсь — собака меня лижетъ, лижетъ и воетъ. На ея вой санитары пришли и взяли меня...

Послѣ дѣла у Нароля серьезное столкновеніе произошло лишь вначалѣ августа, когда наши войска выбили австрійскій батальонъ изъ Равы - Русской, находящейся въ Галиціи, въ 20 верстахъ къ югу отъ границы Люблинской губерніи и составляющей желѣзнодорожный узелъ главной линіи изъ Кракова во Львовъ и отвѣтвленія на Сокаль.

„Нашъ кавалерійскій отрядъ,— разсказываетъ офицеръ—участникъ этого и слѣдующихъ боевъ въ Галиціи: — перешелъ границу у городка Варенжъ еще 2-го августа. Нашей задачей было — взорвать въ районѣ Рава-Русская всѣ мосты, разрушить желѣзную дорогу, телефонъ, телеграфъ и т. п. Въ пограничныхъ областяхъ австрійцы оставили небольшіе заслоны запасныхъ частей. Первое столкновеніе съ австрійскими отрядами было возлѣ рѣчки Вреженка. Они успѣли разрушить всѣ мостики черезъ рѣку. Однако, мы быстро навели мосты и, переправившись, предполагали перейти въ наступленіе. Но непріятельскія части, не принимая боя, отступили, оставивъ намъ первые трофеи — котелки, шинели.

Къ вечеру мы подошли къ небольшой станціи Бельжъ. Она охранялась тоже запасными. Мы быстро ихъ выбили, станцію сожгли, разрушили полотно желѣзной дороги. Затѣмъ — взорвали два желѣзнодорожныхъ моста. Передъ этимъ пришлось около часа выбивать австрійцевъ, которые забаррикадировались, устроивъ проволочныя колючія загражденія...

До четвертаго августа мы двигались впередъ, почти не встрѣчая никакого сопротивленія. Запасныя австрійскія части воздерживались отъ стычекъ, отступали. Четвертаго же августа главныя силы нашего отряда пошли на Раву-Русскую и здѣсь имѣли упорный бой съ австрійской пѣхотой — егерьскимъ батальономъ. Австрійцы засѣли нѣсколько сѣвернѣе Равы-Русской, въ хорошо укрѣпленныхъ окопахъ. Бой длился три часа. Наши спѣшились, разсыпались въ стрѣлковую цѣпь — и началась перестрѣлка. Была только ружейная стрѣльба, однако, она велась очень энергично. Пули свистѣли, жужжали, словно саранча въ воздухѣ; ружейными пулями были убиты австрійскій майоръ и два лейтенанта.

Когда стрѣльба со стороны непріятеля стала ослабѣвать, былъ отданъ приказъ перейти въ атаку. Мы бросились въ штыки

и выгнали изъ окоповъ непріятеля, который сталъ быстро отступать и оставилъ Раву-Русскую.

Мы заняли Раву, уничтожили станцію, разрушили желѣзную дорогу почти на протяженіи 15 верстъ и четыре желѣзнодорожныхъ моста.

5-го августа направились на Жалкіевъ, гдѣ встрѣтили роту непріятельской пѣхоты, которой мы преградили путь и заставили отступить. Передъ тѣмъ намъ попался автомобиль съ тремя врачами. Оказалось, что этотъ автомобиль подвозилъ не одних врачей, а успѣлъ къ пѣхотѣ подвезти два пулемета. Мы автомобиль разрушили, врачей сначала арестовали, а затѣмъ выпустили, когда, считая свою задачу выполненной, оставили мѣстность и возвратились къ своимъ войскамъ.

7-го вечеромъ, отрядъ нашъ вошелъ въ деревню Жолдекъ. Было рѣшено не располагаться на ночлегъ, а предпринять ночной переходъ. Необходимо было разрушить мостъ черезъ рѣку Бугъ у станціи Каміонка. Нашъ отрядъ скрыто по лѣсу прошелъ путь и неожиданно появился на разсвѣтѣ недалеко отъ непріятельскихъ окоповъ, возлѣ моста. Мы захватили двухъ часовыхъ, которые спокойно лежали на стогахъ сѣна. Они, какъ выяснилось изъ ихъ допроса, приняли насъ за своихъ.

Въ окопахъ задвигались — это насъ замѣтили. Мы начали обстрѣливать ихъ. Затрещали наши пулеметы, зажужжали ружейные выстрѣлы. Позиція была серьезная. Австрійцы расположились возлѣ моста, который мы должны были взорвать. Стрѣляя, мы дѣлали перебѣжки, все ближе подходя къ нимъ. Однако, увлекшись, мы слишкомъ удалились отъ нашего склада патроновъ. А патроны уже всѣ были израсходованы, доставка же новыхъ была затруднена непріятельскимъ огнемъ. Пришлось отступить, что бы запастись патронами. Саперамъ пришлось и снаряды уносить подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ.

Но второе наше наступленіе, которое послѣдовало тотчасъ-же за первымъ, какъ только мы запаслись патронами, увѣнчалось успѣхомъ, мы прогнали непріятеля изъ окоповъ, заложили снаряды и взорвали мостъ. Наши же главныя силы атаковали австрійцевъ у Каміонки, заставивъ ихъ удалиться въ предмѣстье. Этимъ и была исчерпана задача нашего кавалерійскаго набѣга"...

Рава-Русская, въ районѣ которой не осталось ни одного холмика, ни одной горки, не взрытыхъ лопатой и снарядами, досталась намъ послѣ большого боя, къ которому непріятель серьезно готовился, и за эту побѣду мы не дешево заплатили.

Начиная отъ станціи Каменки, по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна окопы, слѣды шрапнелей и огромныя, наполненныя болотной водой воронки — результатъ паденія нашихъ гаубичныхъ снарядовъ. Здѣсь шелъ упорный бой. Наши наступали по линіи дороги, а австрійцы подъ нашимъ натискомъ отходили, на каждомъ шагу строя новые окопы, прячась за настиломъ полотна, за небольшой сосновой рощей, за хатами, перекапывая иногда даже совсѣмъ открытые крестьянскіе дворы. Станціонное зданіе, простая изгородь — все служило для нихъ прикрытіемъ, и не дешево они уступали намъ каждую пядь земли.

Интересно, между прочимъ, отмѣтить, какъ отзываются наши воины о своихъ противникахъ — австрійскихъ славянахъ. Вотъ, напримѣръ, отзывъ о нихъ одного нашего офицера, участвовавшаго въ сраженіи подъ Равой-Русской, гдѣ противъ нашихъ войскъ были выставлены полки, наполовину состоявшіе изъ славянъ:

„Часто говорили, что свои братья—славяне не стрѣляютъ. Не вѣрьте этому. Стрѣляютъ, какъ умѣютъ, и сдаются въ плѣнъ только потому, что чувствуютъ себя безсильными въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Да къ тому же, измученные частыми переходами, голодовкой, они теперь знаютъ отношеніе русскихъ къ нимъ, не боятся насъ и идутъ въ плѣнъ какъ на отдыхъ.

Жизнь въ австрійскихъ войскахъ тяжелая, но когда врагъ надвигается, осыпаетъ васъ пулями и снарядами — трудно удержаться, чтобы не отвѣтить на выстрѣлъ выстрѣломъ, и наши невольные враги, все тѣ-же галичане, чехи, словаки упорно, а подчасъ и очень мѣтко, обстрѣливаютъ нашихъ и наносятъ тяжелый уронъ. Такъ дрались они и подъ Равой, и много русской крови было пролито на болотистыхъ равнинахъ и песчаныхъ холмахъ, окружающихъ этотъ городокъ".

Наши войска продвигались по Галиціи почти съ безпрерывнымъ боемъ. 9-го августа произошло лихое кавалерійское дѣло около станціи Плуховъ, между Злочевымъ и Зборовомъ. Девять нашихъ эскадроновъ въ конномъ строю атаковали двойное число австрійскихъ. Противникъ принялъ атаку, но, несмотря на двойное превосходство въ силахъ, не выдержалъ стремительнаго натиска нашей доблестной кавалеріи и былъ опрокинутъ.

А 13-го августа разыгрался уже болѣе крупный бой у Злочева, о которомъ подробно разсказываетъ участникъ его, подпоручикъ Козловъ:

„Подъ Злочевымъ, около лѣса, насъ встрѣтила дивизія австрійскаго войска, сформированная изъ „босняковъ".

Въ авангардѣ нашего полка былъ другой полкъ. Въ два часа дня мы получили приказаніе взять влѣво къ Злочеву.

Въ это время другой авангардный полкъ былъ уже въ „работѣ", ибо черезъ нѣкоторое время мы уже встрѣчали раненыхъ, которые отправлялись на перевязочный пунктъ.

Вдругъ около канавы на опушкѣ лѣса усиленный отрядъ австрійской артиллеріи открылъ по насъ сильный огонь.

Австрійцы оказались окопанными.

Огонь ихъ причинилъ намъ незначительныя потери. Наша артиллерія и пулеметы очень мѣтко отвѣчали.

Мы тотчасъ же получили приказаніе перейти въ наступленіе. Завязался горячій бой, длившійся до сумерекъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы переходили въ штыки, но австрійцы отъ штыкового боя уклонялись.

Черезъ нѣкоторое время при незначительныхъ потеряхъ мы овладѣли окопами. Австрійцы ушли въ лѣсъ.

Съ особенной бодростью и мужествомъ наши солдаты преслѣдовали непріятеля. Благодаря густотѣ лѣса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стрѣльба производилась въ упоръ, и мы черезъ короткое время приблизились къ главнымъ непріятельскимъ силамъ на разстояніе 450 шаговъ.

Жаркій бой завязался и на другой опушкѣ лѣса, куда мы оттѣснили австрійцевъ. Тамъ по насъ открыли сильный ружейный и пулеметный огонь запасныя силы непріятеля. Черезъ нѣсколько минутъ весь полкъ былъ въ бою. Австрійцы стали наступать густыми колоннами, но по всей линіи встрѣтили ожесточенный отпоръ.

Мы съ большой поспѣшностью продолжали наступать. Непріятель сталъ прикрываться усиленнымъ пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ. Однако, несмотря на большую численность австрійцевъ, мы къ вечеру отогнали ихъ отъ Злочева на разстояніе 10 верстъ. Непріятель отступалъ, оставляя на мѣстѣ сраженія много раненыхъ и убитыхъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ бой прекратился. Съ большимъ урономъ для австрійцевъ, мы отогнали ихъ на далекое разстояніе. Отступая, австрійцы почти ничего не успѣли разрушить на пути"...

Вслѣдъ за этимъ боемъ, счастливо, какъ и предыдущіе бои, окончившимся для насъ, наши войска столкнулись съ арьергардными отрядами австро-венгерскихъ войскъ, имѣвшихъ артиллерію и пытавшихся задержать наше наступленіе на г. Серетъ, въ районѣ Тарнополя и Чорткова, въ 38 верстахъ отъ нашей границы, къ западу отъ Волочиска.

Батарея наша расположилась на опушкѣ лѣса. Мѣста по фронту было немного, и потому между орудіями интервалы были всего въ 20—25 шаговъ. Сзади, въ полуверстѣ за горкой, расположился нашъ резервъ.

Съ ранняго утра загрохотали австрійскія орудія. Они искали насъ уже второй день, но тщетно. Снаряды ихъ рвались то да-

леко въ сторонѣ, то впереди насъ за лѣсомъ, и тогда было хорошо слышно, какъ ломались вѣтви, срывались листья. Солдаты говорили, что „австріяки по тетеревамъ стрѣляютъ“.

Наши войска пока огня не открывали. Солдаты за ночь отлично выспались подъ орудіями и весело болтали, сидя группами около пушекъ. Зажигать огонь было рисковано, и по-

этому чаю не пили, только потягивали махорку и вполголоса пѣли „Корейца".

Къ восьми часамъ непріятельскій огонь усилился, и лѣсу, надъ которымъ безпрестанно подымались дымки лопавшихся шрапнелей, стало доставаться порядочно. Особенно много рвалось шрапнелей въ правой части лѣса,—очевидно, австрійцы стрѣляли по картѣ въ просѣченную здѣсь часть—единственный проходъ въ этой сторонѣ лѣса. Нѣсколько шрапнелей разорвались и надъ самой батареей, но такъ высоко, что вреда не принесли. Все же артиллеріи нашей пришлось укрыться въ ровики. Бездѣйствіе начинало солдатъ тяготить, тѣмъ болѣе, что съ передней опушки лѣса уже доносилась трескотня пѣхоты.

Но вотъ раздалась команда, всѣ встали по мѣстамъ, заработала батарея. Стало веселѣе. Почти каждый выстрѣлъ сопровождался восклицаніями солдатъ: „Добраго пути!", „Найди компанію побольше, да познатнѣе!" и т. д.

Повидимому, наши батареи стрѣляли удачно,—непріятельская артиллерія скоро замолчала. Солдаты было уже собрались немного отдохнуть, да кстати и пообѣдать, но не тутъ-то было. Впервые услышали они незнакомый раскатъ, прерывистый гулъ,—и въ саженяхъ 100 за батареей съ громовымъ ударомъ разорвался девятидюймовый „подарочекъ". За нимъ другой, третій. Солдаты не замедлили прозвать эти новые австрійско-нѣмецкіе подарки „трамваемъ". Мѣтче ихъ прозвать и нельзя было. Гудятъ они точь-въ-точь какъ быстро идущій трамвай.

Что же касается огромныхъ воронокъ, которыя дѣлаютъ снаряды тяжелой артиллеріи, то и къ нимъ нижніе чины не могли не отнестись безъ юмора:

— Хорошая штучка,—говорили они:—ежели убьетъ, такъ сама и похоронитъ! Могилы рыть не надо...

Однако, девятидюймовыя снаряды начали ихъ безпокоить порядкомъ и даже причинили, правда весьма небольшія, потери. Пришлось опять засѣсть въ ровики, выходя изъ нихъ лишь для того, чтобы выпустить очередь снарядовъ.

Повидимому, австрійцы рѣшили, что батарея нашихъ войскъ заняла позицію на лежавшихъ сзади возвышеніяхъ, которыя они усердно и обстрѣливали. Такимъ образомъ, снаряды ихъ, кромѣ случайныхъ, вреда принести не могли. Но зато австрійцы лишили нашихъ солдатъ обѣда, который положительно нельзя было провезти черезъ горку.

Такъ обѣдать имъ и не пришлось: погрызли сухариковъ съ водицей. Зато австрійскія батареи они дѣйствительно за-

ставили умолкнуть, и уже безъ помѣхи осыпали шрапнелями непріятельскіе окопы, пока наша пѣхота не подошла къ нимъ почти вплотную. Тутъ наша батарея перенесла огонь въ тылъ, освободивъ мѣсто для доблестной работы пѣхоты.

Здѣсь разразился цѣлый рядъ боевъ, въ которыхъ наши войска проявили доблесть истиннаго героизма. Въ результатѣ этихъ сраженій противникъ былъ сбитъ нашими атаками, смѣшался и въ безпорядкѣ, походившемъ на бѣгство, отступилъ.

Раненый въ одномъ изъ этихъ боевъ разсказываетъ о слѣдующемъ любопытномъ эпизодѣ, имѣвшемъ здѣсь мѣсто:

„Наступали мы медленно. Намъ пришлось пройти черезъ большой сосновый лѣсъ-молоднякъ. Проходить было ужасно трудно, колючія вѣтви больно били по лицу. За лѣскомъ открылась широкая поляна, а впереди была маленькая рѣчка. Мы выстроились повзводно. Былъ отданъ приказъ—дать нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. Непріятель почти молчалъ; кое-гдѣ раздавался единичный отвѣтный выстрѣлъ.

Мы пошли впередъ и прошли рѣчку. Какъ только рѣчка осталась позади насъ, непріятель, скрытый гдѣ-то въ окопахъ, открылъ по нашему полку страшный огонь.

Мы разсыпались въ цѣпь и продолжали двигаться дальше. Но нашъ правый флангъ, ввиду численнаго перевѣса противника, нѣсколько поддался назадъ. Онъ отступилъ за мостикъ и сталъ тамъ окапываться, поджидая подкрѣпленій. Тогда непріятель обратился противъ крѣпко державшагося лѣваго фланга.

Начался упорный бой. Огонь былъ страшный, клубы дыма смѣшались съ пылью, такъ что стало темно. Нельзя было совершенно различить, движется ли къ намъ на помощь подкрѣпленіе или наступаетъ непріятель. Мы прекратили стрѣльбу

и выбросили бѣлый флагъ, чтобы случайно не разстрѣлять своихъ.

Приблизившаяся къ намъ часть тоже выкинула бѣлый флагъ. Но когда пыль и дымъ разсѣялись, мы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣли непріятеля. Представьте себѣ наше изумленіе, когда мы очутились на разстояніи штыкового удара отъ непріятеля.

Со стороны австрійцевъ раздались выкрики:

— Украинцы, бросьте оружіе, сдавайтесь!..

Недоумѣніе было какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Вдругъ одинъ изъ австрійцевъ выхватилъ у одного изъ нашихъ солдатъ ружье и бросилъ его на землю. Моментъ недоумѣнія прошелъ—и мы ударили въ штыки. Австрійцы дрогнули, и ихъ правый флангъ началъ отступать.

Тогда, желая остановить отступленіе, главныя австрійскія силы открыли по своимъ же отступавшимъ пулеметный огонь.

Мы удержали свои позиціи и, когда подошли подкрѣпленія, выгнали непріятеля изъ его окоповъ.

Съ наступленіемъ ночи сраженіе прекратилось, а на утро австрійцы покинули свои позиціи и стали уходить"...

Наступленіе нашихъ войскъ продолжалось безостановочно. Наша кавалерія прервала движеніе поѣздовъ черезъ желѣзнодорожный мостъ у станціи Каменка, на австрійской линіи Волочискъ-Тарнополь-Львовъ, захвативъ весь подвижной составъ. О занятіи нашими войсками города Тарнополя разсказываетъ одинъ изъ видныхъ галицко-русскихъ дѣятелей, проживавшій въ Тарнополѣ, бывшій очевидцемъ побѣдоноснаго входа нашихъ войскъ въ этотъ галицкій городъ:

„Я служилъ въ мѣстномъ отдѣленіи австро-венгерскаго государственнаго банка. Съ началомъ военныхъ дѣйствій для насъ, русскихъ, наступили тяжелые дни. Обыски, аресты нашихъ людей, заключеніе въ тюрьму по малѣйшему подозрѣнію въ сочувствіи Россіи — неизвѣстное будущее. Австрійскія власти, возвѣщая торжественно черезъ нѣмецкія и польскія газеты скорое побѣдоносное вторженіе австро-венгерской арміи въ Малороссію и занятіе Кіева, предусмотрительно торопились вывести изъ Тарнополя всю наличность банка, всѣ цѣнности. Намъ это больше говорило, чѣмъ всѣ широковѣщательные планы быстраго завоеванія юга Россіи. За три дня до взятія Тарнополя уѣхало изъ города и уѣздное начальство. Выѣхали многіе поляки — окрестные помѣщики и чиновники. Войска ушли...

Была суббота. Я съ товарищами сидѣлъ въ ресторанѣ; семью свою я отправилъ не на западъ, а на востокъ, къ самой границѣ, гдѣ жена имѣла родственниковъ, для того, чтобы поскорѣе совершилось то, чего мы въ тайникахъ души давно и долго мучительно желали. Пили пиво и говорили, конечно, только о войнѣ.

— Что-то о ней много пишется, много говорится, да ничего не слышится,—говорю я.

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ въ шагахъ десяти отъ нашего ресторана на улицѣ шлепнулась съ шумомъ и грохотомъ граната. Разорвалась, разворотила мостовую и панель.

— А вотъ и слышится,—сказали мы, переживая особое жутко-радостное чувство:—Граната-то, вѣдь, русская...

Бумсъ, бумсъ... продолжало гудѣть въ воздухѣ. Каждый поторопился во-свояси ожидать грядущаго. Было 2 час. дня. Городъ притихъ, но и грохотъ орудій скоро замолкъ, и до слѣдующаго дня ничего не было слышно. Жители опять всѣ понемножку повысунулись изъ своихъ убѣжищъ, а намъ стало даже какъ-то грустно. Неужели пройдутъ мимо? Почему замолкли? Что случилось?.. Ни газетъ, ни телеграммъ, и только невѣроятные слухи, передаваемые будто все знающими евреями. Къ сожалѣнію, многіе изъ этихъ слуховъ, относившіеся къ нашимъ людямъ, оправдались. Сколько ихъ перевѣшали, сколько перестрѣляли!..

Наша тарнопольская тюрьма была переполнена узниками, среди которыхъ находилось немало и русско-подданныхъ, схваченныхъ на пути ихъ возвращенія въ Россію или застигнутыхъ войною въ предѣлахъ Галиціи. Что пришлось пережить этимъ людямъ—трудно описать! Тюремное начальство постоянно грозило перевѣшать ихъ. Никто въ городѣ, а тѣмъ болѣе въ тюрьмѣ, не зналъ о побѣдахъ русскихъ войскъ. Воображеніе невольно рисовало самые невѣроятные ужасы...

Однако, едва я на слѣдующій день пришелъ на бывшее мѣсто моего служенія, въ банкъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ котораго находились всѣ низшіе служащіе съ ихъ семьями, надъ городомъ опять загрохотало. И вдругъ раскатистое „ура!".

— Чьи это?—спрашиваю служащаго: онъ нѣмецъ, бывшій солдатъ.—„Наши", говоритъ.—„Плохо",—думаю—если „наши" по-твоему, а не по-моему!!.

И съ трепетомъ сердца поднялся наверхъ, чтобы изъ окна пріемнаго зала взглянуть на улицу и рѣшить мучившій

меня вопросъ. Чуть подошелъ къ окну и кинулъ взоръ на улицу—свистящая пуля пронзила окно. Я едва успѣлъ нагнуться. То, что я увидѣлъ, заставило меня забыть и пули и грохотъ. Я видѣлъ русскія войска, которыхъ мы 600 лѣтъ мучительно и страстно ждали. Опрометью побѣжалъ я внизъ и не вытерпѣлъ, спросилъ опять того-же служащаго: „Чьи это?“ „Ихъ“,—отвѣтилъ онъ угрюмо. А сердце пѣло одно: „наши, наши!“

Выскочилъ я на улицу и сталъ громко привѣтствовать нашихъ освободителей.

— Здравствуйте, здравствуйте!—громко кричалъ и не я одинъ, а много нашихъ.

Наши отвѣчали,—съ улыбкой на лицѣ, привѣтливо раскланиваясь.

Подъѣхалъ полковникъ и спросилъ, здѣсь ли банкъ. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ просилъ меня провести его въ банкъ, что я и сдѣлалъ. Открыли всѣ шкафы, ящики. „Гдѣ же деньги“, спросилъ полковникъ. — Увезли, говорю, недѣли полторы тому назадъ. — „Однако поторопились“, — засмѣялся онъ. „Куда?“—Въ Вѣну,—говорю.

Мы отправились въ госпиталь. Тамъ была масса народа, нашихъ тарнопольцевъ. Въ центрѣ группы стоялъ высокій, грузный гусаръ съ перевязкой на головѣ. Каково было мое удивленіе, когда при поворотѣ я узналъ въ немъ намъ всѣмъ, галичанамъ, дорогого, неоцѣнимаго друга Галицкой Руси — графа Н. Мы обнялись, поцѣловались. „Гдѣ тюрьма? Везите меня скорѣе туда“, заторопилъ меня графъ. И со свойственной

ему стремительностью, онъ увлекъ меня въ автомобиль, и мы помчались по ликующимъ улицамъ Тарнополя къ тюрьмѣ, этому послѣднему воспоминанію австро-польскаго гнета.

— Пустите этого человѣка въ тюрьму,—сказалъ я сторожу:—а то сейчасъ придутъ казаки—и завтра вы тамъ будете сидѣть.

Онъ повелъ графа внутрь мрачнаго каземата; какъ добрый геній, открылъ всѣ кельи графъ, и вышли на свѣтъ Божій, благословляя Русскаго Царя и русскую армію тѣ, которые терпѣли въ ней страданія за русскую народность и вѣру отцовъ...

Со входомъ русскихъ войскъ въ нашъ городъ наступило точно Свѣтлое Христово Воскресеніе. Порядокъ образцовый, спокойствіе, радость на всѣхъ лицахъ. Каждый спѣшилъ проявить свои симпатіи къ русскому воину. Въ разговорахъ солдатики каждый разъ спрашивали: „А до Вѣны-то далеко?".— Да верстъ 700—говорю. „Ну это ничего. Проѣхали больше тысячи, а это и пройти можно".—Дай Богъ, дай Богъ,—слышится отовсюду.

Освободивъ узниковъ, графъ уѣхалъ впередъ. „Въ древній Галичъ",—торопливо сказалъ онъ при прощаніи. Я его больше не видалъ...

Это освобожденіе галиційскихъ славянъ, сочувствующихъ Россіи, и русскихъ подданныхъ изъ Тарнопольской тюрьмы, являлось какъ бы началомъ освобожденія Червонной Руси отъ многолѣтняго австрійскаго ига. Воодушевленные своей великой

миссіей, наши войска съ неослабѣвающимъ подъемомъ подвигались впередъ, разбивая и гоня передъ собою австрійскія арміи, занимая одинъ городъ за другимъ. Наша пѣхота, кавалерія, артиллерія словно состязались въ героизмѣ, проявляя чудеса храбрости, находчивости. Здѣсь нельзя не упомянуть о славномъ, рѣдкомъ дѣлѣ въ исторіи нашей конной артиллеріи-атакѣ венгерской конницей конной батареи у Каменки-Струмиловой, 11 августа.

„Наша батарея подъ командой ея командира,—разсказываетъ участникъ этого боя,—была двинута къ этому сильному пункту, которымъ надо было завладѣть.

Спѣшенные эскадроны шли подъ завѣсой артиллерійскаго огня части этой батареи. Около 5 часовъ вечера къ юго-западу отъ Каменки были замѣчены двѣ линіи спѣшенныхъ всадниковъ, которые сначала были приняты нами за одну изъ нашихъ кавалерійскихъ дивизій, которая должна была прорваться изъ глубокаго тыла противника. Но когда стали смотрѣть въ трубу сильнаго увеличенія—для всѣхъ стало ясно, что передъ нами была венгерская конница съ артиллеріей.

Не прошло и четверти часа, какъ батарея стояла на открытой позиціи. Пристрѣлка началась въ 6 час. 40 мин. вечера. Послѣ перваго выстрѣла при прицѣлѣ, батарея открыла бѣглый огонь по колоннѣ. Ураганъ свинца и стали летѣлъ въ массу противника. Мѣткость была поразительная. Было видно, какъ въ колоннѣ началась паника. Венгерцы бѣжали въ полномъ безпорядкѣ.

Однако, отойдя дальше, колонна оправилась, раздѣлилась на двѣ группы и скрылась.

Нужно сказать, что батарея, занявъ открытую позицію, сдѣлалась мишенью для австрійскихъ орудій. На нее обрушились восемь пушекъ. Началась артиллерійская борьба. Казалось, что численное неравенство являлось главнымъ козыремъ для австрійцевъ. Но надо учесть духъ нашей части и умѣніе ея командного состава вести борьбу. Въ то время какъ конная батарея стала громить матеріальную часть австрійской артиллеріи гранатами, оставивъ шрапнельный огонь, высоко надъ нею рвались снаряды противника, посыпая всю площадь пулевымъ дождемъ, но съ безконечно слабой скоростью.

Вотъ въ это-то время командиромъ и была обнаружена атака венгерскихъ гусаръ конной батареи. Гусары неслись полевымъ галопомъ по деревнѣ Польскія Лапы, желая ударить на нашъ лѣвый флангъ.

Секунда—и хобота были повернуты вправо. Пушки проглотили картечь, еще секунда—и навстрѣчу храбрецамъ-гусарамъ полетѣлъ снопъ свинца.

Это былъ моментъ чрезвычайнаго напряженія энергіи, самообладанія и воли. Врагъ идетъ впередъ. Громадныя прорѣхи отъ картечи не удерживаютъ венгерской лавины и она все идетъ впередъ.

Казалось, надъ батареей носилась тѣнь смерти...

Вотъ они у передковъ и зарядныхъ ящиковъ. Вотъ часть ихъ передъ фронтомъ батареи... Она въ послѣдній разъ бросила въ лицо атакующимъ картечь... Огневая борьба, казалось, кончилась. Что дальше?.. Рѣдкій моментъ, опасная минута!..

Но командиръ не растерялся. Батарея, по его приказанію, выхватываетъ изъ кобуръ револьверы. Въ отвѣтъ на сабельные удары артиллеристы открыли огонь изъ револьверовъ.

Это былъ сплошной адъ. Батарея вырывала шеренги гусаръ, прорвавшихся въ тылъ, а другая косила ихъ изъ револьверовъ—послѣднее, что осталось. Поручикъ былъ сшибленъ съ ногъ венгерскимъ офицеромъ, и только благодаря этому нанесенный ему сабельный ударъ оказался слабымъ. Выстрѣлъ изъ ревельвера—и венгерца не стало.

Командиръ разстрѣлялъ два магазина отъ браунинга, свалилъ съ лошади двухъ венгерцевъ и, когда на него летѣлъ третій, онъ крикнулъ драгуну:

— Патроновъ нѣтъ, коли его!..

Венгерецъ очутился на пикѣ...

Во время этой схватки подоспѣла наша конница, и эскадроны гусаръ были уничтожены. А ихъ было шесть-семь...

Батарея была орошена кровью: пострадало пять чиновъ, кромѣ вышеназваннаго поручика"...

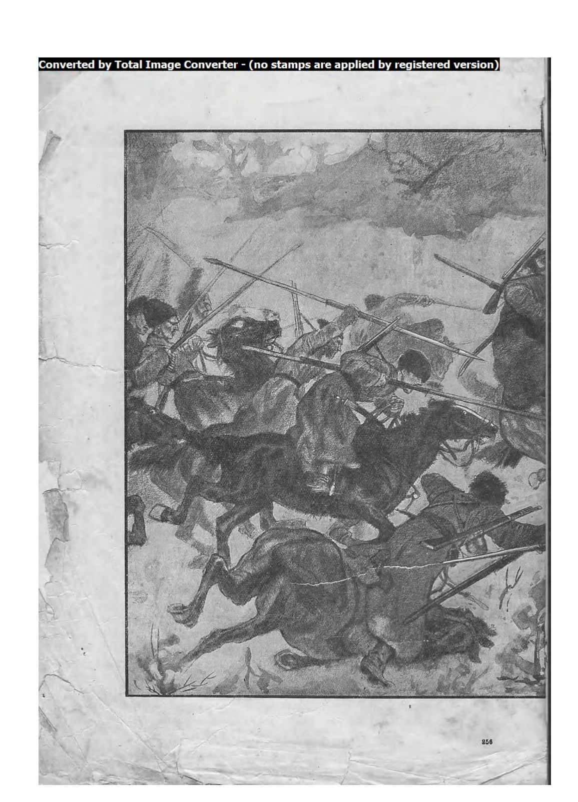
Въ этихъ первыхъ бояхъ съ австрійцами много удали и храбрости показали и наши казаки. Чѣмъ-то легендарнымъ вѣетъ отъ разсказа одного офицера о преслѣдованіи казаками бѣжавшихъ австрійскихъ полковъ:

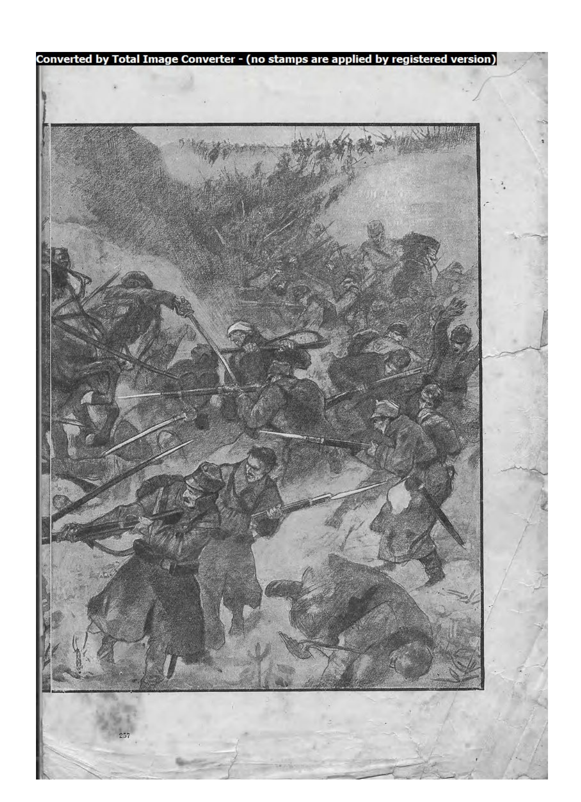
„Непріятель отступилъ. Мы его преслѣдовали. Вдругъ изъ-за небольшого лѣска выскакиваютъ съ гикомъ и крикомъ казаки и бросаются вдогонку за непріятелемъ. Слѣва мимо насъ, по тому же направленію, понеслись уланы на рослыхъ, красивыхъ лошадяхъ.

Спустя пять минутъ раздались бѣшеные крики:

— Разомкнись! Разомкнись!..

И черезъ наше расположеніе, черезъ рвы и окопы, остав-

ленные непріятелемъ, съ грохотомъ проносится казачья конная батарея. На всемъ скаку она поворачивается кругомъ и снимается съ передковъ. Трахъ, трахъ!..—и убійственный огонь черезъ головы нашей кавалеріи наноситъ страшный ущербъ непріятелю.

Нѣсколько минутъ бѣглаго огня—и казачья батарея уже летитъ дальше. На первомъ удобномъ мѣстѣ опять снимается съ передковъ, посылаетъ десятокъ-другой снарядовъ— и опять несется впередъ.

Мы все время подвигаемся скорымъ шагомъ, съ пригорковъ—бѣгомъ. Устали страшно, но командиры, сами облитые потомъ, изнуренные не менѣе насъ, охрипшими голосами кричатъ.

— Впередъ, не растягивайся, скоро отдохнемъ!.. Подтянитесь, ребята!..

Казаки не далѣе какъ въ полуверстѣ отъ насъ врѣзались въ бѣгущаго непріятеля. Мы ничего не видимъ: пыль, поднятая тысячами копытъ, заслоняетъ отъ насъ все. До насъ доносится только топотъ, выстрѣлы, нѣсколько пуль пролетаетъ съ визгомъ надъ нами и затѣмъ наступаетъ странная тишина. Только слышно: „тяпъ, тяпъ",—ну, точно мясникъ разсѣкаетъ туши...

Это—казаки рубили непріятеля. Нѣкоторое время спустя встрѣчаемъ плѣнныхъ, конвоируемыхъ взводомъ тѣхъ же казаковъ. Большинство плѣнныхъ ранены, въ крови, съ разсѣченными лицами. И ни капли злобы ни съ той, ни съ другой стороны. Одинъ казакъ въ поводу ведетъ свою лошадь и бережно затыкаетъ ватой рану на ея шеѣ, гладитъ ея морду и ласково что-то шепчетъ, а у самого изъ виска по лицу и уху сочится кровь каплями.

Плѣнные — угрюмы...

Маленькіе города брались почти исключительно казаками. Эти истинные удальцы никогда не смущались передъ численнымъ превосходствомъ непріятеля и шли напроломъ. Такъ было, напримѣръ, подъ Монастыржицами, 12-го августа, гдѣ австрійцевъ было почти втрое больше, чѣмъ казаковъ. Лихой атакой казаки обратили непріятеля въ бѣгство и заняли городъ. Но часть австрійцевъ спряталась въ домахъ съ пулеметами и открыла по казакамъ огонь. Потерявъ 90 человѣкъ убитыми и 137 ранеными, казаки принуждены были уйти изъ города. Скоро къ нимъ, однако, подоспѣли на помощь два нашихъ полка, которые вмѣстѣ съ казаками вступили въ бой съ австрійцами.

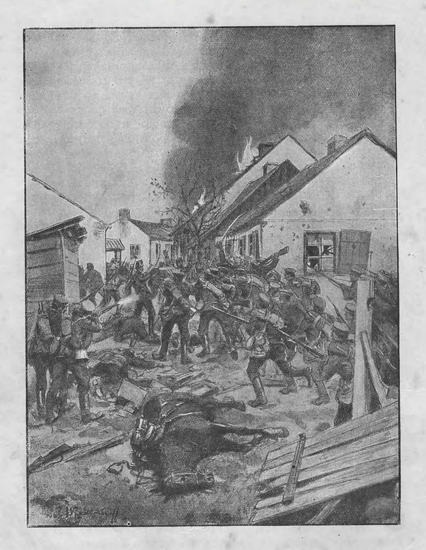
Вначалѣ непріятель потѣснилъ было нашъ лѣвый флангъ, но потомъ, несмотря на превосходство силъ австрійцевъ, кото-

рыхъ оказалась цѣлая дивизія съ артиллеріей, непріятель не выдержалъ натиска и запрятался въ окопы. Но и тутъ имъ не пришлось долго сидѣть. Одинъ изъ нашихъ полковъ занялъ фланговое положеніе, а артиллерія начала громить резервы.

Часамъ къ пяти вечера наши войска дошли до 50 шаговъ къ австрійскимъ окопамъ и съ крикомъ „ура" бросились впередъ. Австрійцы выскочили изъ окоповъ и побѣжали врассыпную. Прогнавъ ихъ по улицамъ города, гдѣ большая часть ихъ была перебита, казаки, при выходѣ изъ города, добили остатки...

На другой день казачій разъѣздъ, объѣзжая лѣсъ у Монастыржицъ, подобралъ раненаго казака Стефана Крыгина, который разсказалъ о звѣрствахъ австрійцевъ, чинимыхъ ими надъ русскими плѣнными. Бѣжавшіе послѣ боя у Монастыржицъ австрійцы увели съ собой взятыхъ ими въ плѣнъ ветеринарнаго врача, сотеннаго ветеринарнаго фельдшера, младшаго ветеринарнаго фельдшера и четырехъ казаковъ (въ томъ числѣ и Крыгина). Всѣхъ плѣнныхъ отвели въ лѣсъ, верстъ за восемь отъ Монастыржицъ, поставили въ одну шеренгу, связали шпагатомъ руки, повернули задомъ и дали по нимъ одинъ залпъ, послѣ чего въ каждаго плѣннаго было произведено еще по два выстрѣла изъ револьверовъ. Всѣ плѣнные были убиты, за исключеніемъ казака Крыгина, который притворился мертвымъ, и ветеринарнаго врача, тяжело раненнаго. Когда австрійскіе солдаты услышали, что ветеринарный врачъ еще стонетъ, то нѣсколько конныхъ солдатъ проѣхали по немъ на лошадяхъ. Послѣ ухода солдатъ Крыгинъ поползъ по направленію къ нашему отряду...

Рядовой одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ Михаилъ Безуховъ, участвовавшій въ томъ же бою подъ Монастыржицами, также разсказываетъ о разстрѣлѣ австрійцами нашихъ плѣнныхъ. Когда рота при наступленіи прорвалась на позиціи австрійцевъ, то его взводъ, во главѣ съ полуротнымъ командиромъ, былъ окруженъ преобладающими силами австрійцевъ, которые заставили ихъ бросить оружіе и отвели въ сторону. Они, примирившись съ положеніемъ плѣнныхъ, сидѣли около дерева, а мимо проходили австрійцы навстрѣчу наступающимъ нашимъ войскамъ. Вдругъ австрійскій офицеръ быстро подошелъ къ нимъ, приказалъ встать и поднять руки кверху, а затѣмъ, по его командѣ, австрійцы начали ихъ разстрѣливать. Первымъ палъ офицеръ, — австріецъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Безуховъ былъ раненъ, тѣмъ не менѣе австріецъ вы-

стрѣлилъ въ него еще нѣсколько разъ, кололъ штыкомъ и ударилъ ложей ружья по головѣ. Солдатъ потерялъ сознаніе. Изъ остальныхъ его товарищей, захваченныхъ австрійцами, никто не остался въ живыхъ...

Наступленіе австрійцевъ въ Россію.

Австрійцы въ Городкѣ, Тарноградѣ, Андреевѣ, Сатановѣ.

Въ то время, какъ наши войска продвигались съ боемъ вглубь Галиціи, австрійцы, въ свою очередь, предприняли наступленіе на нашу территорію.

Австрія объявила намъ войну 23-го іюля, но только 29-го австрійцы начали проявлять признаки жизни: они переправились въ довольно значительныхъ силахъ на лѣвый берегъ Вислы, близъ Сандомира. Затѣмъ пришли извѣстія о появленіи австрійскихъ передовыхъ отрядовъ по всей длинной дугѣ австро-русской границы, отъ пограничнаго съ Румыніей Прута до Кракова. Стычки происходили и на границахъ Бессарабской, Подольской, Волынской, Люблинской и Кѣлецкой губерній. Повсюду, впрочемъ, австрійцы были въ незначительныхъ силахъ, и только въ Кѣлецкой губерніи они появились довольно крупными отрядами.

2-го августа нашими передовыми частями было обнаружено на шоссе Пинчовъ—Кѣльцы наступленіе значительныхъ силъ австрійской конницы, сопровождаемой пѣхотными частями. Наша конница завязала бой съ наступавшей колонной противника у деревни Пяски и вела его до вечера. Всѣ попытки австрійцевъ продвинуться къ сѣверу не удались.

Другой австрійскій отрядъ произвелъ нападеніе на Городокъ, Подольской губерніи. Въ моментъ полученія извѣстія, что къ мѣстечку приближаются австрійцы, въ Городкѣ находилось 900 человѣкъ солдатъ, считая въ томъ числѣ и стражниковъ. Развѣдчики донесли, что численность отряда австрійцевъ — не менѣе 2.000 человѣкъ.

Въ Городкѣ былъ устроенъ импровизированный военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено раздѣлить наличныя силы на три отряда; одинъ подъ различными прикрытіями занялъ еврейское кладбище, а два другихъ засѣли въ маленькомъ лѣску. Все это было сдѣлано до появленія австрійцевъ и при томъ такъ быстро и ловко, что прошло для нихъ совершенно незамѣченнымъ.

Навстрѣчу австрійцамъ были посланы 30 человѣкъ кавалеристовъ, которые, подойдя къ австрійцамъ, сдѣлали видъ, что очень испугались и поскакали обратно къ мѣстечку. Австрійцы послѣдовали за ними и были вовлечены въ засаду подъ перекрестный огонь трехъ отрядовъ.

Войдя въ Городокъ австрійцы не увидѣли тамъ ни одного русскаго солдата и быстро направились вглубь его. Имъ дали пройти нѣкоторое разстояніе и, когда они очутились въ центрѣ нахожденія русскихъ войскъ — ихъ встрѣтили перекрестнымъ огнемъ ружей и пулеметовъ.

Въ рядахъ австрійцевъ произошло страшное замѣшательство. Они повернули и побѣжали, преслѣдуемые жестокимъ, губительнымъ огнемъ, оставляя по пути убитыхъ и раненыхъ. Русскіе вышли изъ-за прикрытій и стали преслѣдовать непріятеля, продолжая наносить ему уронъ и захватывая плѣнныхъ.

Австрійцы оставили на мѣстѣ до 1.000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Въ этомъ дѣлѣ отличился, между прочимъ, солдатъ по фамиліи Голованъ, изъ казаковъ Полтавской губерніи, который, догнавъ убѣгавшихъ австрійцевъ, схватилъ за воротъ двухъ непріятельскихъ солдатъ и привелъ въ Городокъ, за что былъ представленъ къ военной наградѣ...

Обозленные австрійцы тотчасъ же снова вернулись къ Городку съ большимъ подкрѣпленіемъ, въ составѣ девяти полковъ венгерской конницы съ артиллеріей и пулеметами. Гарнизонъ Городка также въ свою очередь получилъ подкрѣпленіе и теперь уже состоялъ изъ казачьей батареи, двухъ казачьихъ полковъ и двухъ ротъ пѣхоты съ пулеметами.

Узнавъ о наступленіи десятитысячнаго отряда, казачій полкъ, расположенный въ Лисоводахъ, сталъ отступать къ Городку и всю ночь съ 3 на 4 августа провелъ на позиціяхъ. Въ 10 часовъ утра полкъ поставили на отдыхъ въ Экономіи Виноградскаго. Не успѣли казаки разсѣдлать коней, какъ показались густыя конныя колонны венгерскихъ полковъ. Вскорѣ началась и артиллерійская подготовка атаки. Полковой командиръ немедленно выслалъ пулеметную команду на правый флангъ, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ въ пѣшемъ строю.

Въ это время два полка венгерскихъ гусаръ, пошедшіе въ обходъ Городка, наткнулись на цѣпь нашей пѣхоты, которая встрѣтила ихъ убійственнымъ огнемъ. Полки повернули назадъ и при этомъ движеніи попали подъ наши пулеметы, стоявшіе на лѣвомъ флангѣ, которые такъ удачно направили свои выстрѣлы, что изъ двухъ полковъ, по свидѣтельству плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, осталось не болѣе десяти человѣкъ.

Въ шесть часовъ вечера командиромъ полка высланы были пятая и третья сотня въ конномъ строю на прикрытіе пулеметовъ, которые начали тѣснить австрійцы. Пятая сотня наметомъ бросилась ни помощь своимъ. Но въ этотъ моментъ и венгерскіе

гусары рѣшили сдѣлать послѣднюю попытку прорваться въ Городокъ через усадьбу. Съ этой цѣлью ими были выдѣлены три эскадрона, съ которыми и пришлось нашимъ казакамъ вступить въ рукопашный бой.

Дороги къ правому флангу, гдѣ стояли пулеметы, пересѣкли гусары, которые сплошной массой бросились навстрѣчу казацкой сотнѣ. Казаковъ всего было 80 человѣкъ.

Только что станичники перемѣнили направленіе, какъ надъ сотней разорвалась шрапнель, за ней другая. Казаки, обнаживъ шашки, ринулись въ атаку.

Съ первыхъ же ударовъ венгерцы пришли въ замѣшательство. Въ это время подоспѣла третья сотня, врѣзавшаяся въ непріятельскій отрядъ съ другого фланга. Венгерцы растерялись и обратились въ безпорядочное бѣгство, преслѣдуемые казаками. Увидя разгромъ гусаръ, быстро снялась и австрійская артиллерія, бросившаяся на утекъ къ деревнѣ Каменной.

Казаки, возвратившись, подобрали всѣхъ раненыхъ австрійцевъ, а среди убитыхъ нашли тѣло эскадроннаго командира

графа Дорзе, у котораго въ сумкѣ оказались важныя бумаги (между прочимъ, маршрутъ по Россіи вплоть до Перми(!). Наши потери оказались небольшими: 2 офицера убито, 5 ранено, нижнихъ чиновъ убито 3, ранено 34. Непріятель же оставилъ на полѣ битвы болѣе 2.000 убитыми и 85 раненыхъ...

Не менѣе ожесточенная стычка казаковъ съ австрійцами произошла и подъ Тарноградомъ. Объ этомъ боѣ разсказываетъ Тарноградскій врачъ, остававшійся тамъ въ моментъ вступленія австрійцевъ въ этотъ городъ:

„Мы не ждали непріятеля такъ скоро. Но кое-какія мѣры у насъ были приняты. Костелъ нашъ обращенъ былъ въ госпиталь, въ который записалось нѣсколько сестеръ милосердія.

Конечно, мы очень волновались: вся наша охрана состояла изъ одной сотни казаковъ...

Утромъ—я никогда не забуду этого дня—сообщили, что показалась австрійская конница. Я съ сестрой милосердія такъ и остался въ оградѣ костела. Казаки размѣстились ниже, лицомъ къ Сбручу. Все вдругъ затихло, точно замерло, площадь опустѣла, и только иногда со стороны казаковъ доносилось крѣпкое ругательство. Прошло не болѣе часа, который намъ показался вѣчностью...

И вотъ, справа на площадь въѣхали австрійскіе драгуны. Бѣлые кителя, бѣлыя кепи.

То, что произошло въ слѣдующій моментъ—невозможно передать человѣческимъ языкомъ. Все происходило въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ ограды костела; мы слыхали даже дыханіе лошадей. Точно лопнула плотина, или сорвался какой-то бѣшеный вихрь! Со свистомъ и криками, которые буквально оглушали, казаки налетѣли на драгунъ. Тѣ пытались дать залпъ, но не успѣли. Я видѣлъ, какъ эти драгуны вылетали изъ сѣделъ вмѣстѣ съ пиками, пронзившими ихъ; другіе приподнимались на воздухъ—и тутъ же ихъ рубили сабли, сверкавшія какъ молніи. Даже лошади врывались и вгрызались, какъ бѣшеныя, въ это страшное мѣсиво.

Я видѣлъ всадниковъ почти откинутыхъ назадъ, словно отъ удара въ грудь, которые какъ то безпомощно и непроизводительно мотали передъ собой саблями. Свистъ, крики и ржанье лошадей, чвакающій звукъ сабельныхъ ударовъ!.. Никто не могъ убѣжать, никто не спасся. Я никогда не повѣрилъ бы, если бы не видѣлъ собственными глазами...

Черезъ полчаса вся площадь передъ костеломъ превратилась въ сплошное кровавое мѣсиво человѣческихъ тѣлъ. Это

было что-то кошмарное,—стихія пронеслась и смела всю жизнь; бѣлые кители были сплошь залиты кровью. Мы находили лошадей изрубленныхъ буквально въ куски.

А казаки сошли съ лошадей, сбились въ кучу, говорятъ. Дѣлаютъ свои „фунтики“ изъ газетной бумаги, насыпаютъ ихъ махоркой, курятъ и „цыкаютъ“ слюной, сплевывая ее сквозь зубы. Точно ничего особеннаго и не произошло“...

Всѣ эти неудачи, однако, не остановили австрійцевъ, и они продолжали наступать почти по всей пограничной линіи. Нѣкоторые пункты имъ удавалось на время занимать—и тогда они вымѣщали свою злобу на ни въ чемъ неповинныхъ жителяхъ нашихъ деревень и городовъ, проявляя жестокость и звѣрство настоящихъ варваровъ.

Когда въ городокъ Андреевъ прибыли австрійскіе отряды—часть жителей успѣла уже убѣжать въ Кѣльцы, но съ оставшимися австрійцы жестоко расправились. Первымъ попался имъ въ руки мѣщанскій староста Антонъ Красинскій, почти семидесятилѣтній старикъ. У него потребовали всѣ суммы, находившіяся въ его распоряженіи. Староста заявилъ, что у него не имѣется никакихъ суммъ. Тогда солдаты, по приказанію офицера, поволокли старика въ мѣщанское управленіе. На пути къ нему на помощь бросился знакомый купецъ Ратай, который былъ немедленно разстрѣлянъ изъ револьверовъ тремя присутствовавшими при этомъ офицерами.

Австрійцы произвели тщательный обыскъ въ помѣщеніи мѣщанской управы и, ничего не найдя, заперли старика Красинскаго въ чуланѣ, гдѣ хранился архивъ и подожгли въ немъ бумагу. Домъ сгорѣлъ, и въ немъ погибъ староста. Въ случайно выглядывавшихъ изъ оконъ жителей австрійскіе солдаты стрѣляли, причемъ былъ убитъ трехлѣтній ребенокъ почтальона.

Отрядъ, производившій эту расправу, достойную варваровъ, принадлежалъ къ частямъ кавалерійской девизіи изъ-подъ Брюна...

Еще большимъ количествомъ звѣрствъ сопровождалось трехдневное пребываніе австрійцевъ въ Сатановѣ.

Большой австрійскій отрядъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ конницы, артиллеріи и пулеметной команды, впервые вступилъ въ Сатановъ (гдѣ нашихъ войскъ къ тому моменту совершенно не было) въ воскресенье, 3-го августа, утромъ. Первый день пребыванія отряда прошелъ совершенно спокойно и благополучно. Но на слѣдующій день, когда отрядъ, ноче-

вавшій за мѣстечкомъ, въ окрестностяхъ, снова вернулся въ Сатановъ, уже въ сопровожденіи большого числа солдатъ-велосипедистовъ и пѣхотинцевъ, онъ неожиданно сталъ бомбардировать изъ пушекъ и пулеметовъ древній женскій монастырь, расположенный въ двухъ верстахъ отъ мѣстечка, въ предмѣстьѣ „Туторкѣ".

Бомбардировка монастыря, тихой, безоружной обители монахинь, вызвала неимовѣрную панику среди населенія. Бомбардировка продолжалась около получаса; нѣкоторыя монастырскія помѣщенія загорѣлись, сбиты были снарядами монастырскіе башни и кресты...

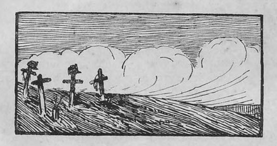
Но это было только начало. Скоро пѣхотинцы-австрійцы стали ходить по мѣстечку, требуя открыть магазины и грабя находившіеся въ нихъ товары. Во время этихъ „реквизицій" и произошелъ разстрѣлъ мирныхъ жителей. Вдругъ, безъ всякой видимой причины и повода, австрійцы, разбросанные по всему

мѣстечку, открыли безпорядочную стрѣльбу изъ револьверовъ по улицамъ. Всѣ находившіеся на улицахъ въ паническомъ страхѣ спѣшили куда-нибудь укрыться, но далеко не всѣмъ это удавалось.

Когда черезъ нѣсколько часовъ паника нѣсколько улеглась и жители стали по одиночкѣ выходить на улицу, то выяснилось, что жертвами этой дикой расправы было нѣсколько десятковъ человѣкъ—убитыми и ранеными. Кромѣ того подожжены были австрійцами и сгорѣли нѣсколько зданій...

Въ слѣдующую ночь, втеченіе 4—5 часовъ улицы мѣстечка оглашались душераздирающими воплями и криками. Оказалось, что это уже австрійцы въ паническомъ ужасѣ бѣжали и спасались отъ нашихъ казаковъ, на которыхъ они натолкнулись по выходѣ изъ мѣстечка. Четыре австрійскихъ кавалериста, обезумѣвъ отъ страха и растерянности, сами другъ друга закололи штыками.

Съ собою австрійцы, между прочимъ, увели въ качествѣ „заложниковъ“ до 80 жителей мѣстечка, въ томъ числѣ мѣстнаго ксендза...

Владиміръ-Волынскій, Красникъ, Каменецъ-Подольскъ, Кѣльцы.

Выбитые изъ занятыхъ ими пунктовъ, австрійцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступили къ своимъ границамъ, но тотчасъ же предприняли новое наступленіе.

Наша имперская граница между Радомской и Люблинской губерніями образуетъ входящій уголъ, причемъ сѣверо-западную сторону этого угла составляетъ рѣка Висла, а сѣверо-восточ-

ную—правый притокъ Вислы, рѣка Санъ, которая частью служитъ пограничной линіей, частью проходитъ нѣсколько позади границы. Отъ линіи Сана на 80-верстномъ фронтѣ также выдвинулись впередъ развѣдывательныя части австрійской кавалеріи, которыя тутъ были поддержаны пѣхотой съ артиллеріей и пулеметами.

Передовыя части австрійцевъ, двигавшихся отъ рѣки Санъ, достигли линіи Завихостъ-Заклиново—Яновъ-Тарноградъ. Такимъ образомъ, австрійцы заняли юго-западную пограничную полосу Люблинской губерніи, съ изогнутымъ фронтомъ. 3-го августа они сдѣлали попытку захватить не имѣющій никакихъ укрѣпленій городъ Владиміръ-Волынскій. Съ этой цѣлью они направили къ городу сравнительно большой отрядъ въ составѣ цѣлой кавалерійской дивизіи, двухъ батальоновъ пѣхоты и двухъ батарей. Въ городѣ для его защиты имѣлся немногочисленный гарнизонъ безъ артиллеріи.

Наканунѣ австрійцы появились въ пограничномъ мѣстечкѣ Порицкѣ, въ 27 верстахъ отъ Владиміра, а 3-го августа они уже обложили самый Владиміръ, надѣясь очень легко взять его, такъ какъ получили свѣдѣнія, что въ городѣ осталась лишь незначительная часть гарнизона.

Бомбардировка города началась съ утра. Сначала гранаты разрывались лишь на окопахъ а потомъ начали рваться и въ самомъ городѣ, наводя паническій ужасъ на жителей, которые метались въ разныя стороны по улицамъ, въ поискахъ безопаснаго мѣста. Многіе оставили свои дома на произволъ судьбы и бѣжали изъ города.

На вокзалѣ былъ какой-то адъ—когда уходившій поѣздъ обстрѣливался австрійцами. Казначейство и почтово-телеграфная контора были вывезены за городъ подъ прикрытіе казармъ мѣстнаго гарнизона. Непріятель повелъ на городъ атаки съ различныхъ сторонъ, причемъ поддерживалъ атакующія части сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

Австрійская кавалерія шла храбро въ атаку сомкнутымъ строемъ. Впереди два всадника, за ними—тридцать, и дальше остальные. Въ красивомъ, парадномъ обмундированіи, съ обнаженными саблями передъ собой, австрійцы мужественно мчались впередъ на окопы. Въ случаѣ удачи атаки—никого-бы не осталось въ живыхъ въ нашихъ окопахъ; непріятель подавилъ-бы ихъ своей массой.

Но между нашими окопами и австрійцами лежало поле смерти. Совсѣмъ близко удавалось подходить австрійцамъ, но

они тотчасъ же падали у самыхъ нашихъ окоповъ. Ни одинъ не доходилъ невредимымъ. И никто изъ нихъ не возвращался обратно. Одинъ офицеръ подскакалъ совсѣмъ близко, но тоже палъ, сраженный пулей.

Всѣ атаки австрійцевъ, которыя велись какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю, были отбиты, несмотря на ихъ настойчивость и сильный артиллерійскій огонь. Стойкость нашихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ была выдающаяся; даже контуженые и раненые — послѣ перевязки тотчасъ же возвраща-

лись въ строй. Всѣ стремились оставаться въ передовыхъ линіяхъ.

Къ вечеру, послѣ ряда неудавшихся попытокъ прорваться къ городу, противникъ, понеся значительныя потери и прикрываясь ураганнымъ огнемъ своей артиллеріи, отступилъ къ югу, къ селенію Зимно.

Вечеромъ и въ ночь на 4-е пришло во Владиміръ подкрѣпленіе. Жителямъ было исправникомъ объявлено, что непріятель съ большими потерями отбитъ. Но въ тотъ же день снова появились около города австрійскіе разъѣзды. Наши войска обстрѣляли ихъ изъ орудій, послѣ чего изъ лѣса выскочила непріятельская кавалерія, обратившаяся въ бѣгство.

Австрійцы продолжали осаждать городъ еще впродолженіе трехъ дней, но прибывшими нашими подкрѣпленіями они были разбиты...

Того же, 4-го числа пятая австрійская пѣхотная дивизія, оттѣснивъ наши разъѣзды, атаковала Красникъ въ юго-западной части Люблинской губерніи. Австрійцы здѣсь развернули до трехъ полковъ пѣхоты и четырехъ батарей, въ общей сложности около 16 тысячъ штыковъ и 36 орудій. Такая большая численность отряда позволила австрійцамъ вести наступленіе одновременно съ захватомъ нашего фланга. Этотъ маневръ поставилъ наши войска въ очень трудное положеніе, такъ какъ непріятель при охватѣ получалъ возможность обстрѣливать насъ весьма опаснымъ фланговымъ огнемъ.

Несмотря на такое трудное положеніе, наши войска, послѣ подхода подкрѣпленій, отбили непріятельскій охватъ, затѣмъ сами перешли въ наступленіе и нанесли австрійцамъ пораженіе. Бой длился весь день и закончился только въ 7 час. 30 мин. вечера. Австрійцы понесли очень большія потери и ночью поспѣшно отступили.

Рядовой М., участникъ этого сраженія, разсказываетъ о слѣдующемъ интересномъ эпизодѣ:

„Во время жаркой перестрѣлки одна непріятельская часть перестала стрѣлять и выкинула бѣлый флагъ,—значитъ, вышла въ плѣнъ сдаваться. Перестали стрѣлять и мы, и съ нашей стороны пошелъ навстрѣчу ихнимъ офицерамъ ротный командиръ для переговоровъ. А австрійцы, представьте ихъ дерзость: намъ же предложили сдаться!..

Мы опять открыли огонь и они тоже—залпами. Но они скоро не выдержали, побросали ружья и сдались“...

Одновременно съ наступленіемъ противника къ Владиміру-Волынскому, другой австрійскій отрядъ наступалъ на городъ Каменецъ-Подольскъ, находящейся въ 20 верстахъ отъ границы. О пребываніи австрійцевъ въ этомъ городѣ подробно разсказываетъ находившійся тамъ въ это время врачъ С.

„Австрійскихъ войскъ ждали давно подъ Каменцемъ: уходила полиція, выступало изъ города ополченіе, спѣшно упаковывалась почта. 3-го августа по городу ходили слухи, что въ селѣ Оренинѣ, въ 16 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Каменца, появился значительный отрядъ австрійскихъ войскъ. Кромѣ того, въ послѣдніе дни, предшествовавшіе бомбардировкѣ города, насъ нащупывали непріятельскіе аэропланы. По одному такому аэроплану, появившемуся надъ городомъ 2-го августа, ополченцы и пограничная стража открыли сильный ружейный огонь, но летчики быстро поднялись за предѣлы выстрѣловъ и скрылись...

4-го августа, около полудня, гдѣ-то въ отдаленіи послышалась перестрѣлка. Сперва была ружейная стрѣльба, въ сторонѣ Польскихъ Фольварковъ, а потомъ начались и пушечные выстрѣлы. Первые снаряды рвались въ центрѣ города, потомъ начали бить по домамъ, расположеннымъ противъ Маріинской гимназіи. Обстрѣлу подверглась и Бульварная улица, на которой былъ расположенъ нашъ перевязочный пунктъ. Нашего флага Краснаго Креста или не было видно издали или на него просто не обращали вниманія.

Обстрѣлъ города продолжался около двухъ часовъ. Особенныхъ разрушеній онъ не произвелъ; пострадалъ, главнымъ образомъ, районъ въ самомъ центрѣ города около каѳедральнаго собора и мужской гимназіи.

Часамъ къ пяти вечера началось съ разныхъ сторонъ вступленіе въ городъ австрійскихъ войскъ. Наше ополченіе все успѣло отступить, и плѣнныхъ не было. Къ великому счастью для города, Каменцу пришлось имѣть дѣло съ разноплеменнымъ австрійскимъ войскомъ, а не съ пруссаками. Австрійскіе солдаты и офицеры держали себя вполнѣ корректно. Странно было чувствовать себя въ этомъ непріятельскомъ лагерѣ, въ которомъ со всѣхъ сторонъ слышалась польская, малорусская и какая то ломанная русская рѣчь. Но на несчастье наше войсками командовалъ прусскій генералъ, который и не замедлилъ предъявить городу слѣдующій ультиматумъ:

„Ввиду того, что при вступленіи австрійскихъ войскъ въ городъ Каменецъ, послѣ поднятія бѣлаго флага, мирными жи-

телями было произведено до 20 выстрѣловъ въ австрійскія войска, на городъ накладывается слѣдующая контрибуція: 200.000 руб. золотомъ и серебромъ, 200 подводъ съ лошадьми, 800 пудовъ выпеченнаго хлѣба и 60 воловъ на мясо. Вся эта контрибуція должна быть уплачена къ 8 часамъ утра слѣдующаго дня. Въ противномъ случаѣ городской голова будетъ повѣшенъ, а городъ уничтоженъ".

Всѣ впали въ полное отчаянье. Гдѣ было взять двѣсти тысячъ рублей золотомъ и серебряной монетой? Казначейство и всѣ банки, а равно и всѣ состоятельныя лица уже давно выѣхали изъ города. Уже цѣлую недѣлю въ городѣ нельзя было нигдѣ размѣнять трехрублевой бумажки. Въ самыхъ богатыхъ еврейскихъ домахъ оставалось не болѣе двадцати-пяти рублей звонкой монетой. Дѣло ясное—200.000 рублей собрать было совершенно невозможно. Такъ и заявила депутація генералу. Генералъ накричалъ на нее, стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

— Mann muss... а не то...—и онъ весьма выразительно показалъ городскому головѣ жестъ кругомъ шеи.

Съ 4 на 5-е августа жители не спали, а собирали все, что можно. Цѣлую ночь въ кабинетѣ врачей толпились люди; чуть-ли ни весь городъ остался на ночь въ больничномъ дворѣ и въ больничныхъ корридорахъ. Деньгами давали мало, ибо ихъ не было, но за то цѣлая гора брошекъ, колецъ, часовъ, подстаканниковъ и другихъ золотыхъ и серебряныхъ вещей была собрана къ утру. Все шло только по вѣсу. Очень цѣнная коллекція старинныхъ монетъ, которая въ свое время была оцѣнена болѣе чѣмъ въ 15 тыс. руб., пошла всего за 600—800 руб. И все-таки къ 6 часамъ утра, когда старшій врачъ понесъ нашъ сборъ въ управу—въ общемъ въ узлѣ было не болѣе какъ на 5—6 тысячъ рублей золота и серебра. Наибольшій сборъ дали церкви, костелы и синагоги. Были взяты кресты, чаши и вообще вся цѣнная утварь. У многихъ въ городѣ пришлось брать деньги силой и разбивать кассы...

Затѣмъ начались поиски генерала: ночью онъ куда то выѣхалъ. Въ 8 часовъ бомбардировка города, однако, не началась. Вмѣсто генерала всю контрибуцію принималъ какой то полковникъ. Ему было очень неловко. Всю утварь церквей, костеловъ и синагоги онъ поспѣшилъ вернуть обратно; оцѣнивалъ онъ очень спѣшно, насчитывая какъ можно больше. Все-таки насчиталъ всего только на 25.000 рублей и, тѣмъ не менѣе, выразилъ удовлетвореніе. А еще черезъ день приказано было всю контрибуцію вернуть обратно.

Уже къ вечеру 5-го августа австрійцы очистили городъ отступивъ верстъ за 5 по направленію къ границѣ, въ мѣстечко Козакъ. Туда ѣздила депутація отъ Каменецъ-Подольска принимать контрибуцію обратно, которая была возвращена полностью.

Черезъ день въ Каменецъ вступили наши войска"...

Въ занятыхъ австрійцами городахъ Сендзишовѣ, Больбромѣ, Мѣховѣ, Войдиславѣ, Бялогѣ жители ихъ много натерпѣлись отъ этихъ варваровъ. Но больше всѣхъ пострадали жители города Кѣльцы; пребываніе австрійцевъ въ этомъ городѣ было какимъ-то сплошнымъ кошмаромъ.

Въ Кѣльцы вначалѣ вступилъ небольшой непріятельскій отрядъ. Навстрѣчу ему вышла депутація отъ города въ составѣ городского президента и почтенныхъ городскихъ обывателей, держа въ рукахъ бѣлый флагъ. Вскорѣ въ городъ вступилъ значительный австрійскій военный отрядъ и занялъ всѣ правительственныя зданія, выкинувъ австрійскіе флаги. Начальникъ австрійскаго гарнизона занялъ для своей квартиры зданіе губернскаго правленія и немедленно вступилъ въ управленіе городомъ.

Вечеромъ того же дня въ Кѣльцы прибыли на бронированныхъ автомобиляхъ много австрійскихъ офицеровъ, отрядъ кавалеріи, а также нѣсколько сотъ австрійскихъ „соколовъ"-добровольцевъ, вооруженныхъ револьверами и маузерами.

Вскорѣ изъ Невахлева, гдѣ былъ расположенъ русскій отрядъ, прибылъ бронированный автомобиль съ русскими офицерами, открывшими стрѣльбу по австрійской кавалеріи. Обстрѣливая австрійскій бронированный автомобиль, русскіе офицеры застрѣлили четырехъ австрійскихъ офицеровъ.

Эта неожиданная стрѣльба, начатая горстью русскихъ героевъ-смѣльчаковъ, произвела среди австрійцевъ ужасный переполохъ. Австрійцы открыли по нашимъ офицерамъ сильный огонь. Австрійскіе солдаты, взобравшись на крыши высокихъ домовъ, безпрестанно стрѣляли по направленію къ Невахлеву. Нашему автомобилю австрійцы вреда не нанесли.

Начавшаяся стрѣльба вызвала въ городѣ панику, жители попрятались въ погребахъ, гдѣ они провели ужасную ночь.

На разсвѣтѣ раздался сильный взрывъ. Оказалось, что австрійцы взорвали большой желѣзнодорожный мостъ.

Утромъ появившійся подъ Кѣльцами отрядъ нашихъ казаковъ, послѣ артиллерійскаго обстрѣла австрійцевъ, двинулся къ городу. Приближеніе казаковъ привело австрійцевъ въ ужасъ,

и въ паническомъ страхѣ они начали отступать изъ Кѣлецъ по направленію къ Бялогѣ. Казаки ихъ преслѣдовали и перебили по дорогѣ много непріятельскихъ солдатъ и добровольцевъ, заставивъ австрійцевъ покинуть и Бялогу. Казаки продолжали преслѣдовать непріятеля, вынудили его очистить и Хенчинъ и отступить къ Андрееву, гдѣ были расположены значительныя силы австрійцевъ.

Австрійцы, такимъ образомъ, были изгнаны изъ Кѣлецъ, но они въ скоромъ времени не замедлили явиться снова. Пережившій этотъ кѣлецкій кошмаръ, нѣкій М. Сашанскій, разсказываетъ о немъ слѣдующее:

„5-го августа къ первоклассной гостиницѣ „Бристоль“ съ шумомъ и трескомъ подкатилъ автомобиль, въ которомъ сидѣло 8 неизвѣстныхъ лицъ.

Хотя Кѣльцы привыкли къ автомобилямъ и неизвѣстнымъ лицамъ, часто проѣзжающимъ черезъ городъ, на курортъ Бускъ, но странная одежда гостей, вооруженныхъ притомъ съ головы до ногъ карабинами и холоднымъ оружіемъ, привлекла массу публики.

Одинъ изъ прибывшихъ, повидимому, старшій, поднялъ два пальца къ небу и обратился къ собравшимся со слѣдующими словами:

— Панове, именемъ его величества императора Франца-Іосифа призываю васъ къ порядку. Отнынѣ я вамъ комендантъ и начальникъ города. Передайте вашимъ сосѣдямъ, что отъ

имени вашего новаго государя и покровителя я приказываю продолжать заниматься своими дѣлами и что бы всѣ магазины были открыты для публики. Ослушники же будутъ разстрѣливаться въ 24 минуты безъ всякаго суда!..

Нужно ли говорить о томъ, съ какимъ страхомъ и съ какою болью въ душѣ выслушали собравшіеся новый неслыханный приказъ новоиспеченнаго коменданта!..

Первый день прошелъ почти благополучно, если не считать дебоша въ ресторонѣ „Бристоль", который устроило новое начальство съ новымъ комендантомъ во главѣ. Дебошъ начался обыкновеннымъ кутежомъ и закончился стрѣльбой изъ револьверовъ по улицамъ города. Къ счастью, онъ обошелся безъ жертвъ.

На другой день, когда новоприбывшій комендантъ приказомъ своимъ, расклееннымъ на столбахъ города, приглашалъ обывателей города собраться на базарной площади, противъ магистрата, для полученія инструкцій относительно новыхъ условій жизни города, въ самый разгаръ своей рѣчи, гдѣ этотъ типичный хулиганъ развивалъ идею новаго націонализма подъ скипетромъ австрійскаго императора, на горизонтѣ города показался дымокъ.

Едва лишь появился изъ-за угла нашъ кавалерійскій отрядъ, какъ новый комендантъ, со своей компаніей, давъ нѣсколько выстрѣловъ въ несчастную толпу изъ револьверовъ, побѣжалъ по Большой улицѣ по направленію къ Русской улицѣ, гдѣ они и спрятались въ „Польской гостиницѣ", продолжая стрѣлять направо и налѣво.

Жители города, оставивъ убитыхъ и раненыхъ, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, съ остервенѣніемъ бросились вслѣдъ за убѣгавшими убійцами. Кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ корнета К-аго въ ту же минуту обстрѣлялъ четырехэтажное зданіе гостиницы, буквально изрѣшетивъ всѣ окна и двери. Изъ восьми же человѣкъ „начальства" только одинъ и спасся; остальные всѣ были убиты...

Такъ прошелъ второй день австрійской власти въ Кѣльцахъ.

На третій день рано утромъ кѣмъ-то было расклеено на польскомъ языкѣ новое воззваніе за подписью Сигизмунда Муновскаго, призывавшаго всѣхъ обывателей собраться въ воскресенье къ костелу, гдѣ на площади офицеръ австрійской службы отъ имени галиційскаго намѣстника долженъ былъ прочитать манифестъ о присоединеніи всей русской Польши къ владѣ-

ніямъ Франца-Іосифа. Воззваніе кончалось словами, что война уже кончилась, что русскіе потерпѣли полное пораженіе, отдавъ Варшаву, Новогеоргіевскъ и другіе города Царства Польскаго.

Говорить-ли, какъ угнетающе подѣйствовало на насъ, жителей, отрѣзанныхъ отъ всего міра и не получающихъ никакихъ извѣстій о ходѣ военныхъ дѣйствій, это воззваніе! Одни плакали, другіе бросились срывать это подлое воззваніе. Слишкомъ ужъ жестокій ударъ былъ нанесенъ кѣльчанамъ, чтобы они могли отнестись критически къ новой выходкѣ пришлыхъ авантюристовъ.

Въ самый разгаръ уничтоженія воззваній откуда то послышались выстрѣлы.

— Австрійцы, австрійцы ужъ пришли!—кричали по городу негодяи.

Дѣйствительно, по Карчевской аллеѣ, расположенной въ верстѣ отъ желѣзнодорожной станціи, показался верховой отрядъ польскихъ „легіонеровъ“, во главѣ съ неизвѣстнымъ, носящимъ форму лейтенанта австрійской арміи, съ моноклемъ въ глазу. Въ концѣ аллеи, гдѣ уже начинается черта города, около военнаго собора, отрядъ этотъ совершенно неожиданно былъ обстрѣлянъ нашими славными стрѣлками, притаившимися въ близлежащей рощицѣ.

Австрійскій отрядъ, не ожидавшій такой встрѣчи, поскакалъ по шоссе, по направленію къ деревнѣ Словинъ, гдѣ и скрылся въ лѣсу, оставивъ 15 раненыхъ и 3 убитыхъ.

Здѣсь, между прочимъ, произошелъ характерный случай излишняго бахвальства и хладнокровія со стороны австрійскаго офицера.

Когда наши стрѣлки начали обстрѣлъ польскихъ „легіонеровъ“, то отъ волненія или отъ сотрясенія воздуха у австрійкаго лейтенанта выпалъ монокль. Желая его поднять, офицеръ преспокойно слѣзаетъ съ коня, но русская шальная пуля не дала ему возможности подняться, попавъ ему прямо въ темя...

Прошло два-три дня. Обыватели понемногу стали успокаиваться, вся жизнь начала постепенно входить въ прежнюю колею, какъ вдругъ неожиданно нагрянулъ сильный австрійскій кавалерійскій отрядъ.

Остановившись около гостиницы „Версаль“, старшій офицеръ отрядилъ нѣсколькихъ кавалеристовъ за президентомъ города. Не взирая на всѣ поиски, президента въ городѣ не оказалось. Предчувствуя бѣду, жители стали спѣшно запирать свои лавки, жизнь на улицахъ замерла, всѣ находились въ какомъ-то оцѣпенѣніи и страхѣ передъ грубой силой.

Мнѣ стало жутко сидѣть въ квартирѣ, и я выглянулъ на балконъ. Сначала было тихо, но это продолжалось недолго. Скоро послышались громкіе голоса и раскаты выстрѣловъ. Австрійцы стрѣляли куда попало, повидимому, въ воздухъ только для острастки. Но потомъ все перемѣнилось.

Послышались то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ стоны и плачъ, и въ воздухѣ пронеслось то зловѣщее, что и слѣдовало ожидать. Дикій хохотъ австрійцевъ сливался съ крикомъ и плачемъ несчастныхъ жителей. Выходить на улицу стало опасно, и я благоразумно остался дома. Ружейные выстрѣлы продолжались непрерывно всю ночь.

На другое утро я вышелъ посмотрѣть на городъ. Все что я видѣлъ словами не передать. Кровь буквально ручьями лилась по всѣмъ улицамъ. Не было мѣста, гдѣ бы не валялись куски человѣческаго мяса. Людей рѣзали, убивали, точно скотъ на бойнѣ. Все перемѣшалось; казалось, что въ толпу людей врѣзалось стадо голодныхъ шакаловъ. Въ убитыхъ трудно было узнать знакомыхъ, такъ были обезображены ихъ лица. Вотъ, напримѣръ, лежитъ убитый знакомый портной, а надъ трупомъ его рыдаетъ старуха мать и 5 человѣкъ дѣтей. Оказывается, что не успѣлъ онъ выйти на улицу, какъ тутъ-же

былъ уложенъ выстрѣломъ изъ ружья; онъ не сразу умеръ, и австрійцы его добили.

Рядомъ съ портнымъ лежитъ молодая дѣвушка-еврейка, окончившая въ этомъ году гимназію. Лежитъ она на спинѣ съ распущенными волосами и перерѣзаннымъ горломъ. Повидимому, изверги схватили ее сзади за волосы и прикончили.

Въ двухъ шагахъ отъ дѣвушки сидитъ на мостовой ребенокъ лѣтъ девяти. Издали онъ кажется живымъ, а подойдешь—трупъ. Здѣсь, со второго этажа близлежащаго дома слышенъ громкій плачъ, переходящій постепенно въ безумную истерику: это жена склонилась надъ трупомъ молодого мужа, который посмѣлъ изъ открытаго окна наблюдать дикую расправу разбойниковъ съ мирными жителями.

Недалеко отъ женской гимназіи, около газетной будки, лежитъ юноша, сынъ мѣстнаго врача, гимназистъ 6-го класса Петроковской гимназіи. На углу, около кондитерской Смолинскаго, стоятъ трупы искалѣченныхъ обывателей, привязанные къ забору.

Вмѣстѣ съ убитыми и ранеными валяются груды всевозможныхъ товаровъ ограбленныхъ магазиновъ: тутъ и фрукты большого магазина, и галантерея, и суконные товары, и бакалейные, и даже учебники и канцелярскія принадлежности. Грабили не только магазины, но и частные дома. Забирались въ квартиры и ломали мебель, выбрасывали на улицу квартирную обстановку. На улицахъ нельзя было ни пройти, ни проѣхать; тамъ стояли форменныя баррикады, засыпанныя перьями подушекъ и перинъ...

Вотъ тѣ ужасы, которые перетерпѣли бѣдные кѣльчане за 2-3 дня пребыванія въ немъ австрійцевъ..."

Но на этомъ еще не кончились кѣлецкія злоключенія. Вскорѣ послѣ ухода изъ города этого отряда въ Кѣльцы вступилъ отрядъ польскихъ стрѣлковъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ подъ прикрытіемъ австрійскихъ войскъ.

Комиссаръ этой группы стрѣльцовъ объявилъ кѣлецкимъ обывателямъ, созваннымъ въ зданіе губернскаго правленія, что „независимая" польская армія, признанная обѣими воюющими державами—Германіей и Австріей, заняла Кѣльцы отъ имени Народового Ржонда (національнаго правительства) независимой Польши.

Кѣльчане остолбенѣли отъ изумленія. На улицахъ появились воззванія Ржонда и „военнаго комендантства польскихъ войскъ" къ полякамъ. „Ржондъ" призывалъ населеніе Кѣлецкой

губерніи содѣйствовать „польскимъ войскамъ“, объявивъ измѣнниками несогласныхъ съ нимъ. Было объявлено населенію, что польскій „Ржондъ“ беретъ въ свое обладаніе и подъ свою опеку всѣ правительственныя зданія.

Спустя нѣсколько часовъ по прибытіи стрѣльцовъ, въ городъ ворвался развѣдочный отрядъ русской кавалеріи. Польскіе стрѣльцы бѣжали и скрылись въ лѣсу, откуда ихъ вытѣснили артиллерійскимъ огнемъ.

Но едва наша кавалерія выступила изъ города, какъ польскіе стрѣльцы снова ворвались въ него, еще въ большемъ количествѣ, и, подъ угрозой разрушенія города, Кѣльцы должны были уплатить имъ контрибуцію въ 105 тысячъ рублей.

„Польскія войска“ снова заняли всѣ правительственныя зданія. На уличныхъ столбахъ и на стѣнахъ появились воззванія „шефа полевыхъ жандармовъ“, призывавшаго населеніе представить оружіе въ магистратъ, записаться въ ряды стрѣльцовъ и оказывать „Народовому Ржонду“ вниманіе подъ угрозой военнаго суда.

„Комиссаръ“, Михаилъ Сокольницкій, объявилъ населенію, что „по порученію комендантства польскихъ войскъ онъ вступаетъ въ управленіе городомъ“. Его воззваніе тоже призывало населеніе ко вступленію въ ряды польскихъ войскъ и къ содѣйствію имъ, обязывало повсюду замазывать русскія надписи и вывѣшивать польскіе флаги.

Въ Кѣльцахъ сталъ выходить „Офиціальный дневникъ“ польскихъ во[illegible] которомъ рѣзко нападали на „москалефиловъ“ [illegible] побѣды австрійской арміи. Потомъ [illegible]войскъ“ предпринялъ обложеніе все[illegible]налогомъ въ пользу польской

[illegible]е, врывались въ квартиры
[illegible]хъ до этого городъ и
[illegible]брасывались на крайне
[illegible]онѣ вели себя какъ
[illegible]зя было смотрѣть.
[illegible]тороны, не имѣю-
[illegible]е возмущеніе въ
[illegible]зрывныхъ пуль.
[illegible]я съ горячимъ
[illegible]ольскаго на-
[illegible]имое объ-

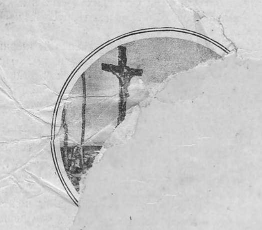
Въ районѣ нашихъ боевыхъ дѣйствій съ австрійцами установлено участіе галицко-польскихъ сокольскихъ организацій, при чемъ выяснилось употребленіе ими разрывныхъ пуль.

Если я обращался къ польскому зарубежному населенію со словами братской любви русской арміи, то былъ увѣренъ въ лойяльности взаимныхъ отношеній, я ни минуты не допускаю, чтобы польское населеніе могло разсчитывать на великодушіе Великой Россіи, фактически участвуя во враждебныхъ къ намъ дѣйствіяхъ и при томъ въ столь недостойной формѣ, какъ употребленіе разрывныхъ пуль съ отрѣзанными концами.

Глубоко увѣренъ, что замѣченное явленіе есть печальная случайность. Въ интересахъ всего зарубежнаго польскаго населенія, предваряю, что мною повелѣно Высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ не считать сокольскія и тому подобныя организаціи воюющей стороной и со всѣми участниками ихъ, захваченными въ плѣнъ, поступать со всей строгостью законовъ военнаго времени.

Подписалъ: Генералъ-Адъютантъ НИКОЛАЙ.

11-го августа 1914 г.

Великая Галицiйская битва

Бои въ Люблинской губернiи.

12-го августа, чтобы отвести занесенный надъ Восточной Пруссiей ударъ, австрiйскiя армiи перешли въ рѣшительное наступленiе. Наше развертыванiе на фронтѣ въ нѣсколько сотъ верстъ еще не было закончено, и потому мы могли противопоставить австрiйцамъ на сѣверномъ направленiи лишь значительно меньшiя силы. Первыя атаки противника были направлены на Красникъ, но скоро центръ тяжести австрiйскихъ усилiй перемѣстился въ районъ Томашова, куда стекались австрiйскiя подкрѣпленiя. При Красникѣ къ австрiйцамъ на помощь подошли двѣ германскiя дивизiи, которыя, впрочемъ, мало имъ помогли.

Красниковская позицiя австрiйцевъ тянулась на пространствѣ около 100 верстъ и вся состояла изъ глубокихъ окоповъ съ блиндажами. Непрiятель укрѣпился на нашей территорiи сильно, и, видимо, не предполагалъ столь энергичнаго натиска съ нашей стороны. Главный нашъ ударъ на красниковской позицiи былъ нанесенъ австрiйцамъ у дер. Высокой, гдѣ наши войска, несмотря на страшное сопротивленiе, прорвали австрiйскiй фронтъ.

Опасаясь обхода, австрiйскiй отрядъ быстро отступилъ, бросивъ на произволъ судьбы германцевъ. Послѣднiе отступали съ боемъ, но все-таки потеряли 32 орудiя, на которыхъ красуется гордая надпись „Pro gloria patriae" *). Щиты ихъ пробиты пулями сзади напередъ, слѣдовательно, орудiя были отняты во время бѣгства.

*) За славу отечества.

Здѣсь было взято германцевъ въ плѣнъ около 500 человѣкъ.

Плѣнный германскій офицеръ, разсказывая объ этомъ случаѣ и стараясь всю вину пораженія свалить на австрійцевъ, заявилъ:

— Австрійцы пригласили насъ на помощь, а затѣмъ въ трудную минуту покинули насъ. Этого германская армія никогда не забудетъ...

Австрійцы бѣжали до Янова, гдѣ ихъ позиціи были укрѣплены проволочными загражденіями и волчьими ямами. Отсюда послѣ ночного артиллерійскаго боя побѣжали снова.

По полямъ, вдоль дорогъ, валялись въ громадномъ количествѣ трупы людей, лошадей, ружья, ранцы...

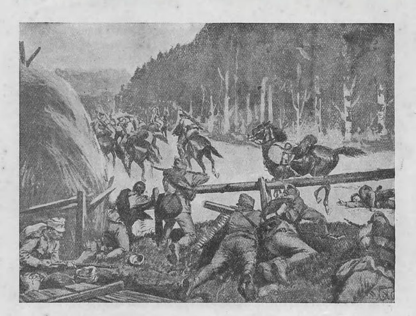
Къ началу Галиційской битвы нужно отнести и бой при Рахане, гдѣ еще съ утра нашими войсками было начато одновременно фронтальное и лѣво-фланговое наступленіе на позиціи противника, занявшаго небольшие склоны, поросшіе лѣсомъ у дер. Рахане.

Главная операціонная база австрійцевъ находилась въ то время въ Томашовѣ.

Вскорѣ послѣ открытія орудійной канонады и бѣшенаго пулеметнаго огня съ обѣихъ сторонъ наши пѣхотныя части кинулись въ атаку. Стремительнымъ натискомъ непріятель былъ выбитъ изъ окоповъ и сталъ отступать за деревню, вглубь лѣса. Одновременно предпринятое нами лѣво-фланговое движеніе подвигалось не менѣе успѣшно. Видя, что непосредственной связи съ главной операціонной базой у непріятеля не имѣется, посланныя нами въ обходъ праваго крыла австрійцевъ пѣхотныя части, послѣ жестокой ружейной перестрѣлки, стали захватывать противника съ тыла.

Тѣмъ временемъ, не видя передъ собой убѣжавшаго непріятеля, наши фронтальныя части прекратили преслѣдованіе и отошли.

Стали понемногу отходить и фланговыя части. Шли по лѣсной дорогѣ, невдалекѣ отъ которой лежали, собранныя мѣстными крестьянами, высокія скирды. И на этотъ разъ австрійцы не удержались отъ предательской хитрости. Въ то время, какъ наши части, прекративъ преслѣдованіе, стали отходить обратно къ деревнѣ, многіе изъ бѣжавшихъ австрійцевъ притаились за скирдами. Туда же незамѣтно были выдвинуты и пулеметы. По проходившимъ невдалекѣ казачьимъ и пѣхотнымъ частямъ былъ открытъ жестокій пулеметный огонь. Къ счастью, при дорогѣ оказалась канава, въ которой моментально и залегли наши стрѣлки.

Завязалась перестрѣлка, которая была тотчасъ же замѣчена возвращавшимся съ удачнаго боя нашимъ право-фланговымъ отрядомъ, командиромъ котораго былъ отданъ приказъ идти на подмогу. Черезъ какой-нибудь часъ остатки австрійцевъ поспѣшно бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ много плѣнныхъ.

Послѣ этого бой разыгрался уже подъ Комаровымъ. Бой начался утромъ. Австрійцы снова заняли расположенный полукругомъ лѣсъ, имѣя въ центрѣ этого полукруга деревню Яновку, въ которой сосредоточились крупныя резервныя силы. Одновременно нашими войсками были предприняты три наступленія: съ фланговъ и фронта.

Успѣшно дѣйствовавшимъ нашимъ правымъ крыломъ непріятель былъ оттѣсненъ сначала къ центру, а нѣсколько позднѣе къ своему правому крылу. Ввиду малочисленности нашихъ войскъ на лѣвомъ флангѣ, наши операціи были принуждены здѣсь нѣсколько задержаться, чѣмъ рѣшилъ воспользоваться противникъ, выславъ цѣлый кавалерійскій полкъ для обхода нашего лѣваго крыла.

Расчетъ непріятеля былъ разрушенъ одной только сотней казаковъ: какъ птицы вынырнули они изъ густого кустарника

и стремительнымъ налетомъ расшибли весь австрійскій кавалерійскій полкъ на-голову.

Въ бою у Комарова венгерскіе стрѣлки, а равно и „неустрашимая“ венгерская кавалерія оказались не на высотѣ положенія. Вотъ какъ разсказываетъ о нихъ нашъ кавалерійскій офицеръ, участникъ этого боя:

— Въ бою подъ Комаровымъ, гдѣ дрались венгерскіе стрѣлки, лучшая пѣхота Австріи, эти венгерцы такъ бѣжали, что бросили оружіе, пулеметы, патроны, шинели, ранцы, бѣлье, фляжки съ водой. Я со своимъ взводомъ погнался за ними и взялъ зарядный ящикъ, кухню съ борщомъ и громадный автомобиль. Плѣнныхъ брали сколько хотѣли — и раненыхъ и здоровыхъ. Кавалеріи нашей австрійцы боятся какъ огня. Такой страхъ питаютъ они къ намъ исключительно благодаря пикамъ, которыми мы вооружены. И дѣйствительно, это страшное оружіе. Мнѣ пришлось видѣть работу нашихъ кавалеристовъ пиками. Насъ, гусаръ, стояло три эскадрона въ лѣсу; недалеко стояли наши двѣнадцать конныхъ орудій и обстрѣливали австрійцевъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, четыре эскадрона венгерскихъ гусаръ бросились на нашу артиллерію. Мы карьеромъ пустились на нихъ.

Венгерцы уже доскакали до пушекъ, но въ это время подоспѣли и мы,—и произошло нѣчто удивительное. Въ одно мгновеніе люди, которые безбоязненно шли противъ пушекъ, бросились удирать, были моментально смяты и началась бойня. Послышались нечеловѣческіе крики, стукъ шашекъ по кожанымъ кепи, невѣроятный шумъ, и меньше, чѣмъ черезъ четверть часа, на пространствѣ одной или полутора верстъ, лежало около пятисотъ гусаръ-венгерцевъ и штукъ триста лошадей. Было уже поздно и почти темно и потому я лишь на другой день поѣхалъ посмотрѣть мертвыхъ. Воронъ туда слетѣлось столько, что поле стало чернымъ отъ нихъ...

* * *

Ожесточенные авангардные и встрѣчные бои передовыхъ отрядовъ съ каждымъ днемъ усиливались подступавшими съ обѣихъ сторонъ подкрѣпленіями, и то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ стали принимать характеръ генеральныхъ сраженій.

Непріятель на своемъ лѣвомъ флангѣ, остановивъ наступленіе въ Кѣлецкой губерніи, двинулъ главныя силы въ Люблинскую; спѣшно переправляясь черезъ рѣку Вислу на правый берегъ ея, онъ наводнилъ войсками нашу территорію въ районѣ

отъ устья рѣки Каменной до Красника, Замостья и вблизи Томашова. Далѣе, оттѣсненная русскими въ авангардныхъ сраженіяхъ, линія соприкосновенія войскъ круто переходила на югъ, параллельно желѣзной дорогѣ Рава-Русская — Львовъ и южнѣе—Каменка—Волоска; пересѣкая желѣзнодорожный путь, она шла къ рѣкѣ Бугу у Каменки—Струмилова, сосредоточивъ большія силы въ этомъ мѣстѣ для противодѣйствія натиску нашихъ войскъ на Львовъ. Вообще, въ этомъ районѣ, отъ Вислы до Буга, австрійцами было сосредоточено къ 14-му августа около 800 тысячъ штыковъ.

Тѣснимые нашими войсками на восточномъ фронтѣ, австрійцы къ этому времени цѣлымъ рядомъ удачныхъ для насъ сраженій были отброшены сначала отъ границы къ рѣкѣ Серетъ, а затѣмъ—къ верховьямъ Буга и рѣкѣ Золотая Липа. Перейдя-же на лѣвый берегъ Днѣстра, наши кавалеристы усиленно оттѣсняли непріятеля на западъ, полукольцомъ заходя въ тылъ, такъ что городъ Галичъ оставался въ центрѣ. На этомъ фронтѣ, т. е. восточномъ, была сосредоточена двухсоттысячная непріятельская армія. Такимъ образомъ, генеральное сраженіе стало развиваться въ южныхъ уѣздахъ Люблинской и Холмской губерній и въ Восточной Галиціи, на общемъ 300-верстномъ фронтѣ.

При этомъ, въ то время, какъ нашъ правый флангъ упирался въ милліонную непріятельскую армію, генералы Рузскій и Брусиловъ повели энергичное наступленіе съ сѣверо-востока на юго-западъ и этимъ угрожали отрѣзать главныя австрійскія силы, сосредоточенныя между рѣкой Вислой и Саномъ; въ силу этого они принуждены были остановить свое дальнѣйшее движеніе на сѣверъ, гдѣ въ свою очередь встрѣтили также серьезное сопротивленіе, а затѣмъ и наступленіе нашей Люблинской арміи. Инициатива, бывшая до этого времени въ рукахъ непріятеля, перешла къ намъ, и австрійцы съ этого момента принуждены были примѣняться уже къ движенію нашихъ войскъ.

Въ то же время наши казачьи отряды смѣлыми набѣгами прорѣзывали то здѣсь, то тамъ живую стѣну непріятельскаго фронта, глубоко заходили въ тылъ, производили тамъ страшное недоумѣніе и панику, а затѣмъ также быстро скрывались или переходили въ другое мѣсто. Эти набѣги совершенно сбивали съ толку австрійскихъ полководцевъ; ясно обнаруживалась ихъ растерянность, они начинали бросаться то въ одну, то въ другую сторону, неудачно передвигая взадъ и впередъ свои резервы и тѣмъ обезсиливая свой фронтъ. У нашихъ же полководцевъ был...

совершенно опредѣленный планъ,который они настойчиво и приводили въ исполненіе...

Подъ тяжелымъ артиллерійскимъ огнемъ противника наши войска смѣло продвигались впередъ. Грохотали пушки, безпрерывнымъ дождемъ падала шрапнель.

— Артиллерійскій огонь,—разсказываютъ офицеры и солдаты,—открытый съ удачно занятыхъ австрійцами позицій, расположенныхъ на лѣсистыхъ холмахъ, за надежными прикрытіями, смущалъ немного, но скоро мы къ нему привыкли. Уронъ у насъ былъ небольшой, сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ могъ бы быть при наличности силъ, имѣвшихся у австрійцевъ.

Мы шли осторожно, внимательно изучая мѣстность и отвѣчая австрійцамъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Даромъ пуль не теряли, мѣтко вышибая врага изъ занятыхъ имъ позицій...

Первые два дня боя мы отдыхали ночью. Часъ-два тревожнаго сна—и мы опять на ногахъ и, пользуясь удобнымъ моментомъ, совершали переходъ за переходомъ. Но скоро наступило такое время, что не было и этого короткаго отдыха. Бой шелъ почти безпрерывно. Мы то и дѣло переходили въ штыковой ударъ, выбивая противника изъ позицій. Особенно много было штыковыхъ схватокъ 14—15 августа. Австрійцы не любятъ штыка, и изъ этихъ схватокъ всегда выходили побѣдителями мы.

Офицеры искренно восхищаются отвагой нашихъ солдатъ: самообладаніе, выдержка во время боя у нихъ исключительныя. Лопаются шрапнели, жужжатъ пули, а наши солдаты залегли, окопались и, ожидая подхода непріятеля, весело переговариваются, отпускаютъ шутки, успѣваютъ перевязывать раненыхъ товарищей.

Одинъ офицеръ передаетъ о томъ, какъ его, раненнаго шрапнелью въ бокъ и пулями въ руку, ногу, спину и шею, солдаты вынесли изъ боя, о томъ, съ какою любовью они обмывали и забинтовывали его раны и называли, забывая о воинской дисциплинѣ, „милягой“ и „сердешнымъ“...

Отступая подъ натискомъ нашихъ войскъ, австрійцы жгли по пути деревни, забирали всю живность, отравляли воду въ колодцахъ. Но офицеры и солдаты горячо отзываются о польскомъ населеніи Люблинской и прилегающихъ губерній.

— Такого вниманія, такой заботы,—говорятъ они,—мы не встрѣчали и въ центральной Россіи. Поляки доставали пищу для солдатъ, часто отдавая послѣднее, принимали раненыхъ и ходили за ними, какъ за родными...

Бои шли по всей линіи соприкосновенія нашихъ войскъ съ австрійскими. Разсказы участниковъ этихъ боевъ изобилуютъ эпизодами, характеризующими отвагу нашихъ войскъ и коварствомъ австрійцевъ. Вотъ что, напримѣръ, разсказываетъ о нашихъ солдатахъ офицеръ С.: „Мы лежали въ стрѣлковой цѣпи, когда бой вправо отъ насъ только разгорался и видны были учащавшіеся высокіе разрывы австрійскихъ шрапнелей. Около половины девятаго утра получено было приказаніе наступать. Огонь австрійцевъ былъ совсѣмъ слабъ. Между тѣмъ, въ бинокль я видѣлъ массы сѣрыхъ фигуръ, копашащихся на фонѣ зеленаго лѣса. Рота сдѣлала нѣсколько перебѣжекъ,—огня не было. Едва мы подошли шаговъ на 1.000—1.200, какъ раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ насъ облило свинцовымъ дождемъ изъ пулеметовъ. Появились раненые; около меня сразу ранило шесть человѣкъ, которые тутъ же заявили, что они не уйдутъ, пока не „вышибутъ" непріятеля. Вправо мы увидѣли, что сосѣднія роты продолжаютъ наступать, не обращая вниманія на сильный огонь. Я быстро вскочилъ и крикнулъ „впередъ". Рота бросилась за мной, огонь сталъ сильнѣе, но раненыхъ стало меньше.

Впослѣдствіи выяснилось, что до первой лощины, въ 1.000 метрахъ, австрійцами было измѣрено разстояніе. Офицеръ, который взобрался на дерево, долженъ былъ наблюдать: какъ только наши цѣпи спустились въ эту лощину, онъ выстрѣлилъ изъ револьвера, и по этому сигналу открыла огонь вся линія.

Мы сдѣлали еще нѣсколько перебѣжекъ и, наконецъ, подошли на 300 шаговъ къ позиціи противника. Рота подбиралась, и я открылъ частый огонь; одиночные люди подползали и подбѣгали впередъ и впередъ. Оставалось уже шаговъ 150 какъ австрійцы побросали винтовки и вразсыпную бросились въ лѣсъ. Мы моментально бросились за ними, но они такъ быстро бѣжали, что догнать ихъ мы не могли. Пройдя лѣсъ цѣпью, мы вышли на кукурузное поле. Вдали видно было, какъ уходили цѣпи противника; справа и слѣва двигалась наша пѣхота...

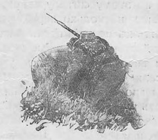
Проходя полемъ, мы обратили вниманіе на артиллерійскаго раненаго офицера-австрійца; нога у него была забинтована, онъ стоналъ. Не обращая на него вниманія, мы шли, почти бѣжали впередъ: деревня была уже видна. Вдругъ—артиллерійскій снарядъ, разорвавшійся возлѣ насъ, другой, третій... Рота бѣгомъ спустилась въ балку и залегла. Черезъ минуту снаряды стали ложиться снова около насъ. Впереди было глубокое болото. Мы приняли влѣво и быстро заняли пригорокъ шагахъ въ 400. Не прошло и полминуты, какъ артиллерія снова стала громить насъ.

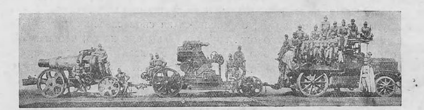
— Ваше в-іе, вскрикнулъ взводный,—проволока!..

Это былъ телефонный проводъ, который мы сейчасъ же перерѣзали. Въ то же время наша батарея открыла огонь и привела къ молчанію противника. Насъ смѣнили роты резерва, мы отошли назадъ, въ лощину, гдѣ прилегли отдохнуть.

Возвращаясь, я съ двумя рядовыми хотѣли узнать, куда ведетъ проволока. Мы пошли за ней: проволока привела къ раненому артиллеристу съ забинтованной ногой. Мы взяли его, подняли,—подъ нимъ былъ небольшой телефонный аппаратъ; разбинтовали ногу—никакой раны...

Часа черезъ два мы снова пошли впередъ. На лѣвомъ флангѣ, куда направлена была моя рота, усиливался огонь пулеметовъ противника. Выйдя на пригорокъ, я сталъ всматриваться въ бинокль. Вдругъ, мой бинокль разлетѣлся вдребезги и я почувствовалъ боль въ рукѣ и плечѣ. Пуля пробила мнѣ ладонь, другая зацѣпила плечо. Наскоро перевязавъ рану, я скомандовалъ ротѣ „впередъ“ и самъ перешелъ съ нею еще шаговъ 600. Но кость, пробитая и надломленная, ныла, кровь заливала плечо и руку. Передавъ командованіе младшему офицеру, я остался съ ротнымъ фельдшеромъ, который перевязалъ мнѣ руку бинтомъ. Къ вечеру я добрался до перевязочнаго пункта...

Начало разгрома австрійской арміи.

Первый жестокій ударъ въ Галиційскомъ сраженіи былъ нанесенъ нашими войсками непріятелю къ 16-му августа, гдѣ, несмотря на ожесточенное и стойкое сопротивленіе, австрійцы нигдѣ не могли устоять передъ натискомъ нашихъ войскъ и въ безпорядкѣ отступили, неся большія потери, бросая раненыхъ, орудія, боевые припасы, причемъ, почти въ каждомъ сраженіи, заходя непріятелю въ тылъ, русскія войска захватывали въ плѣнъ тысячи австрійцевъ.

15-го августа, у Лащова, находящагося къ востоку отъ Томашова, въ Холмской губерніи, была совершенно разбита вся 10-ая австрійская дивизія. Начальникъ этой дивизіи, командиръ бригады и начальникъ штаба были убиты. Все поле было покрыто убитыми. Это было началомъ генеральнаго Галиційскаго сраженія.

Русскія войска желѣзнымъ полукольцомъ стянулись вокругъ австрійской арміи, боровшейся за свое спасеніе съ крайнимъ упорствомъ. Это ожесточеніе указывало на то, что намъ приходилось имѣть дѣло чуть ли не со всей австрійской арміей, сражавшейся, въ большинствѣ случаевъ, на заранѣе подготовленныхъ къ оборонѣ позиціяхъ. Несмотря на это, австрійскія войска отступали по всему фронту, такъ что исходъ величайшей битвы, какая когда-либо разыгрывалась на земномъ шарѣ, уже предопредѣлялся.

На правомъ флангѣ, въ окрестностяхъ Томашова, продолжался горячій бой, гдѣ остатки 6-го австрійскаго корпуса, окруженнаго нашими войсками, пытались пробиться къ югу. На крайнемъ правомъ флангѣ наши войска перешли также въ наступленіе. Мѣстность, по которой наши войска наступали, была завалена грудами австрійскихъ труповъ. Несмотря на это, австрійцы стойко сопротивлялись, и намъ приходилось отвоевывать чуть-ли не каждую пядь земли. Показателемъ австрійскаго упорства является то обстоятельство, что нашимъ войскамъ зачастую приходилось выбивать ихъ штыками. Полная побѣда и здѣсь увѣнчала геройскія усилія нашей арміи.

Упорство, проявленное австрійцами въ бояхъ между Вислой и Западнымъ Бугомъ, объясняется также и тѣмъ, что сюда австрійцы могли бросить крупныя силы. Въ первыя недѣли войны главныя силы непріятеля наступали по лѣвому берегу Вислы, съ явной цѣлью добраться до Варшавы съ юга, въ то время, какъ нѣмецкая армія изъ Восточной Пруссіи намѣревалась наступать въ Польшу съ сѣвера. Но когда побѣды русской арміи подъ Гумбиненомъ разсѣяли иллюзіи насчетъ возможности наступленія на Варшаву, австрійцы использовали свои громадныя силы, сосредоточенныя ими на лѣвомъ берегу Вислы, для дѣйствія на правомъ берегу, въ обходъ праваго фланга нашихъ войскъ. Насколько велики были силы австрійцевъ въ этомъ районѣ, видно изъ того, что въ одномъ пунктѣ намъ, въ количествѣ 4.000 человѣкъ, пришлось цѣлыя сутки выдерживать натискъ 16 тысячъ австрійцевъ. Однако геройство нашихъ доблестныхъ войскъ преодолѣло всѣ препятствія и численный перевѣсъ австрійской арміи. Непріятель вынужденъ былъ отступить и на этомъ послѣднемъ участкѣ громаднаго поля сраженія. А это отступленіе рѣшило участь битвы, такъ какъ австрійцы отступили на самомъ важномъ участкѣ всего поля сраженія.

Картина боевъ на этомъ фронтѣ представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Чуть только начинало разсвѣтать, какъ уже

слышалась ружейная трескотня изъ непріятельскихъ окоповъ. Часовъ въ шесть начинала работать наша артиллерія,—и такъ продолжалось до того времени, когда намъ удавалось подойти къ непріятелю на разстояніе тысячи шаговъ. А это всегда бывало къ вечеру.

„Лишь только начинало темнѣть,—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ этихъ боевъ,—мы, очутившись въ 300—400 шагахъ отъ австрійцевъ, бросались въ атаку на непріятельскіе окопы. Австрійская оборонительная линія носила характеръ долговременной фортификаціи. Окопы были вышиною въ чело-

вѣческій ростъ, въ окопахъ были бойницы, тайные ходы и прикрытія отъ артиллерійскаго огня. Непріятельскихъ пулеметовъ изъ окоповъ почти не было видно; очень часто случалось, что на разстояніи ста шаговъ не знаешь еще, сидитъ непріятель въ окопахъ или уже оставилъ ихъ черезъ скрытые ходы.

Австрійцы не принимали штыкового боя. Я помню лишь одинъ случай на второй день сраженія, когда австрійцы вступили съ нами въ штыковой бой. Нечего и говорить, что они были выбиты тогда изъ окоповъ въ нѣсколько минутъ. Если бы наши сидѣли въ австрійскихъ окопахъ, я съ увѣренностью могъ бы сказать, что они держались бы тамъ недѣлями.

Втеченіе недѣли мы прогнали австрійцевъ на 25 верстъ. Взятый нами въ плѣнъ австрійскій офицеръ-словакъ передавалъ,

что въ деревнѣ Кизеновѣ, гдѣ находился штабъ первой австрійской арміи, были спѣшно оставлены при нашемъ наступленіи всѣ пушки, автомобильные пулеметы и т. д.

Артиллерія наша работаетъ идеально; я знаю много случаевъ, когда даже легкая наша артиллерія заставляла замолчать тяжелую непріятельскую артиллерію.

Что же касается характеристики австрійскихъ солдатъ, то всѣ толки объ ихъ трусости преувеличены. Я самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ непріятельскаго отступленія, и у меня укрѣпилось впечатлѣніе о стойкости австрійскихъ солдатъ, сломить которую могли только нечеловѣческія усилія нашихъ войскъ.

При мнѣ отступала разъ венгерская бригада. Нашъ батальонъ находился въ сосѣднемъ лѣсу, и я могъ изъ бинокля наблюдать отступающихъ венгерцевъ. Они отступали густыми колоннами подъ ужаснымъ нашимъ огнемъ и оставляли массу труповъ. Выйдя изъ сферы ружейнаго огня, венгерцы остановились: у нихъ началась раздача пищи. Не успѣли они начать ѣду, какъ ихъ открыла наша артиллерія. Снаряды вырывали массу людей, но венгерцы не разсыпались, а отступили въ полномъ порядкѣ густыми колоннами. Нашему батальону, оторвавшемуся отъ остальныхъ частей, угрожала серьезная опасность, но венгерская бригада спокойно продефилировала мимо насъ. Этотъ фактъ, какъ и многіе другіе, говоритъ о бездарномъ командномъ составѣ австрійской арміи, но не о трусости австрійскихъ солдатъ.

Не могу не указать и на другой фактъ: въ окопахъ обыкновенно помѣщались мадьяры и, если случалась необходимость въ стычкѣ, то посылались впередъ славяне, чтобы имѣть возможность за ними слѣдить. Къ намъ попалъ плѣнный австрійскій офицеръ. Онъ сознался, что ему пришлось стрѣлять въ своихъ же солдатъ славянъ, отказавшихся идти противъ насъ. Далѣе тотъ же участникъ этихъ боевъ разсказываетъ о нѣсколькихъ случаяхъ австрійскихъ звѣрствъ, очевидцемъ которыхъ онъ былъ. Въ мѣстностяхъ между Зарашевымъ и Кайшановымъ намъ въ цѣломъ рядѣ деревень попадались изнасилованныя польскія и еврейскія дѣвушки съ вырѣзанными грудями. Я самъ видѣлъ этихъ несчастныхъ. Относительно факта добиванія нашихъ раненыхъ австрійцами, я могу сообщить слѣдующее. Въ одномъ изъ боевъ при мнѣ былъ раненъ въ ногу поручикъ Вансовичъ. Въ то время, когда онъ самъ себѣ перевязывалъ рану, къ нему подкрался сзади австрійскій офицеръ и всадилъ ему штыкъ между лопатками...

Въ одномъ изъ боевъ нами былъ захваченъ у австрійцевъ ящикъ съ разрывными пулями. Разрывныя пули находились въ небольшихъ бѣлыхъ картонкахъ по 15 штукъ въ каждой пачкѣ. Пули внутри полыя съ мелинитовымъ зарядомъ. Чтобы отличить эти пули отъ обыкновенныхъ, на обоймѣ ихъ проведена черная полоса.

Я видѣлъ нѣсколькихъ раненыхъ этими пулями: всѣ кости у нихъ сплошь измолоты, страданія раненыхъ ужасны. На наши разспросы объ этихъ пуляхъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ, послѣдніе, смущаясь, отвѣчали, что эти пули употребляются ими, якобы, „для прицѣлки“. Это, конечно, ложь, такъ какъ для

прицѣлки эти полыя легкія пули абсолютно не годятся. Ящикъ съ этими пулями былъ нами доставленъ въ штабъ нашей арміи..."

Упорные бои, разыгравшіеся въ предѣлахъ Люблинской губерніи, дали въ результатѣ картину жестокаго пораженія, нанесеннаго нашими войсками главнымъ австрійскимъ силамъ по всему фронту ихъ расположенія.

Главныя австрійскія силы вели бои въ двухъ группахъ и въ двухъ направленіяхъ—въ люблинскомъ и холмскомъ. На каждомъ изъ этихъ направленій дѣйствовало по отдѣльной австрійской арміи. Группа, дѣйствовавшая въ холмскомъ направленіи, была атакована нами съ трехъ сторонъ: отъ Замостья, отъ Грубешова и отъ Равы-Русской.

Такимъ образомъ, томашевская австрійская армія была охвачена дугою нашихъ войскъ больше полукруга — до 270 градусовъ — и, разбитая, отступала въ полномъ безпорядкѣ, преслѣдуемая нашими войсками.

Одновременно и на люблинскомъ направленіи австро-германскія войска были сбиты съ укрѣпленныхъ позицій и отступили на югъ. Германскія войска частью перебрались на правый берегъ Вислы въ Люблинскую губернію и соединились съ австрійцами.

Однако, прибытіе новыхъ войскъ, на этотъ разъ германскихъ, имѣвшихъ такую громкую репутацію, не спасло союзныя нѣмецкія войска отъ пораженія.

На отходъ австрійской арміи, дѣйствовавшей въ люблинскомъ направленіи, повліяло въ значительной степени пораженіе, нанесенное нами томашовской непріятельской арміи. Пораженіе у Томашова заставило австрійцевъ отступить здѣсь въ пол-

номъ безпорядкѣ, и, естественно, что австрійская армія, дѣйствовавшая въ люблинскомъ направленіи, была принуждена также поддаться назадъ, чтобы не оторваться отъ томашовской арміи.

Обѣ австрійскія арміи отступили, причемъ одна изъ нихъ въ полномъ безпорядкѣ, преслѣдуемая нашими войсками, къ болотистому Сану.

Отступленіе люблинской группы происходило также въ безпорядкѣ, такъ какъ ея обозы подверглись въ двухъ пунктахъ нападенію нашихъ войскъ. Колонна обозовъ, отходившая по шоссе Юзефовъ—Аннополь, то-есть, по самому краю праваго берега Вислы, была разсѣяна нашей артиллеріей съ лѣваго берега Вислы. Одновременно другой колоннѣ отступавшихъ обозовъ люблинской австрійской арміи пересѣкла путь наша лихая конница, неожиданно оказавшаяся въ тылу австрійскихъ войскъ у Фрамполя, находящагося въ самой чертѣ австрійскаго расположенія въ Люблинской губерніи. Произведенный здѣсь набѣгъ нашей конницы слѣдуетъ считать лихимъ кавалерійскимъ рейдомъ. Для того, что бы дойти до Фрамполя, нашей конницѣ пришлось проникнуть приблизительно на 60 верстъ въ глубь непріятельскаго расположенія. Такой подвигъ нельзя не считать исключительнымъ...

Впрочемъ, наши войска совершали подвиги чуть-ли не на каждомъ шагу, вступая въ бой съ превосходящимъ силами непріятелемъ и, несмотря на его численный перевѣсъ, побѣждая его. Иллюстраціей этому можетъ служить слѣдующій разсказъ одного нашего офицера, прошедшаго черезъ огонь всей трехнедѣльной Галиційской битвы:

„Мы выступили съ бивака къ югу отъ Люблина 19-го августа вечеромъ, не зная совершенно, куда идемъ, и о назначеніи узнали только 20-го утромъ, когда намъ сообщили, что часть австрійскихъ войскъ, все время нападавшая на наши корпуса между Люблиномъ и Иванъ-городомъ, заняла желѣзнодорожную станцію Травники, перерѣзая Люблину сообщеніе съ Холмомъ. Цѣль непріятельскаго движенія была прорваться на Варшаву. И вотъ, нашъ небольшой отрядъ долженъ былъ разорвать около Владиславова линію австрійской арміи, разъединить отъ ядра обходившіе Люблинъ корпуса и ударить австрійцамъ во флангъ. Уже шелъ десятый день боя для остальныхъ частей нашихъ войскъ, расположенныхъ параллельно австрійцамъ на громадномъ протяженіи. Шли непрерывныя атаки, артиллерія нещадно гремѣла съ утра до вечера. Нашъ отрядъ, выступивъ около 3 часовъ утра, уже къ 11 вступилъ въ соприкосновеніе съ непріятелемъ Мы разсыпали цѣпи и двинулись въ лощину съ горы за лѣсомъ

Помню деревню внизу, посрединѣ которой была золотистая долина съ ручьемъ, за ней лѣсокъ, перерѣзанный нѣсколькими отрогами овраговъ, затѣмъ вершина возвышенности, за нею опять лѣски. Когда мы вошли въ эту лощину,—непріятель сталъ осыпать насъ шрапнелью.

Странное впечатлѣніе произвела на насъ непріятельская шрапнель. Звенящій звукъ разрыва, красно-бѣлый дымъ взрыва—совсѣмъ не были страшны. Рвались шрапнели высоко, и у насъ вначалѣ не было потерь. Скоро загорѣлась деревня, участилась перестрѣлка, затрещали пулеметы. Наступая шагъ за шагомъ, мы быстро продвигались впередъ, потомъ залегли въ лѣсу.

Впереди все время шли новыя и новыя непріятельскія колонны, которыя сметались нашей артиллеріей. Дѣйствіе ея было ужасно... Я самъ видѣлъ на разстояніи трехъ верстъ наступающую изъ лѣса по скату непріятельскую колонну около лѣска. Артил-

лерія дала вытянуться ея цѣпямъ, потомъ открыла огонь. Издали было такое впечатлѣніе, точно метлою сметалось все, что появлялось. Я послѣ былъ на этой вершинѣ. Тамъ, только по моему приблизительному подсчету, лежало около 800 труповъ, а сколько раненыхъ уползло и ушло—неизвѣстно!..

Такимъ образомъ, бой шелъ до вечера. Трещали пулеметы, деревня къ вечеру была уже въ нашихъ рукахъ, появились плѣнные и раненые.

Потомъ оказалось, что въ этотъ день нашъ отрядъ (*два съ половиной полка*) выдержалъ бой и разбилъ *весь десятый австрійскій корпусъ!..*

Такъ кончился этотъ первый день.

Со слѣдующаго дня мы продолжали наступать дальше. Въ этотъ день у деревни Ченстобжовица меня послали съ развѣдчиками. Мы нашли мѣсто пулеметовъ непріятеля, указали

непріятельскую батарею и перестрѣливались съ нѣмецкими разъѣздами, сваливъ четырехъ нѣмцевъ съ лошадей. Въ это время шелъ бой нашихъ за лѣсомъ. Медленно, но вѣрно мы подвигались дальше. Уже вечерѣло. Опредѣленная развѣдчиками непріятельская батарея была найдена и замолкла, и одинъ изъ батальоновъ двигался къ лѣсу безъ выстрѣла.

Я шелъ съ развѣдчиками на лѣвомъ флангѣ цѣпей, охраняя ихъ. И вдругъ—когда весь батальонъ уже вытянулся цѣпями на скатѣ у лѣса—скрытая непріятельская батарея открыла по нему страшный шрапнельный огонь.

Это былъ какой-то адъ!..

Батальонъ перебѣжалъ въ лѣсъ, а на полѣ между нимъ и непріятелемъ остался я одинъ. Австрійцы обстрѣливали лѣсъ и поле съ картофелемъ, гдѣ я лежалъ. Потомъ вдругъ стрѣльба прекратилась. Я всталъ и побѣжалъ къ лѣсу. Тогда, очевидно, думая, что за мною цѣлая цѣпь, австрійцы начали стрѣлять по мнѣ. Недолетъ, перелетъ,—потомъ около меня стали рваться шрапнели, обсыпая меня землей. Я думалъ, что это случайность. Выждалъ тишину, опять побѣжалъ,—и опять то же самое...

Всего выпустили они по мнѣ 15 снарядовъ, изъ которыхъ одинъ упалъ около меня, въ одномъ шагѣ разстоянія и, не разорвавшись, осыпалъ меня землей, пошипѣвъ двѣ-три секунды. Этихъ секундъ я не забуду никогда, онѣ показались мнѣ часами!..

Въ небѣ горѣла заря и уже темнѣло. Прождавъ до сумерекъ, я съ трудомъ нашелъ своихъ развѣдчиковъ и полкъ въ лѣсу. Развѣдчики были убѣждены, что я уже убитъ, такъ какъ шрапнели рвались какъ разъ тамъ, гдѣ я перебѣгалъ"...

Итакъ, исходъ генеральнаго сраженія въ первые-же дни боевъ, уже къ 19 августа, далъ слѣдующіе результаты: наступавшія австрійскія войска на многихъ участкахъ вынуждены были перейти къ оборонѣ. Такъ какъ австрійцы наступали преимущественно на своемъ лѣвомъ флангѣ, то и переходъ ихъ къ оборонѣ долженъ былъ сказаться именно здѣсь. Тутъ австрійцы и понесли наибольшій уронъ: такъ, шестой австрійскій корпусъ, наступавшій между западнымъ Бугомъ и Вепржемъ, былъ почти уничтоженъ; пятнадцатая дивизія этого корпуса была разбита восточнѣе Томашова и окружена, причемъ ея полки, одинъ за другимъ, сдались въ плѣнъ; третья гонведная дивизія, входившая въ составъ этого корпуса, также понесла громадныя потери,—одиннадцатый гонведный полкъ ея былъ совершенно нами уничтоженъ.

Не лучше шли дѣла австрійцевъ и сѣвернѣе Томашова, на рѣкѣ Вепржѣ, гдѣ нами было взято огромное количество плѣнныхъ. Противъ праваго австрійскаго фланга нашими войсками также были поведены успѣшныя атаки. Въ Подгайцахъ, на переправѣ черезъ рѣку Коропецъ, австрійцы были разбиты на-голову и потеряли три тысячи человѣкъ плѣнными. Бой этотъ произошелъ слѣдующимъ образомъ.

Когда наши войска подошли къ рѣкѣ Коропецъ—непріятельскій берегъ у деревни Виржбуа оказался прочно занятымъ австрійцами, причемъ расположеніе ихъ угрожало флангу движенія нашей колонны. Немедленно было рѣшено атаковать противника. Развертываніе пришлось производить прямо изъ походныхъ колоннъ, къ сторонѣ фланга.

Противникъ тоже наступалъ. Завязался горячій встрѣчный бой. Наша пѣхота спѣшно разсыпала густыя цѣпи и, пренебрегая потерями, лавой двинулась на врага. Порывъ былъ неудержимъ.

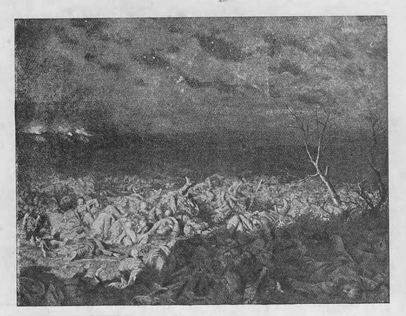
Подъ страшнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ австрійцевъ наши солдаты съ разстоянія 600 шаговъ бросились въ штыки на „ура".

Одинъ изъ батальоновъ при своемъ наступленіи попалъ подъ невыносимый огонь пулеметовъ. Но это не остановило батальона. Увлекаемый своимъ командиромъ, теряя по пути людей десятками, онъ бросился въ атаку на пулеметы. Не было ни первыхъ, ни послѣднихъ. По командѣ командира батальона: „За мной"!—всѣ встали, какъ стѣна, и дружно кинулись впередъ. Такъ грозной, хотя и быстро рѣдѣвшей стѣной, храбрецы дошли до пулеметовъ и овладѣли ими.

Австрійцы бѣжали за рѣку. Артиллерія преслѣдовала ихъ огнемъ. Командиръ корпуса, выѣхавшій вначалѣ боя въ полосу стрѣлковыхъ цѣпей одного изъ атаковавшихъ пѣхотныхъ полковъ, оставался на выбранномъ наблюдательномъ пунктѣ до развязки боя. Когда атакующіе сильно продвинулись впередъ, а противникъ, обманутый нами, началъ безпорядочное отступленіе, наша пѣхота стала собираться въ сосредоточенный порядокъ, образовывая резервы. Корпусный командиръ галопомъ приблизился къ полкамъ. Увидавъ его приближеніе, войска привѣтствовали генерала восторженнымъ и дружнымъ „ура"...

Солнце заходило. Бой стихалъ. Артиллерія посылала свои прощальные снаряды...

Масса труповъ въ свѣтло-сѣрыхъ австрійскихъ шинеляхъ и въ русскихъ защитныхъ рубахахъ указывали на то, что бой былъ тяжелый...

Взятіе Львова.

Постепенное, планомѣрное и непоколебимое наступленіе нашихъ войскъ въ генеральномъ Галиційскомъ сраженіи на восточномъ фронтѣ окончилось полнымъ разгромомъ австрійской арміи въ этомъ районѣ и взятіемъ 21 августа двухъ укрѣпленныхъ центровъ: столицы Галиціи—Львова и крѣпости на Днѣстрѣ Галича.

Главныя силы австрійцевъ здѣсь развернулись на фронтѣ Завихвостъ—Яновъ—Бѣлгорай—Томашовъ—Бельзъ для наступленія на фронтѣ Люблинъ—Холмъ. Наши же войска, перейдя границу въ предѣлахъ Кіевскаго округа, двинулись въ направленіи на Львовъ.

Наступленіе наше затруднялось тѣмъ, что всѣ дороги тамъ пересѣкались многочисленными лѣвыми притоками Днѣстра. Сверхъ того, на Днѣстрѣ непріятель располагалъ рядомъ предмостныхъ укрѣпленій Залещики — Нижніовъ — Галичъ — Миколаевъ. Но наши войска съ такой стремительностью продвинулись до рѣки Золотая Липа, что австрійцы поспѣшно бѣжали, побросавъ орудія и зарядные ящики.

Только на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, между Вислой и Вепржемъ, австрійцы еще упорно сопротивлялись съ помощью

свѣжихъ войскъ, переходившихъ съ лѣваго берега Вислы на вый. Эти послѣднія отчаянныя усилія дѣлались для прикр отступленія австрійской арміи къ Перемышлю и за рѣку С

Крайній правый флангъ австрійской арміи, за рѣкой лотая Липа, находился почти въ полутораста верстахъ Перемышля, между тѣмъ, какъ со стороны Вепржа наша бое линія приближалась на восемьдесятъ верстъ къ Перемышлн со стороны Люблина русскіе подошли на сорокъ пять ве къ рѣкѣ Сану.

Уже послѣ первыхъ дней сраженія австрійцы не думал объ исходѣ его, а только о томъ, какимъ частямъ ихъ арміи удастся отступить подъ защиту Перемышля и Кракова. Всего-же за эти дни австрійская армія, не считая частей войскъ, сражавшихся на путяхъ къ Люблину, уже понесла уронъ свыше шестидесяти тысячъ человѣкъ...

Наше лѣвое крыло, наступавшее въ Галиціи, прошло 220 верстъ, находясь съ 7-го по 21-е августа въ безпрерывномъ бою съ противникомъ. Главныя силы непріятеля укрѣпились на сильной позиціи Каменка—Галичъ, гдѣ и были на-голову разбиты въ упорныхъ бояхъ 18 и 19 августа. Только въ районѣ нижняго теченія Гнилой Липы, гдѣ непріятельское расположеніе было прорвано послѣ упорнаго боя за обладаніе этой рѣкой, противникъ потерялъ около 20.000 убитыми и ранеными. Въ этомъ же мѣстѣ австрійцы занимали чрезвычайно сильную по природѣ и прекрасно укрѣпленную позицію, которую, по показаніямъ плѣнныхъ офицеровъ, ихъ военноначальники считали неприступной; несмотря на то, позиція эта все же была взята нашими доблестными войсками.

Попытки противника удержать насъ атакою во флангъ со стороны Галича также не удались. Австрійцы и здѣсь были отброшены съ большими потерями; на полѣ сраженія было погребено около пяти тысячъ непріятельскихъ труповъ. Въ этомъ бою нами былъ взятъ въ плѣнъ одинъ генералъ и множество плѣнныхъ, орудія, обозы и парки.

Генералъ-лейтенантъ Д. Г. Щербачевъ, между тѣмъ, разбивъ австрійцевъ у самой границы, погналъ остатки австрійскаго корпуса и, такимъ образомъ, подошелъ близко, почти вплотную, къ сильному укрѣпленію — Равѣ-Русской. Но, въ виду того, что здѣсь укрывались значительныя австрійскія силы, онъ отъ штурма воздержался и употребилъ, для взятія этого укрѣпленія съ возможно меньшими потерями, слѣдующую военную хитрость.

Къ взятому по близости въ плѣнъ австрійскому солдату приставленъ унтеръ-офицеръ, который, какъ ему было ено начальствомъ, разговорившись съ плѣннымъ, сообь ему, что русскіе къ 12 часамъ ночи ждутъ подкрѣпленія гда начнутъ штурмовать Раву-Русскую; если же подкрѣія въ эту ночь не придутъ, тогда ихъ можно ждать не е, чѣмъ черезъ двое сутокъ, и слѣдовательно, и штурмъ пленія придется отложить на двое сутокъ.

Затѣмъ, унтеръ-офицеръ притворился дремлющимъ, давъ имъ возможность плѣнному австрійцу бѣжать, чѣмъ тотъ немедленно и воспользовался...

Между тѣмъ, генералъ Щербачевъ отдалъ приказъ нашимъ войскамъ укрыться въ окопахъ и не производить ночью ни шума, ни стрѣльбы...

Какъ и слѣдовало ожидать, бѣжавшій отъ насъ плѣнный австріецъ разсказалъ въ Равѣ-Русской о готовящемся въ 12 час. ночи нападеніи русскихъ на укрѣпленіе, и австрійцы, ровно въ полночь, въ предупрежденіе нашего штурма, открыли со всѣхъ фортовъ убійственный огонь. Наши войска притаились, не отвѣчая ни однимъ выстрѣломъ.

Стрѣльба изъ Равы-Русской продолжалась два часа. Ровно въ 2 часа ночи канонада прекратилась. Убѣдившись, что мы наступленія не предпринимали и что, слѣдовательно, къ нашимъ войскамъ подкрѣпленія подойдутъ только черезъ двое сутокъ, какъ сообщилъ въ укрѣпленіи бѣжавшій отъ насъ плѣнный, австрійцы, видимо, успокоились. Въ укрѣпленіи, послѣ напряженнаго ожиданія штурма, наступило спокойствіе, вскорѣ перешедшее въ глубокій сонъ.

Въ четыре часа утра наши войска неслышно повыходили изъ своихъ окоповъ и прикрытій и безшумно подобрались возможно ближе къ позиціямъ Равы-Русской. Когда всѣ подготовленія были закончены, ген. Щербачевъ приказалъ открыть по противнику страшный ураганный огонь. Загрохотали пушки, на непріятеля неожиданно посыпался огненный дождь!.. Въ это время справа раздался пулеметный огонь: это подошелъ корпусъ генерала Радко-Дмитріева. Нечего и говорить, что спустя самое короткое время, Рава-Русская оказалась въ нашихъ рукахъ, доставшись намъ [illegible]даря остроумной находчивости генерала Щербачев[illegible] безъ потерь...

Овладѣ[illegible]ской, генералъ Щербачевъ преслѣдовалъ бѣжа[illegible]а австрійцевъ и гналъ ихъ до самаго Львова. Гене[illegible] Рузскій, во избѣжаніе излишнихъ потерь,

указалъ генералу Щербачеву на необходимость подождать подкрѣпленій, прежде чѣмъ брать Львовъ, и велѣлъ ему только освѣтить тамъ мѣстность пачками. Но Д. Г. Щербачевъ, узнавъ, что во Львовѣ находились незначительныя непріятельскія силы и рѣшивъ, что его можно легко взять, ворвавшись на плечахъ бѣжавшихъ австрійцевъ, въ этомъ смыслѣ и послалъ донесеніе въ штабъ; самъ же, не теряя ни минуты времени, выставилъ заслонъ съ юго-восточной стороны Львова и продолжалъ гнать австрійцевъ съ юго-западной стороны Львова, принудивъ ихъ, такимъ образомъ, быстро отступить отъ города, изъ опасенія быть отрѣзанными.

Задача была исполнена точно, какъ и было донесено генераломъ Щербачевымъ въ штабъ: наши войска на плечахъ австрійцевъ докатились до Львова и овладѣли имъ безъ единаго выстрѣла, не разрушивъ ни одного зданія, ни одного камня мостовой. Въ нетронутыхъ домахъ вкусно дымились только что приготовленные завтраки, спѣшно оставленные хозяевами квартиръ...

Здѣсь, во Львовѣ, мы нашли громадные склады продовольствія и военныхъ запасовъ, удобныя казармы, лазареты и пр.

Другой участникъ взятія Львова разсказываетъ объ этомъ событіи такъ: „Дѣйствовавшая на львовскомъ направленіи австрійская армія состояла изъ третьяго, одиннадцатаго, двѣнадцатаго и частей седьмого и четырнадцатаго корпусовъ, т. е., въ количествѣ болѣе 200 тысячъ штыковъ, и эта грандіозная армія оказалась совершенно разбитой. Всѣ дороги по пути преслѣдованія бѣжавшихъ въ безпорядкѣ враговъ были загромождены брошенными ими парками и обозами съ различными грузами.

Семидневный бой вокругъ Галиціи являлъ собой грандіозное единоборство. На смѣну огромныхъ полчищъ австрійцевъ, сметаемыхъ огнемъ и штыками русскихъ войскъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, вставали новыя, бившіяся за каждую пядь земли. Страшный, разрушительный огонь нашей артиллеріи вызывалъ неописуемое смятеніе въ рядахъ австрій-

цевъ. Шагъ за шагомъ мы выбивали ихъ изъ окоповъ. Нашъ удачный обстрѣлъ гналъ непріятеля въ глубь, ближе къ крѣпостнымъ линіямъ. Несмотря на усталость, наши войска неуклонно подвигались впередъ.

Сзади главныхъ позицій австрійской арміи, въ двухъ-трехъ верстахъ къ востоку отъ Львова, расположены крутые холмы, поросшіе лѣсомъ и возвышающіеся футовъ на триста надъ городомъ. На этихъ позиціяхъ арріергарды австрійской арміи утромъ 20-го числа еще задерживали наше наступленіе, но вскорѣ были отброшены и частью уничтожены. Въ этотъ день наша армія подошла съ востока на пушечный выстрѣлъ къ Львову.

Задержка нашего наступленія была крайне необходима австрійцамъ для подготовки позицій за Львовымъ, на которыхъ можно было бы остановить хоть часть ихъ бѣгущихъ корпусовъ. На этой позиціи австрійцы разсчитывали также задержать натискъ арміи генерала Рузскаго до тѣхъ поръ, пока ихъ сѣверныя арміи успѣли бы отступить за рѣку Санъ и сосредоточиться около Перемышля.

На четвертый день орудія непріятеля почти замолкли. Насъ осыпали только пулями. Тутъ мы смяли непріятеля. Первая линія укрѣпленій оказалась безпомощной, со второй отвѣчали слабо. Все же насъ осыпали сплошнымъ ружейнымъ свинцомъ.

Весь путь отъ Злочева черезъ Галоперку до Львова лежитъ среди сопокъ, какъ памятная въ японскую войну Путиловская сопка. Каждую приходилось брать съ бою.

Всѣ усилія австрійцевъ задержать наше наступленіе не привели ни къ чему. 21 августа въ 11 часовъ утра побѣдоносный корпусъ генерала Щербачева вступилъ во Львовъ, древнюю столицу Прикарпатской Руси. Въ этотъ день завершилась грандіозная битва въ Восточной Галиціи, не имѣющая себѣ равныхъ въ міровой исторіи".

Одинъ плѣнный австріецъ нарисовалъ потрясающую картину боя непріятельской артиллеріи:

— Намъ было приказано драться до послѣдняго солдата. Послѣдній, который убьетъ врага, тотъ и побѣдитъ,—такъ говорили намъ. Вдругъ артиллерія дрогнула и въ паническомъ бѣгствѣ сама смяла и раздавила остатки австрійской арміи. Отъ двухъ полковъ—18 и 19-го—осталось всего 300 человѣкъ, сотни двѣ раненыхъ и сотня плѣнныхъ...

Отступленіе австрійской арміи послѣ пораженія у Львова обратилось въ бѣгство. Въ наши руки попало около 200 орудій, обозы и масса плѣнныхъ...

Верховный Главнокомандующій такъ сообщилъ объ этой побѣдѣ Государю Императору:

„Съ восторженной радостью и принеся благодареніе Богу, доношу Вашему Величеству, что побѣдоносная армія генерала Рузскаго сегодня въ 11 ч. утра взяла Львовъ, а армія Брусилова—городъ Галичъ. Ходатайствую о награжденіи за всѣ предыдущіе бои генерала Рузскаго Георгіемъ 4-й степени, а завзятіе Львова—Георгіемъ 3-й степени, генерала Брусилова за всѣ бои—Георгіемъ 4-й степени"...

Выяснившіяся затѣмъ подробности этихъ боевъ рисуютъ такую картину разгрома австрійской арміи.

Бѣжало австрійское войско широкой лавой, протаптывая дорогу разъ въ десять шире шоссе. Весь этотъ широкій путь сплошь былъ заваленъ патронами, шинелями, кепками, повозками, зарядными ящиками, ранцами, а въ болотистыхъ мѣстахъ были брошены завязшія пушки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по условіямъ мѣстности двигаться можно было только по шоссе и гдѣ, вслѣдствіе этого, образовались пробки, въ канавахъ грудами лежали брошенные австрійцами предметы снаряженія. За Сверемъ—небольшой перерывъ, а затѣмъ, у Баборки, въ 30 верстахъ отъ Львова,—та же картина бѣгства.

Наши войска слѣдовали за бѣжавшей австрійской арміей съ необычайной быстротой, причемъ имъ приходилось все время прочищать себѣ дорогу отъ брошенныхъ бѣглецами предметовъ.

Рѣшительный бой происходилъ въ двѣнадцати верстахъ отъ Львова, городъ же былъ сданъ безъ боя и достался намъ безъ всякихъ поврежденій. Австрійцы покинули городъ съ такой поспѣшностью, что, кромѣ богатѣйшей военной добычи, оставили намъ еще огромный запасъ перевязочныхъ средствъ, бѣлья и теплыхъ вещей, которыя очень пригодились намъ.

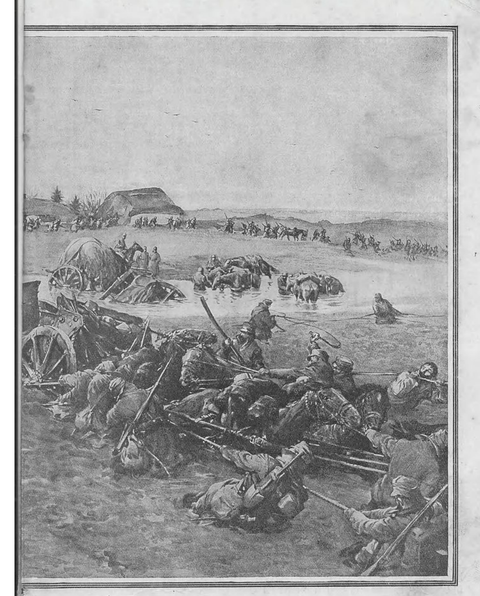
Дѣлая огромные переходы, не зная утомленія, войска наши настигли австрійцевъ въ 12 верстахъ за Львовомъ и заставили ихъ принять бой, продолжавшійся шесть дней. Этотъ кровопролитный бой закончился общимъ отступленіемъ соединенныхъ австрійскихъ армій, бѣжавшихъ, сломя голову, за укрѣпленія Перемышля...

Д. Д. Д—ичъ, побывавшій на австрійскомъ театрѣ войны, разсказывая о своихъ впечатлѣніяхъ, восторженно отзывается о храбрости, стойкости, неутомимости и выносливости нашихъ солдатъ.

„Множество разныхъ полковъ видѣлъ я въ дѣлѣ, но не могъ бы сказать, который изъ нихъ лучше. Мы, штатскіе, пред-

ставляемъ себѣ сраженіе такъ, будто съ обѣихъ сторонъ сталкиваются грудь съ грудью двѣ арміи по нѣсколько сотъ тысячъ

человѣкъ каждая. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Войска идутъ впередъ широко развернутой цѣпью подъ при-

крытіемъ артиллеріи. Солдаты быстро роютъ окопы и изъ-за нихъ стрѣляютъ въ находящагося за нѣсколько верстъ врага. Потомъ бѣгутъ впередъ, осыпаемые пулями и шрапнелью. Чѣмъ ближе они подбѣгаютъ къ врагу, тѣмъ меньше зарываются въ землю.

Русскихъ воиновъ никакой огонь не можетъ удержать отъ перебѣжки, они никакого вниманія не обращаютъ на падающихъ убитыхъ и раненыхъ, неудержимо стремясь къ непріятельскимъ окопамъ. Каждый солдатъ, самъ того не замѣчая, на каждомъ шагу выказываетъ истинное геройство...

Артиллерія наша своею мѣткостью наводитъ на австрійцевъ паническій ужасъ. Мнѣ пришлось разъ находиться на полѣ въ штабѣ корпуса. Штабные офицеры въ бинокли слѣдили за возвышенностью верстахъ въ девяти отъ насъ, гдѣ должны были показаться австрійскіе отряды. Мнѣ уступили одинъ бинокль. И вотъ—я вижу наверху возвышенности показалась австрійская артиллерія. Орудіе за орудіемъ выѣзжали на позицію и становились въ боевой порядокъ. Точно охотники-спортсмены въ предвкушеніи облавы, наши штабные офицеры воодушевились и стали отдавать распоряженія; зазвонилъ телефонъ, поскакали адъютанты, помчались автомобили.

Точно изъ-подъ земли, одна за другой появились наши батареи. Не успѣли выравняться австрійцы, какъ одна изъ нашихъ батарей дала въ нихъ залпъ.

— Перелетъ!—закричали около меня.

Второй залпъ.

— Недолетъ!..

Третій залпъ...

Въ бинокль я увидѣлъ ясно, какъ шарахнулись лошади у австрійскихъ пушекъ и побѣжали въ сторону люди. Одна за другой залпами стали стрѣлять наши батареи. Не отрываясь отъ бинокля, съ жадностью смотрѣлъ я на возвышенность. Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ тамъ все перемѣшалось, валились лошади и люди, и съ каждой минутой рѣдѣли австрійскіе выстрѣлы. Черезъ полчаса врагъ замолчалъ, уничтоженный нашей артиллеріей...

Отъ нашего начальства, отъ раненыхъ нашихъ офицеровъ, отъ австрійскихъ раненыхъ и отъ плѣнныхъ я слышалъ одинаковые отзывы о неподражаемой мѣткости нашихъ артиллеристовъ. Наши орудія и снаряды оказались выше всякихъ похвалъ, и австрійцы съ нами сравниться въ этомъ отношеніи не могли...

Кавалерія наша неутомима и постоянно проявляетъ чудеса храбрости. Казаки оказываютъ нашимъ войскамъ неоцѣнимыя услуги какъ при развѣдкахъ, такъ и при преслѣдованіи непріятеля. Ведутъ себя казаки въ занимаемыхъ областяхъ образцово. Австрійцы казаковъ такъ боятся, что для конвоированія 18 тысячъ плѣнныхъ наши войска отрядили всего 15 казаковъ, и плѣнные шли съ полной покорностью, какъ если бы шли подъ конвоемъ цѣлаго полка. Когда съ плѣнными пробовали заговаривать мѣстные жители, достаточно было прикрикнуть казаку, чтобы смѣльчаки со всѣхъ ногъ бросались наутекъ. Купленное у жителей стадо коровъ въ нѣсколько тысячъ головъ стерегли въ полѣ пять казаковъ, и никому и въ голову не пришло бы отбить стадо"...

Кому суждена слава народнаго героя — разсказываетъ дальше г. Д—чичъ—такъ это Радко-Дмитріеву. Во всѣхъ нашихъ арміяхъ, дѣйствующихъ противъ австрійцевъ, солдаты всѣ до одного обожаютъ своего „Радку". Въ войскахъ о немъ уже сложились цѣлыя легенды, хотя я долженъ сказать, что выдуманнаго въ этихъ легендахъ очень мало. Радко-Дмитріевъ всегда впереди со своими полками, всегда самъ ведетъ солдатъ въ наступленіе, всегда находится въ самомъ опасномъ мѣстѣ, примѣромъ своимъ вдохновляя воиновъ. Его лозунгъ—„впередъ". Когда пробуютъ его увѣрить, что лучше бы подождать—онъ спокойно и увѣренно повторяетъ:

— Впередъ!..

Ему продолжаютъ доказывать, что надо подождать подкрѣпленія или обоза, но Радко-Дмитріевъ, не мѣняя тона, говоритъ:

— Энергично впередъ!..

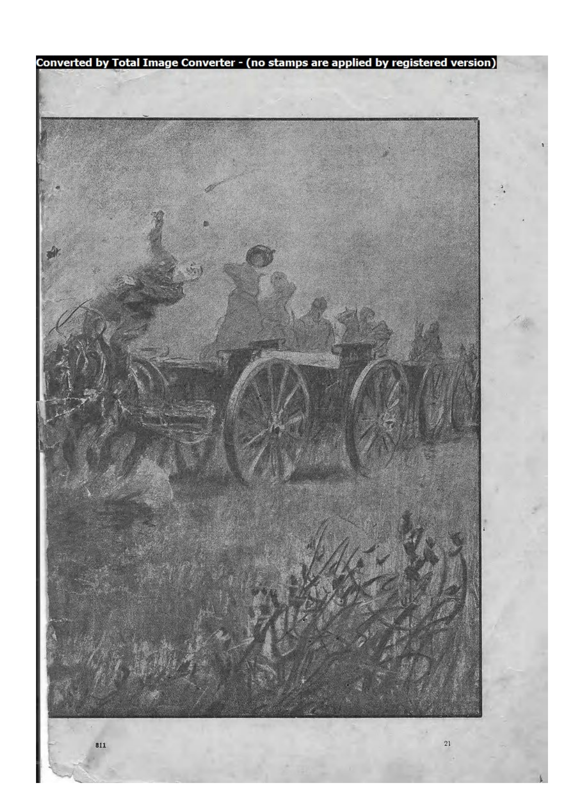
— Да, это—генералъ, это дѣйствительно начальникъ, герой, что и говорить!—только и слышишь отъ солдатъ.

Офицеры безъ ума отъ него не меньше солдатъ. Многіе офицеры съ восторгомъ передавали мнѣ со всѣми подробностями о подвигахъ Радко-Дмитріева. Австрійцы боятся Щербачева и Радко-Дмитріева и ненавидятъ ихъ, какъ самыхъ лютыхъ враговъ"...

Бои подъ Львовомъ сопровождались любопытными эпизодами, ярко характеризующими неустрашимость и отвагу нашихъ солдатъ. Одинъ изъ участниковъ этихъ боевъ разсказываетъ слѣдующее:

„Австрійцамъ удалось нащупать нашу батарею, и ихъ снаряды стали разрываться совсѣмъ близко около насъ. Къ нашему счастью уже стемнѣло, и непріятельскія орудія вскорѣ замолчали.

Во избѣжаніе риска быть разстрѣлянными, на разсвѣтѣ нами было рѣшено перемѣнить позицію. Сразу вся батарея оживилась, и въ окопахъ всѣ зашевелились, какъ въ муравейникѣ. Перемѣна, хотя и небольшая, все же оживляла нашу жизнь въ окопахъ.

Орудія ночью установили на другомъ мѣстѣ, на прежнемъ же поставили нѣсколько сноповъ соломы, на которые солдаты, по собственной инициативѣ, надѣли австрійскія фуражки.

— Пусть по своимъ стрѣляютъ! — весело смѣясь, шутили они.

Чтобы привлечь къ этому пункту вниманіе австрійцевъ и, такимъ образомъ, замаскировать нашу позицію, мы рѣшили устроить небольшой взрывъ, дымъ котораго непріятель безъ сомнѣнія долженъ былъ замѣтить.

Утромъ первый выстрѣлъ сдѣлали съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ совпалъ съ моментомъ взрыва. Эта хитрость намъ вполнѣ удалась. Всѣ австрійскія батареи, не жалѣя снарядовъ, стали обстрѣливать нашу прежнюю позицію.

Въ полдень, когда намъ удалось подбить нѣсколько непріятельскихъ орудій и мы заставили австрійцевъ отступить, мы насчитали въ районѣ нашей вчерашней стоянки до тысячи шрапнельныхъ стаканчиковъ...

Въ тотъ-же день, около двухъ часовъ дня, нашей батареей былъ полученъ приказъ отвести въ сторону орудія, такъ какъ готовилась кавалерійская атака.

Мнѣ въ первый разъ приходилось наблюдать эту величественную картину.

Въ нѣсколько минутъ орудія были установлены на новыхъ позиціяхъ, и вдали показался, мчавшійся, какъ вихрь, кавалерійскій полкъ.

Въ атаку кавалерія всегда бросается галопомъ, за полкомъ, также галопомъ, несется обозъ, и съ сильнымъ шумомъ и трескомъ, галопомъ же, мчатся полковыя кухни.

Въ нѣсколько минутъ кавалеристы поровнялись съ нами. За быстротой даже нельзя было разглядѣть ихъ лицъ. У одного изъ солдатъ, задѣвшаго на всемъ скаку за щитъ нашей пушки, оторвался привязанный сбоку котелокъ, и онъ крикнулъ, обернувшись назадъ: „Котелокъ!..“

Крикъ этотъ передавался все дальше, пока не достигъ послѣдняго ряда атакующихъ. Здѣсь одинъ изъ солдатъ отдѣлился, на всемъ ходу изогнулся и копьемъ поднялъ съ земли оторвавшійся котелокъ.

Черезъ двѣ минуты отъ кавалеристовъ осталось только облачко пыли, да издали доносился чуть слышный гулъ"...

Пришлось мнѣ также наблюдать случай геройства, гдѣ и самъ герой не сознавалъ своего героизма. Дѣло было такъ.

Между нашей и непріятельской позиціей паслось стадо коровъ и коза. Животныя были на привязи и мирно пощипывали траву. Когда началась перестрѣлка—снаряды стали разрываться около нихъ. Коровы падали одна за другой. Ну, думаемъ, скоро и коза пропадетъ!.. И дѣйствительно, вблизи нея разорвался снарядъ, козу даже подбросило вверхъ, но упавъ, она быстро вскочила на ноги, отбѣжала въ сторону и прилегла.

Жаль намъ было очень козочку, но ничѣмъ мы ей помочь не могли. Постепенно коза приближалась къ намъ все ближе и ближе. При каждомъ орудійномъ выстрѣлѣ она припадала къ землѣ.

— Братцы!—крикнулъ кто-то изъ солдатъ:—Смотри, къ намъ нѣмецкій шпіонъ бѣжитъ!

Козочка быстро бѣжала въ нашу сторону, но въ это время впереди нея разорвался снарядъ, и она опять бросилась въ сторону. Издали къ намъ доносилось ея жалобное блеяніе...

Стоявшій рядомъ со мной ефрейторъ Сапуновъ вдругъ перекрестился и выскочилъ изъ прикрывавшаго его щита пушки по направленію къ козѣ.

— Куда ты, Сапуновъ?—крикнулъ я ему.

Очевидно Сапуновъ не разслышалъ моего вопроса и продолжалъ вприпрыжку бѣжать къ козѣ. Мы затаили дыханіе, такъ какъ снаряды безпрерывно рвались по дорогѣ Сапунова. Онъ, между тѣмъ, подошелъ къ козѣ, подхватилъ болтавшуюся около нея веревку и, повернувъ назадъ, сталъ приближаться къ намъ.

Даже австрійцы, недоумѣвая, на время прекратили стрѣльбу, но когда увидѣли, что Сапуновъ приближается къ окопамъ, стали палить съ удвоенной энергіей. Но Сапуновъ пришелъ въ окопы безъ единой царапинки.

— Какъ-же это ты, Сапуновъ,—упрекнулъ я его:—подъ выстрѣлы пошелъ?..

— Больно ужъ жаль козочку было, ваше благородіе,—съ виноватой улыбкой проговорилъ онъ:—все же Божіе созданіе!..

Я ограничился только этимъ выговоромъ, не хватило силы укорять его за этотъ маленькій, но все же героическій эпизодъ...

Коза пробыла у насъ недолго, всего два дня, но за это время солдаты всячески ее ласкали. На третій день она была убита осколкомъ шрапнели. Солдаты искренно горевали о гибели животнаго...

О другомъ забавномъ случаѣ разсказываетъ вольноопредѣляющійся, отбившійся отъ своего полка и оставшійся при ротной кухнѣ:

„Около кухни было насъ человѣкъ двадцать. Стали думать—какъ быть? Провизіи у насъ не было, а ѣхать къ полковому артельщику—опоздаемъ съ обѣдомъ. Рѣшили купить провизіи въ ближайшей экономіи. Отрядили насъ пять человѣкъ, пошелъ съ ними и я.

Хотя поблизости людей не видно было, но все же винтовки держали наготовѣ. Не успѣли отойти шаговъ 50—какъ вдругъ залпъ. Оглянулись—впереди пыль поднялась. Потомъ увидѣли австрійскій отрядъ. Одинъ машетъ бѣлымъ платкомъ, и всѣ безъ ружей.

Подошли мы, видимъ 17 человѣкъ, ружья сложили и показываютъ, что хотятъ въ плѣнъ. Оказались они австрійскими румынами изъ Трансильваніи. Уже потомъ въ полку узнали, что они приняли насъ за развѣдочный отрядъ.

Весь полкъ насмѣшили:

Ротная кухня 17 плѣнныхъ привела!..

Не менѣе интересенъ эпизодъ, о которомъ разсказываетъ въ своемъ письмѣ къ роднымъ мотоциклистъ В.

„Произведя удачную развѣдку подъ Львовомъ, мы на обратномъ пути столкнулись съ австрійскимъ отрядомъ, причемъ у насъ одинъ былъ раненъ, у четырехъ пробиты машины, а у ротнаго командира машина сильно пострадала. Намъ пришлось спѣшиться подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, одну негодную машину, выпустивъ бензинъ, мы подожгли, а нашъ трубачъ отдалъ свою машину командиру и, оставшись подъ пулями, началъ вывозить на рукахъ машину командира.

Его замѣтили четыре нѣмецкихъ кавалериста, а тотъ, и самъ не зная зачѣмъ, взялъ трубу и сталъ играть сборъ. Кавалеристы, думая, что онъ вызываетъ засаду, повернули и стали удирать. Тогда онъ началъ палить изъ маузера, сшибъ одного, потомъ доставилъ машину. За это онъ получилъ Георгія...

Ночью мы опять отправились и получили приказаніе вывести подстрѣленный нѣмецкій аэропланъ, который упалъ на линіи огня, между нашей и непріятельской передовыми линіями. Пробирались мы поздно ночью. Шелъ сильный артиллерійскій бой, свѣтло было, какъ днемъ: кругомъ горѣли деревни, по всѣмъ направленіямъ рыскали прожекторы.

Мы пробирались ползкомъ, добрались до аппарата, привязали къ нему длинныя веревки и начали тащить. Если бы нѣмцы увидѣли движеніе машины и открыли пальбу по аппарату, то мы были бы всѣ перебиты. Но все обошлось благополучно. Къ утру мы съ гордостью провезли аэропланъ черезъ городъ къ командующему арміей...

Австрійскія власти держали населеніе Львова въ полномъ невѣдѣніи о положеніи вещей на театрѣ военныхъ дѣйствій. До послѣдней минуты Львовъ ничего не зналъ о неудачахъ австрійскаго оружія. Первые признаки нервнаго напряженія появились въ городѣ только послѣ того, какъ распространилось извѣстіе о томъ, что сраженіе происходитъ въ нѣсколькихъ

верстахъ отъ Львова. Вскорѣ нервное напряженіе перешло въ панику, несмотря на то, что власть и печать пытались успокоить тревогу населенія.

Адскій грохотъ и шумъ свирѣпствовавшихъ подъ Львовомъ боевъ смутными отголосками долетали до города. Но населеніе Львова только тогда отдало себѣ ясный отчетъ во всей серьезности положенія, когда увидѣло цѣлый рядъ авто-

мобилей, подъѣхавшихъ къ дворцу намѣстника. Спустя нѣкоторое время галиційскій намѣстникъ, докторъ Бобржинскій, краевыя власти и высшія административныя лица сѣли въ автомобили и уѣхали на вокзалъ. Храмы наполнились молящимися; изъ ихъ ярко освѣщенныхъ оконъ падали на улицу широкія полосы свѣта. Высоко въ небѣ надъ зданіемъ городской ратуши вѣялъ черножелтый австрійскій флагъ.

Затѣмъ въ городъ въѣхалъ русскій казакъ, посланный нашими войсками. Онъ благополучно объѣхалъ всѣ улицы и возвратился въ лагерь. Спустя три часа въ столицу Галиціи вступилъ передовой отрядъ русской арміи. За нѣсколько минутъ до прибытія русскихъ на площадь городской ратуши, трехцвѣтное русское знамя смѣнило на башнѣ ратуши бѣлый капитуляціонный флагъ.

Австрійскія власти старались внушить населенію Львова совершенно превратное мнѣніе о русскихъ. Но гражданскій комитетъ принялъ всѣ мѣры, чтобы русскіе встрѣтили къ себѣ дружелюбное отношеніе. Первая сочувственная по адресу русскихъ манифестація состоялась на ул. Карла-Людвига.

Уже спустя нѣсколько часовъ отношенія мѣстнаго населенія къ русскимъ потеряли первоначальный холодокъ. Настроеніе города было настолько мирнымъ, что черезъ какой-нибудь часъ офицеровъ и многихъ нижнихъ чиновъ уже отпустили на прогулку, и они заполнили всѣ кафе и рестораны. Веселились, знакомились съ мѣстнымъ населеніемъ. Угощали новыхъ знакомыхъ, и тѣ угощали нашихъ воиновъ. Во многихъ ресторанахъ хозяева отказывались брать плату.

Въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ города произошелъ любопытный курьезъ. Находившіеся здѣсь офицеры просили ресторатора отпустить имъ какихъ-либо напитковъ. Рестораторъ замялся, ссылаясь на запрещеніе продавать хмельное. Но онъ тутъ-же нашелъ выходъ изъ положенія.

— Знаете что?—сказалъ онъ, смѣясь:—мы поступимъ такъ. Въ приказѣ перечислены всѣ напитки. Но есть одинъ промахъ. Не указанъ медъ. А въ моихъ подвалахъ имѣется запасецъ добраго стараго меда, такъ я вамъ его и подамъ...

Посмѣялись и перешли на „добрый" медъ...

Торговая жизнь города почти ни на минуту не прекращалась. Правда, цѣны на предметы первой необходимости страшно возрасли, но галантерейные, мануфактурные товары, предметы комфорта и роскоши были необычайно дешевы.

Уличная жизнь въ первые дни отличалась отъ обычной лишь полнымъ отсутствіемъ извозчиковъ. Всѣ они заняты были

перевозкой раненыхъ и уборкой труповъ въ окрестностяхъ города.

Какъ относилось мѣстное деревенское населеніе къ русскимъ, лучше всего видно изъ слѣдующаго разсказа русскаго чиновника:

„У Красно остановился вышедшій изъ Львова поѣздъ съ ранеными. Не хватило воды. Пока паровозъ ѣздилъ за водою, окрестные крестьяне, замѣтивъ поѣздъ, потянулись къ нему съ корзинами и кувшинами. Когда крестьяне приблизились, чиновникъ, желая придти на помощь раненымъ, подозвалъ одну изъ бабъ:

— Что у тебя тамъ? Молоко?.. А ну, продай-ка...

— А вы развѣ раненые?—спросила баба:—Мы не продаемъ, мы раненымъ принесли...

Подаянія крестьянъ, конечно, не хватило для всѣхъ. Но никто не тянулъ рукъ, не толкался. Только слѣдили лихорадочно горящими глазами за немногими счастливцами, жадно пившими и ѣвшими. Нѣкоторые легко раненые передавали полученное ими тяжело больнымъ.

Какая-то баба протянула крынку молока нашему солдатику. Онъ не спѣша принялъ, поблагодарилъ и, обернувшись, передалъ ее тяжело раненому венгерцу, стонавшему за его спиной...

* * *

Совершившій поѣздку по завоеванному русскими войсками Галиційскому краю полковникъ, князь А. А. Черкасскій, даетъ интересныя подробности слѣдовъ происходившихъ тамъ сраженій:

„Въ 12 верстахъ отъ Львова, при поворотѣ на Замостье, мнѣ пришлось видѣть, на окружавшихъ дорогу поляхъ, много офицерскихъ могилъ, отмѣченныхъ бѣлыми деревянными крестами съ надписью на нихъ фамиліи и чина павшаго въ бою.

Невдалекѣ находится братская могила погибшаго четырехтысячнаго австрійскаго отряда пѣхоты. Отрядъ находился въ возведенномъ здѣсь австрійскими саперами редутѣ, который затѣмъ былъ положительно сметенъ съ лица земли губительнымъ огнемъ нашей артиллеріи.

Вообще, князю здѣсь пришлось видѣть много доказательствъ мѣткости нашего артиллерійскаго огня. Такъ, окружавшіе шоссе окопы носили рѣзкіе слѣды бризантныхъ снарядовъ. Снаряды эти вырывали громадные куски шоссе и ложились около самыхъ окоповъ. По слѣдамъ можно было судить о томъ, какъ пристрѣлялась здѣсь наша артиллерія. Въ центрѣ

шоссе не было видно слѣдовъ артиллерійскаго огня; ихъ было очень много по бокамъ шоссе, гдѣ находились непріятельскіе окопы.

Въ мѣстахъ попаданій можно было видѣть очень много стакановъ отъ шрапнелей. Они валялись даже въ сырыхъ болотистыхъ мѣстахъ, что ясно показываетъ, насколько хорошо были приготовлены наши снаряды, если они взрывались даже въ сыромъ болотѣ.

Крестьяне окружныхъ деревень, свидѣтели этихъ боевъ, утверждаютъ, что огнемъ нашей артиллеріи косились цѣлые роты и взводы австрійцевъ.

Грустное впечатлѣніе оставляетъ масса могилъ австрійскихъ офицеровъ, встрѣчающихся по всему пути. Ихъ хоронили тамъ, гдѣ ихъ заставала смерть. Кромѣ того, австрійцы часто хоронили своихъ офицеровъ въ общихъ могилахъ по тричетыре человѣка вмѣстѣ. Такъ, при князѣ одинъ полякъ разыскалъ тѣло своего сына въ общей могилѣ съ тремя другими австрійскими офицерами.

На пути близъ Замостья и Красностава князь видѣлъ остатки селеній, сожженныхъ до тла австрійцами при отступленіи. Австрійцы уничтожали все, что могли, причемъ на селеніяхъ остался слѣдъ не артиллерійскаго огня, а пожара. Такъ же на половину сожженъ и Томашовъ. Австрійцы совершенно разграбили часть города, унеся съ собой все, что можно было. Не считаясь совершенно съ частной собственностью, ихъ солдаты грабили частные дома и насиловали жителей, приближаясь въ этомъ отношеніи къ своимъ союзникамъ—германцамъ.

Начиная отъ города Жолкіева, уже не видно никакихъ окоповъ и остатковъ земляныхъ укрѣпленій. Здѣсь австрійцы бѣжали передъ русскими войсками, не пытаясь даже задержать ихъ молніеносное наступленіе. И только около самаго Львова видны были разрушенныя нами проволочныя загражденія. Это былъ рядъ столбовъ, напоминавшихъ собой заборъ, между которыми были протянуты ряды проволоки.

Дорога по территоріи австрійской Галиціи очень напоминаетъ Россію. Сохранившіяся около Львова села расположены на очень близкомъ разстояніи другъ отъ друга, шоссейная дорога близъ Львова находится, въ общемъ, въ хорошемъ состояніи. Не слышно о какомъ бы то ни было мародерствѣ, и при путешествіи ночью по шоссе князь не только не испытывалъ никакого страха, но ему казалось, что онъ находится въ центрѣ Россіи. Черезъ каждые 50-60 шаговъ костеръ

около котораго сидятъ крестьяне, охраняющіе телеграфъ. (Какъ извѣстно, охрана телеграфа была возложена на жителей окружающихъ шоссе мѣстностей).

Въ городѣ Жолкіевѣ князь наблюдалъ оригинальную картину. На улицахъ стояли полисмены въ формѣ австрійской милиціи, и лишь по перевязкамъ на рукавахъ, имѣющихъ національные русскіе цвѣта, можно было видѣть, что милиціонеры-поляки служатъ Россіи. Нужно отдать имъ справедливость— вездѣ царилъ образцовый порядокъ.

Когда мы подъѣхали къ Жолкіеву, — разсказываетъ далѣе кн. А. А. Черкасскій, — одинъ изъ полисменовъ сѣлъ въ нашъ автомобиль и проводилъ насъ до отеля, гдѣ мы получили все необходимое. Хозяинъ отеля, типичный галиційскій еврей, въ разговорѣ со мной высказалъ радость, которую внушило мѣстнымъ жителямъ вступленіе русскихъ войскъ. Въ то время, какъ австрійцы грабили все, что могли, не платя ничего, русскіе солдаты расплачивались за все наличными деньгами. Въ Томашовѣ у начальника уѣзда мнѣ пришлось видѣть много пріѣзжихъ русскихъ, отцовъ и матерей погибшихъ офицеровъ, явившихся сюда, чтобы отыскать тѣла дѣтей. Въ ихъ распоряженіе были предоставлены автомобили и необходимый составъ солдатъ.

Насколько австрійцы не ожидали нашествія русскихъ, можно судить по тому, что они совершенно не заботились объ уничтоженіи нѣкоторыхъ секретныхъ документовъ. Такъ нами захвачены были всѣ крѣпостные планы Львова; въ руки нашихъ войскъ попала и спеціально построенная австрійцами для стратегическихъ цѣлей желѣзная дорога, линія которой шла параллельно нашей границѣ. Къ намъ попали всѣ вагоны, паровозы, мастерскія,—все находилось въ полномъ порядкѣ и принесло намъ громадную пользу.

Подъ Красноставомъ австрійцы уничтожили желѣзнодорожный мостъ, взорвавъ его при отступленіи. Но наши войска быстро навели новый, такъ что желѣзнодорожное сообщеніе здѣсь совершенно не пострадало.

„Во Львовъ мы пріѣхали ночью, около 3-хъ часовъ. Автомобиль быстро въѣзжалъ въ городъ, когда насъ остановили окрики военной охраны. Солдаты бросились къ автомобилю съ ружьями на перевѣсъ.

Скоро такая строгость разъяснилась. Оказалось, что въ этотъ день въ Львовѣ произошелъ тотъ печальный инцидентъ, о которомъ оффиціально извѣстилъ генералъ-губернаторъ, графъ Бобринскій.

Съ чердаковъ нѣкоторыхъ домовъ были произведены выстрѣлы въ нашихъ солдатъ, мирно производившихъ закупки провизіи на базарѣ. Это вызвало временную мѣру,—предписано было сдать оружіе всѣмъ, кто хранилъ его у себя, подъ угрозой преданія военно-полевому суду, въ случаѣ отказа или утайки. Запрещено было также выходить на улицу позже 9-ти час. веч. Введено было полное запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ даже въ ресторанахъ 1-го разряда.

Жизнь во Львовѣ была налажена вполнѣ. Всѣ магазины торговали за исключеніемъ лишь тѣхъ, владѣльцы которыхъ бѣжали въ Австрію, напуганные ложными разсказами о звѣрствахъ русскихъ.

Война совсѣмъ не коснулась львовскихъ построекъ, и нигдѣ не видно было никакихъ признаковъ разрушенія. По улицамъ двигались трамваи, прекрасные параконные извозчичьи экипажи, на базарахъ денщики нашихъ офицеровъ перезнакомились и вполнѣ подружились съ польской прислугой мѣстныхъ жителей и, повидимому, вполнѣ акклиматизировались въ завоеванномъ городѣ. Всѣ гостиницы были переполнены пріѣзжими офицерами и представителями общественныхъ группъ, пріѣхавшими сюда съ санитарными отрядами.

По вечерамъ на широкихъ улицахъ Львова появлялась масса автомобилей какъ военныхъ, такъ и принадлежащихъ мѣстной польской аристократіи. Кафе и кинематографы работали очень бойко. Во всѣхъ ресторанахъ прислуга стала прекрасно понимать по-русски. Кормили вездѣ очень хорошо, и если бы не дороговизна, то по ресторанной жизни нельзя было бы угадать войну.

Во Львовѣ, обычно насчитывающемъ около 250.000 жителей, теперь ихъ было не меньше 300.000.

Многіе жители, вначалѣ бѣжавшіе изъ Львова, вернулись назадъ, успокоенные добрымъ отношеніемъ къ мирному населенію со стороны русскихъ властей. Среди возвращавшихся особенно много было поляковъ.

На пріемѣ у генералъ-губернатора графа Бобринскаго князю пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ польскихъ магнатовъ, бывшимъ намѣстникомъ города Львова, занимавшимъ эту должность девять лѣтъ. Всѣ эти 9 лѣтъ онъ прожилъ въ томъ же дворцѣ, въ которомъ теперь жилъ графъ Бобринскій. Дворецъ представлялъ собой чудо архитектуры, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутренней отдѣлкѣ. Этотъ магнатъ говорилъ о томъ удовлетвореніи, которое чувствуютъ поляки отъ за-

нятія Галиціи нашими войсками, и высказалъ свой восторгъ передъ храбростью и геройствомъ нашихъ войскъ.

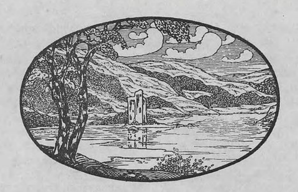
Но, въ противоположность поведенію русскихъ войскъ, отступавшія австрійскія войска не щадили на своемъ пути ничего, съ какимъ-то ожесточеніемъ и безпричинной ненавистью разрушая даже памятники искусства. Очевидцы передаютъ, что очень тяжелое впечатлѣніе производили разрушенныя отступавшими австрійскими войсками польскія имѣнія и замки; отъ многихъ остались только обгорѣлыя трубы. Такъ, австрійцы разрушили старинный замокъ графа Морица Замойскаго чудо архитектурнаго искусства. Снимками съ этого замка и имѣнія графа Замойскаго сплошь и рядомъ были заполнены нумера иллюстрированныхъ журналовъ. Теперь прекрасное имѣніе представляетъ груду развалинъ.

* * *

Одновременно съ Львовомъ наши войска овладѣли и городомъ Галичемъ, стоящимъ на берегу рѣки Гнилая Липа.

Верховья Гнилой Липы находятся къ сѣверу отъ города Перемышляны, занятаго нашими войсками. У Перемышлянъ Гнилая Липа поворачиваетъ къ югу и течетъ черезъ Рогатинъ къ Галичу на разстояніи около 110 верстъ отъ границы Подольской губерніи.

Позиція австро-венгерскихъ войскъ здѣсь была чрезвычайно сильная по естественнымъ условіямъ. Кромѣ того, она была настолько сильно укрѣплена, что нашъ противникъ, какъ показали впослѣдствіи сами плѣнные австрійскіе офицеры, считалъ ее неприступной. Но ни естественныя преграды, ни укрѣпленія, ни всѣ усилія противника не остановили стремительной атаки русскихъ войскъ, которыя, послѣ упорнаго боя, овладѣли этими позиціями.

Для прикрытія Южной Галиціи австрійцами была укрѣплена оборонительная линія по Днѣстру. Здѣсь, въ пунктахъ пересѣченія Днѣстра желѣзнодорожными линіями, возведены были предмостныя укрѣпленія временной профили, состоящія изъ батарей и опорныхъ пунктовъ. Одно изъ такихъ предмостныхъ укрѣпленій находилось у Галича.

Стремясь помѣшать наступленію нашей арміи къ столицѣ Галиціи,—городу Львову, австрійскія войска, находившіяся у Галича, сдѣлали попытку атаковать насъ во флангъ, однако, эта попытка дорого обошлась нашему противнику. Австрійцы были отброшены съ большими потерями, причемъ на полѣ сраженія было погребено 4.800 австрійскихъ труповъ. Въ этомъ бою нами былъ взятъ одинъ генералъ и много плѣнныхъ, отбито 32 орудія, одно знамя и захвачено много обозовъ и парковъ.

Количество взятыхъ нами трофеевъ указываетъ на то, что нашими войсками была здѣсь одержана блестящая побѣда. Численность противника въ этомъ бою не могла быть незначительной, такъ какъ взятыя нами 32 орудія составляютъ цѣлую артиллерійскую бригаду, которая не могла быть придана къ силамъ менѣе пѣхотной дивизіи. Разбитыя въ этомъ бою австро-

венгерскія войска были въ составѣ, по крайней мѣрѣ, дивизіи пѣхоты, бригады артиллеріи и, конечно, кавалеріи, на что указываетъ количество однихъ погребенныхъ труповъ. Число убитыхъ, обыкновенно, составляетъ только 10 процентовъ числа раненыхъ; если уменьшить это соотношеніе даже въ два раза и предположить, что у австрійцевъ выбыла изъ строя половина войскъ, то и тогда окажется что наша армія въ Восточной Галиціи разгромила цѣлый непріятельскій корпусъ.

Бой у Гнилой Липы, по словамъ участниковъ, отличался большимъ ожесточеніемъ.

Перестрѣлка началась съ ранняго утра.

Непріятель осыпалъ насъ съ прекрасно укрѣпленной позиціи градомъ пуль и снарядовъ. Разсыпной цѣпью наши части пробирались постепенно впередъ, поддерживая отвѣтный огонь...

Рядовой армянинъ Сакунсъ разсказываетъ, что, несмотря на жестокій артиллерійскій огонь непріятеля, наши войска неуклонно подвигались впередъ.

„Около 7 час. вечера наша цѣпь,—говоритъ Сакунсъ,—ворвалась въ передовые непріятельскіе окопы.

Австрійцы не приняли штыкового удара.

Едва мы подошли на 200 шаговъ и съ крикомъ „ура“ бросились на непріятеля, какъ австрійскіе солдаты частью побѣжали изъ окоповъ, частью сдались въ плѣнъ. Мы установили пулеметы и стали обстрѣливать бѣгущихъ. Въ это время одинъ изъ прапорщиковъ сталъ вызывать охотниковъ идти ловить плѣнныхъ. Собралось 15 человѣкъ, въ томъ числѣ и я. Уже стемнѣло. Дорогой я замѣтилъ въ окопахъ австрійца съ ружьемъ и крикнулъ ему: „Брось ружье!“ Онъ повиновался. Солдатъ оказался полякомъ.

— Есть еще близко ваши?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ, что есть и повелъ меня немного въ сторону. Я пошелъ за нимъ. Какъ то забылъ въ это время, что наши все идутъ впередъ, а я остался одинъ.

Въ 40 саженяхъ находился австрійскій взводъ.

— Бросай ружья!—крикнулъ я.

Тѣ, думая, очевидно, что за мной идутъ наши, стали было бросать ружья, затѣмъ оправились и стали стрѣлять въ меня. Я отбѣжалъ назадъ, залегъ и сталъ отстрѣливаться, и плѣнный мой тоже отбѣжалъ и залегъ со мной. Во время этой перестрѣлки меня и ранили...

О взятіи Галича разсказываетъ рядовой изъ запасныхъ Павелъ Филипповичъ въ своемъ письмѣ къ женѣ такимъ обра-

зомъ (приводимъ отрывокъ изъ его письма съ сохраненіемъ его стиля):

„Городъ Галичъ, мы его брали, и во время этого боя потеряли своего ротнаго командира, капитана и полуротнаго штабсъ-капитана, и порядочно солдатъ. Но мы съ Крутиловымъ остались невредимы. А подъ такой бой попали—думали, что не уцѣлѣть. Но Господь Батюшка насъ сберегъ, такъ что подъ нашими семью штыками сдалось намъ сто человѣкъ непріятелей, тогда какъ мы думали, что ихъ не больше двадцати человѣкъ.

Когда мы прибѣжали въ одинъ дворъ, я впередъ, Крутиловъ сзади, пули свистали тучей. Но Царица Небесная Мать сохранила насъ. Сзади подоспѣли еще пять человѣкъ. И сильнымъ крикомъ и страхомъ штыка заставили австріяковъ бросить ружья. Тутъ увидѣли мы ихъ передъ собой, цѣлыхъ сто человѣкъ, тянувшихъ къ намъ руки; они плакали отъ страха и цѣловали намъ руки. Но мы, конечно, съ ласковымъ словомъ ихъ приняли и отправили въ штабъ, куда всѣхъ плѣнныхъ отправляютъ.

А ротный нашъ командиръ и полуротный лежали раненые въ канавѣ и услыхали про нашу храбрость, со слезами на глазахъ благодарили насъ. Командиръ полка тоже наблюдалъ за этимъ боемъ и на второй день боя благодарилъ насъ четыре раза и за то отправилъ насъ къ обозамъ отдыхать, всю нашу роту.

Людей у насъ осталось въ ротѣ изъ 250—125 человѣкъ. А ихъ за три дня боя положено больше 150 человѣкъ убитыхъ, 40 раненыхъ и 500 взято въ плѣнъ здоровыхъ. Одной нашей ротой. А вѣдь беретъ и каждая рота, но только не столько.

Теперь нашему полку Государь Императоръ приказалъ дать недѣлю отдыха, такъ что въ бою можетъ быть не придется больше и быть, потому что долженъ скоро быть миръ. Такъ что наши идутъ къ городу Кракову. Каково Господь благословитъ взять такую крѣпость!..“

Взятый арміей Брусилова городъ Галичъ Червеньскій (Червонной Руси) древняя столица Галическаго княжества, былъ основанъ вначалѣ XII столѣтія княземъ Володаремъ Ростиславовичемъ, построившимъ на холмѣ близъ Днѣстра деревянный Кремль. Въ эпоху удѣльныхъ междуусобицъ Галичъ неоднократно осаждался и переходилъ изъ рукъ въ руки. Въ 1241 году Галичъ былъ взятъ и опустошенъ полчищами Батыя. Въ 1340 году

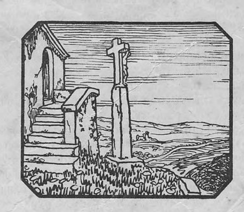
самостоятельное существованіе Галицкаго княжества прекратилось вслѣдствіе присоединенія его королемъ Казимиромъ II къ Польшѣ.

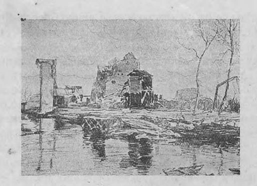
Современный Галичъ расположенъ на правомъ берегу Днѣстра у впаденія его праваго притока рѣки Луквы. Лѣвый притокъ, рѣка Гнилая Липа, впадаетъ въ Днѣстръ немного ниже Галича. Населеніе Галича состоитъ изъ 4.000 человѣкъ. Большая часть домовъ въ городѣ каменные. Изъ Галича идутъ желѣзнодорожные пути во Львовъ, Тарнополь и черезъ Станиславъ въ главный городъ Буковины—Черновицы. Послѣдняя линія пересѣкаетъ Днѣстръ по желѣзнодорожному мосту, въ восьми верстахъ ниже Галича, у селенія Іезуполь. Въ самомъ Галичѣ имѣется постоянный деревянный мостъ черезъ Днѣстръ, длиною въ сто саженей.

Взятіе Галича представляло серьезную задачу для атаковавшихъ его русскихъ войскъ, и быстрое овладѣніе его довольно сильными укрѣпленіями было возможно только благодаря мужеству русскаго солдата и искусству его руководителей...

Со взятіемъ Львова и Галича наши войска овладѣли узломъ 8 желѣзныхъ дорогъ и 8 шоссе, господствующихъ надъ важнѣйшими пунктами: на Карпаты и Будапештъ, на крѣпость Перемышль и другіе, не менѣе важные, центры.

Паденіемъ Львова и Галича закончился первый періодъ кампаніи на нашемъ юго-западномъ фронтѣ...

Заключительныя сраженія Великой Галицiйской битвы.

Передъ разгромомъ австрійской арміи на восточномъ фронтѣ у Львова, главнокомандующій ея—эрцгерцогъ Фридрихъ двинулъ въ этомъ направленіи главныя силы, развернувъ на фронтѣ Завихость—Томашовъ до 600.000 человѣкъ, не считая 200 батальоновъ праваго крыла въ районѣ Львова; на лѣвомъ же флангѣ была сосредоточена самостоятельная двухсотъ-тысячная объединенная армія изъ нѣсколькихъ австрійскихъ и германскихъ дивизій для охраненія лѣваго крыла.

Вообще, сѣверный фронтъ былъ занятъ австрійцами слишкомъ въ два раза гуще, чѣмъ восточный: на сѣверномъ фронтѣ на версту протяженія приходилось около 2.200 солдатъ, а на восточномъ фронтѣ—едва 1.000 человѣкъ. Такимъ образомъ, главный ударъ эрцгерцога Фридриха направлялся на Люблинъ и Холмъ и имѣлъ цѣлью отбросить наши войска къ Брестъ-Литовску; австрійская армія совершала захожденіе лѣвымъ плечомъ, стремясь направить свой фронтъ вдоль Западнаго Буга.

Судя по донесенію Верховнаго Главнокомандующаго, нашими войсками сознательно не было оказано серьезное сопротивленіе въ районѣ Холма, дабы вовлечь непріятеля какъ можно дальше вглубь страны. Въ это же время, согласно выработанному плану, быстро усиливался нашъ правый флангъ въ районѣ Люблина. Дабы оттянуть часть нашихъ войскъ изъ побѣдоноснаго шествія на Восточную Пруссію, объединенныя австрогерманскія арміи и обрушились въ направленіи Люблинъ—Холмъ главными силами, имѣя въ то же время цѣль отбросить насъ

за Бугъ, къ сѣверу, въ низовья рѣки, на линію Брестъ-Литовскъ—Сѣдлецъ—Варшава, гдѣ они могли бы встрѣтиться съ Восточными прусскими войсками.

Еще пятнадцатаго августа одинъ отрядъ, усиленный кавалеріей, двинулся въ обходъ праваго фланга нашихъ наступающихъ войскъ на сѣверо-востокъ. Это обходное движеніе австрійцевъ было остановлено, однако, нами на рѣкѣ Ходелѣ, въ двадцати пяти верстахъ отъ мѣста переправы. Австрійская кавалерія проникла еще дальше къ сѣверу, въ направленіи къ Ивангороду. Этотъ набѣгъ былъ отраженъ нашей кавалеріей, при чемъ одинъ австрійскій полкъ цѣликомъ попалъ въ плѣнъ. На слѣдующій день наши войска перешли въ наступленіе, и 18-го августа австрійцы, упорно дравшіеся въ теченіе девяти дней, вынуждены были попятиться.

Была и другая цѣль наступленія австрійцевъ на Люблинъ—Холмъ: выиграть время, необходимое для Германіи, дабы успѣшно закончить кампанію во Франціи и затѣмъ перебросить свою колоссальную армію, съ цѣлью перехода въ наступленіе противъ Россіи. Задуманный и тщательно разработанный берлинскимъ генеральнымъ штабомъ планъ рухнулъ безповоротно. На австрійскомъ фронтѣ смѣлый планъ, набросанный изъ Берлина широкими штрихами, разлетѣлся при столкновеніи съ суровой дѣйствительностью...

Наступленіе австрійцевъ на фронтѣ Ополье—Бальзакъ было остановлено нами еще 20-го августа; 22-го же они сдѣлали энергичную попытку прорваться къ направленію желѣзной дороги между Люблиномъ и Холмомъ, перейдя въ наступленіе на всемъ фронтѣ отъ Томашова до Красника.

При этомъ наступавшій непріятельскій корпусъ потерпѣлъ полное пораженіе, и австрійцы бѣжали. О размѣрахъ этого пораженія можно судить по огромному количеству плѣнныхъ; общій уронъ этого корпуса превышалъ 10.000 человѣкъ. Безъ сомнѣнія, наступленіе это предпринято было австрійцами съ единственной цѣлью—прикрыть отступленіе своихъ главныхъ силъ. Обѣ австрійскія арміи, дѣйствовавшія въ этомъ районѣ, еще ранѣе понесли громадный уронъ и потому врядъ ли сами по себѣ способны были къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Достаточно упомянуть, что три дня передъ этимъ черезъ Минскъ прослѣдовало семь тысячъ австрійскихъ плѣнныхъ, которые были взяты еще до 20-го августа. Эрцгерцогъ Фридрихъ, какъ оказалось изъ перехваченныхъ документовъ, просилъ о скорѣйшей присылкѣ на помощь германскихъ войскъ.

Растерявшись отъ неожиданнаго удара и потери галиційской столицы — Львова, а также опасаясь быть совершенно отрѣзаннымъ въ Люблинскомъ районѣ,—эрцгерцогъ Фридрихъ выдѣлилъ значительныя силы изъ Красниковской и Томашовской армій; соединивъ ихъ съ послѣдними своими резервами и прибывшими германскими подкрѣпленіями, онъ двинулъ новообразованную восточную армію для охраненія своего праваго крыла, занявъ сильную позицію между Львовомъ и Перемышлемъ по линіи отъ Раввы-Русской до верховьевъ Днѣстра. Само собою разумѣется, что главныя центральныя силы непріятеля были ослаблены, и вотъ тогда то и обрушились стремительной лавой русскія войска на весь фронтъ австрійскихъ армій, успѣшно прорывая то здѣсь, то тамъ желѣзную цѣпь ея.

Ко времени паденія Львова, австрійское наступленіе получило наибольшее развитіе и фронтъ его тянулся отъ Ополья на Вислѣ, на Быхову и подходилъ на пушечный выстрѣлъ къ ст. Травники, захватывая Красноставъ, Замостье и Грубешовъ. Оказывая на всемъ протяженіи этой линіи успѣшное сопротивленіе, какъ это было у Лощева, наши войска перешли въ общее наступленіе 22-го августа; въ тотъ день австрійскій центръ былъ разбитъ у Суходолья, и быстрымъ натискомъ въ направленіи на Туробинъ и Замостье намъ удалось порвать связь между красниковской и томашовской группами. Австрійская армія была разрѣзана на двѣ части, которыя оказались разъединенными между собою.

Этотъ, поистинѣ, блестящій маневръ въ первый день серьезнаго наступленія предрѣшалъ ту катастрофу, которая вслѣдъ за этимъ постигла австрійскія войска.

Теперь русскимъ войскамъ оставалось разбить каждую часть въ отдѣльности. Чтобы выйти изъ критическаго положенія и не быть совершенно отрѣзанной, Томашовская группа подъ командой генерала Данкля, поспѣшно стала отходить на югъ, подъ прикрытіемъ вновь образованной арміи, расположенной отъ Раввы-Русской до Днѣстра. Наша конница, забравшаяся глубоко въ тылъ непріятеля, то здѣсь, то тамъ стремительно набрасывалась на отступающую въ безпорядкѣ Томашовскую армію, не давая ей отдыха, производя панику и безпорядокъ. Но въ дальнѣйшемъ пути ей предстояли еще большія испытанія и полная катастрофа. Армія генерала Рузскаго, послѣ молніеноснаго взятія Львова, прошла въ обходъ непріятельскихъ позицій лѣваго фланга арстро-германской арміи, расположенной стѣной на фронтѣ Равва-Русская—Днѣстръ.

Одновременно съ этимъ, генералъ Брусиловъ, послѣ взятія Галича, уничтожая и забирая въ плѣнъ раздробленныя Львовскія и Галиційскія войска по правой сторонѣ Днѣстра,—врѣзался въ южный австро-германскій флангъ и всталъ стѣной, преграждая отступленіе. Такимъ образомъ, и австро-германская и генерала Данкля арміи оказались окруженными съ трехъ сторонъ: на лѣвомъ флангѣ—отъ Замостья, въ центрѣ отъ Грубешова и на правомъ флангѣ—у Раввы-Русской. Данкль со своими войсками пытался еще укрыться подъ окопами и укрѣпленіями Томашова, но и здѣсь попадалъ, какъ бы въ ловушку, подъ огонь съ трехъ сторонъ. Послѣ жестокаго боя, разрѣзанная по частямъ, съ прорваннымъ центромъ, его армія поспѣшно отступила нѣсколькими разрозненными колоннами, преслѣдуемая нашими войсками.

Австро-германская-же армія, желая прорваться на югъ, сдѣлала послѣдній отчаянный натискъ, бросившись въ рискованную атаку на армію генерала Брусилова. Въ результатѣ получился полный разгромъ противника. Наткнувшись впереди себя у Гродека на могучую контръ-атаку и штыковой ударъ нашихъ пѣхотинцевъ, а съ фланговъ встрѣтивши стремительную лавину конныхъ отрядовъ, врѣзавшихся съ гикомъ въ самый центръ непріятеля, — австро-германцы дрогнули и въ паническомъ ужасѣ бросились вразсыпную. Убѣгая, они бросали оружіе, тяжелую и легкую артиллерію, парки, обозы, и все это въ неисчислимомъ количествѣ досталось, вмѣстѣ съ множествомъ плѣнныхъ, арміи Брусилова. Генералъ Рузскій и сѣверная наша армія, преслѣдовавшая австрійскую Томашовскую—уже

отъ Раввы-Русской—докончили разгромъ раздробленнаго непріятеля, а затѣмъ, всѣ вмѣстѣ продолжали энергично и успѣшно преслѣдовать его. 25-го августа генералъ Данкль, получивъ подкрѣпленіе, бросилъ 14-й Тирольскій корпусъ въ отчаянную ночную атаку на наши войска вблизи Раввы-Русской, но и эта попытка окончилась неудачно: тирольцы были отбиты и къ утру поспѣшно отступили, оставивъ намъ знамя и 500 плѣнныхъ...

О разгромѣ тирольскаго корпуса разсказываетъ одинъ участникъ этого боя, давая очень лестный отзывъ о тирольскихъ стрѣлкахъ:

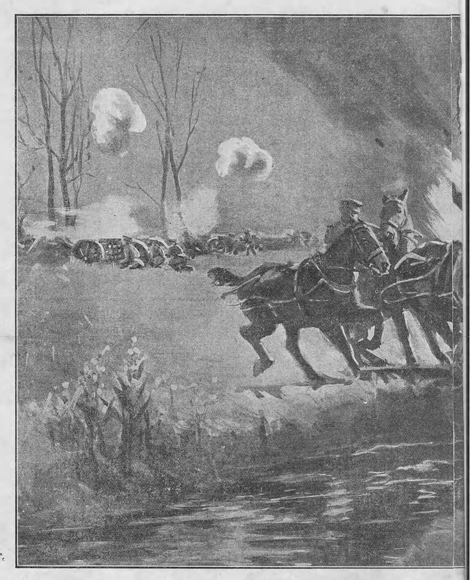
„Въ 800 шагахъ подъ трескотню непріятельскихъ пулеметовъ, — разсказываетъ онъ: — окопалась, почти напротивъ непріятеля, наша пѣхота. Мѣстность была болотистая и окапываться было очень трудно. Но кое-какъ все же окопались и начали перестрѣлку. Наша легкая артиллерія справа отъ насъ очень скоро отыскала позицію и начала дѣйствовать...

Непріятельская тяжелая артиллерія загадочно молчала; наша-же легкая, уже нащупала непріятельскіе окопы, стала посылать туда снаряды, производя страшное разрушеніе. Въ бинокль мы видѣли, какъ попадали въ блиндажи снаряды; сначала—бѣлый дымокъ, затѣмъ пыль окутывала мѣсто, куда попадалъ снарядъ, а когда прояснялось, то видны были вывороченныя шпалы, груды обломковъ. Одинъ за другимъ попадали въ блиндажи снаряды. Мы перестали стрѣлять изъ ружей, а наблюдали только за снарядами, со страшнымъ гуломъ падавшими на непріятельскіе окопы. Потомъ, когда мы эти окопы взяли, то увидѣли, что они сплошь покрыты трупами... Но окопы держались, несмотря на убійственный огонь нашей легкой артиллеріи. Тамъ была пѣхота, состоявшая изъ храбрыхъ тирольцевъ.

Изъ здоровыхъ тирольцевъ ни одинъ не попалъ въ плѣнъ...

Въ теченіе получаса дѣйствовала наша легкая артиллерія, а непріятельская продолжала молчать.

Но вдругъ въ одной деревнѣ, расположенной возлѣ позиціи артиллеріи, почти мгновенно воспламенилась клуня. И одновременно съ поднявшимся пламенемъ пожара раздался оглушительный выстрѣлъ; это—тяжелая непріятельская артиллерія пустила снарядъ по нашей легкой артиллеріи, и, очевидно, съ перваго же выстрѣла попала въ цѣль. Выяснилось, что пожаръ, это—сигналъ, указывающій точно мѣсто расположенія нашей артиллеріи. Почувствовавъ, что находится въ сферѣ огня

тяжелой артиллеріи, наша батарея замолчала и быстро отошла на новую позицію. Непріятельскіе снаряды продолжали падать въ одно и то же мѣсто, гдѣ была позиція нашей легкой артиллеріи.

Но недолго пришлось стрѣлять непріятельской тяжелой артиллеріи. Мѣсто ея расположенія было быстро, — послѣ шестого выстрѣла, — точно опредѣлено. Дали знать нашей мортирной

батареѣ, стоящей въ четырехъ-пяти верстахъ отъ нашей позиціи. Мѣткость нашихъ мортиръ оказалась поразительной. Послѣ третьяго выстрѣла снарядъ попалъ въ непріятельскій редутъ и заставилъ замолчать одно орудіе.

Остальныя продолжали стрѣлять по прежней позиціи. Минутъ черезъ десять и остальныя орудія замолчали...

Когда стихла канонада—зашевелились въ окопахъ. Усилилась ружейная перестрѣлка. Стали стрѣлять пачками. Изъ непріятельскихъ окоповъ продолжался ружейный огонь недолго. Очевидно, истощился запасъ патроновъ.

— Вылазятъ, вылазятъ!—пронеслось по нашимъ окопамъ.

Мы усилили огонь.

Оказалось, что тирольцы перешли въ атаку. Безъ крика, молча бросились бѣжать они на наши окопы.

— Рррррр... — Раздалась трескотня нашихъ пулеметовъ, зачастили ружейные выстрѣлы...

Но они все шли, и шли, все уменьшаясь, сражаемые ружейными выстрѣлами и подрѣзаемые пулеметнымъ огнемъ.

— Ишь, молодцы! — раздалось въ окопахъ. — Вотъ это воины!..

Раздалась команда прекратить огонь пулеметовъ.

— Впередъ! Ура!—прокатилось въ окопахъ.

Мы бросились бѣжать навстрѣчу.

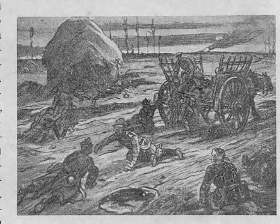
Это былъ первый настоящій штыковой бой, какой мнѣ приходилось наблюдать за все время похода. Обычно до штыкового боя дѣло не доходило. Непріятель, услышавъ наше „ура“, или убѣгалъ или сдавался.

Бой былъ упорный, жестокій. Тирольцы дрались отчаянно, рѣшивъ, повидимому, живыми съ поля сраженія не уйти. Между отдѣльными группами происходили штыковыя дуэли, при которыхъ примѣнялись всѣ фехтовальные пріемы защиты. Нѣкоторые изъ тирольцевъ дѣйствовали прикладами.

Наше „ура“ все ширилось и ширилось. Натискъ былъ съ нашей стороны настолько силенъ и стремителенъ, что тирольцы дрогнули, смѣшались и, хотя продолжали драться, но недолго. Скоро немногіе изъ оставшихся въ живыхъ стали убѣгать... Мы заняли ихъ окопы...

Поле все было усѣяно трупами и ранеными. Подъѣхали двуколки и стали собирать раненыхъ. О разыгравшемся ранѣе боѣ у Туробина подробно разсказываетъ одинъ офицеръ, раненный въ этомъ сраженіи. Его корпусъ былъ однимъ изъ первыхъ, пришедшихъ на этотъ театръ войны. Высадка войскъ

закончилась тутъ 31-го августа. Мѣстныя войска уже ранѣе ушли на другое мѣсто, и граница наша была почти открыта. Австрійцы въ это время прошли до линіи Красноставъ-Яновъ-Бѣлгорай-Красникъ, гдѣ позднѣе потерпѣли такія тяжелыя пораженія. Всѣ мелкія деревеньки, сплошь населенныя поляками, были заняты австрійцами. Всюду виднѣлись синія тучи ихъ войскъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ австрійцы забирали подводы, лошадей и уводили куда-то крестьянъ, — на подневольную работу по устройству укрѣпленій. Крестьянъ потомъ отпускали, и тѣ возвращались въ свои полуопустошенныя деревни, по своимъ вытоптаннымъ полямъ. Подводы же и лошадей австрійцы оставляли у себя. За забранное сѣно онъ расплачивался какими-то лоскутками бумаги, „квитками", въ которыхъ было прописано, что взято столько-то сотъ кило сѣна, а заплатятъ за него изъ австрійскаго казначейства, когда край будетъ присоединенъ къ Австріи... Къ нагрянувшимъ австрійцамъ польскіе крестьяне относились съ плохо скрываемою враждебностью, къ намъ-же—съ внимательностью, ласково и услужливо. Не разъ, когда какой-нибудь нашъ отрядъ выходилъ изъ деревни, гдѣ стоялъ нѣкоторое время, крестьяне провожали его съ сокрушеніями и слезами.

1-го августа корпусъ вышелъ изъ Холма, одна его дивизія пошла на линію Пяски-Файславицы, другая—на югъ отъ Холма, къ Красноставу. Первая изъ этихъ дивизій шла десять дней. Наша линія вытянулась верстъ на пятьдесятъ. 10-го августа былъ полученъ приказъ наступать на Туробинъ, Гарай и Фрамполь. Австрійцы тутъ хорошо укрѣпились, настроили трехъярусныхъ укрѣпленій и проволочныхъ загражденій. Около Туробина наши встрѣтились съ двумя австрійскими дивизіями. Австрійцы передъ нами все отступали, пока не дошли вплотную

до линіи своихъ укрѣпленій. 11-го августа разыгрался большой бой у мѣстечка Гарая. Наши войска взяли всѣ загражденія, взяли затѣмъ и Гарай. Надъ нашими войсками почти все время кружили аэропланы и дирижабли. Летали они довольно низко и, несомнѣнно, несли развѣдочную службу.

На сторонѣ австрійцевъ былъ въ этотъ моментъ значительный перевѣсъ количествомъ. Наши войска временно оставили Гарай, но черезъ день снова пошли на Туробинъ, Гарай и дальше, оттѣсняя непріятеля. Австрійцы сосредоточили свое вниманіе на переправѣ черезъ рѣчку у Туробина и не жалѣли ружейнаго и пушечнаго огня, чтобы парализовать нашу защиту переправы. Не переставая падалъ частый дождь ружейныхъ пуль и шрапнели. Австрійцы вообще развиваютъ чрезвычайную силу огня; но огонь ихъ — малодѣйствительный. Чрезвычайную расточительность австрійцевъ при тратѣ снарядовъ нужно объяснять, вѣроятно, тѣмъ, что австрійскія желѣзныя дороги подходятъ совсѣмъ близко къ Томашову и Сокалю, и,

такимъ образомъ, въ ту пору австрійцамъ былъ обезпеченъ легкій и быстрый подвозъ снарядовъ.

Потери австрійцевъ были громадны. Они надвигались плотной синей стѣной. Изъ разговоровъ съ захваченными въ плѣнъ австрійскими офицерами можно было догадаться, что такое наступленіе колоннами обусловливается больше всего плохимъ состояніемъ дисциплины въ австрійскихъ войскахъ. Ее удается поддерживать, только пока солдаты въ колоннахъ. Чуть разсыплются цѣпью,—начинается „поголовная самостоятельность": одни сдаются, другіе не хотятъ сдаваться, одни стрѣляютъ, когда скомандовано не стрѣлять, другіе не стрѣляютъ, когда отданъ приказъ стрѣлять и т. д. Вообще, тутъ держать австрійскаго солдата въ рукахъ уже нѣтъ возможности. Оттого и стараются возможно дольше сохранить при наступленіяхъ сомкнутый строй.

Подъ Туробиномъ наши взяли 13 августа въ плѣнъ австрійскую роту. Рота сдавалась предательски. Послѣ нашей очень мѣткой и опустошительной стрѣльбы тамъ метнулся въ воздухѣ бѣлый флагъ. Одинъ солдатикъ, замѣтивъ его, закричалъ: „Сдаются!" — и выскочилъ изъ-за окопа. Въ тотъ же мигъ австрійская пуля ранила его въ поясницу. Наши бросились на врага. Онъ сдался. Австрійцы потомъ объяснили, что стрѣляли, послѣ того какъ былъ выкинутъ бѣлый флагъ, венгерцы и одинъ нѣмецъ. Какъ велико было произведенное нашими войсками опустошеніе, видно по тому, что изъ 250 человѣкъ роты, уцѣлѣли и взяты въ плѣнъ лишь 150 человѣкъ. Въ этой ротѣ оказался капитанъ нѣмецъ. Онъ былъ въ страшномъ возбужденіи и все просилъ, чтобы ему вернули на минуту его саблю. Потомъ выяснилась причина этой странной просьбы. Капитана больше всего мучило, что онъ сдался не по формѣ: ему вернутъ саблю, онъ вложитъ ее въ ножны и самъ передастъ русскому капитану, тогда все будетъ по формѣ; саблю у него отнялъ въ схваткѣ простой солдатъ. Это его огорчало больше всего...

Плѣнные прежде всего попросили, чтобы имъ дали поѣсть, хотя при нихъ были найдены консервы. Они и просили, чтобы имъ дали этихъ консервовъ, объяснивъ, что консервы— неприкосновенный запасъ и они раньше не смѣли его тронуть. Въ баклажкахъ у взятыхъ въ плѣнъ австрійскихъ солдатъ оказалось вино.

Одному небольшому нашему отряду пришлось выдержать борьбу съ австрійцами, занявшими на лѣсной опушкѣ сто-

рожку. Они установили въ окнахъ пулеметы и сыпали изъ нихъ пулями. А сбоку долетала со свистомъ шрапнель. Толстыя бревна сторожки не поддавались дѣйствію нашихъ пуль, и онѣ поэтому долго не могли заставить австрійскіе пулеметы замолчать. Офицеръ, лежавшій позади своихъ людей, рѣшилъ, что нужно обойти избушку сзади. Но только онъ взмахнулъ рукой, чтобы указать людямъ, куда идти, — пуля изъ пулемета ударила ему въ ладонь. Отъ сильной боли онъ потерялъ сознаніе. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидалъ, что нашихъ осталось немного и что онъ находится въ опасности попасть австрійцамъ въ руки. Онъ поползъ вдоль шоссе, подъ его прикрытіемъ. Надъ его головой все время свистѣли пули. Сзади ползли еще два—три солдата. Тому, который былъ за нимъ, офицеръ передалъ свой полевой бинокль, такъ какъ онъ мѣшалъ ему ползти. Черезъ минуту офицеру показалось, что солдатъ отстаетъ, что промежутокъ между ними все растетъ; оказалось, что солдатъ уже убитъ вражескою пулей...

Наконецъ, офицеръ добрался до перевязочнаго пункта. Когда его везли оттуда раненнаго, онъ видѣлъ позади себя пять заревъ. Это горѣли деревни, которыя подожгли австрійцы, отступая. Поджогъ деревень при отступленіи — обычный ихъ пріемъ. Передавали офицеру, что у Туробина австрійцы усердно обстрѣливали и нашъ лазаретъ подъ Краснымъ Крестомъ. Въ Туробинѣ они выбрали мишенью своихъ выстрѣловъ, между прочимъ, костелъ. Слышалъ онъ, что одного его товарища, раненаго офицера, австрійцы добили прикладомъ въ болотѣ.

— Уже черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я былъ раненъ,—закончилъ офицеръ свой разсказъ:—я узналъ, что австрійцы подъ нашимъ могучимъ натискомъ отступили по всей линіи и что это отступленіе продолжается".

Не менѣе характерныя подробности боя на фронтѣ Ополье—Туробинъ даетъ другой участникъ его:

„20 августа мы вышли изъ Люблина. Почти сейчасъ же пришлось вступить въ бой. 21, 22, 23 бои были незначительные. Мы шли впередъ, и австрійцы все отступали. Они, видимо, ожидали подкрѣпленій. Все время они прятались въ приготовленныхъ заранѣе окопахъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходили до роста человѣка.

24 августа было отдано приказаніе по линіи вытѣснить непріятеля изъ его главныхъ позицій, вблизи села Высокаго. Едва только мы вышли изъ окоповъ, какъ въ насъ начали па-

лить изъ орудій, но мы все шли и шли. Черезъ два дня выяснилось, что мы подошли къ главной непріятельской позиціи шаговъ на 400—500. Со всѣхъ сторонъ на насъ сыпались пули. Несмотря на это, мы приблизились къ непріятелю шаговъ на 200. Тогда онъ насъ встрѣтилъ шрапнелью. У насъ много было пострадавшихъ. Еще нѣсколько минутъ—и мы пошли на „ура". Только мы приблизились къ передовой линіи окоповъ, какъ около 300 австрійцевъ, побросавъ ружья, подняли руки вверхъ и заявили, что они сдаются. Мы повѣрили и прекратили было наступленіе, но въ это время изъ заднихъ окоповъ снова начали стрѣлять. Такъ насъ обманывали три раза. А когда австрійцы стали сдаваться на самомъ дѣлѣ—мы уже не повѣрили и грудью шли впередъ.

Вдругъ мы слышимъ русскій сигналъ „отступить". Мы не сразу поняли, въ чемъ дѣло. Скоро, однако, и этотъ обманъ обнаружился, и мы снова пошли впередъ. Мы вырывали руками у лежавшихъ въ окопахъ австрійцевъ ружья и швыряли ихъ въ сторону. О плѣнныхъ мы уже не думали. И только мы ворвались въ самую гущу австрійцевъ, какъ снова раздался русскій сигналъ „къ сбору". Непріятель воспользовался нашимъ замѣшательствомъ и вывезъ изъ лѣсу нѣсколько автомобилей съ пулеметами.

Открытый пулеметный огонь заставилъ было насъ подняться на горку и немного отступить. Въ это время на правомъ флангѣ запѣли „Боже Царя храни", съ другой стороны раздалось громкое „ура"—и мы съ горки бросились на австрійцевъ. У нихъ про всякій случай была приготовлена для насъ шрапнель, но мы уже ни на что не смотрѣли.

Одновременно съ нами на нихъ бросилось нѣсколько эскадроновъ казаковъ. Австрійцы не могли выдержать такого быстраго натиска и начали отступать. Скоро уже въ нашихъ рукахъ было 32 орудія, 14 пулеметовъ и 28 тысячъ плѣнныхъ.

Слѣдующіе дни шли въ постоянныхъ бояхъ безъ перерыва. Мы постепенно отнимали у непріятеля позицію за позиціей, все больше врываясь въ его правый флангъ. Самый трудный бой былъ подъ Энжелиномъ. Здѣсь на вершинѣ большого холма, съ большимъ обстрѣломъ, австрійцы выставили въ окопахъ въ три яруса рядъ своихъ и нѣмецкихъ батарей, осыпая насъ непрерывно три дня орудійнымъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Противъ ихъ окоповъ выросла цѣпь нашихъ, но позиція у насъ была гораздо хуже, подступы очень трудные и, благодаря мѣткости австрійскаго огня, очень опасные для нашего наступленія. Къ тому же здѣсь были лучшія австрійскія войска—5-й венгерскій корпусъ, дравшійся отчаянно.

Укрытое положеніе, заранѣе подготовленные блиндажи и большое количество артиллеріи очень безпокоили насъ, но наши полевыя гаубицы къ третьему дню отлично подготовили атаку. Энжелинская позиція была взята при громкихъ кликахъ „ура". Послѣ этого началось преслѣдованіе австрійцевъ конницей.

Большую лихость проявила наша конница, когда она, обнаруживъ движеніе германской ландверной дивизіи изъ Радома къ Юзефову, шедшей на помощь австрійцамъ, атаковала хвостъ германской колонны.

Переправа черезъ Вислу у Юзефова охранялась дивизіей ландштурма. Наша конница, поддержанная небольшой пѣхотной частью, внезапно охватила еще неразвернувшагося непріятеля. Удачнымъ огнемъ нашей артиллеріи наступленіе ландштурма было буквально сметено. Передовыя роты и батальоны разбѣжались въ разныя стороны и забились въ лѣсъ. Плохо обученныя и запряженныя слабыми лошадьми, нескорострѣльныя непріятельскія батареи пытались сняться съ передковъ, но подъ огнемъ нашей артиллеріи запряжки ихъ частью были перебиты, частью разсѣяны по всему полю. Видя неминуемую гибель артиллеріи, противникъ двинулъ впередъ полкъ кавалеріи, но и конница должна была поспѣшно отступить, не выдержавъ огня нашей артиллеріи. Паника передалась въ австрійскій обозъ, отступившій въ полномъ безпорядкѣ. Въ этомъ лихомъ дѣлѣ австрійскій ландштурмъ понесъ громадныя потери...

Бои, составившие одну великую Галицiйскую битву, одинъ за другимъ несли за собой пораженiе для австрiйцевъ и побѣдный трiумфъ для нашихъ войскъ. Противникъ всюду отступалъ, оставляя убитыхъ, раненыхъ, плѣнныхъ. Въ бою подъ Красноставомъ, напримѣръ, было взято нами 17.000 плѣнныхъ. Здѣсь дѣло происходило такъ:

„Австрiйцы сидѣли въ заранѣе приготовленныхъ окопахъ,—разсказываетъ объ этомъ боѣ одинъ офицеръ:—мы шли впередъ, прямо на нихъ. Красноставъ былъ позади нихъ. Одна цѣпь смѣнялась другой. На ночь перестрѣлка затихла. Кругомъ свѣтило зарево пожаровъ. Въ одномъ мѣстѣ догоралъ огромный сахарный заводъ. Зажегъ его владѣлецъ самъ при приближенiи австрiйцевъ. Въ сторонѣ горѣла деревня сразу въ трехъ мѣстахъ. На темномъ небѣ виднѣлась полуразрушенная церковь. За ночь непрiятель отошелъ верстъ на десять. Какъ только стало свѣтать, мы пошли догонять австрiйцевъ.

Чуть ли не отъ самой станціи Травники до Красностава все шли окопы, которые австрійцы вырыли на всякій случай. Въ этихъ окопахъ лежали груды убитыхъ австрійцевъ. Ночью непріятель изъ окоповъ пытался насъ обстрѣливать. Здѣсь мы впервые убѣдились, что австрійцы употребляютъ разрывныя пули. Полетъ разрывной пули слышенъ издалека. Слышишь сначала свистъ, а затѣмъ—трескъ. Пробовали они насъ щупать и артиллеріей, но неудачно.

Наконецъ, мы увидѣли Красноставъ, и тогда заработала наша артиллерія. Чуть только стало свѣтать, мы замѣтили, что австрійцы отступаютъ. Послѣ этого мы гнали ихъ еще 6 часовъ"...

Здѣсь не обошлось дѣло безъ участія нѣмцевъ, которое, однако, не облегчило положенія австрійцевъ...

„У нѣмцевъ было не менѣе 10 батарей тяжелой артиллеріи; лился сплошной огонь. Мы находились въ окопахъ двое сутокъ. Къ вечеру мы замѣтили, что нѣмецкая артиллерія стала стрѣлять слабѣе, въ то время какъ огонь нашихъ батарей усиливался: это подошла наша артиллерія, и русскія гаубицы стали бить по непріятельскимъ окопамъ. Мы пошли въ атаку"...

Этотъ же поручикъ разсказываетъ далѣе, что онъ былъ раненъ, пробѣжалъ шаговъ 6—7, упалъ; одинъ изъ солдатъ увидя, что поручикъ раненъ въ ногу, разрѣзалъ ему сапогъ. Имѣя индивидуальный перевязочный пакетъ, поручикъ самъ перевязалъ себѣ рану, сталъ ползти и добрался до деревни, а оттуда до лѣса.

Въ лѣсу онъ присѣлъ отдохнуть, но снаряды разрывались и надъ лѣсомъ. Неожиданно къ нему подошелъ солдатъ его роты съ раздробленной рукой, которую онъ самъ себѣ перевязалъ, и предложилъ офицеру идти съ нимъ до перевязочнаго пункта. Оба раненыхъ, обнявшись прошли почти съ версту. Навстрѣчу имъ показался полковникъ генеральнаго штаба въ сопровожденіи 3-хъ казаковъ. Увидя раненыхъ, онъ приказалъ казаку слѣзть съ лошади, посадить на нее поручика и отвезти его на перевязочный пунктъ, а раненаго солдата усадилъ вмѣстѣ съ однимъ изъ казаковъ и направилъ также на пунктъ.

Пунктъ этотъ находился вблизи нашей артиллерійской позиціи, откуда доносилась канонада.

Туда совершенно неожиданно явился денщикъ поручика, который привелъ съ собою въ плѣнъ 5 австрійцевъ. Денщику сообщили, что его офицеръ убитъ, и поэтому онъ въ теченіе цѣлаго дня пробирался по окопамъ въ надеждѣ найти его тѣло.

Вѣрный денщикъ приготовилъ кусочекъ сыру, хлѣба и фляжку воды: авось, онъ найдетъ барина живымъ!..

Денщикъ разсказалъ офицеру о томъ, что на одномъ изъ окоповъ онъ налетѣлъ на пятерыхъ австрійцевъ, но, не растерявшись, хватилъ одного изъ нихъ штыкомъ въ руку. Тотчасъ же четверо австрійцевъ пали на колѣни и стали просить:

— Пане, хлиба!..

Онъ взялъ всѣхъ и привелъ ихъ въ штабъ полка, гдѣ ему сообщили о пребываніи его офицера. Денщикъ—запасной, изъ колонистовъ Таврической губерніи, но большой патріотъ—ему 40 лѣтъ".

О томъ, какъ австрійцы жаждали попасть во время галиційскаго разгрома къ намъ въ плѣнъ, видно еще изъ слѣдующаго разсказа офицера Н., производившаго развѣдки за Люблиномъ:

„Однажды вышелъ я съ солдатами на развѣдку. Пока шли лѣсомъ, держались всѣ вмѣстѣ. Но вотъ пошли кусты, и мы разбрелись, держась на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ другъ отъ друга. Кругомъ было тихо. Выползъ я на полянку, оглянулся—вижу, вдали стоятъ нѣсколько нашихъ солдатъ и спокойно курятъ. Я пошелъ къ нимъ. Когда подошелъ близко, то увидѣлъ, что ошибся. Кругомъ былъ густой туманъ, и я принялъ австрійцевъ за своихъ.

Шелъ я къ нимъ спокойно и не успѣлъ выхватить револьверъ. Австрійцы меня окружили и начали переговариваться. Они не думали, что я понимаю нѣмецкій языкъ, и говорили вполнѣ откровенно. Оказалось, что они сами ждали, что русскіе возьмутъ ихъ въ плѣнъ, и теперь совершенно не знали, что со мной дѣлать. Я не былъ для нихъ желаннымъ плѣнникомъ, а лишь тяжелой обузой.

Впрочемъ, ихъ мечты сбылись очень скоро. Мои солдаты скоро насъ нашли, и австрійцы были приведены къ намъ въ полкъ въ качествѣ плѣнныхъ".

Наши развѣдочные отряды вообще отличаются большой отвагой и, главное, находчивостью. Интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій эпизодъ.

Какъ-то прошелъ слухъ, что австрійцы зашли намъ въ тылъ. Вскорѣ пересталъ работать телеграфъ: очевидно, непріятель перервалъ провода. А необходимо было передать очень важную телеграмму въ штабъ Н-ской пѣхотной дивизіи, находившейся въ 45 верстахъ. Доставить ее вызвался старшій унтеръ-офицеръ военно-телеграфной роты Н-скаго сапернаго батальона Х. Онъ осѣдлалъ лошадь и понесся въ сторону непріятеля.

По дорогамъ тянулись наши отступавшія войска съ обозами и массой раненыхъ.

На разсвѣтѣ Х. нарвался на непріятельскую цѣпь,—раздались выстрѣлы, и онъ скрылся въ лѣсъ. Попробовалъ въ другомъ мѣстѣ—опять выстрѣлы. Рѣшилъ верстъ 15 дать въ сторону,—авось, тамъ удастся пробраться незамѣченнымъ. Лошадь страшно утомилась, онъ далъ ей отдыху и накормилъ овсомъ изъ брошеннаго куля.

Вдругъ, въ верстѣ отъ него вылетѣлъ австрійскій разъѣздъ, а высоко въ воздухѣ парилъ непріятельскій аэропланъ. Саперъ поскакалъ собирать солдатъ. Набравъ человѣкъ 60, онъ завязалъ перестрѣлку, и нападеніе удалось отбить. Появившійся на выстрѣлы пѣхотный офицеръ поблагодарилъ унтеръ-офицера за распорядительность и записалъ его фамилію.

Доставивъ по назначенію телеграмму, Х. на четвертый день къ вечеру вернулся окольными путями къ своимъ, гдѣ и глазамъ не вѣрили, что онъ еще живъ.

Черезъ нѣкоторое время отъ пѣхотнаго офицера пришелъ въ батальонъ рапортъ о томъ, что названный нижній чинъ, около м. Л., Холмской губерніи, собравъ остатки 14-й роты Н-скаго пѣхотнаго полка, отразилъ нападеніе австрійскаго разъѣзда, чѣмъ обезпечилъ правильное отступленіе хлѣбнаго транспорта Н-скаго армейскаго корпуса, въ количествѣ 110 подводъ съ 1.800 пудами хлѣба.

Послѣ боя подъ Люблиномъ, большая часть Люблинской губ., южнѣе Люблина, представляла собою покрытое развалинами пепелище, и только отдѣльныя мѣстности, какъ оазисы, выдѣлялись среди печальной картины всеобщаго разрушенія.

Въ началѣ австрійскія войска не грабили и не разрушали селеній—они ограничивались только безплатной реквизиціей всего урожая и инвентаря.

Но, по мѣрѣ того, какъ положеніе австрійской арміи становилось хуже и бои ожесточеннѣе, учащались и обострялись и насилія и разгромы мирнаго населенія.

Наиболѣе пострадали окрестности Юзефова, Ополья, Урженова, Вильколаза, Недржвицы, вплоть до Травника, гдѣ почти все сравнено съ землей,—и только изрѣдка можно встрѣтить сохранившееся селеніе.

Австрійцы, уходя, часто сжигали мѣстечки и деревни, разрушая зданія ручными гранатами.

Бывали случаи, что разъяренные солдаты, особенно венгры и босняки, бросали жителей въ пожарища, на штыкахъ бросая

дѣтей въ горѣвшія зданія.

Женщинъ насиловали. Одной изъ изнасилованныхъ отрѣзали груди. Эту женщину препроводили въ Петроковъ, чтобы зарегистрировать офиціально этотъ звѣрскій поступокъ. Вообще-же, какъ общее правило, отступая, австрійцы уводили съ собой много женщинъ, которыхъ, между прочимъ, въ большомъ количествѣ вели за собою повсюду... Великая война вскрыла изнанку народовъ и подъ внѣшней культурой западноевропейцевъ обнаружила въ австрійцахъ, въ особенности въ венгерцахъ,—варваровъ со звѣрскими инстинктами, не лучше нѣмцевъ.

Трудно перечислить всѣ разрушенныя и разграбленныя ими мѣстности. Ополье разгромлено и сожжено. Юзефовъ сгорѣлъ до тла. Ходель разрушенъ бомбардировкой. Томашовъ—груды

развалинъ. Красноставъ сгорѣлъ наполовину. Замостье разграблено, Хомецискъ, Висловице сожжены.

Громадное бѣдствіе для крестьянскаго населенія—окопы и траншеи. Милліонъ людей около 3 недѣль копалъ эти окопы, мѣстами очень глубокіе, такъ что на поверхности лежитъ теперь не верхній плодородный пластъ, а нижній, неплодоносный, и камни.

Жестокостью и разрушеніемъ селеній особенно отличались въ Люблинской губерніи венгерскіе солдаты-гонведы.

Когда одинъ изъ помѣщиковъ Люблинской губерніи обратился къ австрійскому генералу съ жалобой на насилія и грабежи, производимые гонведами (венгерскими солдатами), генералъ отвѣтилъ: „Я знаю, что это—сволочь, что это цыгане, переодѣтые въ военные мундиры и снабженные оружіемъ. Я знаю, что они васъ обижаютъ, но я ничего не въ состояніи подѣлать".

Гонведы проходили по всей Люблинской губерніи съ мечомъ и пожаромъ. Селенія, въ которыя они заходили, тотчасъ же оглашались криками ужаса и отчаянія. По вечерамъ, когда на горизонтѣ занималось зарево пожаровъ, крестьяне въ отчаяніи говорили: „Тамъ хозяйничаютъ венгры". Венгерскіе солдаты начали жечь деревни съ перваго же момента своего появленія въ Люблинской губерніи. Въ деревнѣ Колчевицо-Гурне они поджигали каждую четвертую избу и подъ угрозой смерти запрещали спасать что бы то ни было изъ крестьянскаго хозяйства. Когда же населеніе въ ужасѣ бросилось бѣжать изъ деревни, венгерскіе солдаты посылали имъ вдогонку пули.

Въ Собещанахъ въ австрійскихъ траншеяхъ найдены были двѣ убитыя женщины. Ихъ похоронили въ братской могилѣ вмѣстѣ съ тѣлами убитыхъ солдатъ. Подъ стогами сѣна, около Годля, найдено было нѣсколько женскихъ труповъ, изнасилованныхъ и страшно обезображенныхъ. Очень часто гонведы, изнасиловавъ женщину, привязывали ее къ стогу сѣна и сжигали вмѣстѣ съ сѣномъ. Запахъ крови и дыма и крики отчаянія точно опьяняли этихъ варваровъ, какъ гашишъ, и заставляли совершать все новыя и новыя жестокости. Съ незапамятныхъ временъ польская земля не переживала такихъ ужасовъ.

Въ деревняхъ Борувъ, Майданъ-Боровскій и Гута-Боровка венгерскіе солдаты поджигали каждую избу со всѣхъ четырехъ концовъ. Въ Майданѣ крестьянинъ Бенько умолялъ солдатъ не

поджигать его дома; въ отвѣтъ на мольбы крестьянина гонведъ приложилъ ружье къ его груди и выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Масса народу погибла въ пламени.

И на ряду съ этимъ неслыханнымъ жестокосердіемъ венгерскія войска проявили поразительную трусость. Послѣ первыхъ же пораженій венгры стали усиленно искать шпіоновъ. Офицеры искали ихъ въ помѣщичьихъ домахъ, а солдаты въ крестьянскихъ избахъ. Не трудно себѣ вообразить, сколько невинныхъ жертвъ пало въ результатѣ этихъ поисковъ. Гонведы убивали людей при малѣйшей тѣни подозрѣнія. Въ селѣ Піотровкѣ гонведы убили 40 человѣкъ крестьянъ только за то, что тѣ носили штаны съ красными лампасами на подобіе казаковъ.

Вскорѣ австрійскія и венгерскія войска стали поспѣшно отступать, сжигая все на пути своего отступленія. Сплошь и рядомъ солдаты убѣгали изъ строя и проявляли исключительную готовность отдаваться въ плѣнъ. Въ деревнѣ Ратошинѣ, при первомъ появленіи русскихъ, въ домъ мѣстнаго ксендза ворвались 9 человѣкъ венгерскихъ офицеровъ, военный врачъ и 10 солдатъ и плотно закрыли за собою двери. Несчастный ксендзъ боялся, что они станутъ защищаться въ его домѣ. Вскорѣ, однако, венгры высунули въ окно длинную жердь, къ которой привязали кусокъ простыни. Когда передъ окнами дома появился русскій солдатъ, венгры отдали ему все свое оружіе и покорно поплелись въ плѣнъ, сопровождаемые одним ъ русским ъ солдатомъ.

26-го августа одна изъ нашихъ армій сбила противника съ сильно укрѣпленной позиціи: Войцеховъ — Леонинъ, Леонинъ—Пушно, Годовское—Годовъ Лѣсъ.

У Казанчанина австрійцы и часть нѣмецкаго корпуса генерала Войерца начали отступать къ югу.

Лѣвый флангъ австрійцевъ не могъ уже оправиться отъ нанесеннаго ему удара и 27 августа продолжалъ отступать къ югу, оказывая лишь слабое сопротивленіе.

Въ центрѣ на правомъ флангѣ австрійцы задержались на высотахъ, ранѣе укрѣпленныхъ ими. 27-го августа здѣсь завязался упорный бой, продолжавшійся цѣлый день. Къ вечеру австрійцы были отбиты. На этотъ разъ, видимо, они понесли уже такія потери, что ихъ части совершенно разстроились. Отступленіе сдѣлалось безостановочнымъ. Правда, арьергарды дѣлали слабыя попытки сдержать преслѣдованіе на нѣкоторыхъ выгодныхъ рубежахъ, но безуспѣшно; каждый разъ нашъ натискъ отбрасывалъ австрійцевъ и, такимъ образомъ, увеличивалъ поспѣшность отхода ихъ главныхъ силъ.

29-го и 30-го августа наши войска, продолжая преслѣдованіе, перешли государственную границу. Съ этого момента война на всемъ австрійскомъ фронтѣ перенеслась на территорію противника. Необходимость прикрыть переправы черезъ р. Санъ заставила австрійцевъ попытаться задержать насъ передъ этой рѣкой, но и на этотъ разъ попытка ихъ не увѣнчалась успѣхомъ. Австрійцы были опрокинуты...

Интересный эпизодъ разыгрался у деревни Липы.

Передовыя части наши, наступавшія на эту деревню, при входѣ на западную опушку лѣса у деревни Липы были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Авангардъ развернулся, завязалась горячая перестрѣлка. Австрійцы стали обходить нашъ правый флангъ, но на нихъ въ это время обрушилась часть, заблаговременно высланная въ обходъ. Въ результатѣ, несмотря на упорное сопротивленіе, австрійцы были опрокинуты и въ безпорядкѣ бросились бѣжать въ восточномъ направленіи, такъ какъ естественный путь былъ уже отрѣзанъ нашей конницей. Часть австрійцевъ была уничтожена, часть загнана въ болото и утонула. Лишь жалкіе остатки, пользуясь наступившей темнотой, пробрались къ р. Сану. Здѣсь было захвачено болѣе 20 пулеметовъ. Передовыя части нашего праваго крыла въ тотъ же день достигли р. Сана, и 31 августа правофланговая часть арміи съ боемъ овладѣла одной изъ переправъ. Затѣмъ

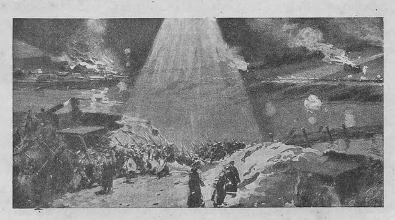
центръ и лѣвый флангъ достигли рѣки и начали подготовку къ переправѣ.

На лѣвомъ берегу р. Вислы наши конныя части, продолжая продвигаться къ югу, достигли Сандомира.

На всемъ фронтѣ Яновъ—Вржовъ—Сандомиръ разыгрался бой, въ которомъ противъ насъ приняли участіе около 500 тыс. штыковъ и сабель и до 200 орудій.

Бой начался около 9 ч. утра. Непріятель не использовалъ временныхъ полевыхъ укрѣпленій и подъ напоромъ нашей арміи отошелъ за Сандомиръ, тотчасъ же занятый нами.

Дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ наткнулось на энергичное сопротивленіе, и около 11 час. утра по всему фронту бой возобновился.

Подъ непріятельскимъ огнемъ, охватывая фланги противника, грудью шли на врага русскія войска, и подъ ихъ напоромъ одну за другой очищали австрійцы свои позиціи, оставляя на нихъ тысячи убитыхъ и раненыхъ.

Къ 6 час. вечера непріятель былъ окончательно выбитъ изъ всѣхъ своихъ позицій и безпорядочно отступилъ, преслѣдуемый по пятамъ. Въ 9 часовъ вечера прекратилась канонада, а нѣсколько позднѣе и трескотня пулеметовъ и ружейнаго огня. На утро слѣдующаго дня наша армія, расположившаяся на отдыхъ на полъ сраженія, вошла въ Сандомиръ...

Офицеръ, участникъ этого боя, такъ разсказываетъ о немъ:

„Предпринятое еще двадцатаго августа нашими войсками наступленіе по всему австрійскому фронту завершилось цѣлымъ рядомъ блестящихъ боевъ, среди которыхъ особеннымъ упор-

ствомъ отличался бой подъ Сандомиромъ, гдѣ, помимо австрійскихъ полковъ, приняли участіе въ дѣлѣ и германскіе.

Еще въ ночь на первое сентября нашимъ войскамъ былъ отданъ приказъ покинуть занятыя ими позиціи въ мѣстечкѣ Сольцы и двигаться по направленію къ Сандомиру. Идти пришлось подъ проливнымъ дождемъ, по размытому водою вязкому шляху, то и дѣло натыкаясь и проваливаясь въ глубокія колдобины, сплошь заполненныя водою. По временамъ дождь стихалъ, и свирѣпствовалъ только рѣзкій холодный вѣтеръ, поднявшійся съ близкой Вислы.

Часамъ къ двумъ ночи наши войска въ туманѣ почти натолкнулись на высившіяся громады австрійскихъ позицій. Справа и слѣва отъ нихъ мутно дымилась бѣлыми туманами Висла, а прямо передъ нами на высокомъ скалистомъ гребнѣ, покрытомъ густымъ лѣсомъ, чернѣли австро-германскіе блиндажи. За послѣдними, тоже на высокомъ холмѣ, былъ расположенъ городъ Сандомиръ, весь опоясанный темными купами садовъ.

Огней въ городѣ почти нигдѣ видно не было.

Тихо построились наши колонны въ боевой порядокъ и пошли въ атаку. Одна изъ частей взяла влѣво, остальные же повели фронтальное наступленіе.

На время переставшій падать дождь полилъ съ новой силой. За его шумомъ удалось подойти незамѣтно почти вплотную къ передовымъ пикетамъ противника. Присутствіе нашихъ войскъ было замѣчено, и тотчасъ же цѣлый рядъ блиндажей опоясался огненными лентами выстрѣловъ. Поднялась страшная трескотня австрійскихъ пулеметовъ. Откуда-то сбоку мелькнулъ косой лучъ прожектора и погасъ. Съ криками „ура" наши полки кинулись на окопы.

Послѣ короткаго страшнаго штыкового удара австрійцы были опрокинуты и заняли предмѣстья города, откуда снова открыли безпорядочную стрѣльбу по нашимъ передовымъ цѣпямъ. Растерянность противника была настолько велика, что при взятіи окоповъ въ наши руки попало свыше 20 орудій и 13 пулеметовъ.

Тѣмъ временемъ стало свѣтать, и передъ непріятелемъ мало-по-малу стало выясняться количество нашихъ силъ. Послѣднее было крайне невелико. Пользуясь этимъ, а также и наступленіемъ дня, противникъ перешелъ въ наступленіе, одновременно открывъ жесточайшій орудійный огонь по засѣвшимъ въ окопахъ русскимъ стрѣлкамъ.

Отвѣчать нашимъ орудіямъ было невозможно, вслѣдствіе приказа возможно щадить городъ. Этотъ приказъ, несмотря на всю тяжесть создавшагося положенія, былъ выполненъ нашими геройскими войсками до конца.

Оставаться долѣе въ занятыхъ нами окопахъ не представлялось возможнымъ, и войскамъ былъ отданъ приказъ отступать. Взятыя нами орудія и пулеметы противника, такъ какъ подъ проливнымъ дождемъ пуль и снарядовъ вывезти ихъ съ позицій было невозможно, были предварительно испорчены.

Отступали медленно, неохотно, то и дѣло кидаясь въ контръ-атаку на германцевъ. Во время этого отступленія разыгрался слѣдующій эпизодъ. Одна изъ нашихъ частей, слишкомъ увлекшаяся отвѣтной контръ-атакой, была мгновенно оцѣплена превосходными силами противника. Приходилось сдаваться въ плѣнъ. Въ тотъ же моментъ одна изъ стрѣлковыхъ командъ, посланная для обхвата праваго фланга австрійцевъ, успѣла выйти къ окопамъ. Несмотря на то, что команда была очень невелика — всего около 30 человѣкъ — послѣдніе тотчасъ же прилегли и открыли стрѣльбу по непріятелю. Австрійцы, не ожидавшіе такого фланговаго удара и предположившіе, повидимому, наличіе крупной обходной колонны, кинулись въ бѣгство. Такимъ образомъ, наша часть была спасена.

Весь день гремѣла орудійная канонада противника, но дальнѣйшихъ активныхъ выступленій съ его стороны не наблюдалось. Приходилось „отлеживаться". Къ вечеру къ намъ подошли подкрѣпленія и была предпринята новая штурмовая атака.

Быстро выбили мы непріятеля изъ окоповъ и, не давая ему отдыха, погнали къ предмѣстьямъ и далѣе черезъ городъ.

Бой закипѣлъ на улицахъ. Здѣсь остервенѣлые австрійцы и германцы дрались уже штыками. Но удержать побѣдоносный напоръ нашихъ войскъ было невозможно. Выбитые изъ города враги кинулись бѣжать, бросая по пути оружіе и амуницію, оставляя цѣлые обозы, къ понтонному мосту, перекинутому ими черезъ огибающую Сандомиръ Вислу.

Только что успѣла одна изъ австрійскихъ частей перебѣжать половину моста, какъ раздался оглушительный взрывъ, и понтонъ взлетѣлъ на воздухъ. Какъ потомъ оказалось, нашимъ саперамъ удалось подложить подъ него, несмотря на адскій огонь непріятеля, пироксилиновыя шашки.

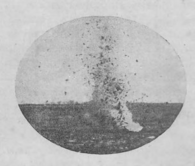
Тѣмъ временемъ съ фланговъ подоспѣли казачьи сотни, и бѣгство противника приняло паническій характеръ. Цѣлыя

толпы бѣглецовъ гибли въ Вислѣ. Только благодаря глубокой ночи нѣкоторымъ изъ нихъ удалось найти спасеніе.

Сандомиръ былъ взятъ..."

Въ Сандомирѣ остались только евреи и поляки. Остальное населеніе бѣжало и оставило свое имущество на произволъ судьбы.

При взятіи Сандомира нами было взято много плѣнныхъ офицеровъ, солдатъ, нѣсколько горныхъ орудій, пулеметовъ и безчисленное множество ружей. Подъ Сандомиромъ разбиты были остатки германскаго корпуса генерала Войрша.

Между тѣмъ, Красникская армія генерала Ауфенберга, потерявъ связь съ Томашовской арміей послѣ прорыва нашими войсками центра главныхъ непріятельскихъ силъ, оказалась совершенно отрѣзанной отъ праваго крыла и попала въ плачевное состояніе. Поддержанная прибывшими германскими войсками, она оказала стойкое сопротивленіе лишь въ первое время. Но послѣ мѣткаго обстрѣла и бѣшеной атаки нашихъ войскъ, направленной на укрѣпленныя позиціи Ополье-Туробинъ, а затѣмъ и занятія ихъ—армія Ауфенберга принуждена была поспѣшно отступить, при чемъ отступленіе это было подобно форменному бѣгству. Какъ и въ другихъ случаяхъ, при данномъ отступленіи сыграла видную роль наша конница, которая, забравшись обходомъ глубоко въ тылъ противника, стремительными атаками наносила ударъ за ударомъ и этимъ еще больше разстраивала поспѣшно отступающаго непріятеля, который бросалъ орудія, оружіе, парки, обозы, раненыхъ и обращался въ бѣгство или массами сдавался въ плѣнъ. Бросившись къ наиболѣе удобному пути отступленія вдоль праваго берега Вислы по шоссе Юзефовъ-Аннополь, они были обстрѣляны и отброшены нашими войсками съ лѣваго берега

Вислы. Такимъ образомъ, вся Красникская армія въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ въ паническомъ ужасѣ металась въ треугольникѣ между Вислой и Саномъ, и по волѣ нашихъ войскъ заходила въ самый опасный уголъ его, бросившись на рѣку Санъ, гдѣ и была прижата нашими войсками. Здѣсь она, перебрасываясь черезъ рѣку, понесла самыя жестокія потери... Только у самой переправы черезъ рѣку Санъ взято было свыше 200 офицеровъ, 30.000 нижнихъ чиновъ, масса орудій, пулеметовъ и матеріальной части.

Вслѣдъ за австрійцами переправились черезъ Санъ и наши войска. Объ этой переправѣ такъ разсказываетъ одинъ изъ участниковъ ея:

„Переправа черезъ Санъ, которой нашей дивизіи приказано было овладѣть во что бы то ни стало до подхода нашихъ главныхъ силъ, защищалась нѣсколькими батареями артиллеріи и двумя австро-германскими дивизіями.

Еще съ вечера приближаясь къ Сану, мы вошли въ густой лѣсъ, который тянется почти на всемъ протяженіи верхняго Сана. Къ утру намъ надо было пройти лѣсъ и начать бой.

Наканунѣ наши развѣдчики обнаружили въ лѣсу цѣлую сѣть проволочныхъ загражденій и волчьи ямы. Непріятель успѣлъ прекрасно подготовиться къ нашему наступленію: на прогалинахъ и въ пролѣскахъ въ окопахъ залегли цѣпи стрѣлковъ. Лѣсъ былъ болотистъ, на каждомъ шагу встрѣчались торфяники и топи, вырубленныя и поваленныя деревья образовали непроходимую стѣну. Приходилось пробираться гуськомъ съ крайней осторожностью. То тутъ, то тамъ внезапно раздавался страшный трескъ: подпиленные гиганты-сосны валились на голову при малѣйшемъ сотрясеніи зыбкой, мшистой почвы. Люди и лошади валились въ ямы, натыкались на колючую проволоку, которую приходилось спѣшно рубить, чтобы разрушить планъ непріятеля, состоявшій въ стремленіи выиграть время до подвоза его тяжелой артиллеріи.

Около трехъ часовъ ночи мы вышли на опушку. Бѣлая полоса свѣта пробѣжала по небу, по деревьямъ и упала на насъ: непріятель нащупалъ насъ прожекторомъ. Раздался рѣзкій визгъ—это пролетѣлъ снарядъ. Онъ упалъ далеко за нами, и сейчасъ же на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, вспыхнуло яркое пламя и загремѣлъ оглушающій раскатъ взрыва. Значитъ, тамъ былъ минированный участокъ,—мы случайно обошли его лѣвѣе.

Прошли шаговъ триста, въ обходъ непріятельскимъ окопамъ, которые мы оставили вправо. Выбрались на холмистую гряду. На правомъ берегу рѣки ясно видны были валы непріятельскихъ батарей. Саперы, спустившись внизъ, начали наводить мостъ. Очевидно, непріятель заранѣе разсчиталъ съ точностью прицѣлъ: снаряды падали какъ разъ на то мѣсто, гдѣ мы положили первыя скрѣпы. Пришлось бросить работу и ждать прибытія нашей артиллеріи, грохотъ колесъ которой уже былъ слышенъ.

Черезъ полчаса наши батареи были установлены на чрезвычайно выгодной позиціи—на холмѣ, господствующемъ надъ всей окрестностью. Сила орудій непріятеля превосходила нашу легкую полевую артиллерію, но мы заставили ихъ вскорѣ замолчать, сбивъ мѣткими выстрѣлами четыре гаубицы, причинявшія намъ много убыли въ людяхъ и хлопотъ. Только пулеметы продолжали разсыпать вѣера пуль съ того берега.

Снова мы принялись за работу. Работали скоро и быстро, несмотря на то, что вода кругомъ пѣнилась и шипѣла отъ падающаго въ нее дождя пуль.

Въ тотъ самый моментъ, когда мы заканчивали понтонъ, на противоположномъ берегу изъ лѣса вдругъ выскочилъ отрядъ всадниковъ и съ громкимъ крикомъ, который мы не могли разобрать за дальностью разстоянія, бросился къ рѣкѣ. Только тогда, когда они врубились въ синіе квадраты непріятеля, готоваго встрѣтить нашу атаку, мы поняли, что это наша конница.

Какъ оказалось позже, два драгунскихъ эскадрона, поддержанныхъ сотней казаковъ, переправились еще съ недѣлю тому назадъ черезъ рѣку значительно выше насъ и потеряли связь съ нашими войсками, благодаря тому, что австрійцы неожиданно растянули свой фронтъ и, загородивъ бродъ, не дали нашимъ переправиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ перешли рѣку драгуны.

Австрійцы, видимо, не знали, что въ ихъ тылу бродитъ конный русскій отрядъ. А наши долго прятались въ лѣсу, высмотрѣли оттуда нашу переправу и, когда у насъ было почти все готово, бросились въ атаку.

Неожиданность заставила дрогнуть непріятеля. Мы воспользовались его замѣшательствомъ и по понтону перешли рѣку значительными силами. Ударъ съ двухъ сторонъ далъ блестящіе результаты: непріятель бѣжалъ, оставивъ пулеметы, подбитыя орудія, снаряженіе, а главное — освободивъ намъ переправу, такъ что, когда къ десяти часамъ утра пришла колонна генерала В-а, то она имѣла возможность безпрепятственно перейти по нашему понтону черезъ Санъ..."

Переправившись черезъ Санъ, наши войска продолжали гнать австрійцевъ почти съ безпрерывнымъ боемъ. Интересное по деталямъ описаніе одного изъ этихъ боевъ даетъ участникъ сраженія подъ деревней Джуковищи:

„Часовъ въ семь утра кавалерійская дивизія вытянулась изъ брошенной жителями австрійской деревушки, въ которой она ночевала, и собралась въ глубокой лощинѣ. Утро было хорошее, солнечное.

Впереди и вправо уже слышался гулъ разгорающагося боя, похожій на трескъ дровъ въ гигантской печкѣ. Выѣхали и наши конныя батареи, присоединивъ свои голоса къ общему хору. Влѣво, на поддержку пѣхоты, пошли синія сотни казаковъ. Бой, какъ огромный насосъ, втягивалъ все новыя и новыя части. Въ лѣсу, вправо, разсыпались спѣшенные эскадроны драгунъ, уланъ и гусаръ. Въ резервѣ, въ лощинѣ, пока что, оставалось два эскадрона уланъ. Съ высоты, расположенной чуть впереди, развертывалась панорама боя.

Солнце и пыль. Пыль повсюду: тамъ, гдѣ стоятъ наши или австрійскія батареи, тамъ, гдѣ бѣлѣются наши бѣлые или непріятельскіе бѣлые съ розовымъ разрывы, тамъ, гдѣ, точно капли дождя, шлепаются въ землю ружейныя пули и тамъ, наконецъ, гдѣ вдали по западному берегу Щержеца, передвигаются густыя черныя колонны австрійской пѣхоты. До колоннъ далеко—верстъ семь. Ближе кое-гдѣ виднѣются вспышки ихъ батарей и еще ближе, гораздо ближе, синеватыя цѣпи. Они тоже — точно вспышки: поднимутся, пробѣгутъ шаговъ сто— и снова ихъ не видно, спрятались и накапливаются въ какой-нибудь лощинкѣ.

Но вотъ одна изъ нашихъ конныхъ батарей поймала такую перебѣжку — и синія фигурки пѣхотинцевъ задернуло вуалью бѣлыхъ разрывовъ и желтоватой пыли, поднятой шрапнельными пулями. Нѣсколько человѣкъ упало и осталось лежать. Моментъ остановки — и синяя цѣпь вразбродъ бѣжитъ назадъ къ той лощинѣ, откуда она только что вышла.

Шумъ боя все приближается; австрійцевъ еще не видно, они еще на слѣдующемъ гребнѣ, но ихъ огонь уже поражаетъ.

Еще одинъ эскадронъ уланъ съ пулеметами идетъ впередъ, въ цѣпь. Проходитъ нѣсколько тяжелыхъ мгновеній. Начальникъ дивизіи рѣшаетъ бросить на вѣсы боя свой послѣдній резервъ и атакой въ конномъ строю остановить наступающую синюю пѣхоту. Онъ подскакиваетъ къ гусарамъ:

— Гусары, въ атаку!..

Такое же приказаніе получаетъ и послѣдній эскадронъ уланъ. Это—послѣдняя ставка. Сзади уже нѣтъ ничего. Стоятъ только драгунскіе коноводы, да взводъ уланъ охраняетъ свой штандартъ и знамя казачьяго полка.

За гребнемъ лощины раскинулась лава, молчаливая, выжидающая. Справа—буланыя лошади гусаръ, слѣва—гнѣдыя, уланскія. Держатся укрыто, люди пригнулись къ сѣдламъ, наклонили издалека замѣтныя пики: атака должна быть внезапной.

Непріятная минута... Знаешь, что сейчасъ столкнешься съ пѣхотой, еще не разстроенной боемъ, пока еще побѣдоносною.

Но вотъ пошли. И сразу же успокаивающее, волнообразное движеніе галопомъ, плавное движеніе все ускоряющейся скачки. Точно на ипподромѣ.

Вскочили на гребень. Впереди — цѣпь, передвигающаяся по убранному полю. Передвигается отъ насъ. Значитъ—они уже

бѣгутъ отъ насъ. И сразу сдѣлалось какъ то спокойно и увѣренно.

Но нѣтъ,—это еще не австрійцы: это нашъ спѣшенный эскадронъ. Австрійцы дальше, шагахъ въ трехстахъ. Они еще лежатъ на гребнѣ, стрѣляютъ во всю, и ружейныя пули точно сощелкиваютъ пыль со всего поля. Какая то австрійская батарея издалека шлетъ свои воющіе снаряды. Гдѣ-то въ цѣпи слышенъ пулеметъ. Теперь какъ разъ начинается самое опасное, но уже инстинктъ какой-то подсказываетъ, что синяя пѣхота не долежитъ, не дождется насъ.

Слѣва кричатъ:

— Канава!..

Лошади чуть замялись, но одинъ моментъ—и широкая, аршинъ въ пять, углубленная дорога пройдена. Затѣмъ еще канавы, которыхъ почти не замѣчаешь. И вотъ, откуда-то, кажется, слѣва, слышно „ура", пули больше не шлепаются, синеватые пѣхотинцы бѣгутъ, и мы уже скачемъ рядомъ съ ними.

Они бросаютъ свои манлихеры, поднимаютъ руки, кричатъ что-то, сдаваясь и моля о пощадѣ. Этихъ не трогаютъ. Уланы и гусары проскакиваютъ дальше, но сзади слышны выстрѣлы, и нѣсколько всадниковъ грузно падаютъ впередъ. Тѣ самые пѣхотинцы, которыхъ только что пощадили, хватаютъ снова свои винтовки и стрѣляютъ намъ въ спины.

Но это—не оборона. Выстрѣлили и бѣгутъ дальше. Бѣжитъ все—цѣпи, поддержки, стрѣляя на ходу, поражая не только насъ, но и другъ друга.

Лѣвый флангъ лавы—уланы влетѣли въ деревню. На окраинѣ ея, на улицахъ и въ домахъ были уже австрійцы. Тамъ была та же безпорядочная стрѣльба, выскакивающіе изъ домовъ люди, бѣгство австрійской пѣхоты изъ деревни.

Преслѣдованіе кончалось. Австрійцы бѣжали больше чѣмъ на полторы версты назадъ; понемногу сбирались и наши эскадроны, отходившіе на свое старое мѣсто. Все поле между деревней и лѣсомъ было очищено отъ непріятеля и наступленіе его остановлено... На слѣдующій-же день уже началось поспѣшное отступленіе австрійцевъ по всему фронту"...

О стремительности австрійскаго бѣгства можно судить по тому, что вторая австрійская армія генерала Данкля, получивъ нѣмецкія подкрѣпленія, стойко держалась на своихъ позиціяхъ подъ Томашовымъ еще 27 августа; генералъ Данкль былъ разбитъ на-голову 28, а къ тридцатому его армія оказалась за рѣкой Санъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ два дня австрійскія полчища пробѣжали отъ Томашова почти семьдесятъ верстъ. О полной деморализаціи австрійской арміи, спасавшейся бѣгствомъ черезъ рѣку Санъ, свидѣтельствуетъ громадная цифра взятыхъ нами плѣнныхъ.

Августѣйшій Верховный Главнокомандующій высоко оцѣнилъ блестящіе результаты 17-дневнаго боя и удостоилъ слѣдующимъ поздравленіемъ генералъ-адъютанта Иванова:

„Въ лицѣ Вашемъ восторженно поздравляю всѣ ввѣренныя вамъ геройскія войска—чудо-богатырей. Хвала Господу, даровавшему намъ побѣду и упованіе, что дастъ намъ силы и умѣніе завершить начатое дѣло до конца"...

Временно, въ австрійской арміи наступила полная дезорганизація. Русскій натискъ, вызвавшій паническое отступленіе австрійцевъ въ Галиціи, свелъ моральное и физическое ихъ сопротивленіе къ нулю.

Было много случаевъ, когда отдѣльныя австрійскія дивизіи, оторванныя отъ своей базы, наталкиваясь на одинъ русскій полкъ, сдавались безъ боя. У Раввы-Русской, гдѣ совмѣстно съ австрійцами сражались германскіе корпуса, германцы устанавливали позади передовыхъ австрійскихъ полковъ пулеметы и разстрѣливали изъ послѣднихъ австрійцевъ при первой попыткѣ къ бѣгству или сдачѣ, усугубляя тѣмъ австрійскія потери.

Участники сраженій такъ оцѣниваютъ боевое поведеніе австрійскихъ солдатъ. Въ первый періодъ войны, до взятія Львова и пораженія у Раввы-Русской, австрійцы, сражаясь, проявляли упорство въ достиженіи намѣченной цѣли. Послѣ же—настроеніе рѣзко мѣняется, и австрійскіе солдаты начинаютъ сдаваться массами, особенно славяне. Только венгерцы и нѣмцы продолжали упорно сражаться...

„Трудно передать,—разсказываетъ одинъ офицеръ,—что происходило при преслѣдованіи австрійской арміи. Недавно сильные и самодовольные, чувствовавшіе себя побѣдителями въ занятыхъ безъ боя мѣстахъ, строившіе планы дальнѣйшаго вторженія вглубь Россіи—австрійцы являютъ теперь тѣмъ болѣе жалкую картину. Это—не отступленіе, нѣтъ: отступленіе

передъ превосходными силами противника можетъ быть и почетнымъ; здѣсь же было паническое бѣгство обезумѣвшихъ людей, у которыхъ одна мысль, рожденная животнымъ страхомъ смерти: лишь бы спастись, лишь бы убѣжать отъ этого грознаго врага, вездѣсущаго и не знающаго устали. Бросай орудія, тяжелые обозы—не до нихъ теперь, бросай винтовки, походное снаряженіе, патронныя сумки — все это лишнее, все это мѣшаетъ! Лишь бы скрыться! Все равно куда: затеряться въ болотахъ, зарыться въ грудѣ труповъ на полѣ недавней битвы или бѣжать, бѣжать безъ оглядки, покуда хватитъ силъ... Сколько взято плѣнныхъ даже одной красниковской арміей—не перечтешь. Безъ конца отправляли ихъ въ глубь Россіи, но ими уже никто не интересовался“...

Старый Миколаевъ.

Въ то время, какъ Люблинскіе бои разрѣшались въ нашу пользу, на Галиційскомъ театрѣ армія генерала Рузскаго, овладѣвъ Львовомъ, появилась въ опасномъ сосѣдствѣ съ одной изъ австрійскихъ армій, уже нѣсколько дней безуспѣшно сражавшейся въ районѣ Томашова.

Рѣшительными атаками 22 августа намъ удалось продвинуться впередъ; непріятельскій центръ отступилъ отъ Красностава къ Замостью. Въ то же время германскіе авангарды, двигавшіеся по лѣвому берегу Вислы, были атакованы нашими войсками на томъ же берегу.

Въ бою у Замостья одной нашей дивизіи пришлось драться поочередно съ четырьмя непріятельскими корпусами, занимавшими Замостье. Первые удары противнику нанесла упомянутая дивизія, а послѣ нея по очереди другія, мимо которыхъ, корпусъ за корпусомъ, неудержимо дефилировали австрійцы. Они бѣжали мимо, въ безпорядкѣ, и наши два корпуса забрали до 15 тысячъ плѣнныхъ, много пушекъ и оружія. Доблестная дивизія получила особую благодарность отъ Главнокомандующаго.

24 августа наши войска заняли Замостье, взявъ при этомъ 3.000 плѣнныхъ, обозъ, орудія, массу артиллерійскихъ снарядовъ, предназначавшихся для осады Бреста.

Въ послѣдующіе дни бои продолжались на всемъ австрійскомъ фронтѣ, при чемъ особое упорство непріятель проявилъ въ районѣ Раввы-Русской. Томашовская австрійская армія была атакована на этотъ разъ съ трехъ сторонъ: съ сѣверо-запада отъ Замостья, съ сѣверо-востока—отъ Грубешова и съ юго-востока—отъ Раввы-Русской. Въ то же время на линіи отъ Раввы-Русской на югъ шли бои съ разбитой у Львова арміей, получившей подкрѣпленіе.

Здѣсь, послѣ взятія стремительнымъ штурмомъ Галича, генералъ Брусиловъ, заходя въ тылъ австро-германской арміи, укрѣпившейся на линіи Равва-Русская-Днѣстръ, имѣлъ еще нѣсколько сраженій и блестящихъ побѣдъ. Черезъ два дня его войска взяли городъ Стрый, важнѣйшій послѣ Львова узелъ желѣзнодорожныхъ путей въ Восточной Галиціи. Отъ Галича до Стрыя шестьдесятъ четыре версты, что даетъ среднюю быстроту марша въ тридцать двѣ версты въ сутки.

Бѣжавшіе остатки австрійской восточной арміи были поставлены быстрымъ маршемъ генерала Брусилова между двухъ огней. Но гораздо важнѣе было движеніе нашей конницы отъ

Стрыя и Галича къ Карпатамъ, перевалы которыхъ были заняты уже 23 августа. До перваго перевала отъ Галича—100 верстъ, а до второго—140. Такимъ образомъ, наша кавалерія, шедшая 50—70 верстъ въ сутки, летѣла къ Карпатамъ поистинѣ съ суворовской быстротой.

Орлиный полетъ нашей конницы вполнѣ соотвѣтствуетъ стратегическому значенію Карпатъ. Занятіемъ Карпатскихъ перевалов генералъ Брусиловъ надежно обезпечилъ лѣвый флангъ своей арміи при движеніи на сѣверо-западъ, къ Перемышлю, а также открылъ путь на Будапештъ и австрійскую Силезію...

Взятіе Стрыя сопровождалось упорнымъ боемъ, продолжавшемся даже на улицахъ города. Очень ярко описываетъ этотъ бой одинъ изъ участниковъ его.

„Сперва шли подъ визжащимъ градомъ пуль, отстрѣливаясь, но потомъ, когда нервы натянулись до крайности, кто-то гдѣ-то крикнулъ „ура"—и вся масса сѣрыхъ, навьюченныхъ и на видъ одинаковыхъ людей, бросилась, подхвативъ этотъ мощный побѣдный кличъ.

Все—и ура, и пальба, и гулъ орудій—слилось въ одинъ протяжный, терзающій уставшія уши, вой...

Пробѣжать сто шаговъ было, конечно, дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

И вотъ, миновавъ эти сто шаговъ, оставивъ на нихъ десятки труповъ, десятки людей еще стонущихъ и ползущихъ обратно, сѣрая лавина ворвалась въ городъ, опрокинула ветхій заборъ и раскатилась по всѣмъ закоулкамъ и улицамъ.

А сзади спѣшили новыя толпы такихъ же, но только совсѣмъ свѣжихъ солдатъ. Они бѣжали по полю, прыгая черезъ тѣла товарищей, держа на перевѣсъ ружья и отвѣчая затихавшимъ впереди голосамъ новымъ громовымъ „ура".

А еще позади, гдѣ-то за пригоркомъ, твердо, увѣренно и равномѣрно бухали наши орудія, и въ воздухѣ гудѣла надъ нашими головами направленная въ отступавшихъ австрійцевъ шрапнель...

Главная улица была широкая и, естественно, что вся масса, или, вѣрнѣе, ея большая часть, устремилась именно по ней, вслѣдъ за убѣгавшими австрійцами.

Какія-то двѣ лошади, вѣроятно австрійскія, съ порванными постромками, скакали между нашихъ солдатъ; забытая походная кухня, сброшенная въ канаву, торчала однимъ колесомъ вверхъ...

Въ ту минуту, когда улица была полна нашихъ солдатъ, когда городъ казался уже занятымъ нами, вдругъ раздался характерный, быстрый и рѣзкій говоръ пулеметовъ совсѣмъ близко,

Въ первую минуту всѣ растерялись. Не знали, откуда летѣла эта туча пуль, но черезъ мгновеніе уже поняли коварный и остроумный планъ австрійцевъ.

Пулеметы стояли въ домахъ. Въ открытыя окна, какъ въ амбразуры, выставлены были ихъ дула и, сидя въ прикрытіи, австрійцы неожиданно засыпали насъ продольнымъ огнемъ...

Солдаты, уже чувствовавшіе себя побѣдителями, были взбѣшены этой помѣхой,—и начался штурмъ домовъ со скрытыми въ нихъ митральезами.

Бѣжали люди, таща на себѣ солому и складывая ее у основанія стѣнъ забаррикадированныхъ домовъ, ломились въ двери, сквозь щели которыхъ сыпались австрійскія пули, карабкались на крыши, разбирали ихъ и сверху поражали противниковъ.

Австрійцевъ кололи штыками съ размаху, стрѣляли въ упоръ и, ворвавшись внутрь домовъ, убивали прислугу на пулеметахъ...

Въ канавѣ около большого углового дома навалена была цѣлая груда тѣлъ русскихъ и австрійскихъ солдатъ. Изъ этого дома никто не долженъ былъ выйти живымъ. Пулеметы изъ его оконъ слишкомъ много скосили нашихъ воиновъ, и всѣ засѣвшіе въ домѣ были обречены.

Сзади, со стороны сада его уже подожгли... черный, густой дымъ столбомъ тянулся вверхъ, языки пламени лизали стѣну и близко растущія грушевыя деревья. Свѣжая, сочная зелень трещала и коробилась въ огнѣ. Около дверей завязалась перестрѣлка.

Австрійскій офицеръ, засѣвъ у верхняго слухового окна, отстрѣливался изъ револьвера, а снизу ему отвѣчали изъ винтовокъ наши солдаты. Съ фасада-же изъ оконъ попрежнему трещали пулеметы то прерывчатой, то безконечно долгой дробью...

У задней стѣны, недалеко отъ двери, лежалъ весь окровавленный крестьянинъ, уже старый, съ сильной сѣдиной въ странныхъ желтыхъ волосахъ. Шрапнельнымъ стаканомъ ему оторвало кисть руки и, кромѣ того, пуля прошла грудь на вылетъ... Видимо, онъ уже пересталъ страдать. Его блѣдное лицо было скорѣе усталое, сонное, онъ безучастно смотрѣлъ по сторонамъ, и дыханье вырывалось изъ его груди съ шумомъ и клокотаньемъ.

Между тѣмъ, домъ разгорѣлся... Австрійцы еще отстрѣливались, но уже менѣе усердно. Офицеръ, стрѣлявшій черезъ слуховое окно, былъ раненъ и умолкъ. Вдругъ пулеметы пре-

кратили совсѣмъ огонь, замолкли и винтовки, и осаждающіе тоже невольно затихли. Внутри горящаго дома происходила какая-то суета.

— Быть можетъ, они сдаются?—предположилъ ротный командиръ.

Но въ эту минуту раздался слабый, задыхающійся голосъ раненаго крестьянина.

— Панъ... а панъ... Панъ офицеръ... Тамъ у бани... другой выходъ есть... Туда, панъ, идите... Туда...

Солдаты мгновенно поняли въ чемъ дѣло: домъ имѣлъ еще одинъ выходъ, и австрійцы могли бѣжать черезъ него. И они бросились туда...

Около маленькой бани, дѣйствительно, была забаррикадированная дверь чернаго хода. Слышно было,какъ австрійцы старались пріоткрыть ее.

Моментально была организована засада—и едва только отворилась дверь, и осторожно выскользнули на дворъ нѣсколько австрійцевъ—солдаты бросились на нихъ въ штыки.

— Прочь отъ дома!—крикнулъ вдругъ ротный командиръ.

Лицо его было обожжено и по нему струилась кровь узкой красной полоской.

Дѣйствительно, прогорѣвшая крыша рухнула, увлекая за собою стѣны. Цѣлый фонтанъ искръ и пламени высоко взвился къ небу, и черный густой дымъ пахнулъ намъ въ лицо обжигающимъ дыханіемъ...

Скоро ни одного австрійца не осталось въ городѣ, кромѣ взятыхъ нами въ плѣнъ“...

Генералъ Рузскій, въ свою очередь, послѣ взятія Львова, не ограничился разгромомъ подъ Раввой-Русской отступившей арміи Данкля и, не теряя времени, пролагалъ себѣ дорогу на западъ. Черезъ два дня послѣ паденія Львова, его войска взяли штурмомъ сильную крѣпость Миколаевъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра, въ 30 верстахъ южнѣе Львова. Ни тройные ряды искусственныхъ препятствій, ни грозные форты, вооруженные тяжелыми орудіями въ броневыхъ башняхъ, не могли остановить неудержимаго натиска генерала Рузскаго.

Миколаевъ является вполнѣ современной крѣпостью, бастіоны котораго высѣчены почти въ отвѣсныхъ скалахъ, возвышающихся болѣе чѣмъ на 300 футовъ надъ окружающими равнинами. Съ тыла Миколаевъ укрытъ Днѣстромъ, а съ фронта защищенъ болотами. Несмотря на эти условія природнаго расположенія и на тяжелую артиллерію въ броневыхъ башняхъ, Миколаевъ былъ взятъ штурмомъ на другой день послѣ появленія подъ его стѣнами русскихъ войскъ.

Взятіемъ Миколаева отличился корпусъ генерала Радко-Дмитріева. Предшествовавшіе штурму этой крѣпости бои продолжались нѣсколько дней. Дрались безпрерывно на фронтѣ въ 30 верстъ. Непріятель проявлялъ нечеловѣческую энергію, пытаясь отбросить русскихъ за Львовъ. Втеченіе нѣсколькихъ дней атаки безпрерывно смѣнялись одна другой.

Жестокій огонь нашей артиллеріи, уничтожая австрійскія части, не могъ остановить ихъ наступленія. На смѣну сметаемымъ австрійскимъ полкамъ выростали новыя, свѣжія силы. Болѣе трехъ сутокъ не спали русскіе солдаты, отражая бѣшеныя атаки австрійцевъ.

Не зная ни сна, ни отдыха, Радко-Дмитріевъ все время носился на своемъ автомобилѣ, увлекая свои войска. Моторъ генерала былъ весь изрѣшетенъ пулями, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія.

Особенно трудная задача выпала на долю нашей кавалеріи, которой приходилось сдерживать обрушивавшихся на нее въ огромномъ числѣ австрійцевъ.

Былъ моментъ когда русскіе дрогнули, и тогда начальникъ коннаго отряда занялъ мѣсто впереди своего отряда и съ крикомъ: Впередъ, дѣти, за отечество, за Россію!..—

Бросился на непріятеля.

Началась жестокая, рукопашная схватка. Какой-то австрійскій офицеръ подлетѣлъ къ генералу и уже замахнулся шашкой. Еще моментъ, и генералъ былъ бы убитъ.

Но поднятая для удара рука австрійца безсильно опустилась, самъ онъ склонился на гриву своего коня и мертвымъ скатился къ ногамъ генерала.

Отчаянное положеніе командира, къ счастью, во время было замѣчено однимъ изъ казаковъ, и храбрый австріецъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья...

Бой этотъ закончился нашей побѣдой.

Отбивъ непріятельскія атаки, корпусъ Радко-Дмитріева бросился въ контръ-атаку и погналъ передъ собой австрійцевъ...

Послѣ этого наши войска подступили къ Миколаеву...

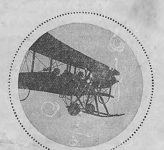
Миколаевъ представляетъ собою весьма важный узелъ желѣзныхъ дорогъ и преграждаетъ пути къ Карпатамъ отъ Львова. Въ Миколаевѣ имѣются мосты, желѣзнодорожный и шоссейный черезъ Днѣстръ. Голова желѣзнодорожнаго моста прикрыта 27-ю

укрѣпленіями, образующими дугу на лѣвомъ берегу Днѣстра. Гарнизонъ Миколаева состоялъ приблизительно изъ 10.000 человѣкъ...

Съ паденіемъ Миколаева, къ 3-му сентябрю окончилось семнадцатидневное галиційское генеральное сраженіе, въ которомъ участвовало съ обѣихъ сторонъ свыше двухъ милліоновъ человѣкъ. Въ три недѣли нашимъ войскамъ удалось наголову разбить и превратить въ нестройныя орды бѣглецовъ колоссальную силу непріятеля, захвативъ свыше 400 орудій, безчисленное множество ружей, боевыхъ припасовъ, обозовъ, много знаменъ и болѣе 100 тысячъ плѣнныхъ; при этомъ потери австро-германской арміи убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти въ Галицiйской битвѣ достигли колоссальной цифры — свыше 250 тысячъ, то есть, четверти всего состава.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ шесть недѣль наша доблестная армія завершила порученное ей тяжелое дѣло. Ничто не спасло отъ неслыханнаго пораженія австро-венгерскую армію. Ни численное превосходство противника, ни большія подкрѣпленія, поспѣшно брошенныя нѣмцами на помощь союзникамъ, ни сильно укрѣпленныя позиции, ни мощная тяжелая артиллерія, ни громадныя разстоянія,—ничто не было въ силахъ остановить всесокрушающій напоръ нашихъ войскъ. Австрійская армія, мечтавшая вмѣстѣ со своими союзниками въ первый-же мѣсяцъ войны дойти до Кіева, въ дѣйствительности прошла чрезъ Кіевъ и Москву въ самую глубь Россiи массами, которыя достигали почти 150 тысячъ человѣкъ,—но только... въ видѣ плѣнныхъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней упорнаго боя, русскія войска 27-го августа, вечеромъ, заняли предмѣстья Томашова. 28 утромъ наши полки уже вошли въ городъ, совершенно очищенный отъ непріятеля. Встрѣча русскихъ войскъ носила чрезвычайно торжественный характеръ: при звукахъ колокольнаго звона духовенство вышло съ крестами, большія толпы народа провожали дефилировавшія русскія колонны восторженными криками „ура", многіе изъ стоявшихъ въ толпѣ бросались къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ и со слезами благодарности цѣловали имъ руки.

Ярославъ.

Отдыхать войскамъ совсѣмъ не пришлось. Тотчасъ же былъ отданъ приказъ неустанно преслѣдовать отступавшаго въ паникѣ врага. Брошенные нами впередъ кавалерійскіе отряды, появляясь то съ фланга, то съ тыла армій противника, еще болѣе увеличивали дезорганизацію въ непріятельскихъ толпахъ, не давая имъ ни минуты отдыха. Огромныя партіи обозныхъ фургоновъ, десятки орудій, масса пулеметовъ и воинскихъ припасовъ захватывались нашими казаками чуть-ли не послѣ пятиминутныхъ схватокъ. Граница была пройдена безъ единаго сколько нибудь серьезнаго боя. Въ иныхъ мѣстахъ австрійцы еще пытались задержаться хоть на короткое время. Для этого ими воздвигались окопы, рылись волчьи ямы, сооружались проволочныя загражденія, но при первомъ извѣстіи о приближеніи нашихъ передовыхъ отрядовъ все это бросалось и непріятель убѣгалъ дальше, упорно преслѣдуемый нами по пятамъ.

Впрочемъ, и окопы и прочія сооруженія, воздвигнутыя на этотъ разъ австрійцами, носили явные слѣды поспѣшной и плохо руководимой работы. Въ этой неустанной, ни днемъ ни ночью не прекращающейся погонѣ за трусливо убѣгающимъ врагомъ, русскія войска продвинулись далеко за границу. Къ вечеру 2-го сентября они подошли уже къ каменному поясу, составляющему первую преграду на пути къ Ярославу.

Австрійцы, наконецъ, остановились и приготовились къ новой, еще болѣе упорной и жестокой, защитѣ. Выбранныя ими правѣе Любачева позиціи были расположены на высокомъ холмистомъ поясѣ, сплошь покрытомъ великолѣпно оборудованными блиндажами, окопами для перекрестнаго огня, проволочными и фугасными загражденіями. Не особенно широкая, но довольно глубокая рѣка Любачевка, притокъ Сана, обтекающая этотъ каменный поясъ, значительно увеличивала недоступность выбранныхъ австрійцами позицій...

Ночь прошла спокойно.

Только временами фронтъ и фланги нашихъ войскъ заливались потоками свѣта непріятельскихъ прожекторовъ, да рѣзкіе короткіе выстрѣлы отмѣчали встрѣчи нашихъ передовыхъ цѣпей съ австрійскими разъѣздами.

Нѣсколько разъ проносился надъ нашими позиціями непріятельскій аэропланъ. Раза два—три скользнулъ острый бѣлый лучъ его прожектора и потухъ также внезапно, какъ и появился. Въ то же время нашими саперами велась безпрерывная работа по прокладкѣ траншей и окоповъ.

Утромъ, 3-го сентября, съ австрійскаго берега открылась жесточайшая орудійная канонада, которая велась безпрерывно, ни на минуту не смолкая, почти цѣлый день.

Къ серединѣ дня прибыла и наша артиллерія, которая тотчасъ же, выбравъ удобныя позиціи, открыла убійственный огонь по непріятельскимъ блиндажамъ. Снаряды падали такъ удачно, что съ каждымъ новымъ выстрѣломъ огромныя тучи желтобураго дыма на нѣсколько минутъ закрывали непріятельскій брустверъ, и долго послѣ этого не слышалось ни единаго выстрѣла—ружейнаго и пулеметнаго.

Къ вечеру нами было предпринято рѣшительное наступленіе, съ обходомъ противника на флангахъ, — и Ярославъ былъ взятъ...

Подробное описаніе взятія Ярослава даетъ офицеръ, одинъ изъ первыхъ вступившій на его укрѣпленія:

„Начинался хмурый дождливый день. Холодный вѣтеръ гналъ свинцовыя тучи. Хлюпая по грязи, тянулись длинными колоннами наши кавалерійскія части. Шло преслѣдованіе. Далеко за лѣсомъ, окутанный дымомъ, горѣлъ Ярославъ.

Странныя, несуразныя подводы австрійскихъ транспортовъ, застрявшихъ въ густой грязи, мѣстами совершенно загораживали дороги, заставляя солдатъ обходить далеко въ сторону. Встрѣчались брошенные зарядные ящики, передки, патронныя двуколки. Большинство лошадей пристрѣливали сами австрійцы. Трупы несчастныхъ животныхъ лежали въ колоссальномъ количествѣ, въ особенности, около одного оврага, который весь былъ запруженъ зарядными ящиками и даже лазаретными линейками.

Получалась картина безпорядочнаго отступленія.

Выстрѣловъ не было слышно, но всѣ ихъ ожидали, такъ какъ никто не вѣрилъ, что Ярославъ будетъ оставленъ австрійцами безъ боя.

Дѣйствительно, не успѣла головная часть авангарда вытянуться изъ-за лѣса, какъ раздались отдаленные выстрѣлы орудій, и съ зловѣщимъ завываніемъ надъ головами понеслись шрапнели. Громадные клубы темнаго дыма отъ взрывовъ и страшный звукъ ихъ сразу показали, что противникъ стрѣляетъ изъ тяжелыхъ орудій. Оставалось одно—спрятаться въ лѣсъ и оттуда уже начать правильное наступленіе.

Австрійцы продолжали стрѣлять, но разрывы ихъ уходили вправо. Видно было, что они начали стрѣльбу по нашей правой колоннѣ.

Быстро отходили назадъ цѣпи всадниковъ сосѣдней лавы. То тамъ, то здѣсь надъ цѣпью появлялись бѣлыя облачки разрывовъ.

Внезапно, совсѣмъ близко, затарахтѣлъ пулеметъ, и раздались рѣзкіе короткіе звуки выстрѣловъ изъ винтовокъ. Это, очевидно, завязалъ дѣло головной эскадронъ.

Проскакало нѣсколько ординарцевъ съ приказаніями. Не торопясь, спокойно потянулись черезъ лѣсъ длинныя цѣпи стрѣлковъ и вышли на опушку. Большое поле съ незначительными холмами спускалось прямо къ Ярославу.

Ярослава въ дыму совершенно не было видно.

Ружейная трескотня стала назойливѣе. Начались перебѣжки. Громыхая, рысью, въ сторону поѣхала батарея и стала на позицію около опушки. Тотчасъ-же, съ какимъ-то ноющимъ звукомъ, какъ бы скрипя, понеслись въ сторону противника снаряды.

Буравя воздухъ, съ грохотомъ разрывались надъ замолчавшими орудіями громадные снаряды гаубичной артиллеріи противника.

— Господи, да, вѣдь, здѣсь нѣмцы!—раздался голосъ офицера, наблюдавшаго въ бинокль.

Остальные офицеры полка, находившагося въ лѣсу, подбѣжали къ крикнувшему.

Въ бинокль было видно, какъ длинныя цѣпи людей въ сѣрыхъ мундирахъ и характерныхъ каскахъ, во весь ростъ бѣгомъ направлялись на замолчавшія батареи.

— Эскадроны къ конямъ!—раздалась команда:—Пулеметы на вьюки!..

Офицеры помчались по своимъ эскадронамъ. Не прошло и минуты, какъ два эскадрона съ пулеметами галопомъ, выскочивъ изъ лѣса, понеслись на флангъ наступающихъ нѣмцевъ.

Съ замираніемъ сердца оставшіеся слѣдили за ушедшими товарищами. Быстро удаляясь, змѣйка эскадроновъ исчезла въ ложбинѣ. Еще минута—и длинная линія спѣшенныхъ уланъ съ винтовками выбѣжала на откосы. Видно было, какъ на рукахъ они тащили пулеметы. И тотчасъ же вся эта длинная линія затянулась чуть замѣтнымъ синеватымъ дымкомъ.

Нѣмецкая пѣхота, не ожидавшая внезапнаго появленія у себя на флангѣ нашей кавалеріи и поражаемая почти въ упоръ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, повернулась и такъ же бѣгомъ, теряя на своемъ пути убитыхъ и раненыхъ, побѣжала обратно. Батарея была спасена. Усиливая панику, неожиданно

надъ нѣмецкими солдатами начала рваться шрапнель артиллеріи. Моментъ — и длинныя цѣпи разбитой нѣмецкой пѣхоты исчезли за склономъ холма. И только цѣлый рядъ труповъ убитыхъ и еще корчившихся раненыхъ указывалъ путь отступленія противника.

Дальше никакого сопротивленія встрѣчено не было. Быстро двигаясь, наши части съ нѣсколькихъ сторонъ подошли къ Ярославу.

Войти въ Ярославъ было трудно. Горѣли громадные склады фуража и продовольствія, подожженные австрійскими и нѣмецкими войсками. Улицы были запружены брошенными повозками и различными предметами снаряженія. Трудно было дышать въ густомъ дыму.

Кое-какъ наши войска прошли линію горѣвшихъ складовъ и остановились на площади. Она была усѣяна разбитой мебелью и разнымъ домашнимъ скарбомъ, выброшеннымъ австрійцами изъ домовъ".

Вслѣдъ за Ярославомъ, подъ натискомъ нашихъ войскъ, пали укрѣпленія у Радымно, находящагося всего въ 15 верстахъ отъ Перемышля. Радымно былъ взятъ настолько молніеносно, что австрійцы не успѣли вывезти изъ него ни одного орудія.

Послѣ этого пали одинъ за другимъ и другіе болѣе или менѣе укрѣпленные пункты: Самборъ, Старое мѣсто, Хырово, чѣмъ окончательно былъ отрѣзанъ Перемышль и отъ Кракова и отъ другихъ центровъ страны. Такимъ образомъ, къ 15 сентября наши войска окончательно вытѣснили австро-германцевъ изо всей восточной Галиціи, на южной границѣ отбросивъ ихъ за Карпаты, а съ запада, почти вплоть до Вислы и притока ея Вислоки, занявъ вскорѣ станцію Дембицу—узелъ желѣзной дороги на Тырновъ, Краковъ,—Сандомиръ, а на югъ—до Карпатъ.

Остатки разбитой арміи лишь послѣ 20 сентября задержались на новой оборонительной линіи укрѣпленій: Краковъ-Ясло. Перемышль-же, первоклассная крѣпость австрійцевъ, съ громаднымъ гарнизономъ около 100 тысячъ человѣкъ и съ укрывшимися въ немъ нѣкоторыми разбитыми подъ Томашовымъ и Гродекомъ отрядами, оказался окруженнымъ желѣзнымъ кольцомъ нашихъ войскъ.

ВТОРЖЕНІЕ НѢМЦЕВЪ въ ПРЕДѢЛЫ РОССІИ изъ ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ

Пограничные бои.

Въ то время, когда на югѣ развертывались галицiйскiя операцiи, куда были притянуты съ обѣихъ сторонъ миллiонныя армiи и когда, вполнѣ естественно, на германскiй фронтъ временно нельзя было удѣлить бо̀льшаго вниманiя, чѣмъ то, которое было возможно по ходу операцiй на югѣ, германцы продолжали перебрасыванiе своихъ войскъ съ запада на востокъ Часть ихъ была направлена въ помощь австрiйцамъ, но главная масса шла въ Восточную Пруссiю, гдѣ наши войска своею доблестью и стремительностью прошли сильно укрѣпленныя линiи и притомъ въ такой короткiй срокъ, который привелъ въ удивленiе всѣхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нарушилъ всѣ комбинацiи и расчеты германскаго генеральнаго штаба.

Поѣзда на востокъ съ войсками шли и шли безостановочно. Германцамъ нужно было, по многимъ причинамъ, въ Восточной Пруссiи сгладить то, что тамъ произошло.

Какъ извѣстно, вслѣдствiе быстраго усиленiя противника на восточномъ фронтѣ, въ 20-хъ числахъ августа армiя генералъ-адъютанта Ренненкампфа прiостановилась на линiи Гердауенъ-Лабiау, а съ 28-го августа, когда ясно обнаружился глубокiй обходъ лѣваго фланга, начался отходъ. Но одновременно, съ цѣлью прiостановки дальнѣйшаго наступленiя германцевъ, наши войска—на нѣкоторыхъ участкахъ—перешли къ активнымъ

дѣйствіямъ, которыя совмѣстно съ воздушной развѣдкой, окончательно выяснили какъ группировку силъ германцевъ, такъ, на сколько возможно, и ихъ численность.

Къ 1-му сентября, послѣ боевъ, дорого стоившихъ непріятелю, наши доблестныя войска, въ полномъ составѣ были выведены изъ труднаго положенія и заняли исходныя позиціи для дальнѣйшихъ операцій.

1-го же сентября, когда нашъ правый флангъ отходилъ изъ Тильзита и Инстербурга, германцы, повидимому, порѣшили преградить путь нашимъ войскамъ изъ Восточной Пруссіи, окруживъ ихъ желѣзнымъ кольцомъ и подвергнувъ обстрѣлу. Они устремились къ Юрбургу и здѣсь предполагали перейти р. Нѣманъ, закрыть пути-дороги на Ковну и ударить по нашимъ отходившимъ войскамъ какъ съ фронта, такъ и съ фланговъ и тыла. Тогда, предполагали они, русскія войска понесутъ тяжелыя потери, лѣвый флангъ арміи генерала Ренненкампфа не получитъ солидной поддержки и они легко справятся съ тѣми силами, которыя были сосредоточены на границѣ Сувалкской губерніи. Этотъ планъ, какъ потомъ оказалось, германцы считали идеальнымъ и вѣрили, что имъ вполнѣ удастся его осуществить. Случилось, однако, иначе. Германцы не только не перешли р. Нѣманъ и не задержали отхода нашего праваго фланга изъ Пруссіи, но еще нашли себѣ могилу тамъ, гдѣ совершенно не думали о ней, не предполагая здѣсь имѣть боя съ русскими войсками и понести весьма тяжелыя потери какъ убитыми, такъ и ранеными.

Наша развѣдка обнаружила непріятеля нѣсколько выше м. Юрбурга. Непріятель двигался по лѣвому берегу Нѣмана, причемъ стремился найти наиболѣе подходящее мѣсто для переправы черезъ рѣку на правый берегъ. Движеніе непріятеля, по стратегическимъ соображеніямъ, нами не задерживалось пока. Наконецъ, громаднѣйшія силы непріятеля подошли къ пункту противъ самаго почти Юрбурга. Здѣсь германцы хотѣли пройти черезъ Нѣманъ на правый берегъ рѣки и выйти на дорогу движенія нашихъ войскъ.

Но вотъ, непріятельскія колонны вошли въ лѣсъ, откуда до облюбованнаго мѣста переправы осталось самое незначительное разстояніе... Нѣмцы уже ликовали, что очутились почти у самой переправы и, разумѣется, тѣшили себя надеждой, что блестяще и безпрепятственно выполнятъ свою задачу. Но они ошиблись въ своихъ расчетахъ и сильно поплатились за свою ошибку.

Наши войска знали о движеніи непріятеля, заняли хорошія позиціи въ этомъ же районѣ и приготовились къ серьезной встрѣчѣ тевтоновъ. Не успѣли нѣмцы показаться изъ лѣса, какъ наша пѣхота открыла по нимъ убійственный огонь изъ-за окоповъ. Съ другой стороны открыла огонь наша полевая артиллерія, сосредоточенная на пригоркѣ, на правомъ берегу Нѣмана, причемъ ея снаряды, благодаря умѣлому руководству стрѣльбой

со стороны хорошаго наблюдательнаго пункта, попадали не только въ самый центръ непріятеля, сильно опустошая его ряды, но и въ задніе ряды его, въ которыхъ произошло явное замѣшательство. На помощь пѣхотѣ и артиллеріи двинулись и пулеметныя команды, направивъ пулеметный огонь въ сферу наибольшаго сосредоточенія непріятеля.

Такимъ образомъ, лѣсъ, въ которомъ очутились главныя силы непріятеля, оказался въ районѣ нашего артиллерійскаго и пулеметнаго огня, гибельно отражавшагося на засѣвшихъ здѣсь непріятельскихъ колоннахъ.

Тогда нѣмцы, собравшись съ духомъ, пустились въ контръатаку и здѣсь нашли свою окончательную гибель: пѣхота, неослабно слѣдившая за дѣйствіями непріятеля, засыпала градомъ убійственныхъ ружейныхъ пуль всякую, выходившую изъ лѣса, непріятельскую часть, нанося ей весьма чувствительный

уронъ. Борьба продолжалась всего лишь нѣсколько часовъ; нашихъ силъ было сравнительно ничтожное количество, но, тѣмъ не менѣе, превосходныя силы непріятеля понесли такія потери, что, въ концѣ концовъ, принуждены были отказаться какъ отъ дальнѣйшей борьбы съ нашими чудо-богатырями, такъ и отъ мысли переправиться черезъ Нѣманъ на правый берегъ рѣки.

Съ большимъ трудомъ продержавшись въ лѣсу нѣкоторое время, нѣмцы должны были отступить отъ выходной линіи лѣса и въ большомъ безпорядкѣ отойти отъ Нѣмана къ русско-прусской границѣ по дорогѣ, усѣянной трупами своихъ офицеровъ и солдатъ.

Въ общемъ, въ этомъ первомъ бою нашихъ войскъ съ непріятелемъ на берегу Нѣмана нѣмцы потеряли убитыми не менѣе 3.000 человѣкъ. Изъ команднаго состава у насъ никто не пострадалъ, тогда какъ въ лѣсу нашли себѣ могилу очень много нѣмецкихъ офицеровъ.

Одновременно съ этимъ наши передовые отряды, наступающіе на Ченстоховъ, столкнулись съ непріятельскими головными отрядами на станціи Рудникахъ, Варшавско-Вѣнской ж. д., въ 16 верстахъ отъ Ченстохова.

Нѣмцы заняли укрѣпленную позицію въ известковыхъ копяхъ подъ Рудниками и открыли по нашему отряду сильный огонь изъ пулеметовъ.

Послѣ первыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ наши войска заняли оборонительную позицію, отвѣчая на выстрѣлы непріятеля. На помощь нашей кавалеріи вскорѣ прибылъ отрядъ артиллеріи съ пулеметами. Завязалась кровопролитная схватка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ,—до 9 ч. вечера.

Нашъ артиллерійскій огонь причинилъ непріятелю значительный уронъ. Наконецъ, наша кавалерія предприняла обходъ непріятеля съ тыла, чѣмъ заставила его очистить позиціи и отступить къ Ченстохову, оставивъ въ окопахъ около 200 убитыхъ и раненыхъ. Отступленіе было прикрыто оставленнымъ на позиціяхъ пулеметомъ, который былъ взятъ нами вмѣстѣ съ командой. Наша кавалерія, преслѣдовавшая непріятеля на значительномъ разстояніи, установила, что нѣмцы добивали своихъ раненыхъ, которыхъ они при отступленіи не могли взять съ собою, такъ какъ не желали, чтобы они попали въ плѣнъ.

Нѣмецкіе разъѣзды появились въ Таурогенѣ, Юрбургѣ и въ имѣніи Лабгира, помѣщика Хрущева.

Подъ мѣст. Средники, Ковенскаго уѣзда, произошло столкновеніе громаднаго нѣмецкаго отряда съ небольшимъ русскимъ отрядомъ, защищавшимъ переправу черезъ Нѣманъ.

Мѣст. Средники стоитъ на сліяніи рѣки Нѣмана съ притокомъ его Дуббисой, одной изъ быстрѣйшихъ рѣкъ Нѣманскаго бассейна.

Несмотря на громадный перевѣсъ нѣмецкихъ силъ надъ русскими, нѣмцы два дня не могли совершить переправы и понесли въ этомъ мѣстѣ громадный уронъ.

„2-го сентября", разсказываетъ очевидецъ этого столкновенія: „подъ вечеръ, мы увидѣли по ту сторону Нѣмана русскія войска. Мы выскочили на улицу и стали присматриваться. Войска шли на Средники. Не прошло и пяти минутъ — какъ раздался первый выстрѣлъ, а потомъ второй, третій—и пошла такая страшная канонада, что жители растерялись и не знали, что дѣлать. Было ясно, что идетъ сраженіе. Нѣкоторые даже успѣли замѣтить, какъ нѣмцы стали выходить изъ-за имѣнія Святошино графини Міончинской.

Я убѣжалъ изъ Средникъ въ числѣ послѣднихъ и поэтому видѣлъ это сраженіе почти до конца. Русскіе спѣшно переправились по сю сторону по четыремъ мостамъ. Артиллерія и пѣхота расположились на горѣ Полоздони и отсюда открыли страшный огонь по непріятелю. Нѣмцы густыми колоннами наступали на мосты, но русскіе встрѣтили вступившихъ на мостъ грудью, и я видѣлъ, какъ приходили люди и таяли... приходили и таяли...

Бой длился до полуночи. Къ страшному грохоту присоединялась безпрерывная молнія. Летитъ снарядъ—не видно, видна только огненная линія, извивающаяся въ воздухѣ, какъ змѣя. Порою видны двѣ молніи—наша и нѣмецкая--скрещивающіяся въ воздухѣ.

По приблизительному подсчету, нѣмцевъ погибло въ рѣкѣ не менѣе 8.000, а по ту сторону Нѣмана, по направленію къ Святошино, лежало до 1.500 неубранныхъ нѣмецкихъ труповъ.

Въ пограничной полосѣ, начиная отъ Юрбурга до Кретингена, ежедневно происходили стычки нѣмецкихъ войскъ съ нашей пограничной стражей. Особенно безпокоили нѣмцевъ наши пограничники подъ мѣст. Горждами и Новое Мѣсто. Нѣмцевъ это обозлило и, организовавъ изъ ландштурма отр довольно значительный по числу, при двухъ пушкахъ, нѣ сдѣлали два набѣга: на Горжды и Новое Мѣсто. Подойд

Горждамъ, они выпустили двѣнадцать снарядовъ. Мишенью они избрали костелъ, башни котораго оказались поврежденными, хотя сбить ихъ имъ все таки не удалось. Самого мѣстечка нѣмцы не тронули, но населеніе разбѣжалось въ паническомъ ужасѣ.

Наступая на Новое Мѣсто, нѣмцы также обстрѣляли колокольни костела и стали бомбардировать центръ мѣсте...а. Несмотря на наличность у нѣмцевъ артиллеріи, пограничная стража вступила съ нѣмцами въ бой и, потерявъ только двухъ убитыми, заставила нѣмецкій отрядъ отступить.

Появились нѣмцы также и въ самомъ Кретингенѣ — и довольно значительнымъ отрядомъ, при двухъ пушкахъ. Раннимъ утромъ жители мѣстечка были разбужены раздававшейся въ окрестностяхъ пушечной и ружейной пальбой. Населеніе испугалось и стало убѣгать. Между тѣмъ, стрѣльба все усиливалась, и надъ мѣстечкомъ стали летать пули и гранаты. Вскорѣ выяснилось, что на самой границѣ, возлѣ Кретингена происходило сраженіе между нашей пограничной стражей и довольно сильнымъ отрядомъ прусаковъ, имѣвшимъ съ собой нѣсколько орудій, но и здѣсь, послѣ почти двухчасового боя, непріятель вынужденъ былъ поспѣшно отступить.

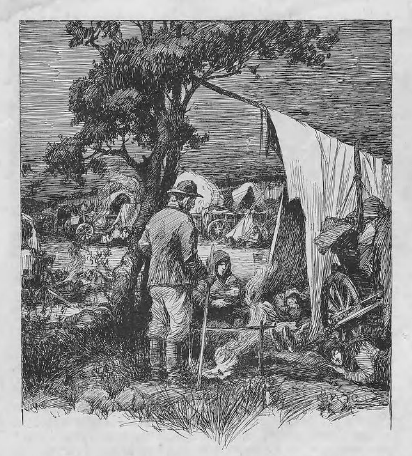
Крупное сраженіе разыгралось только 2-го сентября подъ ...ріамполемъ; бой былъ въ высшей степени ожесточенный. ...тороны нѣмцевъ въ ходъ были пущены тяжелыя орудія. ...ь не менѣе, нѣмцы были отброшены отъ Маріамполя на

15 верстъ къ границѣ, причемъ нами были захвачены четыре нѣмецкихъ орудія. Послѣ этого нѣмцы заняли новыя позиціи, сильно укрѣпились и сосредоточили большія силы. 3-го сентября бой возобновился. Сюда были двинуты и наши подкрѣпленія. Офицеръ, участникъ этого боя, такъ разсказываетъ о немъ:

— Нами былъ полученъ приказъ двинуться впередъ. Всѣ знали, что готовится серьезное, но гдѣ это произойдетъ, когда именно, въ которомъ часу—никому, конечно, не было извѣстно. Наступила ночь. Воздухъ былъ тихъ и прозраченъ. За послѣднія двѣ дождливыя недѣли это была первая хорошая погода. Тихо поднялись наши войска съ бивуака. Ни генералъ-марша, ни сбора не играли. Надо было пройти къ мѣсту назначенія кратчайшимъ путемъ и, притомъ, часть пути сдѣлать какъ разъ мимо нѣмецкихъ секретовъ и аванпостовъ. Переходъ предстоялъ не безопасный, а потому первому дивизіону велѣли каждую минуту быть наготовѣ. Выдѣливъ изъ себя одинъ взводъ въ авангардъ и выславъ передовой и боковые патрули, мы двинулись впередъ. Серпъ луны стоялъ высоко, почти надъ головой. Но влажный серебряный туманъ обволакивалъ ее густой вуалью.

Прошли мимо бѣглецовъ изъ нашихъ пограничныхъ деревень, размѣстившихся таборомъ. Здѣсь мужчины, женщины и дѣти спали въ открытомъ полѣ вокругъ гаснущихъ костериковъ, нисколько, повидимому, не заботясь о томъ, что они

находятся въ сферѣ нѣмецкихъ выстрѣловъ. Послѣ пережитыхъ ужасовъ непріятельскаго нашествія они уже ко всему привыкли и были какъ бы безучастны...

Весь путь былъ совершенъ безъ всякихъ приключеній. На востокѣ уже заалѣла первая полоска разсвѣта, когда путь былъ конченъ. Отступая, нѣмцы предварительно этотъ районъ весьма сильно укрѣпили и сосредоточили здѣсь большія силы. Изъ предварительныхъ нашихъ рекогносцировокъ выяснилось, что на самомъ высокомъ мѣстѣ позиціи нѣмцы построили обширный редутъ съ высокимъ кавальеромъ внутри. Къ востоку отъ него, т. е. въ первую линію къ намъ, находился другой редутъ, меньшихъ размѣровъ. Какъ тотъ, такъ и другой были

окружены цѣлымъ рядомъ передовыхъ окоповъ, вынесенныхъ довольно далеко впередъ. Было ясно, что нѣмцы придавали этой позиціи большую важность и готовили на ней упорное сопротивленіе, — вѣроятно, потому, что позади этой позиціи начинаются шоссе въ Восточную Пруссію.

Артиллерійскій бой съ обѣихъ сторонъ начался въ началѣ девятаго часа. Сосредоточенные залпы нашихъ орудій вскорѣ успѣли настолько ослабить артиллерійскій огонь противника, что уже въ началѣ одиннадцатаго часа было сочтено возможнымъ приступить къ штурму. Но при первомъ нашемъ движеніи — нѣмцы вдругъ открыли такой убійственный огонь, что держаться въ открытомъ полѣ не было никакой возможности. Нѣмцы сыпали неимовѣрную массу разрывныхъ снарядовъ изъ тяжелыхъ орудій и бризантныхъ гранатъ. Пришлось залечь въ различныхъ мѣстныхъ укрытіяхъ и въ такъ называемыхъ мертвыхъ пространствахъ за скатами холмовъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ нашихъ частей успѣли выиграть перебѣжками большое пространство впереди своего фронта. Артиллерія наша продолжала усиленную канонаду со своихъ первоначальныхъ позицій. Изъ резерва были втянуты въ дѣло новыя силы для участія въ предстоящемъ общемъ штурмѣ. Въ ожиданіи ихъ скораго подхода, войскамъ былъ данъ краткій отдыхъ. Къ пяти часамъ всѣ распоряженія къ штурму были уже отданы, нашимъ батареямъ было приказано придвинуться на ближайшее разстояніе, и въ пять часовъ былъ данъ сигналъ къ общему наступленію.

Это было грандіознѣйшее зрѣлище. Грохотали нѣсколько сотъ нашихъ и непріятельскихъ орудій, въ небѣ съ страшнымъ трескомъ и гуломъ то одинъ за другимъ, то одновременно нѣсколько сразу разрывались огромные снаряды-чемоданы, барабаны били „атаку", и наши полки молодецки шли впередъ. Съ неумолкаемыми криками „ура" устремились мы впередъ. Не прошло и получаса, какъ передовые люди уже бѣжали на брустверъ. Еще мгновеніе—и они уже были тамъ, внутри. При звукахъ „атаки" и крикахъ „ура" со всѣхъ сторонъ на брустверъ поднялись и всѣ остальныя штурмующія части и почти одновременно ворвались въ германскіе окопы. Въ нѣсколько минутъ непріятельскіе трупы переполнили рвы, валялись на брустверахъ и внутри укрѣпленій. Въ то же время въ обходъ непріятельскихъ фланговъ была послана кавалерія, и къ утру она охватила не только первую, но и вторую главную линію непріятельскихъ укрѣпленій. Тутъ среди нѣмцевъ произошло замѣшательство: одни изъ нѣмецкихъ офицеровъ, узнавъ объ обхватѣ

ихъ фланговъ, кинулись въ ряды своихъ войскъ, убѣждая солдатъ бѣжать, тогда какъ другіе настойчиво и грозно приказывали стрѣлять. Это, очевидно, была уже настоящая паника, и черезъ нѣсколько времени наше знамя развѣвалось на верхушкѣ взятаго укрѣпленія. Около двадцати тысячъ нѣмцевъ легли на мѣстѣ. Остальные частью бѣжали, частью были взяты въ плѣнъ. Нами было захвачено 4 тяжелыхъ орудія, до пяти тысячъ ружей и множество патроновъ. Тяжелыя германскія орудія такъ глубоко увязли въ глинистую почву, что за цѣлый день работъ удалось вытащить лишь одно орудіе. Намъ достались также 36 автомобилей.

Чтобы судить, до какой степени изобилія доходило у нѣмцевъ снабженіе патронами и снарядами, достаточно сказать, что большіе ящики и коробки, наполненные ими, мы находили повсюду. По всѣмъ ближайшимъ дорогамъ они были растеряны или просыпаны цѣлыми кучами, словно щебень, такъ что двигаться между ними верхомъ было даже не безопасно.

Какъ только штурмъ укрѣпленной позиціи увѣнчался успѣхомъ, наши полки, еще раньше двинутые изъ резерва на шоссе, немедленно окопались траншеями по обѣимъ его сторонамъ, верстахъ въ трехъ впереди взятой нами позиціи, и возвели брустверы для полевыхъ орудій. Такимъ образомъ, къ вечеру вся позиція была еще болѣе обезпечена за нами.

Отступая подъ давленіемъ нашихъ войскъ къ своей границѣ, нѣмцы очищали наши города, до того занятые ими. Послѣ боя подъ Маріамполемъ освободились отъ нѣмецкаго нашествія и Вильковышки. Очень тяжелое впечатлѣніе производятъ разсказы, какъ чувствовало себя населеніе этого города, когда нѣмцы начали наступленіе въ Россію.

Объ отступленіи нашей арміи изъ-подъ Кенигсберга въ Вильковишкахъ ничего не знали. Утромъ показались обозы, но тутъ къ этому привыкли. Обозы ежеминутно приходили въ Вильковышки, нагружались и уходили.

Но вотъ часовъ въ двѣнадцать дня въ Вильковышкахъ показалась артиллерія. Тогда жители узнали, что непріятель близокъ и бросились бѣжать, кто куда могъ.

Къ вечеру 4 сентября нѣмцы очистили Владиславовъ, Вильковышки, Кальварію и Маріамполь. На всемъ фронтѣ обозначился отходъ германскихъ передовыхъ частей до линіи границы. Но, вслѣдъ за этимъ, 7-го сентября германскія войска снова предприняли наступленіе и достигли линіи Шаки, въ сѣверной части Сувалкской губ., Вильковышки-Сувалки; далѣе, значительная группа ихъ сосредоточилась у Лыка, и правое крыло развернулось между Млавой, Плоцкой губерніи, и южной оконечностью Мазурскихъ озеръ. Вторая группа германскихъ войскъ была расположена по линіи Слесинъ-Калишъ—Велюнь-Ченстоховъ. Общее протяженіе линіи германскаго расположенія составляло 460 верстъ, изъ которыхъ 270 верстъ приходилось на сѣверную группу, занимавшую дугу, обращенную фронтомъ на юго-востокъ, а 190 верстъ—на южную группу, вступившую въ соприкосновеніе съ австрійской арміей.

Немного позже, 10 сентября, наши войска отбили попытку германскаго авангарда продвинуться къ востоку въ предѣлахъ Сувалкской губерніи. Въ районѣ же Щучина и Винцента на томъ же фронтѣ происходили удачныя для насъ столкновенія передовыхъ частей. Посадъ Винцентъ лежитъ на самой границѣ Ломжинской губерніи, по линіи между Ломжей и Іоганнисбургомъ. Щучинъ—уѣздный городъ, Ломжинской губерніи, находится въ 17 верстахъ къ юго-западу отъ станціи Граево, вблизи прусской границы. Оба означенные пункта не имѣютъ никакого значенія ни въ тактическомъ, ни въ стратегическомъ

отношеніи, и потому наступленіе на нихъ германскихъ авангардовъ не представляло какой-либо отдѣльной операціи, а являлось лишь указаніемъ на начавшееся движеніе сѣверной группы германскихъ войскъ.

Въ этомъ наступленіи нѣмцы заняли временно оставленные нашими войсками Августовъ, Граево и Сувалки. Въ Августовѣ пруссаки вели себя довольно прилично, въ Граевѣ-же, какъ разсказываетъ побывавшій въ то время тамъ купецъ Х., оказалась совершенно другая обстановка:

Нѣмцы, вступивъ въ городъ, немедленно занялись реквизиціей рѣшительно всѣхъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ, категорически отказавшись платить за нихъ. Солдаты заходили въ частные дома, брали все, что имъ нравилось, и, въ отвѣтъ на робкіе протесты обывателей, угрожали разстрѣломъ. Жителямъ было запрещено выходить вечеромъ на улицу; они сидѣли въ нетопленныхъ домахъ—потому что топливо нѣмцы реквизировали,—голодали, потому что нѣмцы реквизировали все съѣстное, весь хлѣбъ, всю муку...

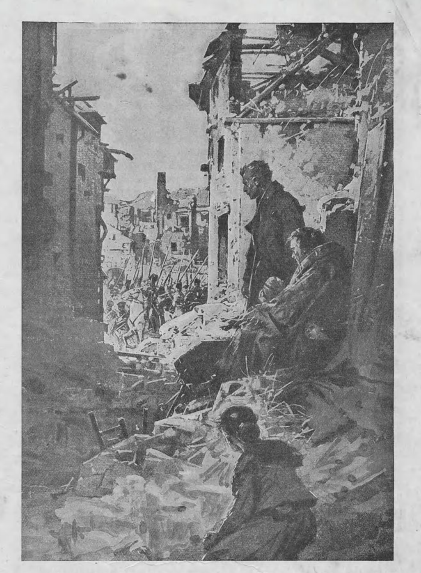
Однако, въ концѣ концовъ, нѣмцы поняли, что нельзя обрекать жителей на голодную смерть, и рѣшили кормить ихъ.

Кормили такъ: по утрамъ жители должны были собираться у квартиры коменданта, и тамъ каждому изъ нихъ выдавали черезъ окно кусокъ хлѣба!..

Шли дни... Жители перемучились, переволновались, притерпѣлись и, дѣйствительно, начали благодарить судьбу за то, что остались живы, за то, что нѣмцы, по крайней мѣрѣ, никого не убиваютъ, ни въ кого не стрѣляютъ... Но и это оказалось преждевременнымъ, ибо вскорѣ здѣсь, какъ и повсюду, куда ступила тевтонская пята, не обошлось безъ кровавыхъ происшествій, послѣ которыхъ безпокойство начало увеличиваться, разрастался тихій, безсильный страхъ... Многіе боялись выйти на улицу и запрещали голоднымъ дѣтямъ кричать и плакать.

Всѣ желанія свелись къ одному: хоть-бы поскорѣй пришли русскія войска!... Но придутъ ли они?... Въ занятый непріятелемъ городъ не проникали никакія извѣстія. А нѣмецкіе солдаты заявили имъ, что русскихъ бьютъ, что русскіе вездѣ отступаютъ...

И вдругъ, когда была потеряна всякая надежда на скорое возвращеніе русскихъ, нѣмецкіе отряды стали спѣшно выступать изъ города на дорогу къ Лыку... Настолько спѣшно, что оставили въ городѣ всѣ реквизированные припасы и часть своихъ повозокъ.

Изнуренные жители вышли изъ своихъ развалинъ... Быстро разнеслось радостное извѣстіе:

— Пришли наши войска! Наши войска вступаютъ въ городъ!.. Дни ужаса кончились...

Сувалки подверглись германскому нашествію 12-го сентября. Здѣсь нѣмцамъ былъ оказанъ самый нелюбезный пріемъ. Казаки, несмотря на огромный численный перевѣсъ непріятеля, осыпали его тучей пуль и оказывали ему сопротивленіе до послѣдней возможности. Но въ концѣ концовъ нѣмцы подавили ихъ своею численностью и, спустя нѣсколько часовъ, арестовали, какъ заложниковъ, нѣсколькихъ видныхъ сувалкскихъ обывателей, имѣвшихъ гражданское мужество остаться въ городѣ: доктора Ноневича, пр. пов. Бялошевича, маіоратнаго владѣльца Ганецкаго, ксендзовъ Балтрушайтиса и Станкевича и коммерсанта Голлендерскаго. Заложникамъ было заявлено, что они на слѣдующій день должны будутъ встрѣтить у городской заставы начальника германскаго оккупаціоннаго отряда генерала Моргена. Картина встрѣчи военнаго губернатора вышла довольно-таки жидкой. Вынужденная депутація отъ Сувалокъ выстроилась въ шеренгу. Лица заложниковъ отнюдь не выражали ни малѣйшаго восторга. Докторъ Ноневичъ съ убитымъ лицомъ выступилъ впередъ и обратился къ Моргену съ просьбой пощадить мирное населеніе несчастнаго города.

Вечеромъ того же дня пруссаки созвали экстренное засѣданіе магистрата и назначили бургомистромъ города Ганецкаго, помощникомъ же его — Бялошевича, а затѣмъ непрошенные гости съ мѣста въ карьеръ начали разбойничье хозяйничанье въ городѣ. Несчастный „бургомистръ“ вѣчно жилъ подъ страхомъ смертной казни. Моргенъ то и дѣло предъявлялъ къ нему различныя требованія и давалъ труднѣйшія порученія. Никакія разумныя убѣжденія, что въ обезлюдѣвшемъ наполовину городѣ нельзя найти достаточныхъ запасовъ муки для того, чтобы испечь тысячи хлѣбовъ, не могли подѣйствовать на крѣпкоголоваго прусскаго генерала, весь лексиконъ котораго въ обращеніи съ жителями Сувалокъ ограничивался жупельными словами:

— „Немедленно доставить“, „разстрѣляю“, „накажу по всей строгости законовъ“.

Когда бургомистръ Ганецкій, кстати сказать, сынъ знаменитаго боевого генерала, отправился къ генералу Моргену съ цѣлью заступиться за двухъ арестованныхъ лицъ, Моргенъ, съ побагровѣвшимъ отъ злости лицомъ, заявилъ ему:

„Вамъ нечего заступаться за другихъ, я вамъ не позволю разыгрывать роль покровителя“. На слѣдующій день злосчастный бургомистръ былъ арестованъ и отправленъ въ Пруссію, а на его мѣсто былъ назначенъ бывшій его помощникъ г. Бялошевичъ.

На первыхъ порахъ германцы расплачивались за все бонами и размѣнной монетой. Но ими былъ установленъ столь низкій курсъ рубля и такая смѣхотворная такса, что мѣстное населеніе, собственно говоря, вынуждено было отдавать имъ все за безцѣнокъ. Огромные запасы сѣна и овса непрерывно вывозились въ Берлинъ. Съ каждымъ днемъ въ Сувалки прибывали все новые и новые германскіе полки. Случаи насилій надъ обывателями все больше и больше учащались, и только благодаря энергіи гражданской милиціи въ Сувалкахъ не разыгралась жестокая катастрофа.

Реквизицію, по приказанію нѣмецкаго губернатора, производили бабы, понаѣхавшія на подводахъ изъ пограничныхъ мѣстъ Восточной Пруссіи. Попутно съ пищевыми продуктами

благородныя нѣмецкія дамы забирали изъ квартиръ и домашнюю обстановку, и бѣлье, и посуду. Это открытое мародерство подъ видомъ реквизиціи пищевыхъ продуктовъ продолжалось въ теченіе всего времени пребыванія нѣмцевъ въ Сувалкахъ. А подъ конецъ ими былъ показанъ верхъ издѣвательства и цинизма: былъ отданъ приказъ привлечь къ реквизиціи „пищевыхъ продуктовъ" и мѣстное населеніе. Пруссаки согнали со всѣхъ концовъ города и изъ окрестныхъ деревень мужиковъ и заставили ихъ грабить дома своихъ же русскихъ. Все награбленное складывалось на подводы и отвозилось въ Германію—„Nach Vaterland"...

Помимо этой „реквизиціи пищевыхъ продуктовъ", которая была поручена нѣмецкимъ бабамъ и окрестнымъ крестьянамъ, все время производился еще и открытый грабежъ частныхъ и казенныхъ помѣщеній. У нѣмцевъ былъ составленъ списокъ всѣхъ лицъ, состоящихъ на русской государственной службѣ: чиновниковъ, офицеровъ и т. д., и въ квартирахъ этихъ лицъ было приказано произвести „реквизицію движимости". Ландштурмисты, отобравъ подводы у мѣстнаго населенія, приступили къ грабежу частныхъ квартиръ и казенныхъ зданій. Грабилось все, что только можно было свезти на подводѣ,—начиная съ шубъ, верхняго платья, бѣлья, кроватей, посуды и кончая мебелью, дѣтскими игрушками, альбомами, пепельницами, занавѣсями, лампами, зеркалами, часами, коврами и пр. Все это конфисковалось, видимо, въ пользу казны, такъ какъ свозилось на казенныхъ подводахъ и наблюденіе за этой реквизиціей-грабежомъ лежало на военномъ комендантѣ.

Комендантъ ревниво оберегалъ интересы казны и строго слѣдилъ, чтобы предметы реквизиціи не попадали вмѣсто казенныхъ подводъ въ карманы ландштурмистовъ и въ повозки милыхъ дамъ, которымъ была поручена „реквизиція пищевыхъ продуктовъ".

Такъ двѣ бабы, имѣвшія неосторожность проѣхать съ подводой, нагруженной „пищевыми продуктами", въ родѣ швейныхъ машинъ, одѣялъ, зеркалъ и стульевъ,—мимо квартиры коменданта, были остановлены и должны были возвратить конфискованное на мѣсто. Впрочемъ, вслѣдъ за ними были посланы казенныя подводы, на которыя и погрузили отнятое у мародеровъ...

Во время пребыванія нѣмцевъ въ Сувалкахъ было нѣсколько случаевъ разстрѣла солдатъ-мародеровъ. Впрочемъ, нижніе чины были наказаны своимъ начальствомъ, главнымъ

образомъ, за то, что „не по чину брали", лишая своихъ начальниковъ ихъ пая: офицеры по части грабежа не отставали отъ бабъ и нижнихъ чиновъ. Тѣ квартиры, гдѣ жили офицеры германской арміи, послѣ ихъ ухода совершенно опустѣли.

Для болѣе успѣшнаго грабежа многіе офицеры вызвали изъ Пруссіи своихъ женъ, которыя своими практическими совѣтами способствовали болѣе цѣлесообразному и дѣйствительному грабежу, называемому нѣмцами „реквизиціей".

Бои на Нѣманѣ.

Сопоцкинъ. Друскеники.

12-го сентября завязался также горячій бой на линіи Сопоцкинъ—Друскеники.

Мѣстечко Сопоцкинъ находится на шоссе Гродно-Сувалки. Здѣсь на удобныхъ позиціяхъ было заранѣе рѣшено остановить наступленіе германцевъ, медленно и осторожно надвигавшихся отъ Сувалокъ.

„Ихъ осторожность",—разсказываетъ участникъ боя у Сопоцкина,—„вполнѣ понятна. Мѣстность между Гродно, Августовымъ и Сувалками представляетъ огромныя трудности для наступающаго. Между городами идетъ хорошее шоссе, но по сторонамъ его мѣстность трудно проходима: пески, заросшіе соснякомъ, многочисленныя рѣки и озера, безконечныя болота, среди которыхъ тянутся расхлябанныя проселочныя дороги; между рѣдкими деревьями и мѣстечками цѣпи холмовъ, дающія отличные опорные пункты.

Уже нѣсколько дней чувствовалась близость наступающихъ германцевъ. Все чаще и чаще появлялись ихъ аэропланы, огибавшіе на громадной высотѣ наши биваки. Усиленно сновали казачьи разъѣзды, приносившіе вѣсти о близости непріятель-

скихъ отрядовъ. 10-го сентября казаки поймали 6 германскихъ развѣдчиковъ-самокатчиковъ. Какая-то бодрая серьезность накоплялась всюду—и всѣ до послѣдняго солдата уже знали, что врагъ близокъ.

Съ утра 12-го сентября пошелъ дождь. Въ холодномъ сѣромъ разсвѣтѣ передвигались наши части, тихо катилась артиллерія, носились штабные автомобили. Въ это утро мало говорили и совсѣмъ не шутили. Со стороны Друскеникъ уже гремѣли пушки, а у насъ было тихо. И въ напряженномъ ожиданіи тянулись минуты. Казалось, что напрасно тратится золотое время, что нельзя ждать, притаившись, нельзя лежать въ окопахъ: нужно броситься впередъ, туда, гдѣ за сѣткой дождя, за темной полосой лѣса таится врагъ.

Послѣ долгаго тревожнаго ожиданія загремѣла впереди ружейная перестрѣлка: то непріятель натолкнулся на нашъ авангардъ.

Медленно разгорался бой, и къ полудню только загрохотала безпрерывная канонада. Ухо рѣзко различало буханье тяжелой германской артиллеріи. Несмотря на неудобства мѣстности, они доставили сюда нѣсколько тяжелыхъ батарей и открыли частый, но къ счастью безплодный огонь! Ихъ разрывные снаряды покрыли широкими воронками болотистый лугъ между деревнями Чертыжъ и Новинки, скатъ высокихъ холмовъ подъ д. Чертыжъ, гдѣ особенно свирѣпствовала канонада.

Германцы замѣтно выжидали результатовъ убійственнаго огня своей тяжелой артиллеріи и медлили съ атакой. Наши не теряли времени, неустанно подвигались впередъ, и уже къ вечеру 12-го сентября опредѣлилась дѣйствительность нашихъ атакъ и слабая стойкость, несмотря на сильный огонь нѣмецкихъ отрядовъ. Ночь прошла спокойно, хотя еще долго урчали гдѣ-то орудія, и трещала, замирая, ружейная перестрѣлка. Передъ фронтомъ германцевъ горѣла деревня Новинки, подожженная ихъ снарядами...

Второй день боя снова ознаменовался дѣйствительностью нашихъ атакъ, выбившихъ германцевъ изъ ряда сильныхъ позицій. Ихъ артиллерія замолчала, и къ вечеру ясно обозначилось отступленіе.

Со временемъ, когда раскрыта будетъ численность дѣйствовавшихъ тамъ русскихъ войскъ—Россія узнаетъ о подвигахъ славныхъ русскихъ полковъ, оказавшихся на высотѣ своей задачи! Какъ бы ни была могуча и смертоносна нѣмецкая артиллерія—все же, передъ могучимъ порывомъ нашихъ войскъ, нѣмцы не въ силахъ устоять!..

— Мы въ бою не смотримъ на потери! Мы побѣждать пришли, а не здоровье беречь!...—говорили солдаты.

То былъ вечеръ побѣднаго дня. Всѣ устали, голодны, но намъ было весело. Улыбались и раненые, увозимые въ крестьянскихъ фурахъ въ тылъ. Завтра снова въ бой, завтра—въ тѣ лѣса, что таятъ отступившія германскія силы!..

Дождь не переставалъ ни на минуту и ночью. Сосны шумѣли подъ вѣтромъ. А возбужденная мысль уносилась назадъ, на родину, въ дома, гдѣ думали о насъ близкіе, и хотѣлось только одного—чтобы они скорѣе узнали о нашей побѣдѣ, о томъ, какъ поддержали мы славу своего знамени...

Пусть они не тревожатся за насъ: мы горды и счастливы!..“

Мѣстечко Друскеники, Гродненской губерніи, извѣстно какъ курортъ съ минеральнымъ источникомъ, куда лѣтомъ обычно съѣзжалось значительное количество больныхъ; расположено оно на берегу Нѣмана при соединеніи Гродненской, Ковенской и Сувалкской губерній, въ 17 верстахъ отъ линіи желѣзной дороги Петроградъ—Варшава. Сопоцкинъ, Сувалкской губерніи, лежитъ къ юго-западу отъ Друскеникъ, въ 28 верстахъ отъ нихъ и въ 25 верстахъ отъ Гродно. Мѣстность, лежащая передъ правымъ флангомъ этой линіи, по которой приходилось продвигаться германскимъ войскамъ, испещрена озерами и пересѣкается рѣкой Бѣлой, препятствовавшей движенію артиллеріи. Лѣвый флангъ болѣе доступенъ, но у Сопоцкина имѣется рядъ командующихъ высотъ.

Германская армія, повидимому, выбрала для своего наступленія въ обходъ нашего фланга путь между этими двумя пунктами, ввиду того, что во всѣхъ другихъ направленіяхъ она встрѣтилась съ рядомъ естественныхъ препятствій. Но и въ

этомъ направленіи ей приходилось, вѣроятно, преодолѣвать довольно трудные барьеры, въ видѣ цѣлаго ряда озеръ, съ узкими перешейками и глубокихъ песковъ. При своемъ движеніи къ указанному фронту, они могли пользоваться только однимъ шоссе Сейны—Сопоцкинъ и тремя грунтовыми дорогами, идущими тоже черезъ Сейны.

Попытки германцевъ переправиться черезъ Нѣманъ у Друскеникъ были отражены нашимъ огнемъ. Еще 10 сентября послѣдніе эшелоны арміи генерала Ренненкампфа переправились на правый берегъ Нѣмана.

Въ четвергъ вечеромъ подошли къ рѣкѣ передовые отряды нѣмцевъ. 12-го сентября нѣмецкія войска начали наводить понтонные мосты. Казалось, что все благопріятствовало нѣмцамъ. Вдругъ загрохотало. Это наша артиллерія, спрятанная и замаскированная на правомъ берегу Нѣмана, открыла огонь. Русская артиллерія буквально засыпала нѣмцевъ шрапнелью, и они были сметены. Однако, сраженіе продолжалось до шести часовъ вечера. Неоднократно, поддержанная своею артиллеріей, нѣмецкая пѣхота пыталась перейти на другой берегъ и каждый разъ терпѣла тяжелое пораженіе: ни одинъ изъ пруссаковъ не возвращался назадъ! Мертвыя тѣла ихъ скатывались въ мутныя воды Нѣмана. Въ исходѣ 6-го часа нѣмцы сдѣлали послѣднюю попытку переправиться черезъ Нѣманъ.

Пѣхота густыми рядами двинулась къ понтоннымъ мостамъ. Однако, и на этотъ разъ они были сметены страшнымъ огнемъ пулеметовъ, а къ вечеру одна за другой, благодаря мѣткости нашего огня, начали замолкать батареи противника.

Нѣмцы поспѣшно отошли на 12 вер., преслѣдуемые казачьими отрядами, которые воспользовались наведенными нѣмцами понтонными мостами, чтобы броситься на непріятеля.

По словамъ участниковъ этого боя, самая сильная канонада происходила въ пятницу, 12 сентября, между 3—7 часами пополудни. Нѣмцы изъ осадныхъ орудій обстрѣливали наши позиціи, но наша артиллерія отвѣчала убійственнымъ огнемъ, державшимъ непріятеля на почтительномъ разстояніи, и неоднократныя отчаянныя попытки нѣмцевъ форсировать Нѣманъ каждый разъ оканчивались неудачей.

Въ одномъ мѣстѣ они, пользуясь туманомъ и темнотой ночи, стали было наводить мостъ, но были быстро обнаружены и сбиты въ воду. Потери нѣмцевъ здѣсь были колоссальны. Нѣманъ былъ заваленъ трупами. Густыми черными массами плыли они по направленію къ Олитѣ. Часть ихъ вылавливалась,

остальнымъ, очевидно, было суждено вернуться черезъ Ковно въ родной Мемель...

Мирное населеніе курорта Друскеникъ при первыхъ звукахъ выстрѣловъ пустилось бѣжать къ ближайшей желѣзнодорожной станціи—Порѣчью. Нѣкоторые были застигнуты по дорогѣ вражескими пулями, въ нѣсколькихъ телѣжкахъ были убиты лошади. Часть-же жителей спряталась въ погребахъ, но это не всѣхъ ихъ спасло.

Изъ зданій сильно пострадалъ строившійся костелъ, уничтожена синагога, сгорѣло около 50 домовъ. Курзалъ разрушенъ, но источники и ванныя помѣщенія невредимы. Дачный лѣсъ наполовину выгорѣлъ.

Весь день 17 сентября бой происходилъ при свѣтѣ пожаровъ. Вся окрестность была окутана дымомъ. Къ ночи пальба прекратилась, непріятель былъ отброшенъ далеко за Сопоцкинъ. Къ понедѣльнику пожаръ былъ окончательно прекращенъ, и населеніе начало постепенно возвращаться. По скромному подсчету нѣмцы потеряли въ бояхъ подъ Друскениками не менѣе 20.000 человѣкъ убитыми и ранеными. Наши потери были незначительны.

Бѣглецы изъ Друскеникъ разсказываютъ объ обстрѣлѣ ѣстечка нѣмцами слѣдующее:

Въ пятницу, 12 сентября, нѣмцы стали усиленно бомбардировать мѣстечко съ противоположнаго берега Нѣмана. Первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ по костелу. Сбивъ крестъ, нѣмцы осыпали костелъ со всѣхъ сторонъ градомъ артиллерійскихъ снарядовъ и ружейныхъ пуль. Вскорѣ костелъ загорѣлся. Послѣ этого загорѣлись еще рядъ дачъ, и пальба прекратилась.

Населеніе всполошилось. Началась паника. Наскоро захвативъ самое необходимое, жители бросились на станцію. Къ сожалѣнію, не для всѣхъ хватило мѣстъ въ вагонахъ, и большинство вынуждено было отправиться пѣшкомъ по дорогѣ, ведущей къ ст. Порѣчье, расположенной въ 17 верстахъ отъ Друскеникъ. Не успѣли бѣглецы отойти отъ мѣстечка 3 версты, какъ стрѣльба возобновилась, при чемъ нѣкоторые артиллерійскіе снаряды падали вблизи нихъ. Лишь къ утру добрались бѣглецы до Порѣчья, откуда поѣздомъ прибыли въ Вильну.

Мѣстечко Друскеники тогда совершенно опустѣло. Дома были брошены на произволъ судьбы. Въ мѣстечкѣ, насчитывавшемъ 2.000 населенія, не осталось ни одного человѣка.

Во время попытокъ нѣмцевъ переправиться черезъ Нѣманъ двѣ ихъ дивизіи были совершенно разбиты и двѣ – сильно пострадали.

Надеждъ на переправу у нѣмцевъ не было уже никакихъ. Тѣмъ не менѣе, у мѣстечка Мstation, Трокскаго уѣзда, нѣмцамъ удалось втайнѣ переправить на ту сторону Нѣмана цѣлый баталіонъ. Наши войска замѣтили это и немедленно атаковали переправившуюся колонну и въ то же время приняли мѣры, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшей переправѣ. Въ результатѣ—600 убитыхъ и раненыхъ изъ числа переправившихся...

14 сентября германцы, однако, снова сдѣлали попытку переправы черезъ Нѣманъ, вызвавъ этимъ ожесточенный отпоръ со стороны нашихъ войскъ. Бой происходилъ въ то время, когда на всемъ пространствѣ сѣверо-запада шли почти непрерывные дожди, когда дулъ сильный вѣтеръ и по ночамъ было такъ холодно, какъ не бываетъ иногда и зимою.

Противъ нашихъ войскъ на лѣвомъ берегу Нѣмана германцы сосредоточили свои главныя силы восточной Пруссіи, подкрѣпленныя нѣкоторыми частями, переброшенными сюда частью съ французскаго театра войны, частью съ бельгійскаго.

Всѣхъ нѣмцевъ въ данномъ районѣ было не менѣе трехъ регулярныхъ корпусовъ, при 19-ти тяжелыхъ орудіяхъ, 144

орудіяхъ легкихъ и огромнѣйшемъ количествѣ пулеметовъ на автомобиляхъ. Но, несмотря на столь значительныя силы, и эта попытка нѣмцевъ окончилась для нихъ неудачей. Очевидецъ такъ разсказываетъ объ этомъ боѣ:

„Наши части, занимавшія окопы на самомъ берегу Нѣмана, глубоко въ сыпучемъ пескѣ, насторожились. Непріятель помѣстилъ свои батареи на противоположномъ берегу Нѣмана, на горкѣ, близъ имѣнія „Лѣсное", откуда Друскеники были видны, какъ на ладони. У „него" было не менѣе сорока орудій.

Съ воемъ примчалась первая шрапнель, пущенная въ наши войска, но давшая перелетъ: она ударила въ зданіе почты и разворотила стѣну. Зазвенѣли стекла, прекратилась работа телеграфа.

Тѣмъ временемъ на Нѣманѣ показалась нѣмецкая пѣхота. Ея пулеметный огонь былъ убійственenъ, но онъ скоро прекратился: вся прислуга была перебита, всѣ пулеметы снесены нашей артиллеріей, которой было немного, но которая била мѣтко. Въ 7 часовъ утра въ мѣстечкѣ Друскеникахъ, въ его прекрасномъ паркѣ и на его тихихъ, чистыхъ улицахъ былъ настоящій адъ.

Курортный курзалъ, гостиница и двѣ большія частныя гостиницы сгорѣли до тла. Сгорѣли зданіе полиціи и винная лавка, спиртъ разлился и горѣлъ синимъ пламенемъ.

Улицы были усыпаны осколками и неразорвавшимися снарядами, среди которыхъ ходили съ опаской. Повсюду зіяли страшныя воронки отъ снарядовъ. По обыкновенію, нѣмцы раньше всего обстрѣляли храмы. Четырнадцать гранатъ упало возлѣ костела, но лишь одна граната пробила брешь въ стѣнѣ. Въ православной церкви алтарь былъ пронизанъ шрапнельными пулями.

Жители бѣжали раньше. Но изъ оставшихся были убиты двѣ женщины, одинъ старикъ и два мальчика. Мѣстный фельдшеръ умеръ отъ разрыва сердца.

До 50 домовъ пылало. Вокругъ было ужасное, неописуемое разрушеніе. Груды желѣза и кирпичей, обломки мебели, роялей, автомобилей засыпали улицы. Жалобно выли собаки. Бродили, мяукая, бездомныя кошки. Три пятыхъ Друскеникъ было уничтожено".

Въ ночь съ 14-го на 15-е непріятель передвинулся сѣвернѣе и пытался навести понтонный мостъ у селенія Ротница. Нужно было выжидать. Когда часть моста была построена и на нее взошли нѣмецкія войска, чтобы сѣсть на брезентныя лодки, — артиллерія наша перенесла прицѣлъ и ахнула по мосту.

Все на томъ берегу превратилось въ кашу. Трупы нѣмцевъ поплыли по Нѣману. Густыя колонны непріятеля стремительно повернули назадъ. За ними повернулись и наши мортиры и гаубицы, искусно скрытыя въ лѣсу, и начали бить по нѣмецкимъ цѣпямъ. Простымъ глазомъ видно было, какъ таяли роты. Отступленіе превратилось въ безпорядочное бѣгство...

15-го нѣмцы, подъ натискомъ нашихъ войскъ, покинули дальнія позиціи. Но отступая еще разъ бомбардировали несчастный городъ.

Интересно, что и тутъ нѣмцы пользовались шпіонами. Передъ бомбардировкой вдругъ раздался протяжный фабричный гудокъ друскеникской паровой мельницы, точно сзывая на работу. А работы давно не было. Это дѣйствовалъ машинистъ, германскій подданный. Онъ былъ высланъ, уѣхалъ въ Германію, но вернулся тайкомъ и сигнализировалъ своимъ. Съ нимъ было поступлено по законамъ военнаго времени...

Отступая, нѣмцы бросили полевой телефонъ и два орудія, которыя заклепали.

Послѣ боевъ выяснилось, что наши потери, несмотря на убійственную бомбардировку, были очень не велики. Объясняется это тѣмъ, что нѣмцы стрѣляли больше всего по мирному городку, думая вызвать панику. Но паники не было, такъ какъ, благодаря распоряженію властей, жители были удалены заблаговременно.

Участникъ этого сраженія разсказываетъ о нѣкоторыхъ эпизодахъ боя подъ Друскениками, гдѣ нѣмцы пытались прорваться сквозь нашу линію:

„Бомбардировка мѣстечка рѣшительно ни для чего не была нужна. Это—одинъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ нѣмцы въ войнѣ примѣнили свой разбойничій методъ. Разрушить церковь, сжечь нѣсколько десятковъ домовъ, перебить нѣсколько

сотъ мирныхъ жителей,—стариковъ, женщинъ и дѣтей,—вотъ задача этой бомбардировки. Эту задачу они и выполнили.

Но главная задача—переходъ черезъ Нѣманъ—имъ, конечно, не удалась, несмотря на большія жертвы, на замѣтныя потери. Если-же это наступленіе—была только демонстрація, желаніе отвлечь насъ отъ стремительнаго натиска въ Галиціи, то это — безуміе.

Непріятельская артиллерія сыпала снаряды всегда непрерывнымъ потокомъ, какъ бы желая преградить намъ всѣ пути. Но насъ они не устрашали: медленная, методичная, „нащупывающая" канонада куда больше дѣйствуетъ на нервы. Тамъ чувствуешь, что если ужъ стрѣляютъ — значитъ, берегись, есть опасность, ни одинъ снарядъ даромъ не упадетъ...

Или вотъ еще пріемъ — бѣлый флагъ. Въ началѣ войны на эту хитрость нѣмцы ловили насъ, а теперь они вызываютъ лишь смѣхъ и негодованіе солдатъ.

„Ого! Бѣлый флагъ выкинули!"—говорятъ солдаты,—„значитъ, сейчасъ изъ пулемета жарить будутъ"...

Такъ оно и было. Противъ нашего батальона нѣмцы выбросили бѣлый флагъ. У насъ въ отвѣтъ произошло какъ бы движеніе. Это мы на хитрость хитростью отвѣчали. У нихъ солдаты стали въ рядъ и подняли руки. Наши сдѣлали нѣсколько шаговъ, и моментально—команда: „Ложись!" Мы легли въ тотъ моментъ, когда всѣ нѣмцы вдругъ исчезли, а вмѣсто нихъ появились направленные въ насъ пулеметы. Но и у насъ были приготовлены пулеметы. И вотъ—подъ бѣлымъ флагомъ шелъ бой. Зато, когда наши дорвались до окоповъ—батюшки

мои, что тамъ было! Ни одного нѣмца не осталось въ живыхъ. Вотъ вамъ и бѣлый флагъ! Вотъ вамъ и священный обычай войны!..“

Посѣтившій поля сраженій на Нѣманѣ и Друскеники одинъ изъ военныхъ корреспондентовъ описываетъ опустошеніе и разрушеніе этого мѣстечка:

„Слѣды сраженія видны были всюду. Почти весь лѣсъ былъ изрытъ окопами, около которыхъ валялись гильзы, патроны и коробки отъ нихъ, осколки снарядовъ, перевязочные матеріалы, окровавленные куски ваты.

Съ трудомъ одолѣвая пески, мы медленно приближались къ Друскеникамъ. Маленькій ручеекъ пришлось перейти пѣшкомъ, очутившись по щиколотку въ водѣ. Почти всю дорогу ординарецъ разсказывалъ объ отдѣльныхъ моментахъ послѣднихъ боевъ:

— А вотъ и мельница!—указалъ онъ намъ на выросшее неожиданно передъ нами огромное прекрасно оборудованное зданіе:—Она принадлежитъ нѣмцу. Велъ онъ себя, какъ передаютъ жители, довольно подозрительно. Зачастую пропадалъ на цѣлыя недѣли. Передъ бомбардировкой Друскеникъ его долго не было. Совершенно неожиданно нѣмецъ объявился и велѣлъ затопить печи. И вотъ—съ мельницы раздался свистокъ, который оказался сигналомъ для находившихся на лѣвомъ берегу Нѣмана нѣмцевъ. Услышавъ сигнальный свистокъ, они тотчасъ-же начали обстрѣлъ Друскеникъ. Нѣмца поймать не удалось, но механика его словили и разстрѣляли... Вотъ на той полянкѣ...

Отъ времени до времени мы встрѣчали группы солдатъ. Уже почти стемнѣло, когда мы, наконецъ, добрались до Друскеникъ. Мы отправились по улицамъ курорта, и передъ нами раскрылась тяжелая картина разрушенія. Большинство домовъ въ центрѣ курорта было совершенно разрушено. Кое-гдѣ пепе-

лища еще тлѣли. Совершенно случайно среди цѣлаго ряда разрушенныхъ домовъ улицы уцѣлѣла лишь одна стѣна, на которой нелѣпо болталась витрина фотографа.

Проѣхала полковая передвижная кухня, въ которой везли солдатамъ ужинъ. Мы пропустили ее впередъ и отправились дальше по улицамъ разрушеннаго курорта. Роль кучера принялъ на себя мѣстный городовой, но онъ съ большимъ трудомъ узнавалъ мѣста, на которыхъ прожилъ много лѣтъ подрядъ. Одна за другой мелькали передъ нами улицы городка, и все шире и шире раскрывалась картина разрушенія. Кое-гдѣ подальше отъ Нѣмана нѣкоторые дома уцѣлѣли, и въ нихъ размѣстились офицеры и нижніе чины. Дальше пошли развалины, цѣлыя груды камней, мусора, пепла, среди которыхъ странно торчали исковерканные и изогнутые кровати, велосипеды, несгораемые шкафы, желѣзныя ограды. Во многихъ мѣстахъ развалины еще тлѣли—результатъ дѣйствія фугасныхъ снарядовъ... На одной изъ улицъ мы остановились у дерева гигантской толщины. Въ него попалъ снарядъ, и его точно топоромъ снесло наполовину. Огромное дерево спасло отъ разрушенія домъ -- пострадалъ лишь уголъ стеклянной веранды: упалъ шкафъ, безпомощно повисла картина на стѣнѣ; лампа, висѣвшая посрединѣ потолка, осталась висѣть на своемъ мѣстѣ.

Въ общемъ было разрушено и сгорѣло больше половины домовъ курорта, вмѣстѣ съ курзаломъ и курортной гостиницей. Почти не осталось дома, на которомъ не было-бы видно слѣдовъ обстрѣла. Впечатлѣніе разгрома было самое тяжелое, безотрадное...

Въ покинутыхъ жителями домахъ еще валялись неубранные трупы жертвъ нѣмецкаго звѣрства. Захвативъ съ собой по свѣчѣ, мы безшумно открыли тяжелую парадную дверь одного дома и вошли. Не успѣли мы сдѣлать двухъ шаговъ, какъ почувствовали подъ ногами нѣчто тяжелое и грузное. Мы высоко подняли свѣчи и освѣтили лѣстницу. Подъ ней лежало три трупа—двѣ женщины и одинъ мужчина. Оголенная нога одной изъ женщинъ была сломана и какъ-то криво откинута въ сторону; другая женщина лежала съ перебитой рукой. Посрединѣ покоился трупъ мужчины; шапка у него была надвинута на одинъ глазъ; оскаливъ зубы, вперивъ на насъ свой единственный стеклянный глазъ, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, знающаго какую-то кошмарную тайну, ревниво ее оберегающаго и, казалось, хитро намъ улыбался"...

Осовецъ.

Начавшійся 12-го сентября бой сѣверной германской группы съ нашими войсками къ западу отъ Нѣмана, на фронтѣ Сопоцкинъ-Друскеники — 13-го закончился отступленіемъ германцевъ. Попытки ихъ перейти Нѣманъ у Друскеникъ были нами отбиты у Сопоцкина; наши войска перешли въ наступленіе и отразили германцевъ.

Въ топографическомъ отношеніи вся юго-восточная часть Сувалкской губерніи, по которой приходилось отступать германскимъ войскамъ, представляетъ изсѣченную озерную область, напоминающую Восточную Пруссію съ ея Мазурскими озерами, съ той лишь разницей, что въ Сувалкской губерніи озеръ значительно больше, и они не такъ велики. Дефилэ между озерами имѣютъ общее направленіе съ сѣвера на югъ, за исключеніемъ группы Августовскихъ озеръ, расположенныхъ въ направленіи съ востока на западъ. Къ юго-западу отъ Августовскихъ озеръ начинаются болота, по которымъ протекаетъ рѣка Бобръ.

Въ силу указанныхъ топографическихъ условій, германскимъ войскамъ приходилось отступать между двухъ озеръ, образующихъ дефилэ, фланкирующія германскія колонны. Затѣмъ единственно удобный путь отступленія лежалъ на сѣверо-западъ отъ Сопоцкина въ направленіи на Сейны-Сувалки, куда тянутся и всѣ дороги, имѣя лѣвый флангъ обращеннымъ къ Друскеникамъ.

Отступленіе здѣсь представлялось для нѣмцевъ чрезвычайно труднымъ и опаснымъ. Отступленіе-же на юго-западъ, къ линіи желѣзной дороги Гродно-Сувалки, было-бы еще опаснѣе, такъ какъ въ этомъ случаѣ наши силы, дѣйствуя съ тыла, угрожали бы отступающимъ загнать ихъ въ болота, да къ тому-же всѣ дороги идутъ не въ этомъ направленіи, а перпендикулярно къ нему; кромѣ того, въ этомъ направленіи германскимъ силамъ пришлось бы переходить лежащія на пути рѣки Черную, Нетту съ Августовскимъ каналомъ и Ленкъ.

Единственная выгода такого движенія заключалась въ томъ, что отступающія войска могли-бы соединиться съ войсками, подошедшими съ сѣвера къ крѣпости Осовцу и вступившими съ ней въ артиллерійскій бой.

Крѣпость Осовецъ лежитъ на линіи желѣзной дороги Бѣлостокъ-Граево, въ 26 верстахъ отъ германской границы, и прикрываетъ желѣзнодорожный мостъ на рѣкѣ Бобръ.

Германскимъ войскамъ, наступавшимъ со стороны Лыка, пришлось вступить въ бой съ Осовцомъ, ввиду невозможности обхода его по топографическимъ условіямъ, такъ какъ вся прилегающая мѣстность представляетъ изъ себя сплошное болото, поросшее сосновымъ лѣсомъ и лишенное всякихъ дорогъ. У Осовца имѣется единственная переправа—черезъ рѣку Бобръ, которую и прикрываетъ эта крѣпость.

Крѣпость Осовецъ съ честью перенесла испытаніе и заслужила неувядаемую славу. Уже нѣсколько дней нѣмцы усиленно стягивали свою артиллерію праваго фланга къ Осовцу, лежащему всего въ 22 верстахъ отъ границы. Для этого ими была даже перешита колея желѣзной дороги до Граева.

По слухамъ, Вильгельмъ самъ пріѣзжалъ въ Граево и, обратясь къ своимъ войскамъ съ привѣтствіемъ, приказалъ имъ взять Осовецъ въ три дня.

Германцы заняли позиціи противъ сѣвернаго фронта крѣпости, приблизительно, верстахъ въ 10 отъ ея фортовъ. Первый выстрѣлъ по зарѣчному форту раздался около полудня въ пятницу 12 сентября, и съ тѣхъ поръ, не переставая, германцы, обстрѣливали крѣпость въ субботу, воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ, — днемъ и ночью. Осовецъ и его окрестности на нѣсколько верстъ были буквально завалены громаднымъ количествомъ снарядовъ. По приблизительному подсчету, германская артиллерія выкинула 35—40 тысячъ снарядовъ.

Надъ крѣпостью нависла туча дыма, которая не разсѣивалась нѣсколько дней и скрывала Осовецъ отъ взоровъ толпы, наблюдавшей изъ Довнаръ.

Грохотъ стоялъ ужасный. Шрапнель, выбрасываемая нѣмцами въ громадномъ количествѣ, разрывалась въ воздухѣ, осыпая гарнизонъ своей убійственной начинкой сверху. Фугасные и бризантные снаряды потрясали землю, и отбрасывали свои осколки назадъ. Носа нельзя было показать изъ бетоновъ безъ риску быть моментально убитымъ.

Артиллерійскіе офицеры на наблюдательныхъ вышкахъ являлись прямо героями. Сыпался настолько частый смертоносный желѣзный дождь, что послѣ боя земля, какъ градомъ, была покрыта осколками и начинкой снарядовъ...

И въ то же время, защитники крѣпости совершали чудеса храбрости, подвозя подъ огнемъ снаряды, починяя телефонъ, а офицеры — руководя боемъ. Безъ сна, не желая даже ѣсть, доблестные защитники крѣпости отвѣчали непріятелю на

его огонь, и, судя по результатамъ, наносили ему сильный вредъ.

Артиллерія наша работала превосходно. Около нѣкоторыхъ фортовъ, особенно досаждавшихъ непріятелю, количество земляныхъ воронокъ увеличивалось особенно густо, располагаясь самымъ прихотливымъ образомъ въ различныхъ направленіяхъ; чувствовалось, что нѣмцы нащупывали опасный для нихъ фортъ...

14-го числа огонь съ ихъ стороны усилился. На Осовецъ полетѣли колоссальные „чемоданы", ложась въ районѣ крѣпости и внѣ его. Канонада не умолкала ни на минуту; германскій огонь то всей своей силой обрушивался на одинъ какой-нибудь фортъ, то распространялся по всѣмъ фронтамъ...

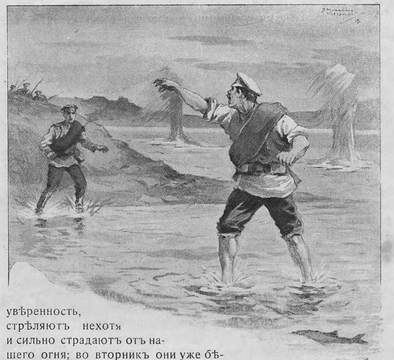
Передаютъ, что первое время было жутко, — страшное жужжаніе летящаго снаряда заставляло изъ предосторожности ложиться на землю, чтобы не быть пораненнымъ осколками, разлетающимися вверхъ и въ стороны. Сначала съ нѣкоторымъ трепетомъ слѣдили за полетомъ снаряда, стараясь угадать, куда онъ упадетъ. А потомъ такъ ко всему привыкли, что махнули рукой на всѣ предосторожности, перестали ложиться и вообще обращать вниманіе на снаряды и возможную смерть. Вошли въ азартъ и старательно дѣлали свое дѣло...

Нѣкоторые снаряды падали въ песокъ и совершенно не разрывались. Нѣкоторые падали въ воду и, разрываясь тамъ, оглушали рыбу, которая послѣ каждаго выстрѣла на нѣкоторое время всплывала брюхомъ кверху на поверхность воды.

Солдаты наши, замѣтивъ это и разсчитавъ время между двумя непріятельскими выстрѣлами, создали спортъ—бѣгать на рѣку за рыбой. И бѣгали... Такова безумная храбрость русскаго человѣка и презрѣніе къ смерти. Они также ходили спокойно за водой, несмотря на ужасный примѣръ, когда одинъ солдатъ попалъ подъ гранату и былъ разорванъ совершенно, безъ малѣйшихъ слѣдовъ,—точно испарился, какъ дымъ.

Были и большіе, осмысленные подвиги. Комендантъ одного изъ фортовъ, будучи раненъ, ушелъ изъ лазарета и, явившись на фортъ, лично руководилъ боемъ. Затѣмъ, когда загорѣлся погребъ, онъ самъ слѣзъ съ вышки и, подвергаясь ужасной опасности, тушилъ пожаръ...

Проходили дни—канонада не прекращалась, всѣ спокойно стояли на своихъ мѣстахъ; къ непріятельской канонадѣ уже привыкли, приспособились. Попытокъ къ штурму нѣмцы не дѣлали. Къ понедѣльнику уже чувствовалось, что они потеряли

увѣренность, стрѣляютъ нехотя и сильно страдаютъ отъ нашего огня; во вторникъ они уже бѣжали. Буквально бѣжали,—съ поразительной быстротой снялись съ позицій и стали отступать, бросая все, что могло имъ помѣшать. Оставленъ былъ даже автомобиль кронпринца!..

И вотъ тутъ, когда они вытягивались на дорогу, начался буквально разстрѣлъ ихъ, и ихъ бѣгство осложнилось паникой. Долго стрѣляла наша артиллерія въ отступавшаго непріятеля Съ двухъ фланговъ его сдавливали наши войска...

Непріятельскія батареи были завалены огромнымъ количествомъ зарядныхъ и снарядныхъ корзинокъ. Это свидѣтельствовало о томъ, что нѣмцы выпустили по Осовцу колоссальное количество выстрѣловъ. Взять Осовецъ „въ три дня“ имъ не удалось. Крѣпость съ честью выдержала испытаніе и заслужила неувядаемую славу, а нѣмцамъ безуспѣшная бомбардировка крѣпости обошлась не дешево. Въ безсильной злобѣ они нашлись лишь сжечь артиллерійскимъ огнемъ небольшую литовскую деревушку близъ Осовца, насчитывавшую пятьдесятъ дворовъ.

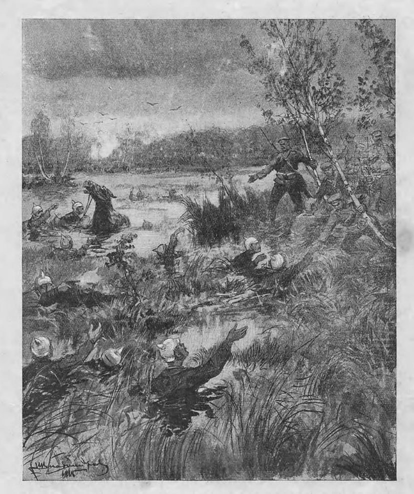
Многократными удачными вылазками было установлено, что въ бою участвовалъ отрядъ непріятельской пѣхоты, расположенный впереди батарей. Былъ предпринятъ смѣлый шагъ, завершившійся полнымъ успѣхомъ. Съ двухъ сторонъ были двинуты отряды нашей пѣхоты, а нѣкоторое время спустя, полуэскадронъ кавалеріи стремительно пустился черезъ мостовую переправу на Бобрѣ и ринулся прямо на непріятельскія батареи. Нѣмцы, видимо, не ожидали такой стремительности. Пока они наводили орудія, кавалеристы мчались впередъ. Снаряды орудій то перелетали черезъ полуэскадронъ, то не долетали. Когда кавалеристы были на полпути къ ихъ батареямъ, германцы выдвинули пѣхоту съ нѣсколькими пулеметами. Кавалеристы, достигнувъ непріятеля, пустили въ ходъ шашки. Въ это время съ обоихъ фланговъ стали заходить наши стрѣлки. Мало осталось въ живыхъ нѣмцевъ, а уцѣлѣвшіе сдались въ плѣнъ. Непріятель едва успѣлъ снять орудія съ передковъ и погрузить ихъ на автомобили. Три орудія все-же были захвачены. Кавалерія преслѣдовала удиравшую непріятельскую артиллерію 15 верстъ, пока не достигла непріятельскихъ окоповъ.

Особенно была трагична судьба одной изъ нѣмецкихъ колоннъ. Этой колоннѣ было поручено идти въ обходъ нашихъ войскъ. Пробираясь безъ дорогъ, нѣмцы попали въ болото. Наша артиллерія, зорко слѣдившая за движеніемъ непріятельской колонны, воспользовалась моментомъ и стала осыпать ее снарядами и въ то же время принялась обстрѣливать дорогу, по которой нѣмцы только что прошли. Возврата врагу не было. Спасаясь отъ убійственнаго огня русской артиллеріи, нѣмцы сдѣлали послѣднюю попытку пробраться назадъ стороной, подальше отъ обстрѣливаемой дороги, и ввязли въ трясину.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, къ болоту пробрались наши солдаты, они увидѣли страшную картину. Сотни убитыхъ и раненыхъ были разбросаны по болоту. Живые призывали на помощь, умоляя спасти ихъ. Но къ нимъ нельзя было пройти по трясинѣ, и болото засосало ихъ. Лишь сорокъ человѣкъ удалось спасти,—всѣхъ остальныхъ поглотила бездна.

Всего нѣмцы выпустили по Осовцу до сорока тысячъ снарядовъ, но наши потери отъ этой страшной бомбардировки были совершенно незначительны и исчислялись тремя—четырьмя десятками убитыхъ и немного большимъ количествомъ раненыхъ.

Особенно отличился во время бомбардировки Осовца полковникъ Мартыновъ: онъ забрался на вышку, которая уцѣлѣла

положительно какимъ-то чудомъ, такъ какъ стоявшія рядомъ съ нею деревья были снесены и расщеплены. Втеченіе трехъ сутокъ Мартыновъ не сходилъ съ вышки, сообщая по телефону, какъ нужно направлять стрѣльбу. При этомъ нужно замѣтить, что у Мартынова въ спинѣ сидѣла пуля, полученная на развѣдкѣ. Мартыновъ былъ снятъ съ вышки цѣлымъ и невредимымъ, но въ состояніи глубокаго сна. Заснулъ онъ послѣ того, какъ крѣпость перестала стрѣлять, такъ какъ до послѣдняго момента говорилъ по телефону...

Неуспѣшность операцій германцевъ въ районѣ Осовца объясняется тѣмъ, что эта крѣпость стоитъ у рѣки Бобра такъ, что часть ея фортовъ расположена на лѣвомъ, а часть—на правомъ берегу рѣки, поэтому для обложенія и осады крѣпости германскимъ войскамъ нужно было бы перейти черезъ рѣку. Но такъ какъ ни одна непріятельская часть не перешла Бобра, то они и принуждены были довольствоваться только фронтальнымъ боемъ, т. е. вести съ крѣпостью артиллерійскій бой съ одной стороны, а такія операціи противъ крѣпости не могутъ имѣть успѣха и не могутъ принести ей большого вреда. Переправа же войскъ черезъ Бобръ въ районѣ крѣпости Осовца представляетъ изъ себя значительныя трудности. Осовецъ, какъ и всякая современная крѣпость въ современной войнѣ, имѣетъ назначеніе лишь временно задержать наступленіе противника въ данномъ пунктѣ и не можетъ задержать наступленіе всей его арміи. Осовецъ выполнилъ свое назначеніе: онъ вмѣстѣ съ войсками, оборонявшими Нѣманъ, задержалъ дальнѣйшее наступленіе германскихъ войскъ на юго-востокъ съ цѣлью угрожать нашимъ сообщеніямъ и нашему правому флангу.

17 сентября уже стало извѣстно, что атаковавшія Осовецъ германскія войска начали торопливо отходить на сѣверъ. А 25 сентября было опубликовано слѣдующее сообщеніе Верховнаго Главнокомандующаго:

„Государь Императоръ, выѣхавъ вчера вечеромъ изъ ставки Верховнаго Главнокомандующаго, проѣзжая черезъ Бѣлостокъ, повелѣлъ поѣзду остановиться и прослѣдовалъ въ крѣпость Осовецъ, дабы лично поблагодарить гарнизонъ за отраженіе атаки.

Такимъ образомъ, Его Величество изволилъ быть вблизи боевой линіи.

Посѣщеніе нашего Державнаго Верховнаго Вождя объявлено мною по всѣмъ арміямъ и, я увѣренъ, воодушевитъ всѣхъ на новые подвиги, подобныхъ которымъ Святая Русь еще не видала.

Генералъ-Адъютантъ Николай“.

Въ Августовскихъ лѣсахъ.

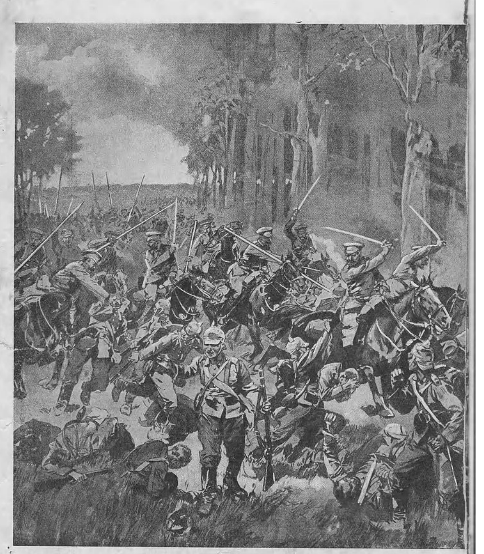
Отступленіе германскихъ войскъ отъ линіи Друскеники-Сопоцкинъ шло съ большими затрудненіями. Наши войска, пользуясь прикрытіемъ Августовскихъ лѣсовъ, покрывающихъ почти всю западную часть Августовскаго уѣзда, зашли во флангъ отступавшихъ германскихъ войскъ и вступили съ ними въ бой въ весьма неблагопріятной для боя мѣстности—среди озеръ, въ густомъ сосновомъ лѣсу. Тѣмъ не менѣе, наши войска съ боемъ спѣшно продвигались впередъ, угрожая отрѣзать непріятелю пути отступленія.

Въ Августовскихъ лѣсахъ намъ приходилось наступать, не пользуясь почти поддержкой нашей артиллеріи, дѣйствія которой въ этой лѣсистой, пересѣченной мѣстности, были бы крайне затруднены. Къ югу отъ города Августова бой шелъ въ упоръ. Особенно горячій бой завязался въ районѣ шлюза въ Бялобржеги; исходъ этого боя былъ рѣшенъ нашей обходной колонной, перешедшей августовскій каналъ у шлюза Ъорки и ударившей на Августовъ съ запада.

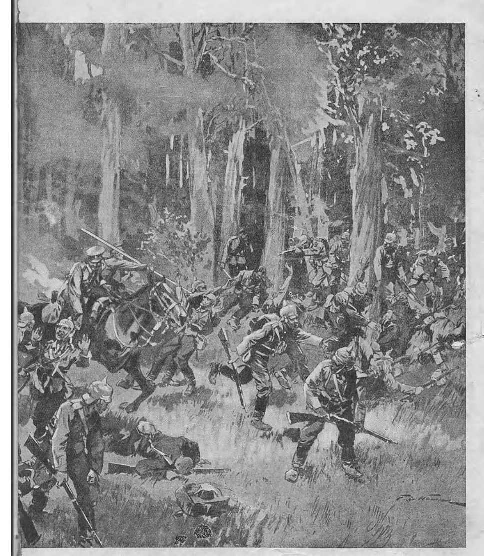
Къ сѣверу отъ Августовскихъ лѣсовъ нашимъ войскамъ приходилось атаковать германскіе арьергарды въ многочисленныхъ озерныхъ дефилэ на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Здѣсь наша пѣхота получила серьезную поддержку отъ нашей тяжелой артиллеріи, которая нанесла громадныя потери занимавшему окопы и отходившему подъ ея огнемъ непріятелю. Сраженіе велось на очень широкомъ фронтѣ. Германцы располагались и у Маріамполя и южнѣе Щучина и у Воксошъ. Пересѣченная мѣстность, крайне затруднявшая связь между войсками, раздробила сраженіе на рядъ отдѣльныхъ боевъ. И повсюду наши войска успѣшно продвигались впередъ...

По разсказамъ участниковъ, общая картина сраженія въ Августовскихъ лѣсахъ рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Наша армія подвигалась тремя колоннами на Маріамполь-Кальварія, Сувалки-Августовъ и Граево-Щучинъ. Средняя колонна шла на Августовъ. Ночь была темная. Студенный сѣверо-западный вѣтеръ вылъ не переставая ни на минуту. Лилъ докучливый дождь. Но никто не думалъ о погодѣ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали боя. Уже начинало свѣтать, когда сквозь туманъ завиднѣлся лѣсъ. Это былъ отнынѣ знаменитый Августовскій лѣсъ. Передовые разъѣзды уже донесли, что лѣсъ

этотъ занятъ сильной германской колонной. Съ нашей стороны была выслана цѣпь кавалеристовъ, затѣмъ спѣшились драгуны и казаки и выдвинули свои батареи на опредѣленныя позиціи. Особенно сильно укрѣпились германцы въ сѣверо-западной части лѣса, охраняя у себя въ тылу шоссе.

Мѣстность эта представлялась весьма неблагопріятной для дѣйствій нашей артиллеріи. Для того, чтобы выбить германцевъ изъ лѣса и укрѣпленныхъ позицій позади его, потребовалась наша пѣхота и въ особенности наши славные стрѣлки.

Въ 12 часовъ дня, послѣ двухчасового привала, началось наступленіе на виду у непріятеля на восточную часть лѣса. Пѣхота шла съ музыкой и развернутыми знаменами. Съ западной стороны лѣса германская артиллерія начала артиллерійскій бой. Тяжелые снаряды съ грохотомъ и трескомъ разрывались въ воздухѣ и падали. А наша пѣхота мужественно и бодро шла все впередъ и впередъ. Достигнувъ лѣса, наши войска къ двумъ часамъ дня успѣли занять мѣста, согласно диспозиціи. Тогда данъ былъ сигналъ къ штурму лѣса. Это было невиданное дотолѣ зрѣлище. Наступать правильнымъ строемъ было невозможно. Наши стрѣлки разсыпались по лѣсу, и здѣсь началось жаркое дѣло. Каждое дерево служило брустверомъ. Оказалось, что въ лѣсу находилась обширная поляна, которую германцы укрѣпили, и ее пришлось взять почти правильной осадой и въ штыки...

Все время, пока шелъ бой, наша артиллерія обстрѣливала укрѣпленныя германскія позиціи, находившіяся за лѣсомъ. Къ 5 часамъ дня, когда наша пѣхота углубилась въ лѣсъ, съ южной стороны лѣса въ обходъ нашимъ войскамъ, показалась огромная колонна нѣмцевъ. Немедленно было отдано приказаніе бросить на нихъ всю нашу кавалерію. Атака эта была такъ стремительна, что германцы были ошеломлены. Послѣ тридцатиминутной рѣшительной атаки нѣмцы кинулись назадъ. Но извѣщенная своевременно наша пѣхотная дивизія, находившаяся въ лѣсу, воспользовалась этой минутой, перемѣнила фронтъ налѣво, къ югу, и мгновенно отрѣзала имъ отступленіе. Здѣсь германская колонна вся погибла.

Эта прекрасная атака нашей кавалеріи сыграла рѣшающую роль. Лѣвый флангъ германской укрѣпленной позиціи уже былъ ослабленъ и представилъ свободное мѣсто для обхвата германцевъ уже нашими силами, что и было исполнено, несмотря на наступившую темноту. Германская кавалерія, числомъ не менѣе дивизіи, пыталась было остановить наше наступленіе, но уже было поздно. Наша конница стала заходить въ тылъ съ западной стороны ихъ позиціи. Тогда была выдвинута впередъ вся наша артиллерія, и первая-же граната разорвалась въ самомъ центрѣ расположенія непріятеля. Дѣйствіе нашей артиллеріи было до того ужасающе для германцевъ, что уже спустя четверть часа было признано возможнымъ приказать казакамъ выбить на коняхъ германцевъ изъ ихъ позицій.

Пока шла эта лихая казацкая атака, наши центральныя части, и пѣхота и кавалерія брали германскія укрѣпленія штурмомъ.

Отъ страшнаго артиллерійскаго огня лѣсъ запылалъ—и зарево пожара трепетно и ярко освѣтило ужасную кровавую картину. Убитые, раненые, оружіе, лошади, всякаго рода припасы—все это горѣло. А отчаянная штыковая работа внутри германскихъ укрѣпленій еще продолжалась. Бой холоднымъ оружіемъ былъ ужасенъ. Въ нѣсколько минутъ груды непріятельскихъ труповъ валялись уже вездѣ... Къ ночи канонада прекратилась, но воздухъ еще оглашался трескомъ,—это лопались раскалившіяся въ пламени пожара массы разсыпанныхъ патроновъ.

Нашимъ призомъ былъ весь германскій лагерь, въ которомъ мы захватили большіе боевые и продовольственные запасы, много разнаго оружія и плѣнныхъ...

Русскіе стрѣлки, блестяще отличившіеся въ развѣдочныхъ операціяхъ въ районѣ Мазурскихъ озеръ, во время общаго отхода нашихъ войскъ изъ Восточной Пруссіи, снова отличились въ бою подъ Августовымъ. Первой задачей нашихъ стрѣлковъ, подошедшихъ къ Августову, было укрѣпленіе фронтальныхъ позицій. На правомъ и на лѣвомъ флангѣ размѣстились батареи, сопровождавшія стрѣлковъ.

Съ фронта нѣмцы, однако, не наступали, ограничившись здѣсь только операціями полудемонстративнаго характера. Германскіе пѣхотинцы, послѣ цѣлаго ряда перебѣжекъ, подошли почти вплотную къ нашимъ позиціямъ и даже нѣсколько разъ вынуждали стрѣлковъ бросаться въ атаку, немедленно отходя, однако, назадъ и не принимая боя. Мѣстами сгрудившись плотными рядами на окопахъ, они выбрасывали бѣлый флагъ, въ знакъ сдачи, но наши солдаты, уже наученные горькимъ опытомъ, больше не вѣрили имъ и на эту мерзостную удочку не попадались!..

Бой на фронтѣ, начавшійся утромъ 14 сентября, протянулся до полудня, когда наши стрѣлки обнаружили глубокій обходъ, сдѣланный германцами съ праваго фланга, со стороны одного изъ озеръ. Переправившись въ бродъ,—вода доходила имъ по грудь,—они подъ прикрытіемъ лѣса пробрались къ позиціямъ русскихъ, увлеченныхъ операціями на фронтѣ и тяжело обрушились на нихъ.

Стрѣлки не растерялись. Нѣсколько пулеметовъ, стоявшихъ до того почти въ бездѣйствіи на правомъ флангѣ, открыли по германцамъ ожесточенный огонь. Берегъ рѣки, куда они вышли изъ лѣса, покрылся буквально горами тѣлъ въ сѣрыхъ нѣмецкихъ шинеляхъ. Это не остановило германцевъ. Не обращая вниманія на работу пулеметовъ, они шли и шли. Натискъ былъ отчаянный. Они собрали здѣсь такія колоссальныя массы, что можно было не жалѣть людей.

Но въ это время измѣнила свой прежній прицѣлъ и наша батарея, примчалась на помощь другая, и подъ ихъ жестокимъ огнемъ германцы въ паникѣ отступили.

Бой закончился къ шести часамъ вечера. Отогнавъ непріятеля верстъ на семь отъ Августова, наши стрѣлки вернулись и затѣмъ, уже подъ прикрытіемъ ночи, отошли, не имѣя возможности оказывать дальнѣйшее сопротивленіе значительно преобладавшимъ силамъ германцевъ. Возвращались стрѣлки съ тріумфомъ. Имъ не только удалось отбросить наступленіе втрое превосходившихъ ихъ непріятельскихъ силъ, нанеся имъ значительныя потери, но и завладѣть массой оружія и пулеметами. Потери стрѣлковъ были сравнительно ничтожны.

Одновременно съ завязавшимся 15 сентября подъ Августовымъ у мѣстечка Бѣлобжечь сраженіемъ, одной изъ нашихъ частей былъ отданъ приказъ форсировать переправу черезъ Августовскій каналъ съ цѣлью обойти правый флангъ расположенія нѣмецкихъ войскъ. Несмотря на бѣшенный орудійный огонь, открытый германцами по мѣсту нашей переправы, намъ тѣмъ не менѣе удалось быстро навести два прочныхъ деревянныхъ моста: къ понтонамъ, ввиду большого количества сплавляемаго въ этой мѣстности лѣса, прибѣгать не пришлось. Вскорѣ началась и переправа, которая завершилась въ полномъ порядкѣ.

Въ 2 часа дня, послѣ цѣлаго ряда стремительныхъ фронтальныхъ атакъ, поддержанныхъ сильными натисками перешедшей Августовскій каналъ колонны, германцы изъ Августова были выбиты и отступили къ опушкѣ грандіознаго Августовскаго лѣса, простирающагося на нѣсколько десятковъ верстъ

Но, повидимому, отступленіе отъ города совсѣмъ не входило въ планы германскихъ стратеговъ, такъ какъ послѣ небольшого перерыва, съ ранняго утра 16 сентября, снова загрохотали германскія гаубицы, и тяжелыя грузныя цѣпи непріятеля повели атаку на Августово.

Въ продолженіе двухъ дней шелъ ожесточенный бой за обладаніе городомъ, 17-го вечеромъ послѣднія контръ-атаки противника были отбиты и, послѣ произведеннаго нами жестокаго обстрѣла отступающаго непріятеля, наши полки заняли восточную опушку Августовскаго лѣса.

18-го сентября германцами противъ Августовскаго лѣса была сосредоточена огромная масса орудій. Колоссальнымъ количествомъ бризантныхъ снарядовъ пруссаки, казалось, хотѣли смести весь лѣсъ. Здѣсь, между прочимъ, ими былъ употребленъ слѣдующій интересный пріемъ: — всей массой своихъ орудій они обрушивались сразу на одинъ какой-нибудь пунктъ и обстрѣливали его до тѣхъ поръ, пока, по ихъ мнѣнію, тамъ не должно было остаться ни одной живой души. Въ артиллерійской дуэли прошелъ весь день.

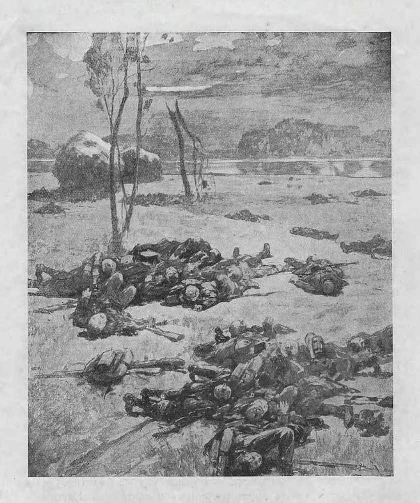
На другой день плотная завѣса тумана окутала лѣсъ и окрестности. Гдѣ-то справа и слѣва грохотали тяжелыя орудія и разрывались снаряды. Пользуясь туманомъ, какъ прикрытіемъ, германцы снова пытались выбить насъ изъ лѣса. Тамъ и сямъ сквозь плотныя завѣсы тумана замелькали расплывчатыя грузныя цѣпи противника. Они шли съ ожесточеніемъ, „напроломъ“...

Русскія батареи на время примолкли. И когда нѣмецкія колонны подошли на 800 шаговъ—стѣны тростника и лѣсныя заросли вдругъ ожили: русскіе артиллеристы открыли бѣшенный бѣглый огонь по подступавшимъ.

Нѣсколько разъ кидались нѣмцы чуть ли не на самыя жерла пушекъ—и каждый разъ обращались въ бѣгство, усѣивая путь отступленія горами труповъ и раненыхъ. Наконецъ, въ дѣло германцами были введены всѣ резервы. Катилась грозная рокочущая лава. Наши орудія ни на минуту не прекращали огонь, но и это не могло остановить обезумѣвшаго врага.

Вдругъ... справа послышалось грозное „ура“—и молодецкій правофланговый ударъ завершилъ исходъ боя. Нѣмцы бѣжали въ паническомъ страхѣ, оставивъ на полѣ сраженія около 5.000 человѣкъ. Недѣльный грандіозный бой завершился нашей грандіозной побѣдой...

Раненые въ бою подъ Августовымъ такъ описываютъ это сраженіе:

„Выбить непріятеля изъ занятыхъ имъ въ Августовѣ позицій удалось намъ послѣ упорнаго боя, продолжавшагося два дня. Въ первый день сраженіе началось послѣ обѣда и закончилось къ вечеру. Въ этотъ же день, несмотря на столь непродолжительный бой, мы сдѣлали большіе успѣхи. Непріятель былъ выбитъ изъ августовскихъ окоповъ и вынужденъ отойти. На слѣдующій день мы стали наступать съ самаго ранняго утра. Непріятель за ночь успѣлъ окопаться недалеко отъ нашихъ позицій и укрѣпиться тамъ. Мы пошли въ атаку, въ то же время стараясь обойти непріятеля. Нѣмцы отбивали наши атаки силь-

нымъ огнемъ изъ пулеметовъ. Вскорѣ намъ удалось глубоко обойти непріятеля съ лѣваго и праваго фланговъ. Противникъ вынужденъ былъ начать отступленіе. Натискъ нашихъ войскъ заставилъ ихъ вскорѣ обратиться въ бѣгство, но путь къ отступленію былъ нами заранѣе отрѣзанъ. Наведенный ими при переходѣ черезъ Нѣманъ понтонный мостъ былъ нами разрушенъ. Нѣмцы бросались въ воду, и большинство изъ нихъ утонуло. Къ ночи непріятель былъ совершенно разбитъ, мѣстность очищена отъ нѣмцевъ, и только многочисленные нѣмецкіе трупы, покрывшіе поле сраженія, свидѣтельствовали о недавнемъ нашествіи германцевъ.

Въ результатѣ этого боя наши войска овладѣли городомъ Августовымъ и нѣмецкими позиціями у Копціева. Августовъ, несмотря на пребываніе тамъ нѣмцевъ, почти совершенно не пострадалъ. Объясняется это тѣмъ, что нѣмцы, не ожидая столь рѣшительнаго наступленія нашихъ войскъ, не успѣли его разрушить"...

Наши войска съ боемъ преслѣдовали нѣмцевъ, отступавшихъ изъ предѣловъ Сувалкской и Ломжинской губерній. Къ сѣверу отъ Августовскихъ лѣсовъ приходилось атаковать германскіе арьергарды въ многочисленныхъ озерныхъ дефилэ, на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Здѣсь наша пѣхота получила серьезную поддержку отъ нашей тяжелой артиллеріи, нанесшей громадныя потери занимавшему окопы и отходившему подъ ея огнемъ непріятелю...

Пораженіе германцевъ было полное, и они безпорядочно отступили къ границамъ Восточной Пруссіи. По общимъ отзывамъ начальниковъ, наши войска въ этихъ бояхъ выказали особенное геройство и присущую имъ доблесть. Нѣкоторыя части вели бой непрерывно въ теченіе почти недѣли, при чемъ съ достоинствомъ выходили изъ самыхъ суровыхъ испытаній. Особенно тяжелыми оказались бои въ окрестностяхъ Сувалокъ, къ которымъ были стянуты большія силы германцевъ...

Такимъ образомъ, вторженіе нѣмцевъ изъ Восточной Пруссіи въ предѣлы Россіи завершилось для нихъ очень скоро полной неудачей, и они принуждены были очистить Сувалкскую и Ломжинскую губерніи.

Наступленіе нѣмцевъ на Варшаву.

Движеніе германскихъ войскъ къ Вислѣ.

Наше стремительное наступленіе вначалѣ войны на Восточную Пруссію не на шутку напугало германскій генеральный штабъ и поэтому рѣшено было перебросить съ западнаго фронта все то, что можно было взять оттуда, не нанося существеннаго вреда тѣмъ успѣхамъ, которыхъ нѣмцы, какъ они полагали, достигли, подойдя почти къ самому Парижу. И вотъ началась перевозка войскъ на восточный фронтъ.

Первымъ слѣдствіемъ ослабленія западнаго фронта было отступленіе германской арміи отъ Парижа. Вторымъ—неудачи на Марнѣ. Третьимъ—вторженіе германской арміи изъ Восточной Пруссіи въ Сувалкскую губернію, откуда нашими войсками они были отброшены. Дальнѣйшее развитіе событій явилось слѣдствіемъ массированія войскъ на восточномъ фронтѣ. Германцы рѣшили предпринять наступленіе на такъ называемомъ силезскомъ фронтѣ или, иначе говоря, на лѣвомъ берегу Вислы.

Мѣстомъ сосредоточенія германскихъ силъ явились три пункта: крѣпость Торнъ, крѣпость Бреславль и австрійская крѣпость Краковъ. Къ этимъ пунктамъ германцы стали подвозить свои войска. Кромѣ того, ранѣе германскія войска были стянуты къ Калишу и Ченстохову. Вотъ тѣ исходные пункты, съ которыхъ началось стратегическое развертываніе и наступленіе германскихъ войскъ.

Всѣ германскія войска представляли собой четыре группы приблизительно равной силы. Первая группа, сосредоточенная въ районѣ между Торномъ и Гнезномъ, имѣла задачей наступать на Влоцлавскъ и Турокъ, т. е. направленіе на юго-востокъ по лѣвому берегу Вислы. Вторая группа, сосредоточенная въ районѣ Калиша, имѣла задачу наступать на востокъ, къ Лодзи. Третья группа, базируясь на Бреславль, наступала изъ Ченстохова на Новорадомскъ—Петроковъ, т. е. на сѣверо-востокъ. Четвертая группа, состоявшая изъ австро-германскихъ войскъ, базируясь на Краковъ, сосредоточилась въ южной части Кѣлецкой губерніи, откуда должна была двинуться по лѣвому берегу Вислы въ сѣверо-восточномъ направленіи.

14-го сентября было начато наступательное движеніе австро-германскихъ армій. Наступленіе это, согласно основнымъ принципамъ германской тактики, должно было производиться самостоятельно каждой колонной, но къ опредѣленному времени всѣ колонны должны были сосредоточиться въ томъ пунктѣ, гдѣ германцы намѣревались нанести рѣшительный ударъ.

До 20 сентября движеніе германцевъ не носило еще характера чисто наступательнаго движенія. Это было скорѣе окончаніе стратегическаго развертыванья, которое къ тому времени было, повидимому, закончено, и главныя германскія силы заняли фронтъ отъ мѣстечка Бускъ, Кѣлецкой губерніи—Кѣльцы—Петроковъ—Лодзь—Кутно, Варшавской губерніи. Съ лѣваго фланга эти силы прикрывались группой германскихъ войскъ, базировавшихся на Торнъ и развернувшихся на правомъ берегу Вислы, въ Плоцкой губерніи, въ районѣ Влоцлавскъ—Рыпинъ. Правый флангъ главныхъ германскихъ силъ прикрывался австро-германскими войсками, наступавшими отъ Кракова по правому берегу Вислы на сѣверо-востокъ.

Всѣми операціями нѣмецкихъ силъ, повидимому, руководилъ самъ Вильгельмъ. Войсками центра командовалъ генералъ Гинденбургъ. Войсками ченстоховской группы руководилъ баварскій король. Прикрытіемъ праваго фланга центральныхъ силъ, т. е. австро-германскими войсками, командовалъ австрійскій генералъ Данкль, съ такимъ успѣхомъ отступавшій изъ-подъ Люблина. Главное командованіе надъ всѣми австрійскими войсками находилось въ рукахъ германскаго генеральнаго штаба, въ полное распоряженіе котораго поступили всѣ австрійскія войска.

Центральнымъ пунктомъ, на который велось наступленіе германскихъ войскъ, являлась Варшава. Правая же группа, со-

вершавшая маневръ захожденія правымъ плечомъ, имѣла цѣль угрожать лѣвому флангу нашихъ главныхъ силъ и крѣпости Ивангородъ.

Какъ германцы и австрійцы ни старались скрыть отъ нашихъ войскъ свое наступленіе, однако, это имъ не удалось, и они все-таки сами 23 сентября обнаружили наступленіе двухъ крупныхъ группъ германскихъ войскъ. Одна изъ этихъ группъ наступала со стороны Петрокова на фронтъ Мшоновъ-Гройцы, къ востоку отъ Скерневицъ. Другая, тоже достаточно сильная группа, была обнаружена при своемъ наступленіи съ фронта Кѣльцы—Новый Корчинъ, расположенный къ югу отъ Кѣлецъ, на лѣвомъ берегу Вислы. Эта группа наступала въ направленіи Опатовъ—Сандомиръ.

Послѣ нашихъ побѣдъ на галиційскомъ фронтѣ наши войска, не увлекаясь преслѣдованіемъ разбитыхъ австрійскихъ силъ, были отозваны къ выполненію основной нашей операціи, направленной противъ германцевъ, которые къ этому времени начали развертыванье своихъ войскъ въ районѣ отъ Калиша до Кракова, на фронтѣ Калишъ—Ченстоховъ—Олькушъ. Распоряженіемъ высшаго командованія наши войска стали сосредоточиваться въ районѣ Вислы, для развитія своихъ дѣйствій на лѣвомъ ея берегу. Для этого, пользуясь желѣзными дорогами праваго берега Вислы, идущими параллельно ей, мы перебросили нужныя для выполненія этихъ операцій силы въ районъ средней Вислы и, такимъ образомъ, усилили находившіяся уже тамъ наши войска.

Для прикрытія передвиженія нашихъ войскъ по правому берегу Вислы на лѣвый берегъ были высланы крупныя кавалерійскія части, поддерживаемыя пѣхотой и артиллеріей, которыя прикрывали сосредоточенье и развертыванье нашихъ войскъ.

Наши главныя силы, занявъ позиціи на лѣвомъ берегу Вислы, спокойно и увѣренно поджидали подхода врага. Уже въ концѣ сентября въ окрестностяхъ Опатова и Сандомира стали завязываться авангардные бои. 29 сентября главныя силы германцевъ и наши вошли въ соприкосновеніе, при чемъ германцы выставили многочисленную артиллерію на сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ. Съ этого момента начались упорные бои.

Первыя вѣсти о наступленіи германцевъ на Варшаву принесли бѣглецы изъ Сандомира:

— Сандомиръ занятъ нѣмцами! Непріятель приближается къ Вислѣ!..

Въ другомъ мѣстѣ, сѣвернѣе Сандомира, наши развѣдчики открыли непріятельскій отрядъ, переправлявшійся черезъ Вислу на лодкахъ и плотахъ. Здѣсь нами была устроена засада. Когда около двухъ батальоновъ нѣмцевъ переправились на нашъ берегъ — по нимъ и плотамъ былъ открытъ жестокій ружейный огонь. Охваченные паникой нѣмцы вертѣлись на своихъ плотахъ по Вислѣ, прыгали въ воду и тщетно пытались спастись вплавь. Стоявшіе на другомъ берегу нѣмцы вынуждены были быть простыми зрителями боя, такъ какъ рисковали перестрѣлять своихъ же, успѣвшихъ переправиться и упорно защищавшихся на нашемъ берегу. Изъ послѣднихъ никто не уцѣлѣлъ. Эта попытка переправы стоила нѣмцамъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ...

Навстрѣчу германцамъ, наступавшимъ къ Вислѣ, стекались наши войска, чтобы дать энергичный отпоръ зарвавшемуся врагу. Интересную картину движенія нашихъ войскъ даетъ одинъ изъ участниковъ этой операціи:

„По широкой дорогѣ отъ Люблина до Ново-Александріи катится боевая лавина. По гладкому шоссе, обсаженному вѣковыми ясенями и липами, мимо богатыхъ помѣщичьихъ фольварковъ и грязныхъ мѣстечекъ, протекаетъ живая рѣка, поспѣшая на Вислу.

Каждое мѣстечко — походный лагерь. Раскинуты этапы и полуэтапы. Походныя кухни пристроены прямо въ землѣ подъ открытымъ небомъ.

Проходятъ обозы перваго класса, полевые лазареты. Проѣзжаютъ казаки. У одного за спиною двѣ винтовки, своя и австрійская. А вотъ молодцеватый донецъ ѣдетъ верхомъ и играетъ на гармоникѣ-тальянкѣ. Звуковъ не слышно, только видно движеніе рукъ и мѣховъ.

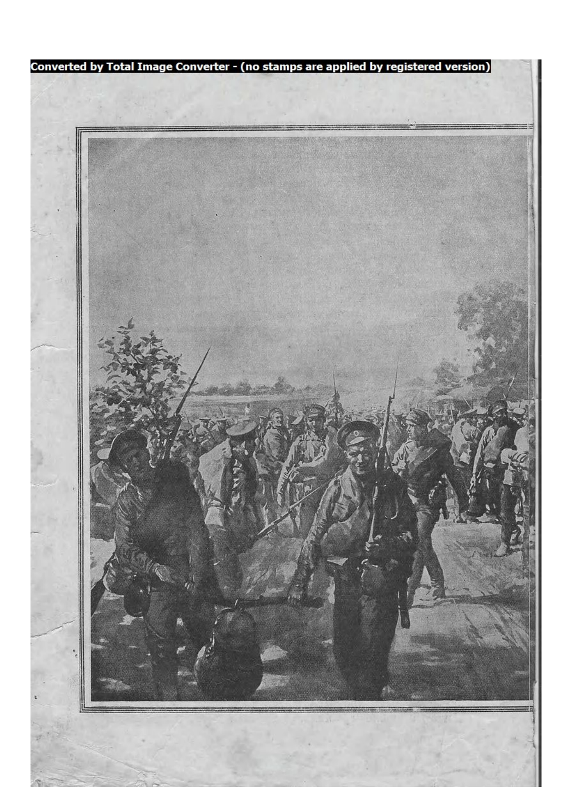
Одинъ за другимъ выступаютъ полки Суровыя, обвѣтренныя лица. Эти съ Сана пришли — изъ-за прежней границы — на Вислу, унять германскую прыть.

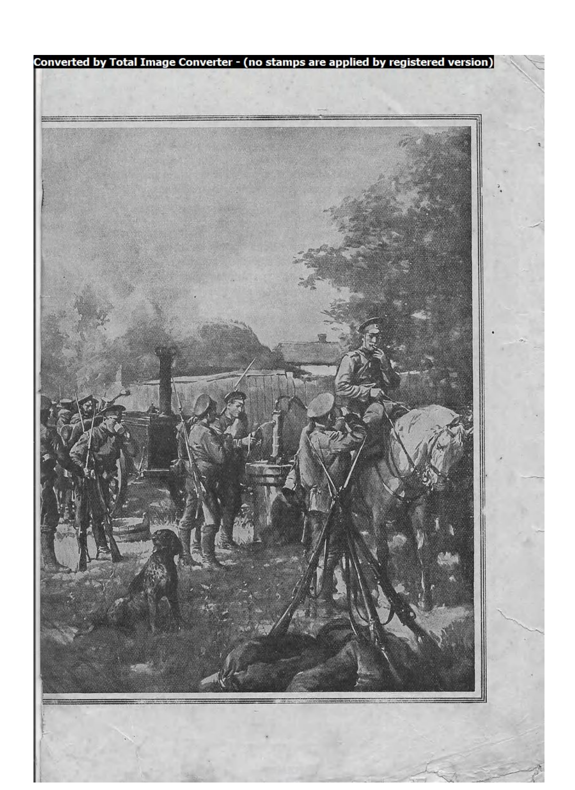
Музыка играетъ. „На бой, на бой!"— слышится въ грозномъ отрывистомъ маршѣ. Даже обозныя лошади выше поднимаютъ усталыя ноги и топаютъ копытами о землю въ тактъ призывающимъ звукамъ.

Понтоны — желѣзныя лодки на особыхъ повозкахъ, пулеметы, полевая артиллерія. Боевое и мирное смѣшалось въ странной пропорціи. У дороги свѣжуютъ корову. Приходитъ солдатикъ, очищая на ходу красную длинную свеклу. Раненный, онъ плетется, поддерживая руку, замотанную желтымъ бинтомъ. Свѣжая рана. Кровь проступаетъ сквозь бинтъ, и рука его страшно похожа на такуюже красную длинную свеклу.

Проѣхалъ полковой священникъ верхомъ, въ солдатской шинели, надѣтой поверхъ рясы. Прокатилась повозка съ денщиками и скарбомъ. Чернявый денщикъ ведетъ на смычкѣ борзую собаку. А вотъ— другая повозка, въ нее впряжены двѣ лошади— одна очень высокая, австрійская, съ подстриженнымъ хвостомъ, другая — не больше козла, съ раскоряченными ногами и хвостомъ какъ у коровы А вотъ и Красный Крестъ—сестрицы въ кожаныхъ курткахъ и высокихъ сапогахъ. Дальше—солдатикъ въ папахѣ собственной работы, передѣланной изъ австрійскаго ранца: шлыкъ не шлыкъ, папаха не папаха, а все-таки удобно. Другой — надѣлъ на себя австрійскую палатку, словно дождевой плащъ небывалаго покроя; а вонъ тотъ—щеголяетъ въ австрійскихъ щиблетахъ, добытыхъ въ бою; онъ, бѣдняжка, хромаетъ, видно ногу стеръ, оттого и щиблеты надѣлъ. А все-таки идетъ.

— На бой! На бой!—призываютъ рожки и трубы.

Сто тысячъ людей, потокъ лошадей и повозокъ! Дольется до Вислы и запрудитъ текучую воду...

Но вотъ—отворотъ на Ивангородъ. Какъ зыбь пробѣгаетъ по войскамъ боевая тревога. Съ ревомъ несутся автомобили, штабные, съ офицерскимъ составомъ. Войска разступаются, какъ волны, и смыкаются снова.

Съ тонкимъ визгомъ сиренъ проносятся гонцы на мотоpахъ: взадъ и впередъ—изъ Ивангорода въ Пулавы и обратно. Словно незримыя нити снуютъ боевыми челноками, нити, изъ которыхъ вяжется крѣпкая сѣть для нѣмцевъ...

Офицеръ проскакалъ: онъ прямо *оттуда*, весь въ пыли, и на сѣрой полѣ его шинели жуткое красное пятно.

— Бьемъ нѣмцевъ!—бросаетъ офицеръ, нагибаясь къ полковнику, и скачетъ дальше...

Ощетинились штыки, стиснулись руки у затворовъ.

— На Вислу, на Вислу!—призываютъ такъ внятно и властно рожки и мѣдныя трубы.

Катится лавина быстрѣе и быстрѣе, какъ будто съ горы, чтобы ударить съ разбѣга въ нѣмецкія полчища"...

Первыя боевыя столкновенія нашихъ войскъ съ нѣмцами на Вислѣ не отличались широкими размѣрами. Въ районѣ Сандомиръ-Опатовъ были лишь небольшія стычки. Широкая рѣка съ быстрымъ теченіемъ, прорѣзанная островами, покрытыми лѣсомъ, отдѣляла русскихъ отъ нѣмцевъ. Нашъ берегъ былъ низменный, топкій, ихъ—высокій, холмистый, мѣстами покрытый лѣсомъ. И наши войска и германскія вырыли окопы, поставили дозоры и неуклонно наблюдали другъ за другомъ.

Не желая выдать нашего расположенія, войска наши не отвѣчали на выстрѣлы, и нѣмцы, думая, что русскихъ на противоположномъ берегу нѣтъ, очень мирно устроились на своемъ берегу. Выдвинувшись къ рѣкѣ среди кустовъ, можно было видѣть въ бинокль, какъ они поодиночкѣ ходили къ рѣкѣ, какъ смѣнялись ихъ часовые, какъ за стѣною костела собирались они обѣдать. Разстояніе черезъ Вислу было слишкомъ большое, чтобы стрѣлять изъ ружей въ отдѣльныхъ людей и потому наши солдаты ограничивались наблюденіями, и только ночью выходили охотники на другую сторону для развѣдки и охраны острововъ отъ возможной переправы нѣмцевъ.

Скоро, однако, нѣмцы подвезли свою тяжелую артиллерію и начали осыпать снарядами то одну часть берега, то другую, ища наши батареи. Била эта артиллерія дальше нашей полевой, и потому отвѣчать было безплодно. Только разъ, когда нѣмцы такъ обнаглѣли, что выѣхали открыто на позицію—наша батарея открыла огонь и подбила два ихъ орудія...

Послѣ этого начался уже правильный бой. Нѣмцы все усиливали огонь, который не прекращался до самаго вечера. Участникъ этого сраженія такъ разсказываетъ о немъ:

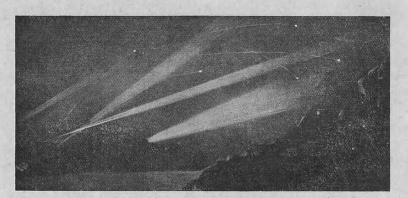
„Вдоль берега тянулись длинные, узкіе окопы, занятые нашей пѣхотой. Немного сзади, укрывшись за складками мѣстности и тоже врывшись въ землю, стояли наши батареи. Солдаты порядкомъ утомились, бой шелъ цѣлый день безъ перерыва. Съ самаго утра нѣмцы забрасывали наши позиціи снарядами тяжелыхъ и полевыхъ орудій. Не жалѣли они и ружейныхъ пуль. Наши работали не торопясь. Даже странно было смотрѣть, какъ какой-нибудь солдатъ, примостившись за кочкой, вынетъ лопату, немного самъ вроется, немного увеличитъ кочку и раньше всего постарается поудобнѣе улечься; затѣмъ, онъ тщательно осмотритъ свою винтовку, продуетъ ее, поставитъ прицѣлъ, вставитъ обойму и, не обращая вниманія на градъ нѣмецкихъ пуль, спокойно начинаетъ стрѣльбу.

Такъ же спокойно, провѣряя послѣ каждаго выстрѣла установку прицѣла, угломѣра и дистанціонной трубки и провѣряя

наводку орудія, стрѣляетъ и наша артиллерія. Если непріятельскій снарядъ находитъ жертву—выбывшаго изъ строя сейчасъ-же замѣняетъ другой номеръ,—и стрѣльба идетъ безъ перерыва, хотя бы у орудія оставалось только два номера.

Къ вечеру бой стихъ; кромѣ несшихъ охранительную, караульную и дежурную службу, всѣ погрузились въ глубокій сонъ. Ночь выдалась темная, за два шага человѣка не было видно, сырая и холодная. Но это не мѣшало сну, какъ не мѣшали и одиночные орудійные выстрѣлы съ нѣмецкаго берега, гдѣ войска были только что замѣнены свѣжими частями. Къ часу ночи выстрѣлы смолкли вовсе, и все обѣщало спокойную ночь.

Но вдругъ абсолютный мракъ прорѣзали ослѣпительные лучи прожекторовъ, и въ ту же минуту нѣмцы открыли сильнѣйшій огонь. Ружейныя и пулеметныя пули, снаряды тяже-

лыхъ и полевыхъ орудій, газубичныя бомбы положительно заполнили всю нашу позицію.

Мгновенно сна какъ не бывало. Загромыхали наши пушки, затрещала ружейная стрѣльба,—и черезъ какихъ нибудь пять минутъ одинъ изъ нѣмецкихъ прожекторовъ былъ сбитъ. Другіе испугались и потухли. Тогда заработали наши прожекторы и открыли, что нѣмцы большими массами подвинулись къ самому берегу. Въ лучахъ прожектора было отчетливо видно, какъ косили ихъ наши пули, какъ рвали шрапнели.

Дорого заплатили они за эту ночную демонстрацію, а наши солдаты, выругавъ хорошенько нѣмца, „что зря будилъ", снова, какъ ни въ чемъ не бывало, улеглись спать. Черезъ два часа стало свѣтать—и опять началась работа среди свинцоваго и стального дождя"...

Раненный въ этихъ бояхъ капитанъ Н. подробно описываетъ одну изъ атакъ нѣмцевъ въ этомъ районѣ, предпринятую ими на другой день послѣ ночной:

„Начинало разсвѣтать. Только что протрубили сборъ, и мы выѣхали къ окопу пятой роты, какъ началась канонада. Пятая рота успѣла за ночь вырыть окопъ для стрѣльбы стоя. Снаряды падали и рвались все ближе къ нашей группѣ. Горнистъ Ивановъ, георгіевскій кавалеръ, участникъ русско-японской войны, видя усиленный огонь непріятеля, соскочилъ съ лошади и лопатой вырылъ окопъ для нашего командира полковника В.; однако, полковникъ не пожелалъ имъ воспользоваться и, отдавъ нужныя приказанія, направился на лѣвый флангъ нашего окопа, взявъ съ собою меня и поручика. Огонь становился все сильнѣе и сильнѣе. Въ воздухѣ держалась страшно удушливая вонь, а глаза прямо ѣло отъ дыма. Нѣмцы стрѣляли изъ осадныхъ орудій.

Въ то время какъ мы двигались уже по окопу, поручикъ С. продолжалъ спокойно идти по верху. На предложеніе полковника спуститься внизъ и поберечь себя, поручикъ спокойно отвѣтилъ: „Все равно я уже раненъ въ руку“...

Я подбѣжалъ къ нему; рука его была въ крови,—осколкомъ шрапнели ему вырвало изъ руки кусокъ мяса...

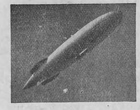
Огонь сдѣлался положительно невыносимымъ, казалось, что на каждомъ квадратномъ аршинѣ ложится снарядъ. Въ это время нѣмцы двинулись къ рѣкѣ, желая совершить переправу. Полковникъ приказалъ батальону двинуться навстрѣчу нѣмцамъ.

Бодро и спокойно тронулись наши молодцы на линію огня и, подойдя къ берегу рѣки, остановились и залегли.

Нѣмцы уже, несмотря на ледяную воду, вошли въ рѣку, чтобы перейти ее въ бродъ, слѣдуя то по поясъ, то по горло въ водѣ. Наши залпы и учащенный огонь пачками вырывалъ ихъ изъ строя сотнями, и трупы непріятеля положительно запрудили всю рѣку на мѣстѣ брода. Часть непріятеля не выдержала и бросилась назадъ, а часть кинулась на наши окопы. Однако, немногимъ удалось добѣжать до насъ.

Раздалась команда: „Въ атаку“!..

Какъ желѣзная стѣна двинулись наши стрѣлки на нѣмцевъ во главѣ со своимъ командиромъ. Нѣмцы не выдержали этого натиска и бѣжали, и только оставшіяся небольшія группы были переколоты. Три раза мы бросались на нѣмцевъ — и всѣ три раза они бѣжали отъ насъ, не принимая штыкового боя“..

Подъ Ивангородомъ.

Предпринятое еще 22-го сентября наступленіе германцевъ на Ивангородъ въ скоромъ времени перешло въ генеральные бои по всему завислинскому фронту. Ведя свой главный ударъ на крѣпость, нѣмцы вмѣстѣ съ тѣмъ пытались цѣлымъ рядомъ атакъ откинуть и прижать насъ къ Вислѣ.

25-го сентября бои разыгрались съ ужасающей силой. Нами были заняты прекрасныя позиціи. Цѣлая сѣть окоповъ, блиндажей, проволочныхъ загражденій, замаскированныхъ батарей прикрывала нашъ фронтъ. Прекрасно размѣренные артиллерійскіе полигоны съ расчищенными отъ лѣса площадями давали намъ возможность бить противника „на пораженіе".

30-го сентября дѣйствовала одна артиллерія. Артиллерійская дуэль была страшная, однако, и мы и непріятель сохранили свои позиціи.

Ночью изданъ былъ приказъ объ общемъ наступленіи. Послѣ пятидневнаго пребыванія въ окопахъ солдаты буквально ринулись въ бой. Нѣмцы бросились въ штыки, и одно время можно было думать, что дѣло кончится въ ничью. Вдругъ съ фланга раздалось могучее „ура". Это наши обошли германцевъ. Нѣмцы дрогнули и отступили. Наши при заревѣ горящихъ деревень продолжали преслѣдовать непріятеля...

Эти ночные бои имѣли совершенно фантастическій видъ. Ярко вспыхивали свѣтящіяся бомбы, высоко змѣились ракеты, бѣгали лунные лучи прожекторовъ, нащупывая каждую впадину непріятельскихъ позицій, каждую затаившуюся батарею. Наступали германцы плотными, тяжелыми цѣпями, при чемъ на этотъ разъ цѣпи германцевъ были построены по новому плану: въ первой шеренгѣ шли германскіе стрѣлки, во второй— австрійскіе, далѣе опять германскіе. Такимъ образомъ, у австрійцевъ отнималась всякая возможность бѣжать или сдаваться въ плѣнъ...

Въ то же время наступавшіе къ Ивангороду нѣмцы были тотчасъ же отброшены бѣшенымъ огнемъ крупныхъ верковъ и полевыхъ батарей. Заработали пулеметы, буквально выкашивая цѣпи противника.

Нѣсколько разъ пытались германцы перейти роковую черту нашего огня, и всякій разъ каждая такая попытка кончалась для нихъ жестокой неудачей и огромными потерями.

Съ субботы на воскресенье всѣ бои разыгрались съ еще болѣе страшной силой. Небо было все полно кровавыми отблесками, безпрерывно грохотала канонада. Нѣмцы цѣлыми толпами рвались къ желѣзнодорожному мосту. Новые и новые губительные выстрѣлы отбивали у нихъ всякую надежду пробраться къ берегу. Наконецъ, нами была предпринята стремительная контръатака. Быстро прошли по мосту наши полки и ударили на фронтъ противника тяжкимъ ударомъ.

Фронтъ врага былъ смятъ, и нѣмцы были обращены въ повальное бѣгство. При преслѣдованіи противникъ потерялъ массу плѣнныхъ. Нами взято было много оружія и пулеметовъ. Одновременно тяжелые удары на флангахъ вынудили непріятеля къ дальнѣйшему отступленію по всему фронту...

Къ утру выяснилось, что нѣмцы были отброшены на 30 верстъ, оставивъ все поле усѣяннымъ трупами...

„26-го сентября",—разсказываетъ участникъ этого боя,—„передовыя части непріятеля появились на лѣвомъ берегу Вислы. Наши развѣдчики и кавалерійскіе разъѣзды имѣли съ ними рядъ стычекъ, при чемъ въ результатѣ развѣдокъ было обнаружено присутствіе у непріятеля всѣхъ трехъ родовъ оружія.

29-го сентября мы заняли позиціи и стали ждать нѣмцевъ. Цѣлое утро слышали мы звуки канонады, а въ 3 часа дня изъ лѣса противъ насъ вышли густыя колонны непріятеля и вскорѣ подошли на ружейный выстрѣлъ. Они, повидимому, совершенно не подозрѣвали о нашемъ присутствіи и подходили все ближе, не нарушая походнаго порядка и не разсыпая цѣпей.

Намъ скомандовали стрѣлять. Наши ружья грянули, затрещали пулеметы и роемъ понеслись на нѣмцевъ пули. Подступавшія колонны остановились, заметались, сбились въ кучи; цѣлые ряды ихъ полегли, какъ подкошенные. Потомъ они бросились въ разныя стороны, устилая трупами землю, бѣжали къ лѣсу, и лишь немногіе достигли его.

Мы не преслѣдовали нѣмцевъ, а въ 5 часовъ, когда уже начало смеркаться, выступили, разсыпались цѣпями и вскорѣ подошли къ укрѣпленной нѣмцами деревнѣ, намѣреваясь атаковать ихъ подъ прикрытіемъ ночной темноты. Но нѣмцы, видимо, ждали насъ и встрѣтили шрапнелью. Начался бой, шедшій сначала въ полной тьмѣ, подъ дождемъ, сѣявшимъ съ утра. Но вотъ нашими снарядами зажгло деревню; огненный разрывъ шрапнели избороздилъ небо, запылали соломенныя кровли, сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ—и мы вошли въ деревню вслѣдъ за отступившими нѣмцами. Первое, на что мы обратили вни-

маніе — была убитая женщина, прикрывшая своимъ тѣломъ мертваго ребенка,—заурядъ-нормальный памятникъ пребыванія въ деревнѣ выродковъ культуры.

Вслѣдъ за тѣмъ съ чердаковъ послышались выстрѣлы; возмущенные солдаты подожгли уцѣлѣвшія хаты и перебили стрѣлявшихъ нѣмцевъ. Вскорѣ отъ деревни остались однѣ развалины. Мы вышли за околицу и при несмолкавшемъ артиллерійскомъ грохотѣ пошли въ атаку на нѣмецкіе окопы за деревней. Въ первый разъ мы продвинулись на полдороги и залегли, чтобы передохнуть и набраться силъ, да и огонь непріятельскій былъ чрезвычайно силенъ.

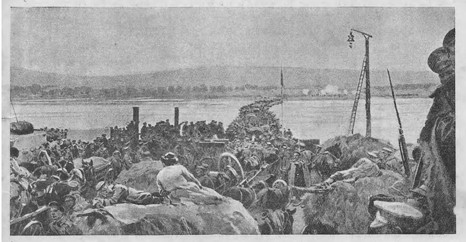
Въ 10 часовъ вечера мы кинулись во второй разъ и добѣжали до окоповъ; навстрѣчу намъ поднялись нѣмцы, готовые принять рукопашный бой,—мы сотнями штыковъ сбили ихъ обратно, ворвались внутрь, валили ихъ на дно траншеи, гдѣ уже лежали цѣлые ряды тѣлъ, кололи штыками и били прикладами. Немногіе спасшіеся бѣжали...

Вся линія окоповъ была захвачена русскими войсками, и въ одномъ мѣстѣ былъ взятъ въ плѣнъ окруженный въ окопахъ нѣмецкій батальонъ".

Офицеръ одного изъ петроградскихъ полковъ Н. К. Б., продѣлавшій труднѣйшій походъ съ боями вмѣстѣ со своимъ полкомъ съ начала августа до знаменитыхъ ивангородскихъ боевъ, разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ этихъ послѣднихъ слѣдующимъ образомъ:

„Нашъ полкъ перешелъ по понтонному мосту у Ивангорода. Еще до прихода нашихъ полковъ, доблестный гарнизонъ Ивангорода оставилъ городъ, перешелъ въ форты и окопы въ болотистой долинѣ и въ теченіе нѣсколькихъ дней сдерживалъ громадныя силы противника. Подошедшій съ нами другой полкъ развернулся и принялъ участіе въ бою въ той же болотистой долинѣ, гдѣ послѣ безпрерывныхъ дождей вода стояла въ окопахъ на полтора аршина. Солдаты откачивали ее котелками и манерками, но, конечно, ничего не могли подѣлать.

Въ сторонѣ у деревни Завады также шелъ бой. Я былъ посланъ туда на развѣдку и узналъ, что два наши полка сдер-

живаютъ тамъ непріятеля также уже нѣсколько дней. Вечеромъ подошла наша артиллерія и вступила въ бой съ надвигавшимися колоннами венгровъ.

Ночь прошла очень тревожно. Безпрерывный огонь и двѣнадцать атакъ на наши три батальона, произведенныя противникомъ при помощи артиллеріи, сильно утомили насъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ атаки были отбиты и непріятель понесъ страшный уронъ. Нѣмцы и австрійцы двигались сплошными колоннами безпрерывно и ложились подъ орудійными выстрѣлами. Всѣ взятые въ плѣнъ австрійцы оказались страшно пьяны, при чемъ изъ разспросовъ выяснилось, что они разбили невдалекѣ водочный заводъ и тамъ напились, а затѣмъ уже пошли въ атаку. Когда мы ихъ спрашивали, зачѣмъ они шли такой густой массой — они отвѣчали, что имъ приказано было во

что бы то ни стало взять наши позиціи, а бѣжать назадъ было невозможно, такъ какъ при малѣйшемъ отступленіи ихъ разстрѣливали колонны нѣмцевъ, надвигавшіяся сзади.

Утромъ адъ не прекращался; тѣ же колонны непріятеля— и тотъ же разстрѣлъ ихъ изъ нашихъ орудій. Постепенно подходили новыя части и начали переходить въ наступленіе. За отбитіе всѣхъ атакъ командиръ корпуса выразилъ намъ свою благодарность. На другой день началось наше общее наступленіе. Командующій отрядомъ вмѣстѣ съ командиромъ нашего полка для лучшаго руководства боемъ помѣстился въ деревнѣ Старыя Завады, между нашимъ и непріятельскимъ фронтами, а нашъ батальонъ — на позиціяхъ въ лѣсу, близъ деревни Новыя Завады.

Утромъ, въ виду порчи телефона, мнѣ и адъютанту полка было приказано добраться до Старыхъ Завадъ, чтобы получить дальнѣйшія распоряженія. Разстояніе около версты по вспаханному пригорку подъ градомъ орудійныхъ снарядовъ и пулеметовъ мы пробѣжали невредимо. Командиръ отряда отдалъ распоряженія и приказалъ обстрѣлять фольваркъ въ сторонѣ тяжелыми орудіями. Мнѣ пришлось возвращаться одному. Въ это время телефонъ былъ исправленъ и тѣ же самыя распоряженія были переданы по нему командиру батальона.

На обратномъ пути я попробовалъ было бѣжать, но быстро усталъ и пошелъ шагомъ. Надъ моей головой изъ-за лѣсу летѣли тяжелые снаряды нашей артиллеріи, уже открывшей стрѣльбу по фольварку, а вблизи меня рвались непріятельскіе снаряды и шрапнели. На полпути я почувствовалъ острую боль въ лѣвой ногѣ,—оказалось, что я раненъ. Странная мысль прорѣзала сознаніе: жаль было новаго сапога,—если нога распухнетъ—придется его разрѣзать. Я присѣлъ на кочку, стащилъ сапогъ, перевязалъ ногу носкомъ выше раненія, чтобы пріостановить кровь, и пошелъ дальше.

Вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня разорвался крупный бризантный снарядъ. Я поспѣшилъ спрятаться въ образовавшуюся воронку, выждалъ время и опять тронулся въ путь. По дорогѣ попались мнѣ два солдата; они взяли меня подъ руки и привели на перевязочный пунктъ. Во время перевязки по телефону сообщили, что въ домъ, гдѣ находился нашъ полковой командиръ, попалъ снарядъ и нашъ командиръ раненъ въ животъ. Наши въ это время перешли въ общее наступленіе, которое, какъ извѣстно, закончилось полнымъ разгромомъ нѣмцевъ..."

Очень яркую и подробную картину одной ночной атаки нѣмцевъ подъ Ивангородомъ даетъ корреспондентъ „Новаго Времени“, бывшій очевидцемъ ея. Онъ начинаетъ свой разсказъ съ описанія своихъ путевыхъ впечатлѣній при приближеніи къ передовымъ позиціямъ, въ поѣздѣ, ночью, — который медленно, точно ощупывая путь, въ полномъ безмолвіи, безъ гудковъ съ потушенными огнями, пробирается черезъ темный дремучій лѣсъ. „Уже который день не прекращается безконечная канонада! Сначала отъ безпрерывныхъ ударовъ въ барабанную перепонку болѣла голова, а затѣмъ къ этому привыкли. Дребезжатъ окна въ вагонѣ, наша собака, забившись подъ скамью, дрожитъ съ испугу, но мы уже не реагируемъ на грохотъ пальбы, привыкли къ близкому тылу войны и хочется поскорѣй проникнуть дальше, за этотъ темный лѣсъ, на боевое поле, гдѣ такими мирными, красивыми звѣздочками на темномъ фонѣ ночи разрываются шрапнели... Поѣздъ сталъ.

Мы — на станціи Горбатка. Направо темнымъ силуэтомъ возвышается полуразбитое станціонное зданіе и разрушенная водокачка. Надъ остроконечнымъ фономъ хвойнаго лѣса восходитъ багрово-красная луна. Между двумя ударами орудій — тишина почти зловѣщая. То тутъ, то тамъ шмыгаютъ тѣни. Странно, что при этомъ безпрерывномъ грохотѣ, рядомъ съ адомъ разрывающихся снарядовъ, всѣ мы, какъ и тѣни солдатъ, офицеровъ, санитаровъ, стараемся быть безшумными, безмолвными, незамѣтными. Какъ будто подсознательное „я“ чувствуетъ близость хозяйки мѣста—смерти и старается не попасться ей на глаза. Тихо выходимъ мы изъ вагоновъ, перебираемся черезъ канаву и углубляемся въ лѣсъ. Нѣсколько саженей проходимъ по темной чащѣ, потомъ—по холму,—и передъ нами открывается восхитительное и ужасное зрѣлище.

При тускломъ освѣщеніи низкой луны у насъ подъ ногами разыгрывается бой. Первое, что бросается въ глаза, это-

то тутъ то тамъ вспыхивающія въ небѣ звѣздочки. На темномъ фонѣ вдругъ блеснетъ огонекъ и разсыплется во всѣ стороны свѣтлыми брызгами. Но мигъ—и опять все темно, звѣздочка вспыхнула уже въ другомъ мѣстѣ. Жутко, когда подумаешь, что этотъ восхитительный всплескъ огня несетъ къ землѣ сотни смертоносныхъ пуль. Это—разрывъ шрапнели...

Невольно приковываются глаза къ этимъ огонькамъ, и за ними блуждаетъ взоръ по всѣмъ уголкамъ боевого поля.

А внизу, на землѣ—такая картина. Лѣвѣе, ближе къ намъ, шевелится какая-то темная масса, гдѣ чувствуется грозное движеніе, за ней другая, дальше—третья и т. д. Это—наши батареи. Они подготовляютъ атаку. Время отъ времени въ одной изъ темныхъ массъ блеснетъ огонекъ, за нимъ другой, третій, четвертый. Нѣсколько секундъ тишины—и съ тяжелымъ рокотомъ проносятся надъ головой четыре пушечныхъ удара. Батарея дала залпъ, несутся къ врагамъ смертоносные гостинцы. Далеко надъ непріятелемъ вспыхиваютъ звѣздочки.

А у насъ здѣсь едва замѣтной линіей окоповъ обозначается начало атаки, ружейнаго огня нѣтъ и невольно передается крайне нервное возбужденіе. Мы и не замѣчаемъ, какъ невольно сходимъ съ холма и крадучись, подражая движеніямъ войскъ, идемъ впередъ.

Вотъ вылѣзаютъ солдаты изъ своихъ земляныхъ норъ, артиллерійскій огонь понемногу утихаетъ, только все чаще, все ближе къ намъ вспыхиваютъ звѣзды нѣмецкой шрапнели. Нѣсколько минутъ жуткаго затишья. Со свистомъ и металлическимъ жужжаньемъ пролетаютъ надъ головой снаряды. Шагахъ въ пятидесяти отъ насъ вдругъ поднялся громадный столбъ песку и пыли, поднялся и медленно разсыпался туманнымъ вѣеромъ, закрывая отъ насъ наши окопы. Это огромный бризантный снарядъ закопался въ землю. И въ этотъ моментъ точно что-то подхлестнуло: громкое „ура" вдругъ разбило тишину теплой осенней ночи и покрыло собой грохотъ орудій. Наша пѣхота бросилась въ атаку!..

Видно было, какъ точно масса живыхъ шаровъ выкатилась изъ окоповъ и цѣпью покатилась туда, къ врагу. Съ ружьями на перевѣсъ, изломанной линіей катилась эта лавина. Моментъ—и вспыхнули непріятельскія ракеты. Въ воздухѣ повисли тяжелыя раскаленныя ядра, они разгорались въ гигантскія свѣчи и освѣщали всю картину боя...

Уже передніе храбрецы достигаютъ непріятельскихъ окоповъ. При сильномъ свѣтѣ сверху ряды атакующихъ съ раз-

вѣвающимся среди нихъ знаменемъ представляли необычайное зрѣлище и неестественныя краски...

Едва успѣла потухнуть сигнальная ракета, какъ раздался какой-то трескъ, изъ-за земляного вала окопа блеснулъ огонекъ, за нимъ другой — и по всей линіи, обозначая угловатые зигзаги, открылся ружейный огонь. Встрѣченныя вражескими пулями въ упоръ какъ то присѣли наши переднія линіи. Минутное замѣшательство, падающія навзничь фигуры, и безпрерывный блескъ непріятельскаго огня—все это прошло какъ въ калейдоскопѣ.

Вслѣдъ затѣмъ раздался словно вздохъ облегченія: ружейный огонь прекратился. Далеко внизу уже только време-

нами случайно стрѣляла винтовка, а въ темной массѣ перемѣшавшихся тѣлъ шелъ штыковой бой. Атака достигла цѣли: „ура“ вдругъ страшно усилилось, раскатилось и какъ будто наполнило всю равнину. „Побѣда!“—мелькнула радостная мысль...

Непріятельская артиллерія замолчала. Перестали лопаться шрапнели, а изъ-за окоповъ, точно мыши, во всѣ стороны разбѣжались фигуры. Бой разсыпался. По направленію къ лѣсу кучками бѣжалъ непріятель. Снова началась ружейная стрѣльба—но уже въ спину нѣмцамъ. Преслѣдованіе перешло на опушку, а затѣмъ—въ лѣсъ. Позиція была въ нашихъ рукахъ...

Теперь только мы оглянулись,—и блѣдные отъ волненія, но съ сіяющими лицами поздравляли другъ друга. Вдали, на умолкнувшей батареѣ видны были напряженные силуэты артиллеристовъ. Сзади насъ сгруппировались толпы испуганныхъ жителей...

На востокѣ незамѣтно появилась свѣтлая пелена. Взглянули на часы—въ исходѣ четвертый. Совершенно не замѣтили мы, какъ простояли здѣсь почти три четверти часа.

На поле битвы спускались тишина и миръ. Санитары подбирали раненыхъ. Что было тамъ, въ этомъ ужасѣ боя—все осталось позади. Мы расходились счастливые побѣдой, съ тѣмъ особеннымъ ощущеніемъ, какое бываетъ послѣ Свѣтлой заутрени. Вотъ здѣсь, на этомъ полѣ, побѣждено насиліе, тупая жестокость, и во имя торжества справедливости попрана смерть.

Нѣтъ надъ русскимъ солдатомъ власти страха смертнаго!..“

Общая картина боевъ подъ Ивангородомъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Когда непріятель появился въ виду крѣпости и сталъ осыпать ее своими тяжелыми снарядами—форты, невидимыя батареи отвѣчали своимъ убійственнымъ мѣткимъ огнемъ. Напрасно врагъ въ разныхъ направленіяхъ сѣялъ свои снаряды, напрасно сосредоточивалъ огонь то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ—крѣпость оставалась неуязвимой...

Передъ врагомъ стояла твердыня, совсѣмъ непохожая на то, что онъ зналъ, чего онъ ожидалъ, что онъ видѣлъ. Всѣ жители, которые раньше были въ крѣпости, своевременно были выселены, никто изъ посторонних не подпускался близко, и крѣпостная тайна осталась нераскрытой.

Двадцать шестого сентября, въ четыре часа, передовая цѣпь непріятеля показалась на опушкѣ стараго сосноваго лѣса. Черезъ два часа, подобравшись, они бросились на наши окопы, гдѣ засѣли стрѣлки крѣпостного гарнизона. Крѣпость открыла огонь. Снаряды ложились за наступающими колоннами, сбоку, передъ ними. Съ наблюдательныхъ пунктовъ было видно, какъ цѣлыя толпы аккуратно одѣтыхъ нѣмецкихъ солдатъ падали на мѣстѣ, растерзанныя въ куски, или бросались изъ стороны въ сторону, ища выхода изъ этого ужаснаго кольца. А стрѣлки продолжали свою работу, увѣреннымъ мѣткимъ огнемъ повергая тѣхъ, кто подходилъ ближе. Въ восемь часовъ непріятель ушелъ въ чащу лѣса...

Но первая неудача его не остановила. Ночью онъ придвинулся ближе, окопался, и на разсвѣтѣ нѣмецкія пули уже щелкали по насыпи, врѣзаясь въ придорожныя деревья и сражая нашихъ стрѣлковъ. Такъ началась атака Ивангородской крѣпости...

Двадцать дней тянулся этотъ тяжелый, невѣроятный бой. Двадцать дней гарнизонъ крѣпости и пришедшій ему на подмогу корпусъ выдерживали натискъ сначала нѣмецкой, а потомъ и австрійской арміи, проявившей здѣсь необыкновенное упорство.

Трудно описать всѣ перепитіи этого огромнаго боя, въ которомъ не случайно, и не пользуясь численнымъ превосходствомъ, а путемъ серьезной, систематической работы и неописуемой храбрости и выносливости русскаго солдата, русская армія и крѣпость вырвали побѣду изъ рукъ такого сильнаго и настойчиваго врага, какъ нѣмцы.

Казалось, что въ наше время, съ современными скорострѣльными винтовками и орудіями, бросающими за двѣнадцать

верстъ пуды стали и взрывчатыхъ веществъ, невозможно долго устоять, а между тѣмъ мы стояли.

Какъ въ Августовскихъ лѣсахъ, по дорогѣ на Радомъ, такъ и здѣсь враги наши отступали только послѣ отчаянныхъ боевъ, послѣ невѣроятнаго сопротивленія. И здѣсь всѣ холмы и дороги взрыты были по всѣмъ направленіямъ окопами. Въ лѣсахъ—цѣлые города аккуратно сдѣланныхъ нѣмцами землянокъ, гдѣ дрались наши лучшіе полки, поддержавъ свою добрую славу и заплативъ за это дорогой цѣной. Много пало здѣсь славныхъ русскихъ воиновъ, но они неудержимо, какъ лавина, гнали передъ собой врага вонъ изъ предѣловъ Россіи...

* * *

Варшава.

Центромъ стремленія трехъ германскихъ группъ, наступавшихъ между Вислой и рѣкой Пилицей, была, конечно, Варшава, съ находящимися въ ней мостовыми переправами черезъ Вислу. Наступленіе всѣми тремя группами должно было вестись съ такимъ расчетомъ, чтобы къ опредѣленному моменту всѣ наступающія войска, слившись подъ Варшавой въ одну общую линію, нанесли въ этомъ пунктѣ рѣшительный ударъ и быстрымъ натискомъ овладѣли Варшавой. Отбросивъ наши войска за Вислу, 4-я группа австро-германскихъ войскъ должна была содѣйствовать успѣху указанныхъ выше трехъ группъ, наступая къ югу отъ рѣки Пилицы на крѣпость Ивангородъ. Въ это время крупныя австрійскія силы должны были стремиться со стороны Карпатъ охватить нашъ крайній лѣвый флангъ и угрожать нашимъ путямъ сообщенія въ тылу Варшавы.

Германскія войска дѣйствовали какъ часовой механизмъ, но австрійцы, запоздали со своимъ наступленіемъ на нашъ лѣвый флангъ, преждевременно обнаружили свое движеніе и... толпами стали сдаваться въ плѣнъ. Только тѣ австрійскія части, которыя вошли въ четвертую группу германскихъ войскъ, двигаясь на Сандомиръ-Ивангородъ, шли вмѣстѣ съ германскими войсками и приблизились къ району укрѣпленія Варшавы.

Тутъ германцы укрѣпились, занявъ весьма сильную позицію и выставивъ многочисленную артиллерію какъ полевую, такъ и свои тяжелыя новыя артиллерійскія орудія. И вотъ, началось ихъ наступленіе. Они подошли почти къ самой Варшавѣ; они находились уже въ 15 верстахъ отъ этого центра всего

Царства Польскаго. Жители Варшавы съ ужасомъ прислушивались къ раскатамъ артиллерійской канонады и готовились бѣжать изъ города. Однако, комендантъ города Варшавы оповѣстилъ жителей, что приняты будутъ самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы удержать городъ въ своихъ рукахъ и не допустить дерзновеннаго врага вторгнуться въ Варшаву.

Вѣстниками приближенія германцевъ къ Варшавѣ были германскіе аэропланы, производившіе развѣдки и сбрасывавшіе на городъ бомбы. Первыя двѣ бомбы были сброшены германцами въ ихъ развѣдочномъ полетѣ позднимъ вечеромъ 26 сентября. Но обѣ онѣ не причинили существеннаго вреда. Безсмысленное и жестокое дѣло не имѣло на сей разъ своихъ обычныхъ послѣдствій. Все-же утромъ въ Варшавѣ оживленно обсуждали событія минувшаго вечера. Возбужденіе было общее. И въ горячемъ говорѣ польской рѣчи, въ сужденіяхъ варшавянъ было негодующее чувство.

— Какая гнусность бросать бомбы на головы мирныхъ жителей!—говорили они.—И какая ненужная гнусность!

Въ тотъ-же день эта „ненужная гнусность" была повторена. Къ тремъ часамъ сѣренькій денекъ 27 сентября неожиданно улыбнулся Варшавѣ яркимъ солнцемъ и сіяющимъ голубымъ небомъ. И вотъ, въ то время, когда движеніе на улицахъ, бывшее до того торопливо-дѣловымъ, усилилось безконечной лентой гуляющихъ, которая чернѣла и вилась на широкихъ тротуарахъ нарядныхъ улицъ, на почти безоблачномъ небѣ появилась всѣмъ такъ хорошо знакомая чудо-птица, съ черными крестами на крыльяхъ. Медленно навстрѣчу воздушному потоку вѣтра летѣлъ на городъ по направленію къ зарѣчной Прагѣ германскій аэропланъ. Сразу въ какія-нибудь три-четыре минуты улицы измѣнили свой обычный видъ. Остановились прохожіе, медленнѣе затрусили извозчики, на всѣхъ перекресткахъ столпились кучки людей, напряженно слѣдившихъ за полетомъ незваннаго гостя.

Со стороны цитадели что-то ухнуло, словно на землю была сброшена какая-то массивная глыба. Гдѣ-то вблизи раздался сухой трескъ ружейнаго залпа. Минута—и не очень далеко отъ аэроплана появилось красивое, бѣлоснѣжное, съ рѣзко очерченными краями, облако. То рвалась шрапнель, посылаемая навстрѣчу воздушному непріятелю.

Аэропланъ, вокругъ котораго то по одну, то по другую сторону всплывалъ на голубомъ фонѣ бѣлый дымокъ шрапнельнаго взрыва, явственно направлялся къ Вислѣ, въ сторону пражскаго предмѣстья, гдѣ расположены оба вокзала—Брестскій и

Петроградскій. Туда-же широкой волной хлынула публика, нарядная и пестрая варшавская толпа, полная стремительнаго, почти радостнаго оживленія.

Испуганныхъ лицъ не было. Но не чувствовалось и простого празднаго любопытства. Чувство, охватившее зрителей, было болѣе сложное. Тамъ, наверху, парилъ врагъ, готовый послать коварный ударъ родному городу. Незримыя батареи охраняющей Польшу русской арміи стремились противодѣйствовать разрушительнымъ намѣреніямъ воздушнаго посла враждебной Германіи. Не было силъ оторваться отъ зрѣлища борьбы съ далекимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ близкимъ непріятелемъ. И чѣмъ ближе былъ летчикъ къ цѣли своего воздушнаго путешествія, чѣмъ ниже спускался онъ надъ Прагой, тѣмъ болѣе активное участіе принимала въ его преслѣдованіи улица. Вездѣ, на мосту черезъ Вислу, на крышахъ, тротуарахъ встрѣчные солдаты поднимали свои винтовки къ небу. Со всѣхъ сторонъ щелкали взводимые курки. Короткіе частые выстрѣлы сливались въ общій трескъ ружейныхъ залповъ.

Но, совершивъ свою очередную гнусность, аэропланъ взвился на большую высоту, сдѣлавшую его еле замѣтнымъ и, подхваченный попутнымъ теченіемъ вѣтра, быстро, быстро сталъ удаляться въ сторону отъ Варшавы.

Нѣмецкія полчища, подвигаясь къ Вислѣ, заняли почти всю лѣвобережную Польшу, чѣмъ вызвали огромный наплывъ бѣглецовъ въ Варшаву, на улицахъ которой появились длинные крестьянскіе обозы, тянувшіеся подъ городомъ иногда на нѣсколько верстъ. Крестьяне бѣжали со всѣмъ своимъ убогимъ скарбомъ, съ коровами, телятами и т. п. Бѣглецами руководило, можетъ быть, не столько чувство страха, сколько нежеланіе отдавать въ руки нѣмцевъ свое добро въ качествѣ реквизиціи и боязнь участвовать въ принудительныхъ фортифика-

ціонныхъ работахъ, которыя нѣмцы предпринимали во всѣхъ занятыхъ городахъ въ большомъ масштабѣ. Бѣжавшіе, напримѣръ, изъ Ченстохова, передавали, что весь городъ окруженъ окопами и рвами довольно большой глубины. И окопы эти были созданы принудительнымъ трудомъ мѣстнаго крестьянства. Появленіе многочисленныхъ бѣглецовъ нѣсколько измѣнило внѣшній видъ Варшавы. Черезъ городъ двигались войска, тянулись деревенскія „фуры“ и повозки—все это создавало необычайную картину и ни на минуту не позволяло забывать, что театръ военныхъ дѣйствій находится совсѣмъ близко.

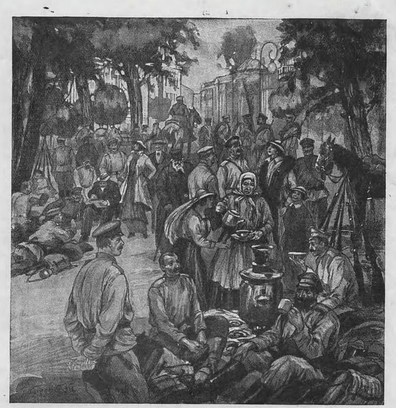
Самыми критическими для варшавскаго населенія днями были воскресенье и понедѣльникъ—29 и 30 сентября, и Варшава блестяще себя зарекомендовала въ эти дни. Общественныя организаціи, призванныя оказывать помощь населенію, спокойно и интенсивно работали. Занятія въ школахъ не прерывались. Въ конторахъ и фабрикахъ шла обычная работа. Настроеніе въ городѣ было лихорадочное, но не чувствовалось паники.

На улицахъ господствовало исключительное оживленіе. То тутъ, то тамъ можно было встрѣтить группы лицъ, бесѣдовавшихъ о текущихъ событіяхъ или наблюдавшихъ за уличнымъ движеніемъ, которое имѣло необычайный характеръ. То-и-дѣло по улицамъ проходили или проѣзжали на телѣгахъ группы людей, массами стекавшихся въ Варшаву изъ окрестностей. Очень бойко торговали булочныя и пекарни, гдѣ населеніе покупало булки и хлѣбъ „про запасъ“. Рестораны и кофейни были переполнены; за столиками шли оживленныя бесѣды.

Но особенно людно было на окраинахъ города и у заставъ. Отголоски канонады, происходившей, сравнительно, недалеко отъ города, привлекали туда массу любопытствующихъ. Въ трамвайныхъ вагонахъ, идущихъ къ заставамъ, мѣста брались съ бою. Многіе выходили даже за городъ.

Административныя власти все время нормально выполняли свои функціи. По ходатайству гражданскаго комитета утверждена была, на всякій случай, организація городской милиціи, но надобности въ ней не представилось. Телеграфъ работалъ безпрерывно и даже болѣе интенсивно, чѣмъ въ обычное время, ввиду сокращенія дѣятельности почты...

Столицѣ Польши выпала рѣдкая историческая роль не только видѣть движеніе нашей доблестной русской арміи, но и принять ее, непосредственно пережить съ ней серьезные дни великой битвы на Вислѣ.

Милліонное населеніе Варшавы съ рѣдкимъ единодушіемъ, преданностью и глубокой любовью принимало наши войска, отправлявшіяся на поле сраженія. Нужно было видѣть отдѣльныя сценки встрѣчъ мѣстнымъ населеніемъ нашихъ солдатъ, чтобы убѣдиться, насколько искренно варшавяне были проникнуты общимъ патріотическимъ настроеніемъ и любовью къ арміи.

Съ ранняго утра жители Варшавы собирались на центральныхъ улицахъ и площадяхъ, по которымъ все время двигались наши войска, при чемъ каждый старался чѣмъ-нибудь подкрѣпить и обласкать солдатъ. Женщины брали съ собой буттерброды, хлѣбъ, конфекты, мужчины—папиросы, газеты. И все это передавалось солдатамъ въ движеніи, по пути.

Можно было видѣть такія сцены. Солдаты расположились въ центрѣ города на отдыхъ. Утомленные отъ долгихъ пере-

ходовъ, они тутъ же на сырой землѣ дремали. И вотъ, добродушныя польки выносили изъ своихъ квартиръ самовары и готовили солдатамъ горячій чай: Пусть согрѣются!..

Молодежь помогала солдатамъ писать письма. Бывало, группа учащихся соберется вокругъ небольшой части, отдыхающей недалеко отъ Варшавы, устраиваетъ тутъ-же походную канцелярію и пишетъ солдатамъ письма.

Въ Варшавѣ считали для себя за честь всякую услугу, которую можно было оказать войскамъ. Забыты были старыя распри, всѣ несли свой долгъ, преисполненные чувства патріотизма. Польскія газеты въ эти смутные дни прусскаго нашествія подъ трескъ бросаемыхъ бомбъ съ цеппелиновъ и аэроплановъ, обращались къ населенію съ такими словами:

„Оставайтесь на мѣстахъ! Мы, граждане, не имѣемъ права покидать Варшаву, не имѣемъ права бѣжать изъ нашихъ отечественныхъ городовъ и селъ, это—наши сторожевые посты и, защищая ихъ, даже не будучи вооруженными, мы подаемъ примѣръ гражданскаго долга нашему простому народу и дѣтямъ нашимъ. Всѣ по мѣстамъ! Паника и тревога недостойны насъ. Умѣли мы жить на своей землѣ, сумѣемъ и умереть на ней, если то Богу будетъ угодно!..“

— Великая Россія не дастъ въ обиду Польшу!—говорили поляки.

Изъ далекой Сибири на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ мохнатыхъ лошадяхъ ѣдутъ и идутъ черезъ улицы Варшавы полки бородачей - славные сибирскіе стрѣлки и казаки изъ разныхъ угловъ обширной страны. У нихъ могучія руки и наивныя, почти дѣтскія, лица. Съ любопытствомъ смотрятъ они на жизнерадостную польскую толпу. Расфранченныя дамы, старики и дѣти всѣхъ возрастовъ суютъ имъ въ руки папиросы, шоколадъ, сдобныя печенья, и добрые глаза сѣрыхъ героевъ озаряются братской улыбкой: Спасибо, поляки! Спасибо!..

Немногіе изъ оставшихся, не взятыхъ на военную службу мужчинъ, обращались къ властямъ съ настойчивымъ вопросомъ:

— Когда же намъ дадутъ „бронь“ (оружіе), чтобы мы могли защищаться отъ швабовъ?..

Всѣ такіе поляки испытывали ужасъ при мысли—не о смерти—они съ радостью умрутъ за родину,—а о томъ, что если пруссаки возьмутъ ихъ городъ, то зачислятъ ихъ въ ряды своихъ войскъ и насильно заставятъ ихъ сражаться противъ Россіи. Здѣсь самый воздухъ былъ проникнутъ героизмомъ преданности и сознаніемъ, что надо дѣлать великое, святое дѣло...

Въ субботу 28 и въ воскресенье 29 сентября Варшава съ утра до поздней ночи слышала канонаду, доносившуюся съ лѣваго берега Вислы. Населеніе города слыхало почти безъ перерыва характерные и уже знакомые отголоски, долетавшіе со стороны южныхъ и западныхъ заставъ. Населеніе просыпалось и засыпало при этихъ отголоскахъ, пока, наконецъ, къ нимъ не привыкло. Къ 7 часамъ утра 1-го октября наступила тишина. Грохота орудій не было слышно. Не появлялись больше надъ городомъ и непріятельскіе аэропланы. Населеніе съ безпокойствомъ взирало на ясное небо, но и тамъ ничего грознаго не было видно.

Что-то измѣнилось... Начальникъ почты снова призвалъ на работу весь составъ служащихъ. Закрытыя почтовыя отдѣленія стали снова одно за другимъ открываться.

Населеніе понемногу успокаивалось и перестало лихорадочно запасаться провизіей. Отъ критическихъ дней осталась только масса бездомныхъ бѣженцевъ, надъ размѣщеніемъ и призрѣніемъ которыхъ усиленно работали благотворительныя общества.

Въ тотъ день, когда канонада стихла—красавицу Варшаву нельзя было узнать. Тротуары съ ранняго утра были залиты веселой, празднично настроенной толпой, кофейни и кондитерскія были биткомъ набиты военной и штатской публикой, и по улицамъ неслись блестящіе экипажи и автомобили. Если бы не двигавшіяся вдоль улицъ длинными вереницами кареты Краснаго Креста и военныхъ обозовъ, трудно было бы допустить, что на дняхъ у воротъ этого города грозной стѣной стоялъ непріятель.

Нѣмцамъ на сей разъ привелось побывать въ Варшавѣ, только—въ качествѣ плѣнныхъ. Весь день почти населеніе города ожидало на улицахъ „похода“ плѣнниковъ. Передавались изъ устъ въ уста самыя разнообразныя цифры: одни говорили, что плѣнныхъ около 10.000, другіе уменьшали эту цифру до нѣсколькихъ сотенъ. Энтузіасты утверждали, что колонна плѣнныхъ начинается у Мокотова, а кончается у костела Спасителя, то-есть, занимаетъ въ длину около версты.

Наконецъ, въ 10 часовъ вечера со стороны станціи узкоколейныхъ путей черезъ Маршалковскую и Іерусалимскую аллеи прошло подъ конвоемъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ—первыя ласточки русскихъ побѣдъ у Вислы. Всѣ плѣнные были невредимы и здоровы. Они заполнили почти всю площадь передъ вокзаломъ. Солдаты-плѣнные расположились на отдыхъ на пло-

щади. Сбоку стояли офицеры, привлекавшіе всеобщее вниманіе. Съ разрѣшенія властей, нѣсколько человѣкъ подошли къ бивуаку плѣнныхъ офицеровъ.

Ключомъ къ бесѣдѣ послужили папиросы и яблоки. Нѣмецкіе офицеры приняли „подаяніе", какъ должное, и продолжали довольно нахально смотрѣть на окружавшую ихъ публику, не вступая съ нею въ разговоры, — и публика перешла къ группѣ солдатъ. Среди нихъ были и австріяки и нѣмцы. Изъ числа австрійцевъ большой процентъ составляли славяне. Разговоръ съ ними завязался быстро. Поляки-простолюдины съ большой легкостью объяснялись съ чехами и словаками.

Среди плѣнныхъ было нѣсколько поляковъ-канонировъ. Тутъ-же рядомъ стояла кучка силезскихъ поляковъ изъ нѣмецкой арміи.

Плѣнники-славяне, а въ особенности силезцы, были рады, что попали въ плѣнъ, который обозначалъ для нихъ конецъ голода, холода и тяжелыхъ нравственныхъ испытаній.

— Для поляковъ въ нѣмецкой арміи,—говорилъ одинъ изъ силезцевъ:—русскій плѣнъ — спасеніе не только отъ физическихъ лишеній, но прежде всего и главнымъ образомъ—освобожденіе отъ ненавистнаго прусскаго кулака, который на нашей родной землѣ называетъ насъ не иначе, какъ „польскія свиньи", а затѣмъ посылаетъ проливать кровь нашихъ братьевъ. Попавъ въ плѣнъ, я вздохнулъ съ облегченіемъ и подумалъ съ радостью, что дастъ Богъ этотъ спасительный плѣнъ наступитъ для всей моей родной земли и для оставшейся тамъ моей семьи. Вѣдь, только тутъ, въ плѣну, я безъ опасеній разговариваю на родномъ языкѣ. На родинѣ, гдѣ я служилъ желѣзнодорожнымъ агентомъ, я лишенъ былъ права пользоваться имъ...

Изъ разсказовъ плѣнныхъ силезцевъ видно, что несмотря на строгую прусскую дисциплину, между отдѣльными частями нѣмецкихъ войскъ существуетъ глубокая непріязнь. Нѣмецкія военныя власти стараются разбрасывать нежелательный польскій элементъ въ самыхъ минимальныхъ дозахъ по разнымъ частямъ. Только при приближеніи къ Вислѣ были составлены особые отряды, такъ называемыхъ, „вассеръ-поляковъ", на которыхъ болѣе надѣялись прусскіе командиры и которыхъ хотѣли использовать въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ людомъ. Но эти надежды оказались тщетными.

— Вы знаете,—разсказывалъ другой плѣнникъ:—нѣмецкія власти до того боялись польскаго элемента въ арміи, что не-

...вшихъ како...
...частнаго врача... И до сихъ поръ
...освобожде... отъ военной службы запасные поляки не призваны...

Это очень характерный фактъ, особенно если принять во вниманіе, что сейчасъ въ Пруссіи не брезгаютъ при дополнительныхъ наборахъ ни стариками, ни мальчиками, а кое-гдѣ примѣняются и забытые уже фридриховскіе методы принудительнаго набора лицъ, не подлежащихъ призыву...

Отдѣльную группу плѣнниковъ составляли нѣсколько венгерскихъ гонведовъ. И они тоже недружелюбно отзывались объ арміи, въ рядахъ которой они сражались. Съ ненавистью и проклятіями отзывались они о нѣмецкой командѣ, которая послала ихъ на передовыя позиціи.

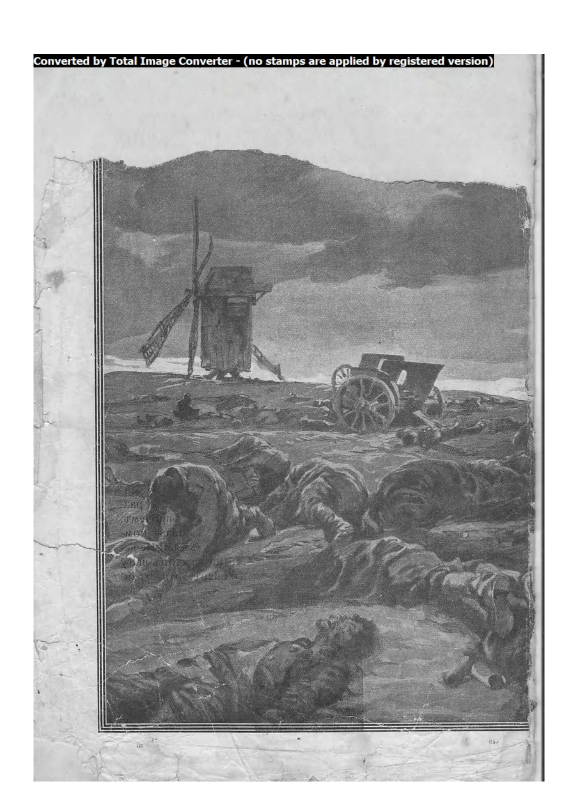
— Мы, гонведы, должны по закону отбывать службу исключительно на родинѣ, въ Венгріи,—объяснялъ одинъ изъ нихъ на какомъ-то славянско-нѣмецкомъ жаргонѣ,—а насъ прислали сюда, и вдобавокъ еще отдали подъ команду прусскихъ офицеровъ. Мы—австріяки, а не нѣмцы, и не желаемъ имѣть съ ними ничего общаго...

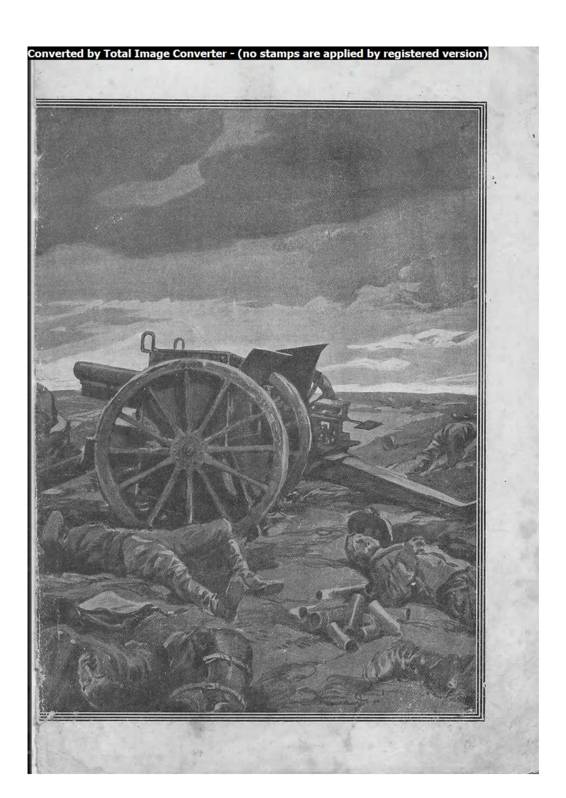
Таково было „единство“ австро-германскихъ войскъ...

Германскіе-же плѣнные только жаловались на постигшую ихъ подъ Варшавой неудачу.

— Не везетъ намъ,—сказалъ одинъ уже пожилой нѣмецкій капитанъ:—адски не везетъ! Все какъ будто заранѣе разсчитано, взвѣшено, и вдругъ какой-нибудь пустякъ... Впрочемъ, я допускаю, что могли быть ошибки и въ общемъ планѣ компаніи, но почему-же ошибки были у насъ, а не у васъ?.. Не везетъ... Эти дожди, эти дороги, на которыхъ на каждомъ шагу застряваетъ наша тяжелая артиллерія и, наконецъ, это странное населеніе...

Подъ Варшавой.

Какъ-же случилось то, что нашимъ войскамъ удалось не только не допустить нѣмецкія полчища къ Варшавѣ, но и нанести имъ рѣшительное пораженіе?..

Разбивъ австро-венгерскія арміи и, такимъ образомъ, обезпечивъ со стороны Галиціи основную нашу операцію, направленную противъ германцевъ, мы имѣли ввиду соотвѣтствующимъ образомъ сосредоточить наши арміи для развитія нашихъ военныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу Вислы.

Это рѣшеніе совпало по времени съ полученіемъ опредѣленныхъ данныхъ о развертываніи большихъ германскихъ силъ на фронтѣ Калишъ—Ченстоховъ—Олькушъ и о переходѣ ихъ въ наступленіе. Наступленіе германцевъ было начато съ большой стремительностью, поэтому въ интересахъ безопасности операцій нами рѣшено было развернуть намѣченныя силы на правомъ берегу Вислы, прикрывая это сложное движеніе отъ противника кавалерійскими массами, поддержанными пѣхотными отрядами.

При выполненіи этого сложнаго маневра отъ нѣкоторыхъ корпусовъ потребовалось прохожденіе до двухсотъ верстъ. Марши пришлось совершать подъ непрерывнымъ дождемъ, въ осеннюю распутицу, когда вода въ рѣкахъ сильно поднялась, а долины ихъ превратились въ болота. Проявивъ обычную выносливость и энергію, наши войска къ началу октября заняли новое исходное положеніе.

Къ этому времени нѣмцы, продолжая свое наступленіе, успѣли подойти къ средней Вислѣ и, увлекая за собой къ сѣверу часть австрійцевъ, прочно заняли ея лѣвый берегъ и приблизились къ району укрѣпленій Варшавы. Въ занятомъ расположеніи нашъ противникъ укрѣпился и выставилъ многочисленную артиллерію.

Съ 30-го сентября наши войска перешли въ наступленіе, въ районѣ Варшавы, стремясь постепенно расширить плацдармъ на лѣвомъ берегу Вислы и вводя въ бой новыя силы, прибывавшія по желѣзнымъ дорогамъ.

Начались титаническіе бои милліонныхъ армій на поляхъ лѣвобережной Польши. Не разъ лилась на этихъ поляхъ кровь, не разъ мутныя воды Вислы видѣли на своихъ берегахъ полчища воюющихъ сторонъ, но такой битвы народовъ не помнили сѣрыя стѣны ни Варшавскаго замка, ни замка Сандомир-

скаго воеводы Мнишека. На 250 верстъ тянулся фронтъ, на которомъ сошлись арміи двухъ враждующихъ сторонъ. Уже этотъ размѣръ фронта говоритъ самъ за себя, говоритъ за ту массу людей, которая встала съ нашей стороны на защиту родины и со стороны противника за воцареніе тевтонской гегемоніи на сушѣ и морѣ.

Ясно, что бой такой массы, бой на такомъ растянутомъ фронтѣ не могъ окончиться въ одинъ-два дня; такое сраженіе могло разрѣшиться только въ двѣ-три недѣли, то-есть, въ такой срокъ, въ какой всѣ силы воюющихъ сторонъ будутъ въ состояніи въ полной мѣрѣ развить свою мощь и рядомъ отдѣльныхъ частичныхъ побѣдъ довести противника до сознанія пораженія, до сознанія необходимости отступить, чтобы не быть окончательно уничтоженнымъ...

Въ первые-же дни сраженія уже обозначился на нашей сторонѣ перевѣсъ. Несмотря на ужасающій артиллерійскій огонь, развитый противникомъ, и на превосходныя силы германцевъ, позволявшія имъ производить фланговые обхваты—27 сентября впродолженіе цѣлаго дня мы твердо выдерживали всѣ упорныя атаки непріятеля и не уступили ни одной позиціи.

Нѣсколько разъ, въ отвѣтъ на сильный натискъ врага, наши колонны стремительной штыковой контръ-атакой далеко отбрасывали отъ своихъ позицій штурмовавшія цѣпи противника. Къ вечеру артиллерійскій бой затихъ.

Между тѣмъ, видя свою неудачу, нѣмцы попытались вознаградить себя другимъ путемъ, принявшись грабить окрестныя имѣнія, разбивая и поджигая винные погреба и строенія!..

Съ утра начался новый бой. Канонада развилась съ новой силой. Долго сдерживавшія напоръ врага наши пѣхотныя части въ серединѣ дня открыли по подходившимъ нѣмецкимъ цѣпямъ бѣглый огонь съ 400 шаговъ. Въ результатѣ, оставивъ на полѣ сраженія массу труповъ, германцы прекратили атаку и снова развили сильный штурмовой огонь. Тогда наши войска предприняли рѣшительную контръ-атаку и отбросили непріятеля на нѣсколько верстъ.

29-го сентября бой возобновился съ новой силой.

Примѣръ небывалаго мужества явила часть нашихъ войскъ, перешедшая въ небольшомъ составѣ Вислу, съ праваго берега на лѣвый. Приковавъ къ себѣ вниманіе непріятеля, наши оттянули его вглубь, гдѣ онъ подвергся неожиданному обстрѣлу нашей артиллеріи. Нѣмцы при этомъ потерпѣли большой уронъ. Понявъ, что попали въ засаду, они отступили.

Германцы, въ свою очередь, пытались нѣсколько разъ перейти Вислу, но всѣ ихъ попытки кончались неудачей. рПи одной изъ этихъ попытокъ были взяты въ плѣнъ двѣ роты солдатъ и полковникъ. Онъ важно разсѣлся въ лодкѣ съ сигарой во рту, при чемъ вмѣсто оружія имѣлъ въ рукѣ франтоватую тросточку. Въ такомъ видѣ его и взяли наши въ плѣнъ. Послѣ этого наши войска открыли стрѣльбу, въ результатѣ которой мостъ, по которому переправлялись нѣмцы, былъ снесенъ, и о переправѣ въ этомъ мѣстѣ нечего было больше и думать.

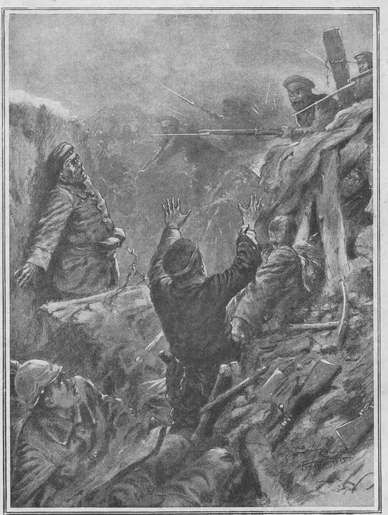
30-го сентября и 1-го октября нѣмцы отступили по всей линіи, оставивъ намъ нѣсколько орудій и много плѣнныхъ.

Въ защиту Варшавы и въ предохраненіе ея отъ ужасовъ бомбардировки русскія войска вложили особенную энергію. Въ этомъ порывѣ русскихъ войскъ воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго къ польскому народу нашло себѣ яркое подтвержденіе, и поляки могли въ немъ видѣть новое доказательство тѣснаго братскаго единенія между славянами.

Особенно отличились въ сраженіяхъ на Вислѣ сибирскіе полки. Бравые сибиряки, высаживаясь въ Прагѣ, привѣтствуемые польскимъ населеніемъ, проходили всю Варшаву непосредственно передъ вступленіемъ въ бой. Своеобразный видъ молодыхъ, энергичныхъ солдатъ въ папахахъ, многочисленныя конно-охотничьи команды, оригинальный обозъ, быстрое движеніе по улицамъ Варшавы, общій порывъ въ бой—оставляли сильное впечатлѣніе.

Въ штыковыхъ бояхъ въ Мочидловскомъ лѣсу сибиряки, разбивъ нѣмцевъ, взяли много плѣнныхъ 20-го германскаго корпуса. Пострадалъ сильно также и 17-й германскій корпусъ и резервныя части, направлявшія свой главный ударъ въ районѣ Блоне и Прушковъ. Здѣсь сибиряки, совмѣстно съ великорусскими полками, нанесли непріятелю громадныя потери.

Высокую доблесть въ этихъ бояхъ проявили также и кавказскіе полки. Втеченіе восьми дней они держались въ болотѣ на лѣвомъ берегу Вислы, гдѣ всѣ окопы заливались водой, подъ огнемъ тяжелой артиллеріи, отбивая всѣ атаки германцевъ, располагавшихъ всѣми выгодами мѣстности. Нѣкоторыя части ихъ несли большія потери: въ одномъ полку, вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ, въ бою смѣнились три командира, но кавказцы не отдали ни одной пяди земли на лѣвомъ берегу Вислы, драгоцѣнной для развертыванья другихъ нашихъ войскъ.

Въ самыя тяжелыя минуты они находили силы для перехода въ атаку и, наступая, переживали кризисъ боя.

О первомъ столкновенiи нашихъ войскъ съ нѣмцами на Вислѣ такъ разсказываетъ офицеръ—участникъ его.

„Обыкновенно, перволинейное столкновенiе не даетъ перевѣса ни той, ни другой сторонѣ, и рѣшающая роль выпадаетъ на долю резервовъ. Германцы не только упорно со-

противлялись и принимали наши штыковыя атаки, но и сами переходили въ контръ-атаки.

Послѣ артиллерійской дуэли, окончившейся въ ничью, войска схватились грудь съ грудью, и въ рукопашную схватку постепенно вводились все новыя части. Сраженіе кипѣло на довольно большомъ фронтѣ, имѣвшемъ несомнѣнное значеніе для исхода этого грандіознаго боя.

Часть нѣмецкихъ окоповъ была уже въ нашихъ рукахъ, но непріятель получилъ сильное подкрѣпленіе—и пришлось вызвать изъ резерва нашъ полкъ для парированія ударовъ пруссаковъ.

Невидимая, но твердая, руководящая рука направила насъ въ свое время и на свое мѣсто. Ординарецъ привезъ приказъ немедленно выступать скорымъ шагомъ—и мы почти бѣгомъ бросились къ линіи огня, вошли въ нее и продолжали двигаться впередъ безъ всякихъ потерь.

Но вотъ и мы сцѣпились въ рукопашной схваткѣ со свѣжими прусскими войсками; атака и контръ-атака, предпринятыя почти одновременно, разбились другъ объ друга, и жаркая сѣча грудь съ грудью кипѣла на полдорогѣ къ послѣдней укрѣпленной позиции непріятеля.

Орудія и пулеметы съ обѣихъ сторонъ замолчали. Люди, перемѣшавшись, рубили и кололи направо и налѣво. Наши молодцы неслись какъ потокъ, перескакивая уже порванныя проволочныя загражденія, трупы людей и лошадей, валяющееся оружіе и тяжело раненыхъ...

Вотъ уже мы сметаемъ отдѣльныхъ нѣмцевъ, а вотъ—и градъ пуль изъ ближайшаго окопа. Враги замѣтили новаго противника и спѣшатъ потрепать его,—но уже поздно: раздается „ура", какого я ни разу не слыхалъ въ жизни. Это не крикъ, а громъ, и вокругъ—блестящіе глаза, разгорѣвшіяся лица...

Мы врѣзываемся въ самую гущу бойцовъ, пруссаки не выдерживаютъ и бѣгутъ... Чувствую, что я безтолково машу саблей, но я задѣваю еще двухъ—трехъ нѣмцевъ, изъ которыхъ одинъ валится тяжелымъ снопомъ, другой получаетъ ударъ прикладомъ отъ сосѣдняго солдата...

„Готово, ваше благородіе!"—радостно сообщаетъ онъ мнѣ, но я уже лечу дальше за нѣмцами съ дикимъ крикомъ:

— Впередъ, ребята!..

Впереди меня бѣжитъ нѣмецкій офицеръ, котораго мнѣ хочется догнать, во что бы то ни стало. Но онъ вдругъ оборачивается съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ; я вижу типичныя

надменныя тевтонскія черты, усы стрѣлкой... Раздается сухой, короткій револьверный выстрѣлъ... Нога не моя. Хочу добѣжать до врага — и не могу, падаю, но отчетливо вижу, какъ падаетъ и бѣлокурый швабъ, пронзенный штыкомъ...

Нѣмецкая позиція была взята атакой пѣхотнаго полка, при чемъ особенно отличился нашъ батальонъ: его штыковой ударъ рѣшилъ судьбу боя"...

Объ одномъ изъ слѣдовавшихъ за этимъ боемъ мы узнаемъ подробности изъ письма другого участника боя, введеннаго вмѣстѣ съ его полкомъ въ дѣло, когда сраженіе кипѣло уже по всему фронту:

„Поѣздъ уже въ Варшавѣ. На послѣдней остановкѣ узнаемъ, что изъ вагоновъ намъ предстоитъ прямо ринуться въ бой. Настроеніе у всѣхъ наростаетъ. Едва высадились, какъ уже появились самыя свѣжія новости:

— Ваше благородіе, сказываютъ, съ ераплана нѣмецъ бумажки кидалъ, будто евонная хозяйка имянинница, такъ онъ ей Варшаву подарить хочетъ. Приказъ такой войскамъ далъ, чтобы обязательно Варшаву завтра взяли!..

— Ишь, какой щедрый!— говорятъ солдаты, оглядывая красавицу Варшаву.

По улицамъ, не умолкая, гудятъ военные автомобили, тротуары сплошь заполнены движущейся толпой. Мѣстные поляки раскланиваются съ вновь прибывшими войсками. Привѣтливо киваютъ головки женщинъ. Вотъ изъ одного окна перегибается стройная полька. Она тоже киваетъ намъ и на рукахъ покачиваетъ ребенка. Подъ грохотъ канонады намъ понятенъ этотъ жестъ.

— Не бойсь, защитимъ! — многообѣщающе бросаетъ ей бородатый наводчикъ...

Варшава уже сзади. Стройной линіей стоятъ на позиціи наши пушки. Торопливо проходятъ впередъ пѣхотныя подкрѣпленія.

— Вы ужо его, земляки, поздоровше! Поддержи, ребята!..

— Не бойсь, употчуемъ!—отвѣчаютъ наши пушкари...

И штыки валятъ дальше. Сплошной лавиной движутся туда навстрѣчу ружейной трескотнѣ. Впереди гулко громыхнуло, загудѣло. Тра-рахъ!.. И передъ батареей изъ земли выросъ густой столбъ чернаго дыма. Ударила бомба изъ „тяжелыхъ". За ней— другая, третья. Земля впереди заклубилась, вспучились бугры, болѣзненнымъ стономъ пронеслись надъ батареей осколки. Недолетъ. Ждемъ перелетовъ. Тогда попадемъ въ вилку и... тогда ужъ—кому какая судьба...

Перелетовъ нѣтъ. „Тяжелая" значитъ стоитъ на прицѣлѣ. Очередь за очередью ухаютъ наши пушки, посылая отвѣтный огонь. Снова завизжали перелетныя шрапнели. Дззз-бумъ! И съ неба, точно гигантскій дождь, зашлепали по землѣ шрапнельныя пули. Солдаты работаютъ съ нечеловѣческой энергіей. Серьезные, сосредоточенные коротко перебрасываются они отрывочными командами:

— Хоботъ вправо! Стопъ! Бомбой! Чеку!..

А впереди и справа все гудитъ отъ во-всю разболтавшихся пушекъ. „Тяжелая“ противника угомонилась. Впереди больше нѣтъ черныхъ столбовъ. Зато откуда-то сбоку, наискось, ... явились шрапнельные перелеты. Около четвертаго орудія рѣзко грянулъ шрапнельный разрывъ.

— Санитары!

Одного унесли на носилкахъ, двое обнялись вокругъ третьяго и поплелись на перевязочный...

— Бомбой!..

И снова работа въ полномъ ходу. Работа безостановочная, напряженная. Поднесенный въ бакахъ обѣдъ не дразнитъ вкуснымъ запахомъ развара. Онъ давно остылъ. Даютъ все новыя и новыя цѣли. У противника замолкаютъ батареи въ одномъ мѣстѣ, появляются новыя—въ другомъ. Оглохшее отъ канонады солнце тускло склоняется въ тучахъ на покой. Заря стушевывается на фонѣ зарева пожаровъ. Горитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ у противника, горитъ у насъ. Это подожгли бомбы. Все гуще и гуще насѣдаетъ темнота, а съ нею шире и шире распахивается по небу зарево пожаровъ. Стынетъ уже и ужинъ, а оторваться некогда. Канонада разрѣжается, порой почти смолкаетъ, и ночь вздрагиваетъ только отъ отдѣльныхъ „безпокоющихъ“ выстрѣловъ. Потомъ вдругъ, точно по уговору, снова обѣ стороны разражаются бѣшенымъ ревомъ орудій. Сна нѣтъ...

Къ утру мы потѣснили нѣмцевъ. Мы сдержали слово и поддерживаемъ земляковъ во всю. Непріятель спѣшно отходитъ. Канонада какъ-то сразу оборвалась, разсыпалась на нестройныя трели. На мгновеніе все смолкло, и пѣхота, артиллерія, обозы, резервы—все вдругъ неудержимой лавиной ринулось впередъ, вслѣдъ бѣгущему противнику.

Изъ лѣсовъ потянулись бѣжавшіе туда жители. Цѣлыми толпами высыпаютъ они навстрѣчу, радостно поздравляютъ съ побѣдой, кричатъ: Спасибо вамъ!..

Мы тоже радостно раскланиваемся въ обѣ стороны. Солдаты бросаютъ дѣтямъ сухари и хлѣбъ,—вѣдь, у нихъ все забрано нѣмцами. Провожаютъ они наши войска криками:

— Счастливаго пути! Удачи въ бою...

Никогда я не забуду маленькой дѣвочки, которая пресерьезно кричала нашимъ бородачамъ:

— „Счастья въ бою“!..

Интересенъ также разсказъ и другого офицера, участника боевъ подъ Варшавой.

„Нашъ полкъ велъ наступленіе. Предстояло обслѣдовать мѣстность и выяснить расположеніе нѣмцевъ. Мѣстность по ту сторону Вислы была неровная, недалеко отъ насъ возвышалась гора. Предполагали, что на этой горѣ долженъ быть непріятель.

Спускалась ночь, и моросившій цѣлый день дождь затихъ. Мы шли тихо, безъ говора, безъ огней. До горы дошли благополучно. Подъ горой полкъ раздѣлился,—двѣ части пошли въ обходъ съ обѣихъ сторонъ, а главныя силы—прямо въ гору. Къ разсвѣту наши охраненія, достигшія вершины, донесли о непріятелѣ.

По ту сторону гора спускалась крутыми уступами и на этихъ уступахъ виднѣлись нѣмецкіе окопы. На равнинѣ за горой была обнаружена нѣмецкая кавалерія. Едва выяснилось положеніе, какъ насъ, видимо, открыли, и по нашей части нѣмцы начали стрѣльбу изъ тяжелыхъ орудій. Стрѣляли перекиднымъ огнемъ—черезъ гору. Наши секреты и дозоры отошли къ главнымъ силамъ, и начался бой...

День засталъ насъ въ цѣпяхъ, наскоро окопавшимися, лежащими на мокрой землѣ подъ жидкими струями осенняго дождя.

Къ полудню, когда артиллерія уже достаточно, по мнѣнію нѣмцевъ, подготовила атаку, они повели наступленіе. Впереди шли густыя цѣпи въ нѣсколько рядовъ, а за ними густыя колонны. Очевидно, нѣмцы наступали энергично, съ намѣреньемъ сбить насъ сразу. Но нашла коса на камень!

Артиллерійская подготовка не причинила намъ почти никакого урона. Дѣло въ томъ, что намъ удалось занять опушку густой поросли полугоры и искуссно спрятаться въ ней.

Впереди мѣсто было совершенно открытое, и идущіе на насъ нѣмцы, когда они появлялись на вершинѣ горы, были намъ отчетливо видны на фонѣ сѣраго осенняго дня. Мы ихъ подпустили близко, шаговъ на 600, и открыли стрѣльбу изъ пулеметовъ, ружей и орудій. Боже, что стало твориться въ нѣмецкихъ рядахъ! Наши пули и снаряды буквально косили германцевъ. Ихъ цѣпи какъ шли, такъ послѣ первыхъ же залповъ и легли. Снова мы имъ подойти шаговъ на 800 давали и снова залпами и орудійнымъ огнемъ нещадно истребляли враговъ. Передніе ряды наступавшихъ колоннъ падали цѣлыми группами, а изъ середины только вырывались клубы чернаго дыма, и видно было, какъ раздавались въ стороны правильныя линіи нѣмецкаго строя. Пальба и грохотъ стали безпрерывными и слились въ одинъ всеоглушающій ревъ.

Скоро наша задача рекогносцировочнаго отряда была выполнена, и мы начали отходить съ боемъ. Мы опредѣлили силы противника и, во время обнаруживъ начатый обходъ праваго фланга ниже горы, стали отходить, нанося нѣмцамъ чувствительный уронъ“...

„Я только что вернулся съ передовыхъ позицій“,—разсказываетъ одинъ военный корреспондентъ, побывавшій на Вислѣ въ самомъ разгарѣ знаменитыхъ, грандіозныхъ боевъ, разыгрывавшихся на этой рѣкѣ:—„наблюдалъ бой жаркій, упорный. Третій день какъ не смолкаетъ канонада; по громадному фронту,

растянувшемуся на много верстъ, безпрерывно рвутся шрапнели, назойливо свистятъ пули, не утихаетъ пулеметный огонь.

Идетъ бой! Непріятель безпрерывно продолжаетъ наступать и повсюду встрѣчаетъ упорное сопротивленіе. Дѣло подходитъ къ концу: во многихъ мѣстахъ врагъ сломленъ и отброшенъ.

Непріятельскіе планы потерпѣли полное фіаско. Нѣмецкая армія, форсированнымъ маршемъ наступавшая на Варшаву, съ цѣлью переправиться на правую сторону Вислы, понесла пораженіе".

Интересны его впечатлѣнія отъ пребыванія ночью на передовомъ перевязочномъ пунктѣ: „Стали подносить съ позиціи раненыхъ. Это были непосредственныя жертвы непріятельскаго огня. Нѣкоторыхъ несли на рукахъ, другіе сами приходили на пунктъ; разрывы снарядовъ попадали, главнымъ образомъ, въ руку и ногу, рѣдко—въ грудь и въ голову. Не было стоновъ, жалобъ на боли. Стоически солдаты переносили страданія.

Работа шла успѣшно: небольшой отрядъ, въ теченіе какихъ-нибудь сорока минутъ успѣлъ перевязать, перемыть раны, накормить около двадцати раненыхъ. Потомъ началась ихъ эвакуація: раненыхъ уложили на автомобили и отправили въ ближайшій пунктъ для передачи въ госпиталь.

Густой туманъ, охватившій всю эту громадную мѣстность, перемѣшиваясь съ дымомъ, сгущалъ и безъ того невѣроятно темную и страшную даль. Трудно было что либо разобрать, и только по отдаленнымъ тусклымъ звукамъ разрыва снарядовъ и по назойливому посвистыванію пуль можно было опредѣлить, въ какомъ приблизительно мѣстѣ расположены войска и откуда несутся снаряды.

Только въ бинокль, далеко-далеко были видны сѣрыя фигуры нѣмецкой пѣхоты, направлявшейся къ нашимъ позиціямъ. Не переставая изъ окоповъ летѣли пули, и временами къ свисту и шелесту ихъ прибавлялся характерный звенящій звукъ мчавшагося снаряда.

Наша артиллерія расположилась въ ближайшемъ лѣсу, на небольшомъ холмѣ, имѣя передъ собой и за собой цѣпи пѣхоты, и ея снаряды достигали цѣли. Слышны были отдѣльные крики, несшіеся по густому лѣсу и передававшіеся на далекое пространство: „недолетъ", „перелетъ", а вслѣдъ за этимъ чей-то голосъ:

— Попали въ цѣль, снаряды ложатся гдѣ нужно!..

Постепенно орудійная пальба стала замолкать, и лишь только отдѣльные выстрѣлы давали знать, что непріятель не спитъ, что вотъ-вотъ возобновится бой.

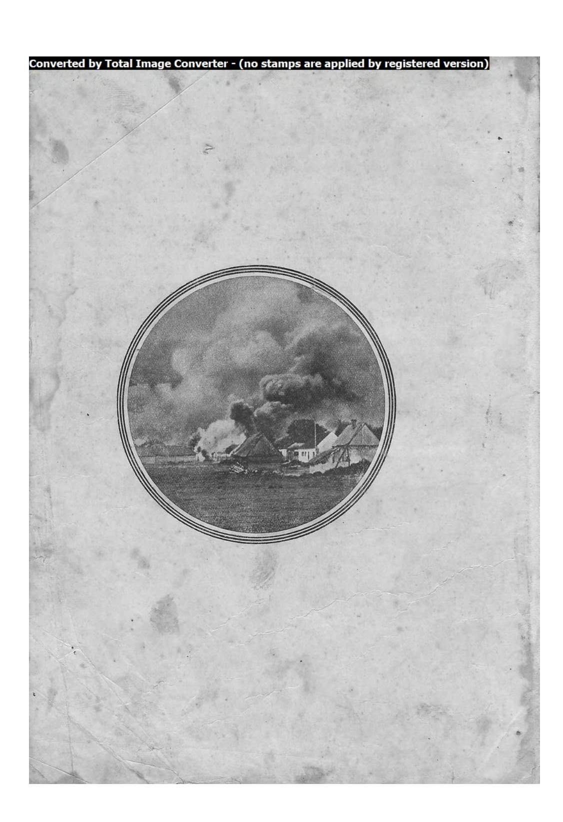
Наша славная артиллерія произвела героическую атаку, приведшую непріятельскія батареи въ исключительно хаотическое состояніе. На этотъ разъ воздушная развѣдка сыграла свою незамѣнимую роль:

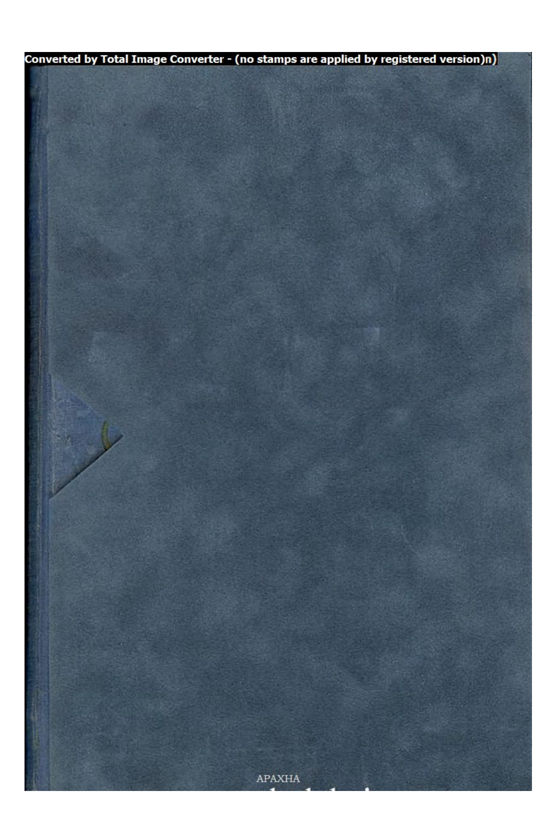
По открытому полю все время неслись непріятельскіе „чемоданы“, не достигавшіе, однако, цѣли, только два снаряда разорвались въ нашихъ окопахъ. Трудно было все же установить, въ какомъ именно мѣстѣ расположился непріятель и куда слѣдуетъ направлять снаряды. На развѣдки прибылъ аэропланъ.

Наблюдателю, находившемуся въ аппаратѣ, удалось сдѣлать рядъ прекрасныхъ снимковъ, изучить расположеніе нѣмецкихъ войскъ и подъ безпрерывнымъ обстрѣломъ нѣмецкой пѣхоты и артиллеріи благополучно вернуться къ нашей артиллеріи.

На основаніи донесеній, наша артиллерія открыла жесточайшій огонь по непріятельскимъ батареямъ и втеченіе двухъ часовъ успѣла перебить прислугу и заставила непріятеля замолчать. Этотъ обстрѣлъ обошелся нѣмецкой артиллеріи очень дорого: они потеряли болѣе десяти орудій и громадное количество снарядовъ“...

АРАХНА